С
7
Р 83
Рудченко
Башкирп
Б. 2
л. 1925

ЗАПИСКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДЕЛЕНИЮ ЭТНОГРАФИИ.
Т. XLIII, Вып. II.
Редактировали действ. члены С. Е. Малов и А. Н. Самойлович.

С
7
Р83

С. И. РУДЕНКО

БАШКИРЫ.

ОПЫТ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ МОНОГРАФИИ.

ЧАСТЬ II.

БЫТ БАШКИР.

ЛЕНИНГРАД.
1925.

418

о за уровень пластинки нёбной кости крю
ом (hamulus), конец которого загнут нескол

боральным концом крыловидной кости, телом и основан
овной кости начинается тонкий Видиев канал, по
нный нерв (nervus Vidianus), причем орально Видиев к
основную кость и открывается в клинонёбной ямке
бня основной кости.

От орального конца вентральной
тела основной кости начинается
ластинкой с полулунной вырезкой непарная
ошником (vomer) (см. рис. 74-5, 82-Р). С
хоанами и заканчивается вдоль носового п
на дне носовой полости путем слияния меди
итков верхнечелюстных костей.

расширенная часть сошника, боковые ч
вьями (ala vomeris), соединяется с
ых костей и с перпендикулярными
соединяется
риобретает форму сжатой с
костной пластинки, вдо
бокий желоб, служащ
ой перегородки.
как в них укреплены резцы
82-Z), иначе называемые резц
По всему оральному краю носовых о
верхнечелюстных костей к ним прилегаю
межчелюстные кости (os intermaxil

ЗАПИСКИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА
ПО ОТДЕЛЕНИЮ ЭТНОГРАФИИ.
Т. XLIII, Вып. II.
Редактировали действ. члены С. Е. Малов и А. Н. Самойлович.

С
7
Р83
91 (47) (05)

С. И. РУДЕНКО.

БАШКИРЫ.

ОПЫТ ЭТНОЛОГИЧЕСКОЙ МОНОГРАФИИ.

ЧАСТЬ II.

БЫТ БАШКИР.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.
197 377
БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ
Инв № 1418
2160/3

ЛЕНИНГРАД.
1925.

Печатается по распоряжению Государственного Географического Общества.
Секретарь *В. Комаров.*

Декабрь 1925 г.

Ленинградский Гублит № 1011. Тираж 1500. Заказ № 1710
Государственная типография имени Ивана Федорова, Ленинград, Звенигородская, 11

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стр.

Предисловие V

I. **Краткий обзор литературы** 1

II. **Охота и рыбная ловля.** Преследование беззащитных животных. Охота с приспособлениями в отсутствие человека: петли, капканы, сети. Стрельба из лука и из ружья. Охота при помощи прирученных животных. Снаряжение охотника. Артельное начало и территория охоты. Рыболовство — запорное, окружающее и поднимающее. Глушение и лучение рыбы. Крючковые снасти. 5

III. **Скотоводство, птицеводство и пчеловодство.** Разведение лошадей, рогатого скота, овец и коз. Верблюды. Тебеневка. Кочевание. Заготовка сена. Доение скота. Разведение кур, гусей и уток. Бортевое и пасечное пчеловодство. 35

IV. **Земледелие.** Введение. Системы хозяйства. Обработка земли. Земледельческие орудия. Уборка хлебов. Молотьба хлеба. Мельницы 59

V. **Пища.** Растительные продукты и огородничество. Молочные продукты. Животная пища. Заготовление запасов провизии. Способы приготовления пищи. Кушанья и их приготовление: молочные, мучные и мясные. Напитки 73

VI. **Техника.** Добывание огня трением. Обработка минеральных веществ. Отсутствие керамики. Обработка металлов. Обработка животных веществ: выделка мехов и кож; кожаная посуда; валяние войлока; сукно и ковры. Утилизация волоса, сухожилий и рога. Обработка растительных веществ: инструменты для обработки дерева, деревянная посуда и берестяные сосуды; кошели, плетеные из лыка; изготовление циновок и рогож; ткачество. Сплав плотов, гонка смолы и сидка дегтя 86

VII. **Одежда.** Общая одежда верхней половины тела: нагольный тулуп, кафтан, халат, шабур, камзол и бешмет. Общая одежда нижней половины тела: штаны, чулки и обувь. Мужская одежда: шуба и полушубок; кафтан и халат; верхние костюмы, сшитые в талию; сорочка, головные уборы; поясная одежда; штаны и обувь. Женская одежда: шуба, кафтан и халат; верхняя одежда, сшитая в талию; сорочка; нагрудная повязка; шейные украшения; украшения, носимые в косах; головные украшения и уборы; фартук, штаны и обувь 112

стр.

VIII. **Жилища и постройки.** Временные жилища: конусообразный шалаш; *аласык* катайцев, *агас тэрма*, войлочная кибитка; заслон; балаган; примитивный сруб. Расположение временных жилищ на кочевке. Постоянные жилища: пластовые, саманные и плетневые жилища; бревенчатая изба, ее варианты и развитие; очаг, печь и отопление. Двор и надворные постройки. Баня. Расположение жилищ в деревне; общий характер ее. Мечеть . 166

IX. **Способы и средства передвижения.** Лыжи и приспособления для переноски тяжестей. Лодка. Перекочевка. Волокуши. Седла и конская сбруя. Вьюки и переметные сумы 236

X. **Семья и род.** Сватовство, калым, экзогамия, свадьба. Номенклатура родства. Левират. Положение женщины в семье. Права наследования, тамги. Развод. Родины. Погребальные обряды . 244

XI. **Общественная жизнь и искусство.** Детские игры. Народные празднества: *карга-туй, сабан-туй, жиин*. Танцы. Содержание и мелодия песен. Музыка и музыкальные инструменты. Изобразительное искусство: шитый и резной орнаменты; тисненый на коже и чеканный 270

XII. **Верования и начатки знаний.** Одухотворение природы. Светила, гром и молния, смерч. Духи гор, пещер и лесов; водяные, домовые, хозяева ветров. Сожительства людей с духами. *Албасты*. Сон и смерть. *Убыр*. Колдуны, чернокнижники, волшебники, ворожеи. Бесогонители и лекари. Лечения болезней. Начатки знаний 298

Заключение 317

Список работ, на которые сделаны ссылки в тексте . . . 328

Предисловие.

Публикуемая работа была приготовлена к печати десять лет тому назад, но не могла быть издана Географическим Обществом вследствие особо неблагоприятных условий пережитого нами времени.

В последние годы мне неоднократно приходилось бывать среди башкир главным образом Оренбургского края и наблюдать за теми изменениями в их быту, которые неизбежно должны были произойти в годы революции. Просматривая рукопись, я пришел к выводу, что общая картина быта башкир, начерченная мною в свое время, осталась по существу тою-же, и мне пришлось ограничиться самыми незначительными дополнениями и поправками.

Исторические сведения и данные о родовом подразделении башкир были приведены в первой части настоящей работы, почему, во избежание повторений, об этих моментах во второй части отмечено только вскользь.

Описанию бытовых элементов предпослан краткий обзор этнографической литературы о башкирах, причем приняты во внимание наиболее существенные исследования. В конце книги приведен список работ, на которые сделаны ссылки в тексте. Этим списком, разумеется, не исчерпывается вся литература о башкирах, но исходя из того положения, что исчерпывающая литература зачастую не столько облегчает изучение вопроса, сколько затрудняет, я пытался отметить только наиболее существенные на мой взгляд статьи. Чтобы не загромождать текста подстрочными примечаниями, ссылки на приведенные в конце книги работы, даются в скобках, причем жирная цифра обозначает номер работы по списку; имеющиеся иногда рядом с жирными цифрами цифры, на-

бранные петитом, обозначают том или часть издания, а обычным шрифтом страницы цитируемой работы.

Текст иллюстрирован фотографиями и изображениями отдельных предметов из коллекций, собранных мною для Русского Музея. Двойные номера, имеющиеся в подписях под рисунками, соответствуют нумерации Этнографического Отдела Русского Музея, причем первая цифра означает номер коллекции, а вторая номер предмета. Изображения предметов из Музея Уральского Общества Любителей Естествознания помечены буквами У. О. Л. Е.

Для того, чтобы дать наглядное представление о том сложном племенном конгломерате, в котором живут башкиры, к книге приложена племенная карта территории, населенной башкирами, составленная Ф. А. Фиельструп и изданная Комиссией по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран при Академии Наук.

Следующие две карты, приложенные к настоящей работе, указывают границы распространения ряда бытовых элементов, а последняя представляет собою попытку разделить башкир на области и подъобласти по бытовым элементам.

С чувством товарищеской признательности отмечаю помощь, оказанную мне Б. Г. Крыжановским и Ф. А. Фиельструп, потратившим немало времени на чтение корректур.

С. Руденко.

Декабрь 1925 г.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

БЫТ БАШКИР.

I

Краткий обзор литературы.

Первые, правда, весьма скудные, сведения об образе жизни башкир мы находим у мусульманских писателей X века. Из них, например, Ибн-Фадлан, во время своего путешествия в древний Булгар, проезжавший через страну, населенную башкирами, сообщает ряд весьма интересных данных о религии башкир того времени (1). Значительно позднее, в XIII веке, кое-какие сведения о местопребывании башкир и их образе жизни дают нам западно-европейские путешественники Плано-Карпини и Вильгельм Рубрук (2, 3). В русских источниках, кроме летописи Нестора, в исторических документах о местожительстве, занятиях и пище башкир упоминается в „Книге Большому Чертежу" (4); в XVII же столетии и особенно во второй его половине мы имеем уже обстоятельные описания быта башкир. После классической „Топографии Оренбургской" Рычкова (5), в „Дневных записках" Лепехина (6) мы имеем сокровищницу безыскусно и ярко изложенных фактов, характеризующих быт современных Лепехину башкир. Весьма ценные сведения сообщает нам и Паллас, посетивший южных башкир, в своем „Путешествии по разным провинциям Российского государства" (7). Сжатое, но все же достаточно обстоятельное, описание занятий, одежды, жилища, утвари и других предметов быта башкир мы находим у Фалька в его „Beyträge zur Topographischen Kenntniss des Russischen Reichs" (8). На рубеже XVIII и XIX веков появилось первое компилятивное „Описание всех обитающих в Российском государстве народов" Георги (9), в котором автор в значительной степени использовал все материалы, имевшиеся в его время о живущих в пределах

России народностях в том числе и о башкирах. В начале XIX века Попов в „Хозяйственном описании Пермской губернии“ (10) довольно обстоятельно знакомит нас с бытом пермских башкир. После работы Попова, в первой половине прошлого столетия мы имеем довольно многочисленную серию мелких газетных и журнальных статей и заметок, посвященных башкирам и напечатанных преимущественно в оффициальных изданиях. Перечисление этих статей было бы мало интересным тем более, что в последующем изложении мы будем ссылаться на те из них, которые заключают в себе более или менее ценные для нас данные. Вторая половина прошлого века в истории изучения башкир знаменуется появлением книги Черемшанского „Описание Оренбургской губернии“ (11), где автор среди других народностей этого края дает много интересных сведений о быте башкир, не утративших своего значения до последнего времени. Эта книга дала обильный материал для ряда последующих компиляций. Среди них, как на наиболее крупные, можно указать на работы Казанцева (12), Литуновского (13) и статьи, посвященные башкирам в „Списках населенных мест“ Уфимской и Оренбургской губерний (14, 15). Со второй половины прошлого столетия, в связи с большим интересом к изучению весьма разноплеменного населения нашего отечества в более широких кругах русского общества, возникает ряд ученых обществ, ставящих одной из основных своих задач изучение быта населения России, и литература, посвященная башкирам, становится многочисленной и разнообразной. В последнее время вместе со стремлением к более глубокому изучению форм быта, происхождения отдельных племен и народов, их культурных взаимоотношений появился ряд аналитических работ по элементам быта башкир. Кроме того в многочисленных газетных заметках и журнальных статьях о башкирах мы имеем ряд небольших монографий отдельных деревень и башкирских волостей, ряд общих описаний, нередко монографического характера и, наконец, специальные работы, трактующие отдельные вопросы, касающиеся тех или иных сторон быта. Из небольших бытовых монографий отдельных районов следует отметить описание Игнатовича башкирской Бурзянской волости (16), Арнольдова санитарно-бытового очерка жизни башкир Стерлитамакского уезда (17), Баишева

деревни Зиянчуриной Орского уезда (18) и Бергхольца горных башкир-катайцев (19). Из наиболее крупных общих описаний быта башкир в это время мы имеем Флоринского „Башкирия и башкирцы“ (20), Алекторова „Башкирцы“ (21), Назарова „К этнографии башкир“ (22) и, наконец, этнографическое исследование башкир Никольского (23). По богатству и ценности материала из статей о башкирах этого времени следует отметить статьи, написанные самими башкирами, в частности Батырь-Гиреем-Юлуевым (24, 43). Специальные работы, посвященные научной разработке отдельных бытовых элементов, относятся только к последним десятилетиям. Как примеры можно указать ряд статей Рыбакова (25, 26, 27) о песнях, музыке и музыкальных инструментах башкир, Соколова (28) о башкирских тамгах Зеленина (29) о левирате у башкир.

В иностранной литературе мы имеем самые краткие сведения о башкирах в работах Уйфальви (52), сжатый бытовой очерк с картой расселения башкир в статье Юферова (49), у Соммье (51), главу посвященную башкирам в известной работе Вамбери о турках (50) и, наконец, кое какие материалы по фольклору башкир (40).

Не смотря на обилие опубликованного по этнографии башкир материала, на существующие попытки к его обобщению, как по отдельным вопросам, так и в общих монографических описаниях, у нас все же нет обстоятельной сводки всего, что известно о быте этой народности. Обширность территории, занятой башкирами, разнообразие природных условий существования в различных районах этой территории. сложное историческое прошлое башкир и их продолжительное сожительство с различными соседящими народами в высшей степени усложнило их собственный быт. Исследователи быта башкир, почерпнувшие свои сведения в изучении одного какого нибудь района, нередко весьма ограниченного, часто склонны были распространять свои заключения на всех башкир, Отсюда вытекали те бесчисленные противоречия, с которыми мы постоянно встречаемся. Те бытовые элементы, которые характерны и типичны для башкир одной местности, часто совсем неизвестны башкирам другой, более или менее удаленной местности, и наоборот. С другой стороны, трудности изучения быта башкир заключались в отсутствии этнографи-

ческих коллекций. Излишне говорить о важности коллекций при изучении материальной культуры, но при изучении и культуры духовной ни одно описание, как бы оно образно не было, не может сравниться с фотографией сцены, о которой идет речь, или даже с схематическим изображением описываемого предмета. Между тем, только у путешественников конца XVIII века мы находим рисунки одежды и некоторых предметов быта башкир. С тех пор до самого последнего времени, за исключением двух — трех башкирских предметов из Лейпцигского Музея Народоведения, изображенных в известной книге Ратцеля „Народоведение" (**30**), нам не известны рисунки ни в одной из многочисленных работ, посвященных башкирам. Они отсутствуют и в этнографической части монографии о башкирах Никольского. Благодаря Антропологической Выставке, имевшей место в Москве в 1879 г., в Румянцевский Музей в свое время поступила небольшая, но теперь единственная по редкости некоторых предметов, коллекция от зауральских башкир, состоящая преимущественно из женских костюмов. Башкирские коллекции, хранящиеся в трех краевых музеях — Уральского Общества Любителей Естествознания, Уфимском и Оренбургском — очень скромны. Сравнительно невелики собрания и нового Московского Музея Народоведения. Почти с исчерпывающей полнотой представлен быт башкир только в Этнографическом Отделе Русского Музея в Ленинграде, этом крупнейшем Музее народов России и сопредельных стран.

Возможность изучить собранные мною для Русского Музея коллекции, многочисленные заметки, накопившиеся за время экскурсий к башкирам, наконец, данные специально проведенной Русским Географическим Обществом анкеты о распространении среди башкир различных бытовых явлений, побудили меня попытаться в ряде очерков дать, по возможности, обстоятельное описание быта современных нам башкир, принимая во внимание также имеющиеся в нашем распоряжении литературные источники.

II

Охота и рыбная ловля.

Преследование беззащитных животных. Охота с приспособлениями в отсутствие человека: петли, капканы, сети. Стрельба из лука и из ружья. Охота при помощи прирученных животных. Снаряжение охотника. Артельное начало и территория охоты. Рыболовство—запорное, окружающее и поднимающее. Глушение и лучение рыбы. Крючковые снасти.

Обзор бытовых особенностей башкир мы начнем с первейшей и необходимейшей работы человека, добывания пищи для поддержания своего существования, и в первую очередь с охоты и рыболовства.

Если в настоящее время охота и рыболовство являются для башкир скорее развлечением, чем средством пропитания, то раньше они без сомнения имели существенное значение в жизни этой народности. Известно, что после покорения Башкирии ее обитатели звериными шкурами платили русскому правительству ясак (подать). В былое время пушного зверя было больше и угодья, в которых он водился, считались особенно ценными. Во всех грамотах московских царей и первых императоров российских, выданных на имя башкирских родов или на имя служилых из башкир людей в закамских землях, башкиры жаловались вотчиною „землею и речками и всякими угодьями и звериными, рыбными ловлями и бобровыми гоны“ [1].

Впрочем и в те времена экономическое значение охоты и рыболовства не для всех башкир было одинаково. Для башкир лесной зоны и в горах южного Урала звероловство было первейшим средством существования, тогда как в степях главная роль

[1] Сравн. грамоту царя Алексея Михайловича 1676 г. Перм. Губ. Вед. 1870 г. № 40.

принадлежала скотоводству. Постепенно, но систематически, с колонизацией закамских земель, с увеличением населения и истреблением леса исчезали наиболее ценные промысловые звери, а с ними угасало и звероловство, заменяясь другими способами добывания пищи и иными формами хозяйства.

Собирание яиц диких гусей, уток и различных видов чаек в широких размерах ныне практикуется только на некоторых зауральских озерах. В других местах Башкирии их или совсем не собирают, или сбором занимаются только дети. Зато преследование беззащитных животных, как зверя, так и птицы, известно едва ли не повсеместно.

Осенью, когда опадают желуди, в дубняках южного Урала (восточная часть Стерлитамакского и западная часть Орского уезда) собирается много глухарей, питающихся желудями. С первым снегом башкиры отправляются в эти дубняки добывать спящих глухарей. Один из охотников вооружается длинной дубиной, а другой несет на себе запас факелов (*срак*) из бересты или смолистых лучин. При свете факела глухари далеко видны на белом фоне снега, спят они крепко и позволяют охотнику подойти настолько близко, что их бьют просто дубиной. Этот вид охоты, хотя и продолжается короткое время, до первого значительного снега, но бывает добычлив: два охотника добывают за ночь до десятка глухарей и более.

Гоньба диких коз по насту особенно распространена в северной части башкирского Урала, преимущественно восточного его склона. Весной, после первых оттепелей и наступающих после них морозов, на снегу образуется ледяная корка, не позволяющая козам свободно бежать. В это время башкиры (катайцы) выслеживают диких коз, а иногда и лосей и преследуют их на лыжах. Животные, поминутно проваливающиеся сквозь наст и изранившие ноги, быстро бежать не могут, охотники их нагоняют и массами убивают палками. Подобный же способ охоты мы встречаем в северо-западной лесистой Башкирии (Гайнинская и Уранская башкирские дачи), кое-где по западному склону Урала (табынцы и юрматынцы). Там башкиры гоняют на лыжах (подбитых шерстью—*санга*) по глубокому снегу лисиц, волков и даже рысей. Напав на след зверя, два охотника гонятся за ним

непрерывно втечение многих часов, пока выбившийся из сил зверь не заляжет; подоспевший охотник добивает его дубиной или обухом топора. При этом преследовании зверя охотников бывает два, чаще три; бегут они один за другим по одной лыжнице: передние два гонятся за зверем, сменяя один другого, а задний несет верхнюю одежду, скинутую впереди бегущими и съестные припасы.

Гораздо многочисленнее и разнообразнее у башкир приемы ловли зверей и птиц при помощи различных ловушек. Наиболее простые из них—ямы, которые роют для волков. Роются они с осени и служат для ловли зимой. Ямы эти круглые, в диаметре около двух метров и до трех метров глубиной. Посредине такой ямы вколачивается шест, верхний конец которого слегка выставляется над краями ямы. Сверху она закрывается хворостом, засыпается снегом или соломой и снегом (11, 457). Впрочем, ямы башкиры устраивают редко, гораздо распространеннее у них всевозможные петли (*тузак*), служащие как для ловли птиц, так и для ловли зверей. Петли на птиц устраиваются следующим образом: на длинную мочальную веревку 2—3 метра длиной, на равном одна от другой расстоянии прикрепляются от 9 до 16 петель, свитых из конского волоса. Такими петлями ловят главным образом тетеревов во время их весенних токов. Эти веревки с петлями натягиваются в различных местах токовища между деревьями или специально вбитыми в землю колышками, на высоте сантиметров двадцати от земли. Во время тока в эти петли попадает много птиц. Кроме тетеревов такими же петлями башкиры ловят и уток в камышах, на тропах, по которым они ходят в хлеба, и глухарей в дубняках, где последние кормятся желудями. Если пойманная птица предназначена для продажи, то петли простые, и в них птица душится; если же она ловится для собственного потребления, то принимают меры к тому, чтобы она не удушилась в петле, так как не зарезанных, но задавившихся животных, башкирам, как мусульманам, воспрещается употреблять в пищу. В целях предохранения птиц от удушья на петлях устраиваются особые узелки, не выпускающие птицу из петли, но и не дающие ей удушиться. Петли на зайцев (*куян тузак*) делаются теперь чаще из тонкой проволоки, хотя, как и лисьи (*тыльку тузак*), бывают и из конских волос. Эти цевки или

попручки, как их называет великорусское население Приуралья, ставятся в количестве нескольких десятков на заячьих и лисьих тропах. Над тропой нагибаются небольшие деревца, к вершине которых привязываются петли, а само деревцо удерживается при помощи особой прицепки. Петля прилаживается над тропой в таком положении, чтобы проходящий по тропе зверь попал в нее головой. Как только заяц или лисица попадет в петлю, прицепка срывается и дерево, разгибаясь, поднимает зверя вверх. Иногда петля привязывается к концу тонкой жерди, прикрепленной в свою очередь к растущему возле тропы дереву, а грузом, привязанным к ее нижнему концу, уравновешивается так, что попавший в петлю зверь подымается кверху, как и на согнутом деревце. На лисьи петли одевается еще деревянная колодка, которая нажимает на шею пойманной лисицы и не дает ей перегрызть петлю. Таких петель на местах, изобилующих тропами, расставляются сотни. Охотники каждое утро осматривают свои снаряды, обирают добычу и снова их настораживают. Этот способ лова применяется главным образом осенью. Встречается он почти везде и особенно распространен у бурзян, у кипчаков и их соседей. Изредка ловят башкиры петлями также серых куропаток зимой на не свезенных с полей хлебах, хорьков и сусликов на норах, сов и проч.

Рис. 1. Колодка к *тыльку тузак*, бурзяне, 1/10 н. в. 1002 — 76.

Среди ловушек более сложного устройства, распространенных среди башкир, следует различать три рода: западни (*япма*, *ауын*), ловушки, прижимающие зверя своей тяжестью (*тапэ*) и, наконец, ударные капканы (*тапэ*, *атма*, *саут*).

Ловушки—западни *япма* и *ауын* устраиваются для ловли серых куропаток и тетеревов. На полях, возле скирд и суслонов хлеба, вбиваются в землю колья в виде конуса основанием кверху. *Япма* от *ауын* отличается только тем, что в последней посредине бывает вбит кол. Над ловушкой кладутся жердочки, к которым привязаны колосья или веточки ягод калины, которые привязываются иногда к вершине центрального кола. Куропатка или тетерев садится на жердочку, стараясь схватить ягоды калины или колосья хлеба, привя-

занные к колу; жердочка опрокидывается и птица падает в открытый конус, откуда уже не может выбраться. Одним из корреспондентов Географического Общества описана у бурзян за Уралом более сложная западня для ловли тетеревов и рябчиков. Там колья забиваются в землю по кругу и от этого цилиндра (сантим. 30 диам.) в нижней его части в стороне устроен балаганчик из палочек и ветвей, сообщающийся с цилиндром. Над кольями укреплены два колеса из двух кругов, а над ними калина или другие красные ягоды. Как только птица сядет на колесо, оно переворачивается и она падает вниз и прячется в боках балаганчика до прихода охотника. О подобной же ловушке упоминает и Казанцев (12, 56): „иногда устраивают в лесу большую корзину с закрышкою на вертеле, на которую кладут прикорм. Прильщенная этою приманкою птица лишь только спустится, тотчас проваливается в корзину".

Рис. 2. Ловушка для птиц. (Паллас).

Тапэ или плашка, так называется ловушка, состоящая из двух колод, причем верхняя приподымается и настораживается; она же придавливает попавшего под нее зверя. При одном и том же принципе устройства, *тапэ* бывают и очень маленькие, когда ими ловят мышей, и очень большие, когда настораживаются на медведя. В первом случае *тапэ* состоит из двух плоских обрубков дерева и в качестве приманки снабжается куском сала, во втором делается из бревен, и приманкой служит павшая или задранная медведем скотина. Как мышеловка, *тапэ* довольно распространенная ловушка, а как ловушку на медведя мы встретили *тапэ* только у башкир Калчир-Табынской б. д., на западном склоне Урала.

Тем же именем *тапэ* башкиры называют и ударную ловушку для мышей, горностаев и других мелких зверьков. Она состоит

из деревянного, полого внутри, обрубка (*haут*) с укрепленной в нем широкой деревянной лопаткой (*калак*). На середине обрубка вырез, в котором свободно ходит другая лопатка таких же размеров, как и нижняя. Двойная веревка (*тукан йип*) внутри обрубка, скрученная и натянутая наружными клиньями, играет роль пружины для верхней лопатки. Настороженная верхняя лопатка задерживается при помощи особой палочки—лучка (*йа*) и привязанного к ней колышка (*сирткыш*) с язычком (*тэль*). Ловушки только что описанного типа нам пришлось встречать только у горных башкир.

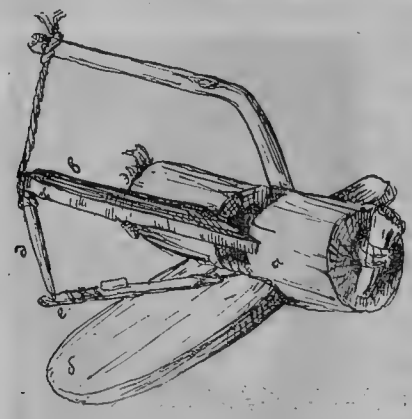


Рис. 3. Ловушка *тапэ*: *а—haут б-в—калак, г—йа, д—сирткыш, е—тэль.* 1/7 н. в. 2881—542.

Дальнейшим развитием *тапэ* является наиболее типичная для башкир и некогда широко распространенная ударная ловушка, так называемый *саут* или *haут*. *Саут* бывает маленький и употребляется для охоты на мелкого зверя—горностая, норку, ласку, а также большой—для охоты на зайца и лисицу. Устройство *саут* в общем довольно сложно: он состоит из полого деревянного барабана или цилиндра (*саут купсяк*), внутри которого проходит двойная витая веревка (*тэдря тубы, сынгыр трук*), конопляная в малом и из сухожилий в большом *саут*. Эта витая веревка, натянутая на клиньях (*калак, сига*) играет роль пружины для ударного плеча (*ук*). В средине основного цилиндра прикреплены: спереди узкая дуга из прута (*бугул,*

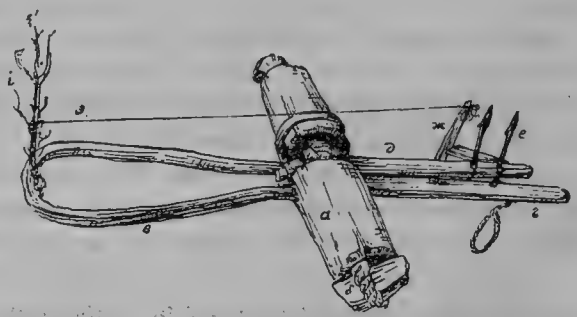


Рис. 4. *Саут*: *а—купсяк, б—сига, в—бугул, г—аткуш хигач, д—ук, е—тыш, ж—таты, з—синка, и—агас,* гайнинцы 1/12 н. в., 102—72.

йа), а сзади деревянная ручка (*аткуш хигач, калак*). В капканах на мелкого зверя дужка бывает обмотана мочалом, чтобы зверек не проскочил в ее отверстие. Другое отличие малого *саут* от большого заключается в том, что на ударном плече первого вбиты простые гвозди, в большом же укреплены подобные гарпуну острия (*тыш*) с бородкой и зазубриной. Настораживается (*саут*) при помощи деревянных курка и чекушки (*таты, тыяк*), от которого к прутику, укрепленному в вершине дуги, натянут белый конский волос. Расставляются *саут* на звериных тропах так, что на самой тропе лежит дуга. Капкан засыпается снегом, равно как и дужка его, следы тщательно заравниваются, для чего служит специальная лопата (*саут крёк*) узкая и длинная (длиннее двух метров), которую расставляющие капканы охотники всегда волочат за собой. *Саут* некогда был широко распространен у башкир, ныне же он встречается редко, в горах южного Урала да в лесах северо-западной Башкирии.

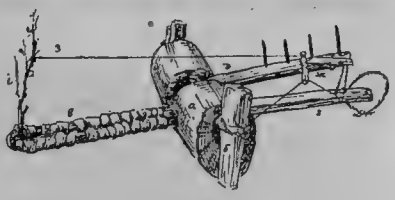


Рис. 5. *Саут*: *а—купсяк, б—сига, в—бугул, г—аткуш хигач, д—ук, е—тыш, ж—таты, з—синка, і—агас*, гайнинцы, 1/10 н. в., 1002—73.

По р. Белой и ее притокам встречается кое-где, а у табынцев даже в большом количестве, еще один тип деревянного капкана—так называемая *атма*, хорошо известный черкан сибирских инородцев. По типу своему *атма*—разновидность самострела, состоит из ложа (*бугазы*) и лучка (*йа*); внутри ложа подвижно укреплен ударник (*тэль*), насаженный на палочку, играющий роль стрелы (*ук*) в самостреле. Настораживается *атма* при помощи особой чекушки с тоненькой спицей (*сирткыш* и *тэль*). Употребляется *атма*, подобно сибирским черканам, главным образом для ловли горностаев.

Самострелов в настоящее время башкиры, насколько нам известно, не настораживают ни на каких зверей. Тем больший интерес представляет прекрасное описание этого снаряда, настораживаемого башкирами на медведя, приводимое Лепехиным (**6**$_2$, 68—69) и снабженное рисунком. Приводим дословное описание этого снаряда: „Когда они приметят,

что медведь, несмотря ни на какие другие предосторожности, посещает их борти, то делают они простую ловушку, *казы* называемую. Бортевое дерево огораживают кольями (*a*) и оплетают оные плетнем, оставляя отверстие

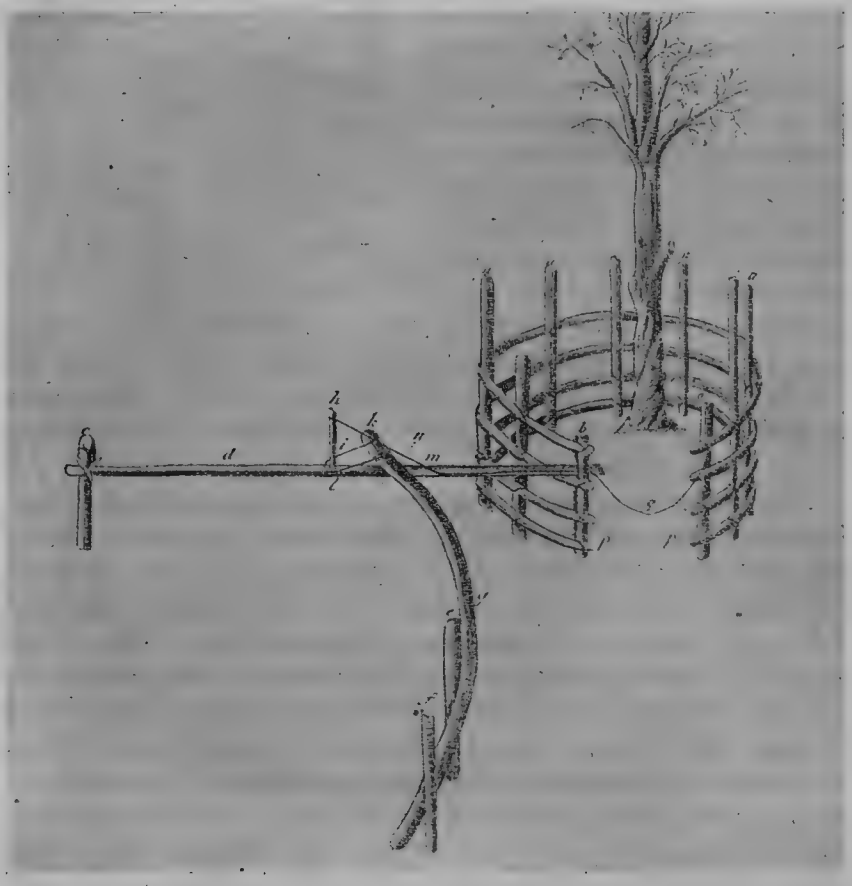


Рис. 6. Ловушка на медведя. (Лепехин).

шириною аршина на два в том месте, откуда медведь приходит к бортю. С одной стороны отверстия вбивают кол (*b*), вышиною великорослому человеку в колено, от которого в прямой линии расстоянием на сажень вбивают другой кол (*c*) и оба сии кола скрепляются перекладиною (*d*) — *ситказ*. Противу перекладины, расстоянием саженях в двух вколачивают еще два кола *e* и *f*, между которыми кладется

сырой вязовый шест *g*, лучок *я* называемый, к концу оного *h* привязывается путо *штауш*. К путу прикрепляется сторожок *k кандак*, который по натянутии лука *g*, настораживается в зарубине *l*, сделанной на перекладе *d*. С другой стороны лучка в прямой линии с перекладиною *d* и равной с нею длины укрепляется или толстая стрела или обломок копья *m*. К концу сторожка привязывается тонкая веревочка *n*, которая прикрепляется также к колу, на другой стороне отверстия стоящему *o* так, чтобы она не была натянута, но висела. Отверстие *pp* слегка покрывают хворостом, чтобы веревочка *q* не так была видна. И так, когда медведь по обыкновенной своей дороге сквозь отверстие *pp* пробирается к бортю и тащит перед собою хворост и с оным зацепляет веревочку *q*, от чего сторожок *k* срывается, то лук *g* своею упругостью устремляет стрелу *m*, которая медведю или бок, или грудь пронзает, отчего он иногда на месте, иногда отошед, издыхает".

Нечто подобное видел у башкир и Паллас (7_2, 24): „С большим успехом", пишет этот исследователь, „употребляют иные на деревах натянутые некоторые снасти, которые имеют некое сходство со старинными стрелометательными орудиями, кои так настораживают, что если медведь полезет на дерево, то он заденет за веревочку и заощренное бревно, спустившись, ударит его в грудь".

Помимо только что приведенных, у башкир известно еще несколько приемов охоты на медведя. Некоторые из них рассчитаны скорее на защиту ульев от медведей, чем на добычу этого зверя. У башкир отмечен общеизвестный способ защиты борти от медведя, подвешиванием перед ее отверстием на длинной веревке толстого деревянного обрубка, чурбана или камня (**12**, 49—50). В землю около бортевого дерева с чурбаном вбиваются заостренные дубовые колья (**11**, 461). По словам Палласа (**7**, 23) самое обыкновенное средство башкир для защиты борти от медведя состояло в том, что „вколачивали в ствол острые сверху загнутые ножи или железные спицы, либо вокруг всего дерева, ежели оно прямо, либо повыше изгибу, когда оно кривое. Когда медведь лезет на дерево, то обходит он сии вострые спицы: а напротив того, спускаясь вниз, упадает на них и ранен бывает в брюхо так, что обыкновенно от того умирает". Еще один любопытный способ охоты не медведя был встречен у башкир

и подробно описан исследователями конца XVIII и XIX стол. (7_2, 24, **11**, 462, **12**, 49—50). Приводим такое описание со слов Палласа: „Иные привязывают толстыми канатами к длинному дерева суку в равновесном положении доску, которая к пню притянута и мочалом крепко привязана быть может. Медведю весьма способно покажется сидя на оной выбирать мед, почему и первый его труд состоит в том, чтобы разорвать мочало, коим сук с доскою привязан; но едва он сие сделать успеет, сук с доскою от дерева удалится и по воздуху на привязанном к суку канате качаться начнет. Если медведь тотчас не упадет, то должно ему отважиться к двум опастностям; либо с высоты низринуться, либо там терпеливо сидеть до времени. На оба первые случаи вколочены под деревом заостренные колья деревянные, а в последнем убивают его отчасти стрелами, а отчасти из ружьев".

Особенно много распространилось за последнее время повсеместно среди башкир железных тарелочных капканов различной силы и величины в зависимости от рода зверя, для которого они предназначены. В степной, южной Башкирии на базарах вместе с железными тарелочными капканами продаются еще особые ловушки на сусликов. Они состоят из жестяной трубочки сантиметров 7—8 диаметром, внутри которой укреплены шесть проволочных крючков (по три у каждого конца трубки), обращенных остриями к середине. Трубочка эта вставляется во входное отверстие норки суслика; попав в трубку суслик из за заостренных крючков не может из нее выбраться.

Ловля зверей и птиц сетями башкирам мало известна. Кое-где, преимущественно за Уралом, они кроют шатрами (*сатыр*) куропаток и тетеревов зимой, изредка осенью на хлебах гусей и уток. В сети (*ау*) загоняют только зайцев и хотя этот способ охоты известен в различных местностях, но практикуется он редко.

Стреляют башкиры птиц и зверей из лука и из ружья. Впрочем, в настоящее время башкиры с луками охотятся весьма редко, хотя в конце позапрошлого столетия лук был наиболее распространенным охотничьим оружием башкир. „Башкиры к звероловству", пишет Лепехин (6_2, 4) „весьма склонны. Они на такой предмет никаких хитростей не употребляют, но единственно полагаются на свое проворство

и искусство в пускании стрел". В другом месте тот же автор, описывая башкирские приемы охоты на белок, замечает между прочим, что загнанная и утомившаяся белка ложится на толстые сучья и тем спасается от башкирских стрел: но и это средство ее спасти не может, так как башкиры подрубают деревья (6, 92). Луки (*йа, яа, жан*), употреблявшиеся башкирами для охоты, были двух родов: простые и сложные. Простой лук из березового или вязового дерева, сложный склеивался из двух половинок березовой и еловой и обклеивался снаружи берестой. Тетива (*крыш*) делалась или из крепкой конопляной бечевки, или из шелка, или, нако-

Рис. 7. *Адрина, йа*, катайцы (вверху), 1002 — 64; *йа*, гайнинцы (внизу), 1002—65, 1/20 н. в.

нец, сухожильная. Вообще башкирские луки были небольшие (до 1,5 метров длины) и сильно выгнутые. Охотничьи стрелы (*ук*) бывали довольно разнообразны. Среди них мы встречаем простые деревянные с слегка расширенным и уплощенным острием, так называемые тамары, с утолщенными головками (*ук башак*), которые снабжались костяными наконечниками; тамары употреблялись на пушного зверя, преимущественно на белку. Встречаются среди башкирских стрел и такие, головки которых снабжены острыми роговыми наконечниками. Из стрел с железными наконечниками для охоты (на птиц) чаще всего употреблялись, повидимому, с наконечниками вильчатой формы, на зверя же, вероятно, употреблялись также наконечники лавровидной и ромбической формы. Задний конец стрелы всегда снабжался четырьмя перьями и имел глубокий вырез для тетивы лука. Иногда для прочности стрелы задний конец делался роговой (*мугыз*). Что касается ружей, то несомненно, что в старину башкиры имели кремневые ружья, в настоящее же время у них встречаются только покупные пистонные или берданки, не пред-

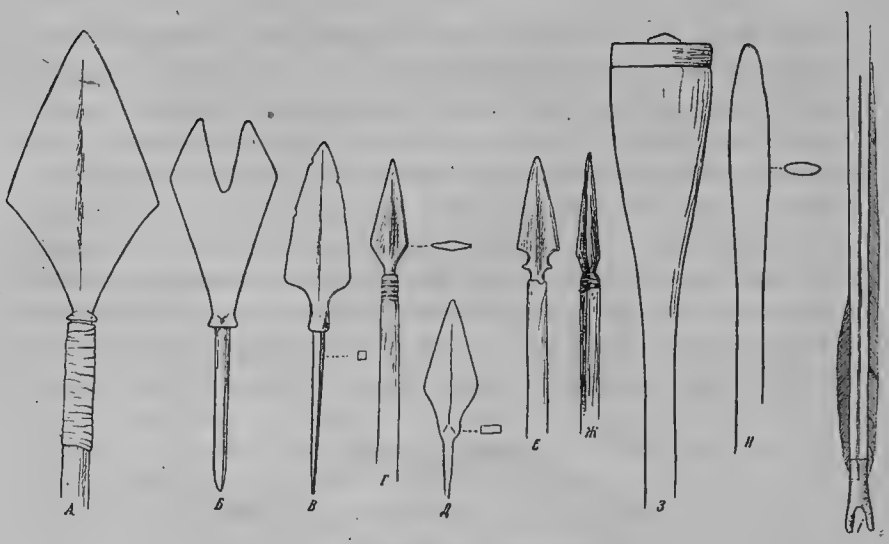
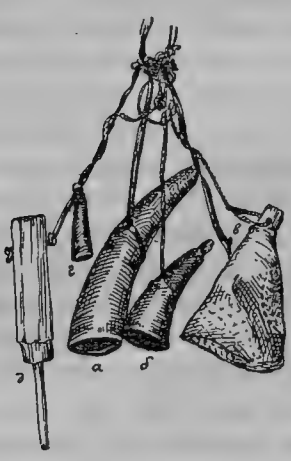


Рис. 8. *Ук баш*: (слева) *А*—гайнинцы, 1002—36, *Б*—кара-табынцы, 2881—521, *В*—слы-минцы, 2881—539, *Г—Ж*—катайцы, 2881—501, 502, 490, 491, *З—И*—гайнинцы, 1002—66 в, с, *І*—кара-тыбынцы, 2881—484, 1/2 н. в.

ставляющие ничего оригинального. Некоторою своеобразностью отличаются только ружейные принадлежности. На ремне, одевающемся через плечо, у башкира охотника всегда



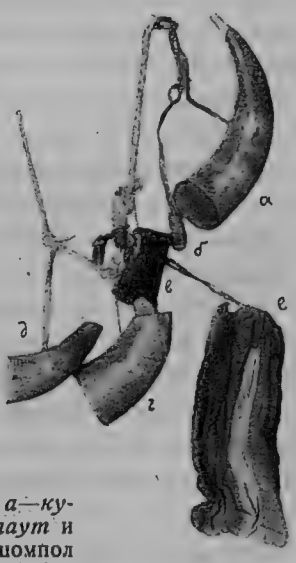


Рис. 9 и 10. Гирей-кипчаки, *а—кутукса, б, в, в, г, д—фистон hаут* и *дроб hаут, г* и *б—джау, д*—шомпол для пуль, *е—улься;* 1/3 и 1/5 н. в.

бывает привязана пороховница (*ҡу-тукса*) из козьего или коровьего рога, кожаный мешочек или роговой сосудец для дроби (*тукса, дроб һалгыз*), роговой или кожаный футлярчик для пистонов (*фистон һаут* или *фистон һалгыз*), костяная мерка (*джау*) для пороха и дроби, особый кожаный мешочек для пуль (*ядра һалгыз*) или матерчатый для пыжей (*сюбак улься*). Тут же иногда бывает прилажена проволочка для прочистки пистонника и железный стерженек в рукоятке для забивания пуль в дуло.

Из ружей башкиры стреляют весной и осенью рябчиков на пищик, глухарей и тетеревов, белок, весной тетеревов на току из балаганов, скрадывают токующих глухарей, выслеживают на лыжах зимой пушного зверя и лосей, но есть и специальные охоты; из них наиболее интересны охоты на медведя с лабаза и на берлоге с рогатиной. По словам Палласа (7_2, 24) башкиры „стараются при начале ночи стеречь медведей на деревьях, либо возле стад, где они на скот нападают, либо при падалине". И действительно, в горах южного Урала, повсеместно там, где водятся медведи и нападают на скот, башкиры устраивают лабазы (*тазгак*), возле задранных медведем животных. Для этого вырубают несколько деревцов и привязывают их по два или по три в наклонном положении к двум, рядом со стервятиной растущим, деревьям. По этим то наклонно поставленным жердям с длинными сучками и взбираются на лабаз. На деревянных

Рис. 11. *Тазгак* — лабаз для охоты на медведя, бурзяне.

подпорках (*баскыс*) между обоими деревьями кладутся две довольно толстые жерди (*жирда*). На жердях у обоих деревьев настилается ряд расколотых палок (*найгау*), на которых садятся охотники. Медведя стреляют ночью на стервятине, а на случай, если бы медведь раненный полез на лабаз, каждый из охотников имеет с собой топор. Разумеется, чтобы не вытоптать траву и не отпугнуть от стервятины чуткого зверя, охотники, как при устройстве лабаза, так и вечером, приезжают на место охоты верхом на лошадях. Другой весьма распространенный у башкир способ охоты на медведя—охота на берлоге (*ынг*). Выследив залегшего на зиму медведя или случайно наткнувшись на берлогу, которая хорошо заметна по инею, покрывающему деревья над ней, башкиры идут добывать зверя. Зверовые собаки у башкир весьма редки, поэтому они поднимают зверя из берлоги заостренным шестом и вышедшего из нее зверя принимают на рогатину (*аюдыт һынку*) и стреляют. Рогатины башкиры делают сами; их наконечники бывают весьма солидны (до 50 см. длиной), втулка всегда имеет отверстие для гвоздя, которым наконечник прикрепляется к древку. Лезвие рогатины имеют форму ивового листа. Под именем рогатины на медведя нам пришлось приобрести у башкир железное четырехгранное копье. Судя по форме этого копья надо полагать, что применение его для охоты на медведя чисто случайное, раньше же подобными копьями было вооружено башкирское войско (см. рис. 15).

Рис. 12. *Аюдыт һынку*, гирей-кипчаки, 1/8 н. в., 2881—523.

При некоторых охотах башкиры пользуются услугами животных и в первую очередь лошади.

С помощью лошади башкиры охотятся на тетеревов: с подъезда и на чучела. Охота на чучела (*сюрят*) производится поздней осенью, когда тетерева собьются в стаи, главным образом в области лесостепи. На особенно приметном месте, на большом дереве помещаются два—три чучела тетеревов, а под деревом устраивается шалаш, в котором садится охотник с ружьем. Два или три других охотника верхом на лошадях отыскивают стаи тетеревов и гонят их по направлению к дереву с чучелами, куда они и садятся. Охота на

тетеревов с подъезда производится зимой, для чего лошадь запрягается в специальные легонькие на высоких копылах санки (*кур шянасы*). Сидящие на деревьях тетерева близко подпускают сани, запряженные лошадью, охотник кладет ружье на специальную сошку (*кур агасы*), укрепленную на санях, и стреляет птицу.

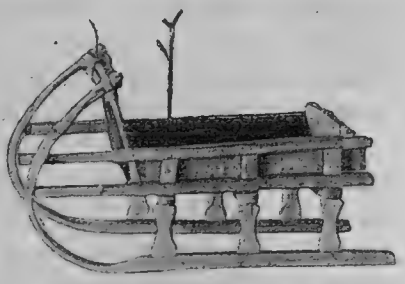


Рис. 13. *Кур шянасы* (модель), бурзяне, 1234—95.

Выше отмеченные способы охоты имеют только местный интерес и практикуются главным образом по восточному склону Урала. Несравненно распространеннее и характернее для башкир гоньба на лошадях зверей по первой пороше. Преследование зверей на лошадях возможно только в безлесной местности, поэтому мы и встречаемся с этим видом охоты главным образом в зауральской степи, на юге и на юго-западе страны, населенной башкирами, в северной же и горной Башкирии зверей на лошадях не гоняют. По словам Лепехина (6_2, 5), башкиры отправлялись для этой охоты даже в киргизскую степь. Гоняют башкиры на лошадях без собак главным образом волков, с собаками же зайцев и лисиц Выехав артелью в степь по первой пороше, охотники отыскивают след, по которому определяют, где должен скрываться зверь. Затем, отыскав его или случайно наткнувшись на него, преследуют. При этом охотники так увлекаются, что нередко запаливают лучших лошадей. Загнанного зверя (волка) они или берут живьем или убивают ударами нагайки по норке (носу). Зайцев и лисиц, на которых они охотятся с собаками, ловят эти последние. Башкирская охотничья собака особой породы, на длинных и тонких ногах с острой и длинной мордой, легким туловищем; она больше всего похожа на густопсовую борзую. Бывали, повидимому, у башкир зверовые собаки и других пород, с которыми они охотились на зверя в лесах. По словам Палласа (7_2, 25), в его время вся Башкирия изобиловала куницами, в ловле которых башкиры—„одним только поступают образом: по первой пороше изыскивают прилежно следы сих зверей и следуют за ними на лыжах, и либо на дереве застреливают, либо

дерево срубают, чтобы приученные к тому собаки их поймали". По утверждению того же исследователя имелись у башкир также собаки, с которыми они ходили на медведей— „зимой, собравшись обществами, ходят башкиры по их следам, травят собаками и убивают копьями". В настоящее время у башкир весьма редко встречаются собаки, с которыми они ходят на медведя.

Наиболее редкий и интересный вид охоты и по ныне еще кое-где сохранившийся—это охота с ловчими птицами. Путешественники позапрошлого столетия, которым мы обязаны массой весьма важных сведений о былом быте башкир, уделяют серьезное внимание соколиной охоте. Лепехин полагал, что башкиры „как в разборе, так и в содержании сих (ловчих) птиц никакому обученному помытчику не уступят" (**6**$_2$, 39). По замечанию того же автора, башкиры, отправляясь летом на кочевку, кур и гусей покидали в своих зимовках „повидимому для приманки хищных птиц, как то ястребов, орлов и соколов, к которым они великую имеют склонность... Орлы им потребны для стрел, на которые они употребляют крылья и хвостовые перья, выключая беркутов *(Falco falv. Lin.)*, которых башкирцы для ловления зверей, как-то лисиц, зайцев и волков употребляют".

Башкиры, охотники с ловчими птицами, добывают чаще всего гнездарей, хотя ловят и слетков. Прекрасное описание добычи гнездарей находим мы у Лепехина (**6**$_2$, 60—61). „Башкирцы будучи с природы великие охотники до хищных птиц, стараются всегда доставать молодых соколов из гнезд и дома их рачительно воспитывают; а великий крик подымали для того, чтобы узнать ту печурку, где сокол свое гнездо имеет; ибо такой крик наносит им страх и принуждает их оставлять свои гнезда. Наши птицеловы утром обыскали три гнезда, и с великою радостию приуготовлялися получить из них свою добычу. Добыча сия не без труда им достается, ибо соколы выбирают себе печурки посреди утесов, куда сажен тридцать, а иногда и более с верху спускаться должно. Наши сокольные промышленники, собрав все свои арканы и связав их, опускали с горы до тех пор, пока конец оных, на котором навязана палка, стал противу соколиного гнезда, по которому башкирец, спустяся, выбирал из гнезд молодых соколят, с которыми должно было его спускать до

самой подошвы горы, что около семидесяти сажен составляло". О ловле слетков с тенетами упоминает Паллас (7_2, 94): „Кречетов или ловчих соколов... ловят для двора по большей части тенетами, коих спускные веревки, обвешанные птичьими крыльями и перьями расставляют промеж дерев, а на земле

Рис. С соколом (сапсаном), бурзяне.

сажают на движущихся перекладках, с тем, чтобы порхал, для приманы живого голубя".

В настоящее время башкиры охотятся только с соколами и ястребами, беркутов они, хотя и ловят, но сами с ними теперь уже не охотятся и продают их казак-киргизам. Обучение ловчей птицы, будь то сокол или ястреб, состоит в том, что приучают птицу садиться на руку охотника. Ее сначала морят голодом, не давая ей в течение нескольких суток ни пищи, ни воды. Изнурив таким образом птицу, охотник

садит ее на руку и дает ей из рук понемногу мяса, насвистывая при этом на особый лад. Эта операция производится до тех пор, пока птица вполне не освоится. Затем охотник заставляет птицу прилетать на руку, сначала на близкое расстояние, потом на довольно значительное, причем в руке он держит кусок мяса, заменяющийся впоследствии вабилом. В первые дни обучения сокола его не спускают с руки целыми сутками, стараясь его утомить, не давая ему ни на минуту покоя. Когда птица будет настолько приручена, что будет по первому призыву бросаться на руку охотника, с ней начинают охотиться. На ноги ловчей птицы навязываются коротенькие ремешки—ногавки (*каиш, тышау*), в которые продевается длинный ремень (*аркан*). Клобуков, насколько нам известно, у башкир вовсе нет и не было. Процесс охоты с ловчими птицами не сложен. Несколько человек верхом на лошадях, рано утром или под вечер перед закатом солнца, с соколами на руке выезжают в степь с озерками и болотцами. Заметив на каком-нибудь из них стаю уток или гусей, спускают двух—трех соколов, а сами мчатся к озерку с криками и ударами кнутов. Нередко охотников сопровождают собаки, которые спугивают уток. В догонку поднявшейся стаи пускается еще сокол, который, стелясь по земле, подбивает стайку все выше и выше. Раньше выпущенные сокола зорко следят за стайкой, взвиваюся над ней и, камнем падая на уток, бьют их приемными когтями. Убив одну, две утки, сокол спускается на свою жертву и проклевывает ей череп, добывая мозг. Соколы (*Falco peregrinus*), с которыми охотятся башкиры, как и кречеты, обыкновенно бьют добычу, падая на нее сверху, ястребы же утятники ловят уток в угон. Нередко приходится башкирам добывать с соколами и гусей, особенно во время вечерних охот, когда водоплавающая птица летит с озер и рек на хлеба; иногда им попадаются и журавли.

Столь характерная для западной и центральной Азии соколиная охота, среди башкир доживает свои последние дни. Еще не так давно она существовала во всей степной Башкирии, как уфимской, так и оренбургской, особенно за Уралом. В последнее время остатки ее можно встретить в виде 2—3 соколятников у кара-барын-табынцев, тамьян-тангаурцев и у бурзян за Уральским хребтом,

по одному—два сокола у кого-нибудь из юрматынцев в уфимских степях.

Чтобы закончить обзор башкирских охот, нам остается сказать еще несколько слов о снаряжении башкира охотника *(сунарсы)*, артельном начале и о территории охоты.

Специального охотничьего костюма у башкир нет, если не считать специальную обувь *пашумну-кандирак* и *себата*, надеваемую охотником в северной полосе, с которой мы подробнее познакомимся в дальнейшем. Эта обувь особенно удобна для ходьбы на лыжах. Помимо ружья со всеми принадлежностями, у северо-западных башкир-охотников имеется за плечами особое приспособление (*элып*, *алып)* для носки провизии и убитой добычи. Кроме того, у каждого башкира-охотника за поясом имеется нож в ножнах, которые бывают весьма разнообразны (см. главу об одежде).

Выше уже было отмечено, что некоторые охоты у башкир групповые; таков промысел зверя по пороше, гоньба его на лошадях и соколиная охота: „Как скоро наступит зима", пишет Лепехин (6_2, 4), „башкирцы оставляют свои домы и отъезжают в леса далеко в своих дачах. Они разделяются на разные артели, и семейством ходят за мелкими зверьками, как то белками и летягами". За крупными зверями, как например, за оленями или лосями, которые в их лесах нередки, башкиры охотились, да и теперь еще иногда охотятся, большими артелями и преследуют их иногда целую неделю. Убив большое животное, делят его на равные части между участниками охоты.

Территория охоты определяется границами распространения родовой единицы—башкирской дачей. Как мы знаем, башкирские роды и подроды издавна строго территориально обособлены, и каждый сородич имеет право промысла зверя только в пределах своей родовой группы. Особенно серьезное значение придавалось праву владения охотничьими угодьями в старину, когда звероловство играло крупную экономическую роль. Даже еще в середине прошлого столетия, по словам Черемшанского (**11**, 458), башкиры-охотники нередко, не удовлетворяясь пространством собственных дач, нанимали чужие, т. е. приобретали право производства охоты в чужих дачах с уплатой известной доли от добычи или деньгами.

При обзоре охоты уже неоднократно упоминалось о различном оружии башкир, но на нем следует остановиться подробнее.

Наиболее древним и типичным для башкир оружием следует считать лук со стрелами. Кроме лука в XVII и XVIII веках, в эпоху восстаний против русской власти и борьбы со своими соседями, башкиры вооружались пиками, кремневыми пистолетами, саблями и ружьями. Некоторые из них одевали на себя в походах железные кольчуги (*тимир кульмяк*). Башкирский боевой лук (*адрина*) несколько отличается от охотничьего (*йа*). Он всегда склеивался из двух пластин разнородного дерева, с внутренней стороны для прочности и упругости в нем бывали подклеены по всей длине роговые пластины, а снаружи для предохранения от сырости он оклеивался берестой. Лук этот небольшой, метр длины, довольно сильно изогнут, с отогнутыми концами, очень эластичен. Тетива (*крыш*) боевого лука чаще всего шелковая. Хранился лук и возился в поход в кожаном налучнике — саадаке (*йа надак, садак*), всегда украшенном тисненным орнаментом и железными бляхами (*каш*), покрытыми серебряным чеканным узором.

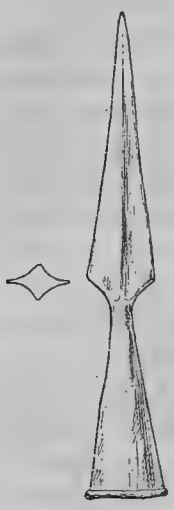


Рис. 15. Наконечник пики, кайлино-каршинцы, 1/3 н. в. 2881—524.

Боевые башкирские стрелы (*ук*) от охотничьих отличались главным образом формой своих наконечников. Они имели или удлиненную четырехгранную форму или плоскую лавровидную, значительно варьирующую. Иногда, как боевые, употреблялись, повидимому, стрелы с головкой, слегка утолщенной и оканчивающейся коническим роговым острием, сантиметра в три длиною. Помещались стрелы в колчанах (*ук надак*) по 16—25 штук в каждом. По форме башкирские колчаны, как и луки, общеазиатского типа, с деревянным остовом, обшитым кожей; кожаными перегородками или переплетом из обшитых суконных тяжей (веревок) они разделяются на несколько отделений. Стрелы вставляются в колчан всегда острием вниз. В некоторых колчанах, чтобы не заламливались перья, устраивался каркас из тонких прутьев. Подобно налучникам колчаны часто украшались железными пластинами и бляхами, покрытыми серебряной

чеканкой. С башкирской пикой мы уже имели случай познакомиться выше. Башкирские сабли точно такие же, как и русские казачьи, пистолеты и ружья также не представляют собой ничего оригинального, почему мы на них и не будем останавливаться. Упомянем еще только об одном оружии—о кистене. Кистень в виде железной булавы, прикрепленной

Рис. 16. *Йа hадак* из колл. Уральскаго Общ. Л. Е. 1392.

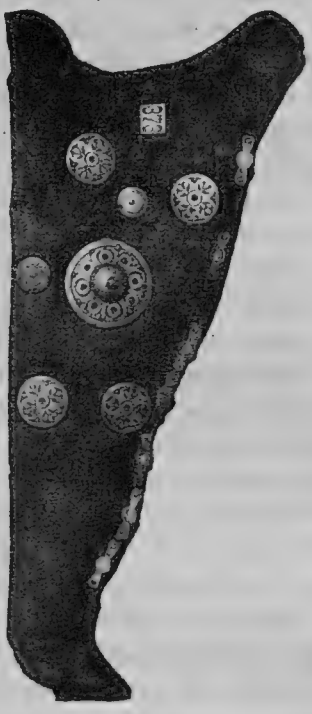


Рис. 17. *Йа hадак* из колл. Уральского Общ. Л. Е. 378.

Рис. 18. *Ук hадак*, катайцы, 1/10 н. в. 2881—465.

на цепи к концу довольно длинной палки, можно нередко встретить в башкирском доме, и на вопрос, для чего служит это оружие, неизменно отвечают—„на случай“. На всякий случай его возят и в ночную дорогу. Нет ничего невероятного в том, что этот кистень раньше употреблялся и как боевое оружие. Любопытно упоминание Черемшанского (**11**, 458) о „железных цепах, вроде молотил“, которыми башкиры бьют зверя. Возможно, что он имеет в виду нечто подобное выше упомянутому кистеню.

Оставляя в стороне некоторые специальные или очень редкие приемы охоты и сравнивая башкирские охоты и их орудия с таковыми соседних народностей, принимая вместе с тем во внимание географическое их распространение, мы можем разбить приемы и орудия башкирской охоты на несколько групп. К охотам, известным теперь только у азиатских кочевников и встречающимся у башкир, относится прежде всего охота с ловчими птицами, преимущественно соколами. В Башкирии, как мы знаем, она встречается в южной и особенно в восточной степи. Ко второй группе охот, общих не только башкирам и степным кочевникам Азии, но и живущим среди башкир татарам, мещерякам и тептярям, относятся охоты на зверей, заключающиеся в преследовании их верхом на лошадях, самостоятельно или с собаками. Эти групповые охоты известны не только в степной, но и в лесостепной Башкирии: их нет только в горах южного Урала и в северной Башкирии. Третья, наиболее многочисленная группа состоит из приемов и орудий охоты, общих не только башкирам с татарами, мещеряками и тептярями, но и живущим по соседству с ними вотякам, черемисам и чувашам, а отчасти зырянам и обским остякам и вогулам. Сюда относится прежде всего преследование на лыжах по глубокому снегу или насту крупных зверей; ловля зверей ударными капканами и ловушками, из которых *атма* (сибирский черкан) хорошо известна не только по западную сторону Урала, но и далеко в глубь Сибири, равно как и *саут*; так же широко распространена и *тапэ*. Сюда же следует отнести охоту на медведя с лабаза или зимою на берлоге с рогатиной. Охоты этой группы более всего характерны для горной и северной лесной области Башкирии. К четвертой категории следует отнести башкирские

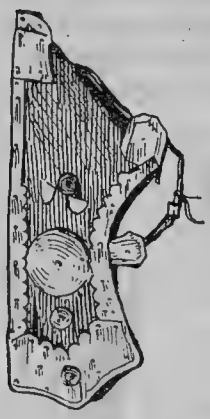


Рис. 19. *Ук надак*, катайцы, 1/10 н. в. 2881—464.

Рис. 20. *Кистян*, айлинцы, 1/10 н. в., 2881—525.

охоты и снаряды общеизвестные и мало для них характерные. Сюда относится ловля зверей и птиц петлями, зверей железными капканами и ружейные охоты. К этой же группе можно, пожалуй, отнести мало употребительные у башкир, редкие в Сибири и хорошо известные в Европейской России охоты, такие, как ловля птиц в западни на хлебах, покрывание их шатрами, загон зайцев в сети с трещотками (облавная охота), охота на тетеревов с подъезда и на чучела. Охоты последней группы, как мы знаем, спорадически встречаются в Башкирии повсеместно. Что касается охотничьего снаряжения башкир, то оно весьма мало отличается от снаряжения их северных соседей, исконных звероловов (вотяков, пермяков, зырян, черемис, вогулов и остяков). Такого же, как у башкир, типа мы встречаем у соседних им финнов лыжи, такое же как у башкир приспособление (*элып*) для носки провизии и дичи; ту же охотничью обувь мы находим у вотяков, пермяков, вогулов и др. Если сравнить ружейные принадлежности (пороховница, дробовница и проч.) к пистонному ружью башкира, черемиса, зырянина или остяка, то трудно будет найти какое-нибудь различие. Только башкирский лук с налучником и колчан со стрелами иного происхождения. Башкирский лук от северно-русского и сибирского отличается большей изогнутостью и меньшей длиной; по типу—это хорошо известный лук азиатских кочевников. То же самое следует сказать о налучнике и колчане. Что касается башкирских стрел, то среди них мы встречаем тамары, стрелы с вильчатыми наконечниками, и другие типичные охотничьи стрелы их северных и северо-восточных соседей, а вместе с тем стрелы с железными наконечниками, весьма характерными для казак-киргизов и других кочевников степной Азии.

Несмотря на большое разнообразие приемов рыболовства, известных башкирам, оно у них никогда не процветало, да и теперь за редкими исключениями не играет сколько-нибудь существенной роли в экономической жизни этой народности. Как побочным промыслом, рыболовством башкиры занимаются главным образом в озерной области за Уралом, в нижнем течении реки Белой, а отчасти и по остальным рекам, изрезавшим во всех направлениях страну, населенную башкирами. Некоторые виды рыболовства, как например,

лучение в горных реках в настоящее время можно считать скорее спортивным развлечением, чем средством добывания пропитания. Отличительное свойство башкирского рыболовства — его относительная примитивность и несложность. Такие снаряды, как сети мережи или невода, явление новое для башкирского рыболовства, занесенное к ним сравнительно недавно русскими рыбопромышленниками.

Наиболее часто встречается у башкир запорное рыболовство, сооружения которого, препятствуя ходу рыбы, улавливают ее непосредственно или заставляют ее заходить в рыболовные снасти, поставленные возле заграждений. Самое простое из них, так называемый *сыуан,* встреченный нами у бушман-кипчаков. Это просто длинный и узкий клин из плетня, обращенный острием вверх по течению. Рыба, подымаясь вверх по течению и заходя в этот клин, не в состоянии повернуться и застаивается там, пока рыболов (*балыхсы*) не добудет ее. Другой способ запора, так называемая *нарота*, известен в уральских горных речках. При устройстве *нарота* река перегораживается густым частоколом или плетнем, укрепленным каменьями, чтобы быстрое течение горной речки не снесло его, а несколько ниже по течению от обоих берегов к средине устраивается забой также из плетня. Между обоими крыльями забоя оставляется довольно узкое пространство, в которое и проходит подымающаяся вверх по течению рыба, но следующая сплошная перегородка уже не позволяет рыбе пробраться дальше, она остается в *нарота* между плетнями, откуда и вылавливается бреднем или саком.

В стоячих водах, в озерах и прудах, вместо *нарота* башкиры устраивают: *ыйсук, йиды* (котцы). Устройство их бывает разнообразное. Чаще всего *ыйсук* встречается в центральной Башкирии у тангаурцев, отчасти у юрматынцев и у кипчаков. Форма *ыйсук* в разрезе изображена на рис. 21, похожа более всего на колечко ключа. Делается он из тоненьких палочек или из драничек, связанных между собой мочалом или бечевкой. Высота этой решетки бывает различна от $^1/_2$ до 2 метров в зависимости от глубины водоема; над водой решетка выставляется сантиметров на двадцать пять. Иногда у входа в *ыйсук* бывает одно или два решетчатых же крыла. Котцы (*йиды, диды*) устраива-

ются главным образом на зауральских озерах. По форме они бывают или спиральные, или изгибаются на подобие меандра. Делаются они как и *ыйсук* из деревянной решетки. Попав-

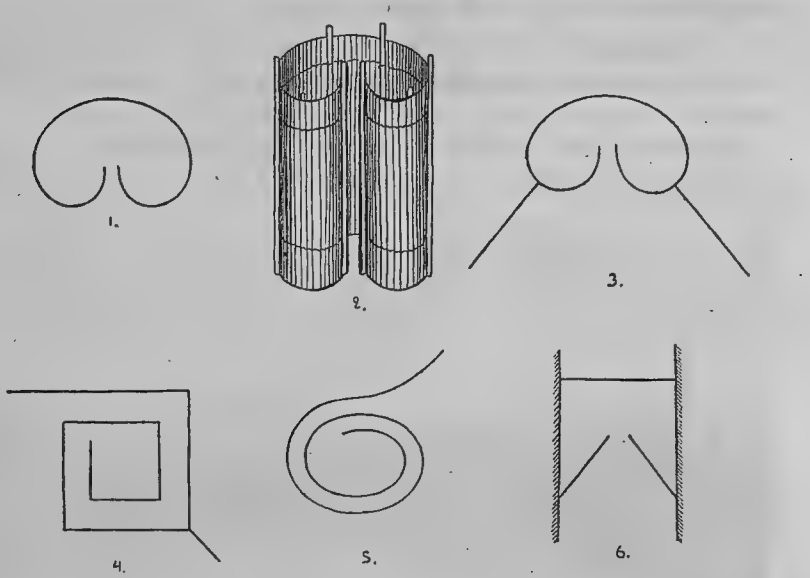


Рис. 21. *Ыйсук* (1—3); *сыуан* (4—5); *нарота* (6).

шая в них рыба, как и из *ыйсук*, вылавливается саком или большим деревянным ковшом.

Вершами башкирам служат плетеные из лозы морды (*мурда*) и нитяные крыленки (*нарота*) или фитили (*питель*). Морда плетется из лозы, длина ее около метра, а вышина около 50—60 см. Сначала связывается четырехугольная или подковообразная рамка, к ней привертывают прутья и переплетают лозой. В отверстие морды вставляется еще сплетенное конусообразное горло. Морды бывают большие или малые; большие ставят всегда на дно реки отверстием вниз по течению; небольшие где-нибудь у берега. Привязывается морда к вбитому в землю колу и прижимается камнем. Ставятся морды или самостоятельно (например, в озерах), или в отверстиях запора, перегораживающего

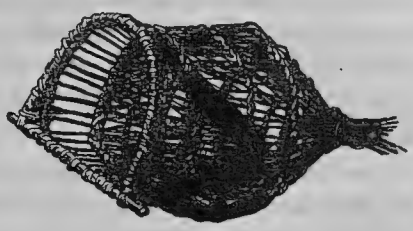


Рис. 22. *Мурда*.

всю или часть реки. Иногда в небольших речках устраиваются, как и в вышеописанных *нарота*, два косых забоя, сходящиеся на середине реки, а морда ставится в отверстие между этими забоями. Встречается морда у башкир повсюду, где они занимаются рыболовством: ее хотя и ставят летом, но употребляется она главным образом для зимней рыбной ловли.

Крыленка или вентерь (*нарота*) накатывается у башкир на три кольца (обруча — *куршау*) около 80 см. диам.; кутец

Рис. 23, *Питель*—рыболовная снасть, катайцы.

ее глухой, от кольца усынка (*тэль*), внутрь идут четыре веревочки, привязанные ко второму обручу. По бокам крыленки приделаны два крыла (*канат*), натянутые на двух или трех палочках каждое. Ставится крыленка на пяти кольях; один кол вбивается у вершины кутца, два у свободных концов крыльев, еще два по бокам входа в снасть. Сеть для крыленки всегда употребляется густая с ячеями до 2 сантиметров. Ставится она как в речках, так и в стоячих водах. Крыленка распространена более всего в бассейне р. Белой от выхода ее из гор, хотя встречается и на зауральских озерах. Гораздо чаще на зауральских озерах ставят *питель*

(фитиль). *Питель* так же, как и крыленка делается из густой сети, накатанной на три обруча (*куршау*) с таким же усынком (*тэль*), но в отличие от последней он состоит из двух снастей (*йип питель*), соединенных между собой посередине крылом (*канат*). Как и в крыленке, крыло расправлено на двух палочках (*бляш*). Ставится *питель* на двух кольях, к которым привязываются кутцы обоих концов этой снасти.

Окружающее рыболовство, ловля сетями, у башкир не так распространено, как запорное. Чаще других употребляются плавные сети (*ау*), которые бывают в одно полотнище, двойные и тройные; чаще других употребляются тройные сети (мережи) из мелкоячейной ткани между двумя крупноячейными сетками (режовками). Ставятся плавные сети чаще всего в стоячих водах на ночь возле камышей; реже ими ловят в реках с медленным течением. Как и всякие другие мережи, башкирская *ау* насаживается на веревку, чаще мочальную, с поплавками деревянными, из осокоря или берестяными и грузилами (глиняными), имеет до двадцати пяти метров длины и до двух метров ширины. Башкирские названия поплавков (*ау туз, тузе*) и грузил (*ау таш*) позволяют думать, что раньше башкиры употребляли для сетей исключительно берестяные поплавки и каменные грузила. Плавные сети, хотя и в небольшом количестве, встречаются, за исключением гор, почти везде, где башкиры занимаются рыболовством.

Башкирский бредень (*ыдгусь, нэдгы*) встречается там-же, где и плавные сети. Делаются бредни чаще всего из густой сети с неглубокой мотней или совсем без мотни, длиною до тридцати метров.

Самая распространенная теперь у башкир рыболовная сеть это невод (*йилым, елым*). Им ловят повсюду, где занимаются рыболовством и особенно на зауральских озерах. Башкирский невод ничем не отличается от общераспространенного в Приуралье великорусского невода. Сами башкиры неводов не плетут, а покупают их у великорусов. Невод этот бывает различных размеров от 100 до 250 метров в длину и до трех метров в ширину и всегда имеет мотню.

Загон рыбы в сети практикуется редко. На севере и на зауральских озерах башкиры ботают рыбу, т. е. загоняют

ее на лодках в расставленные мережи. На горных реках (Юрезань и другие) загон рыбы производится артелями. Через речку натягивается бредень или небольшой неводок, а человек шесть—десять заходят вверх по реке метров на 250 и гонят рыбу вниз по течению. Не доходя метров семидесяти до натянутой сети башкиры протягивают через реку второй бредень, соединяют его затем с первым и вытягивают оба на берег.

Из поднимающих рыболовных снарядов нам известны только петли (*мискау*) и саки (*сызгысь*). *Мискау* (*мескау*) устраивается очень просто. Выбирается палочка около метра длиной с развилкой на конце. Над развилкой крепко привязывается петля, свитая из конского волоса, и расправляется так, как это показано на рис. 24. Рыболов высматривает спокойно стоящую рыбу, подводит под нее петлю, подсекает и выбрасывает на берег. Разумеется, для ловли *мискау* требуется прежде всего прозрачная вода; поэтому мы встречаем *мискау* преимущественно у горных башкир, которые по горным ручьям и речонкам ловят ею пеструшку, форель, щурят.

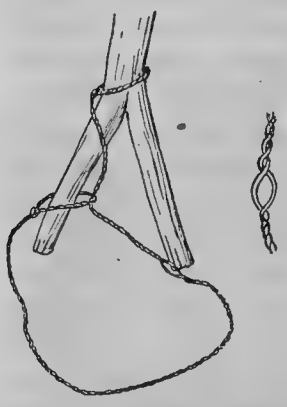


Рис. 24. *Мискау*, инзер-катайцы, 1/3 н. в., 2881—542.

Сак (*сызгысь*), насколько нам известно, употребляется башкирами только в нижнем течении р. Белой. Ловят им главным образом прибрежную рыбу во время ледохода, когда вода в реке очень мутная. Делается он из частой сетки и бывает трех форм: круглый, полукруглый, прикрепленный срединой обруча к жерди, и полукруглый, прикрепленный прямой стороной к жерди.

Рыболовство, при котором рыбак отыскивает рыбу и бьет ее, у башкир встречается в двух формах: глушения и лучения. Глушат рыбу башкиры только осенью подольдом. Заметив стоящую подольдом рыбу, сильно ударяют над нею палкой с шаром (корнем) на конце. Оглушенная этим ударом рыба переворачивается вверх брюшком, лед прорубается и рыба достается из воды. Этим рыболовством занимаются главным образом дети и при том редко. Нам пришлось

наблюдать его только однажды у северо-западных башкир.

Лучением рыб занимаются почти везде, хотя приемы этого способа рыболовства не везде одинаковы, равно как и орудия, при этом употребляющиеся.

В наиболее примитивном виде лучение встречается в горной Башкирии. Там, в горных ручьях и речках, отличающихся удивительной прозрачностью вод, бьют рыбу просто палкой с заостренным на подобие долота концом. Чаще, впрочем, для этой цели пользуются узенькой деревянной лопаточкой (*калак*). Лучат ночью и группами. Несколько человек идут в воде с лопатками, а остальные с мешками за плечами, наполненными берестяными и смоляными факелами (*срак*), идут несколько впереди у берегов и освещают реку. Как только рыболов увидит рыбу, факелы отводятся в сторону. Факелы держат в руках так же некоторые из рыболовов. Лопаткой этой, как и острогой, бьют в позвоночник возле головы; ею или перебивается позвоночник, или рыба просто рассекается на две части. Разумеется, лопаткой удачно бьют рыбу, только лежащую на дне или стоящую близко ко дну. Иногда при этом рыболовстве пользуются и настоящими острогами (*налдау*, *сянскы*). Остроги чаще всего бывают в четыре и пять зубцов. Лучение рыбы острогою на лодке с освещением при помощи так называемой „козы“ среди башкир встречается редко.

Башкиры, живущие при озерах (особенно в северо-западном Зауралье), бьют острогами рыбу ранней весной, когда она мечет икру. Как только у берегов озера оттает лед, рыба массами идет к берегам в камыши. Здесь рыболовы ее высматривают и бьют острогою. Любопытное описание битья рыбы острогой у башкир катайцев на р. Инзере приводит Бергхольц (19, 80). „Собирается днем башкир пять верхами с острогами, едут вверх по течению реки в таком порядке: один посреди реки, два около берегов, а два по самому берегу и бьют рыбу, благодаря прозрачности воды и ее небольшой глубине“.

В среднем течении р. Белой башкиры бьют рыбу острогой также зимою при заморах. В это время рыба скапливается в более глубоких местах, в омутах. Над ними прорубается прорубь; к последней и устремляется рыба, где ее и бьют.

БИБЛИОТЕКА КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ Инв №

Иногда башкиры стреляют рыбу из ружей, а именно, при метании ею икры в камышах у берегов озер. По словам Назарова (22, 3), они стреляют рыбу также из луков, для чего вместо стрел употребляются деревянные лопаточки.

Из крючковых снастей башкиры употребляют только обыкновенную удочку (*кармак*), жерлицу (*суртанныk*) и перетяги (шашковая снасть). Удочки употребляются повсеместно, хотя чаще ими ловят мальчики. Удилища (*наб*) бывают и

Рис. 25. *Кармак*, катайцы, 1/5 н. в., 1002—79.

длинные и короткие (до 40 см. длин.), если рыбу ловят с лодки или зимой в проруби. Леса (*кыл*) вьется из белого конского волоса. На конце ее нередко бывает свинцовое грузило (*кургаш*). Крючки чаще всего бывают покупные, но встречаются и самодельные. Жерлицею башкиры ловят очень редко и притом исключительно больших окуней и щук. Насадкой служат обыкновенно маленькие окуньки. Также весьма редко башкиры ловят рыбу самоловами (перетягами или шашковыми снастями). Последние встречаются главным образом на р. Белой. Это длинные веревки с рядом крючков, натягивающиеся поперек реки.

Несмотря на значительное разнообразие приемов и орудий башкирского рыболовства, оно мало характерно для них и стоит, повидимому, в непосредственной связи с рыболовством волжско-камского бассейна. Огромное большинство рыболовных снастей (морды, вятели-крыленки, плавные сети, мережи, бредни, невода и саки) помимо башкир встречается у татар, мещеряков, тептярей, чувашей, вотяков, мордвы и у великоруссов. То же самое следует сказать и о крючковых снастях. Только немногие виды башкирского рыболовства, а именно, устройство котцов характерно для определенной области зауральских озер и озер южной Башкирии, да некоторые специальные приемы ловли (лучение, устройство *сыуан* и *нарота*) встречаются главным образом в горных речках южного Урала.

III.

Скотоводство, птицеводство и пчеловодство.

Разведение лошадей, рогатого скота, овец и коз. Верблюды. Тебеневка. Кочевание. Заготовка сена. Доение скота. Разведение кур, гусей и уток. Бортевое и пасечное пчеловодство.

По наиболее древним источникам, относящимся к XIII столетию, народ исключительно пастушеский, башкиры оставались скотоводами по преимуществу вплоть до половины прошлого столетия. Обширные пространства земли с роскошными лугами и тучными пастбищами позволяли им содержать многочисленные стада скота. Несмотря на то, что каждое восстание, каждый башкирский бунт уносил десятки тысяч голов скота, к концу XVIII столетия, ко времени начала упадка экономического благосостояния башкир вообще и скотоводческого хозяйства в частности, по словам Георги (9, 98), редко и у простого башкира бывало меньше 30—50 лошадей; многие из них имели до 500 голов, а богатые до 1000, 2000 и более голов лошадей; число овец превосходило или равнялось числу лошадей, а рогатого скота они держали вдвое меньше против количества лошадей; почти у каждого бывало также немного коз. Неудивительно поэтому, что автор известной „Топографии Оренбургской“ П. И. Рычков в своем „рассуждении о башкирском состоянии“, относящемся ко второй половине XVIII столетия (31, 134), писал, что „башкиры сами для себя не имеют большой нужды в земледелии, имея довольно скота, питаются они по большей части мясом, молоком, крутом...“ Даже много позднее, до половины прошлого столетия, во времена кантонского управления, по весьма приблизительным подсчетам и то у башкир насчитывалось свыше полумиллиона лошадей, такое же количество овец

и около 300 тысяч голов рогатого скота. Еще до последнего времени за Уралом многие башкиры считали свои стада и табуны сотнями голов. Особенно много разводили и разводят башкиры лошадей, так как они служат средством передвижения, мясо и молоко их является главным питательным продуктом, шкуры идут на изготовление одежды и посуды, конским волосом шьют, он же идет на изготовление веревок.

О древних формах скотоводческого хозяйства башкир мы знаем очень мало. Несомненно только, что башкиры, подобно

Рис. 26. Табун лошадей, катайцы.

другим азиатским кочевникам, охотились на диких лошадей и приручали их. В 1738 году обер-егермейстер Волынский, докладывая императрице Анне Иоанновне о местах, где водятся дикие лошади, упоминает о Башкирии по ту сторону Урала. Есть указания на то, что еще в конце XVIII столетия дикая лошадь жила в Зауралье (32, 83). Если дикая зауральская лошадь и не была прямой родоначальницей современной башкирской, то она по всей вероятности скрещивалась с последней. Порода башкирских лошадей отличается от приуральской русской и от киргизской. Она низкорослa и не особенно красива, имеет большую голову с характерным закруглением морды (тупорыла); общие покровы толсты, шерсть груба, зимою длинная. Корпус ее умеренно длинный, или даже короткий; мускулатура как туловища, так и конечностей хорошо развита. Умеренно длинная спина переходит в прямой или мало наклонный крестец. Вообще, она отличается крепостью и значительной быстротой бега. Нередко встречаются

среди башкирских лошадей иноходцы (*юрга*), которые ценятся довольно дорого. Ухода за башкирской табунной лошадью нет никакого; с первых же дней своего появления на свет она остается на открытом воздухе без всякого призора. Круглый год она находится на подножном корму и зимой во время тебеневки нередко добывает себе пищу из под глубокого снега.

В это время главную ее пищу составляют стебли высоких растений, особенно ковыля. Бродя целый день по степи, на ночь лошади собираются в защищенные от ветра места, сбиваются в круг и в случае нападения волков защищаются общими силами. Никольский (23, 90) полагает, что современная башкирская лошадь теперь совсем выродилась, почему и стала низкорослой; измельчение и вырождение ее по мнению того же автора началось при переходе башкир к оседлости и с началом колонизации, когда уменьшилось количество земель. Между тем, вряд ли это справедливо. Если башкирские лошади действительно происходят от туземных диких, то вряд ли они когда либо были более высокорослы. С другой стороны, при примитивном башкирском табунном скотоводстве, где все лошади без разделения бродят вместе, естественно, что несозрелые молодые матки покрываются такими же несозрелыми жеребцами, отчего улучшение породы само по себе произойти, конечно, не могло. В последнее время башкирская лошадь сильно смешалась с русской и другими породами, и остатки старой породы можно встретить только кое где в Зауралье.

Рогатого скота башкиры держат значительно меньше, чем лошадей; выезжающие на кочевки имеют его в два—три раза меньше, чем лошадей, а большинство по одной—две головы на хозяйство. Как и лошадиное, мясо рогатого скота употребляется в пищу, из молока заготовляются запасы сыра (*курут*) и масло, кожа идет на обувь и для хозяйственных надобностей. Порода башкирских коров, повидимому, ничем не отличается, как от разномастной азиатской, в частности киргизской коровы, так и от русской; она среднего роста или даже малого, угловатой формы, с опущенной головой, с всклокоченной грубой шерстью, не особенно молочна и не мясиста, без запаса жира. Когда то эти коровы тебеневали вместе с лошадьми, следуя за ними при перекочевках и на

пастбищах, теперь же они повсюду кормятся зимой в деревнях.

Овца, некогда игравшая в жизни башкира-кочевника не менее важную роль, чем лошадь, еще и теперь разводится в большом количестве в восточной Башкирии. Помимо прекрасного мяса, она дает шерсть, которая необходима была башкиру и для устройства жилища (войлочные кибитки), и для обуви (валеные чулки и сапоги), а впоследствии из нее начали выделывать ткани; овечьи шкуры и до настоящего времени играют исключительную роль, как материал для одежды. Наиболее распространенная порода овец простая русская разношерстная, большею частью белая овца с коротким хвостом, довольно грубой, толстой несколько курчавой шерстью. Другая порода, киргизская или калмыцкая курдючная овца, столь распространенная в западной и центральной Азии, в Башкирии встречается главным образом в ее юго-восточной части. Эти овцы (*Ovis laticanda Linn.*) отличаются от общераспространенных большим ростом, большими головами с повислыми ушами и присутствием жирового хвоста; шерсть длинная, кудрявая и толстая. В степной части страны, населенной башкирами, там, где овец держат большими стадами, они еще и поныне в хорошие зимы (не очень снежные и без гололедицы) тебенеют с лошадьми круглый год.

В меньшем количестве держат башкиры коз. Беднякам коза заменяет корову, тогда как овец башкиры нигде не доят. Шерсть коз идет главным образом на изготовление половиков-ковров и сукна, пух (подшерсток)—на шали и шарфы; шкуры идут на изготовление кож, реже мехов, мясо—в пищу. Порода башкирских коз та же, что и коз русского населения края, мелкая, масть—черная, белая и серая.

В старину башкиры держали верблюдов той же породы, как и казак-киргизы. Во времена Палласа (7, 351) их было особенно много в Исетской провинции, где они бывали очень хороши и при дурном содержании. По словам Черемшанского (11, 367) еще в половине прошлого столетия верблюды водились у башкир по рр. Белой, Деме, Сакмаре и Исети; здесь они употреблялись вместо лошадей для перевозки тяжестей; их не навьючивали, но впрягали в телеги и в сани. Шерсть и шкуры верблюдов шли на разные изделия, мясо

и молоко употреблялись в пищу. Насколько значительно было количество верблюдов у башкир можно судить по тому, что по требованию правительства во время турецкой кампании (1828—29 гг.) башкиры для перевозки грузов доставили в Оренбург свыше тысячи верблюдов (33, № 20). По официальным данным к 1850 г. в Оренбургской губ. насчитывалось около восьмисот верблюдов, в настоящее же время башкиры их совсем не держат. Верблюды приобретались башкирами от казак-киргизов и других кочевников Средней Азии, впрочем они пробовали и сами разводить их. Хотя верблюд животное вообще неприхотливое, морозы Приуралья были для него слишком суровы. Поэтому башкиры строили для них на зиму теплые шалаши, в которых клали достаточное количество соломы или хвороста; молодых они, подобно казак-киргизам на зиму обшивали кошмами и помещали вместе с матками в теплом шалаше (9, 99).

Естественно, что при значительном количестве скота, нередко в несколько сот голов одному семейству даже при нескольких работниках нет возможности заготовить столько корма, чтобы держать его зимой в деревне. Отсюда вытекает необходимость не только во время лета кочевать со скотом, но и зимой держать его на подножном корму. Еще не так давно, в 1849 г. (34, 3), из тринадцати башкирских кантонов только первый и второй (уезды: Осинский, Пермский, Екатеринбургский[1] и Красноуфимский), пятый (Троицкий у.), двенадцатый (Мензелинский у. и Вятская губ.) и отчасти тринадцатый (Бугульминский у. и Самарская губ.) были оседлы, остальные же все кантоны считались кочевыми. Иначе говоря, все башкиры, за исключением крайнего севера и северо-запада обитаемой ими области, жили скотоводством. К началу нынешнего столетия с уменьшением земельных владений у башкир и постепенным распространением среди них земледельческого хозяйства, скотоводство сильно пало. По имеющимся у нас сведениям целыми деревнями выезжают на кочевку только башкиры центральной части южного Урала, а именно: инзер-катайцы, гирей-кипчаки, кубе-

[1] По сведениям Попова (10з, 168) относящимся к началу прошлого столетия, все екатеринбургские башкиры, имеющие достаточное количество скота, летом выезжали на кочевки в Уральские горы.

лякцы, горные — тамьян-тангаурцы, карагай-кипчаки и бурзяне, а также приуральские сянкин-бушман-кипчаки. В этой области богатые скотом башкиры выезжают на кочевки для прокормления последнего, бедные же для лесного промысла. Значительно обширнее территория, на которой кочует только часть деревни — лица, богатые скотом. Это будет вся зауральская часть страны башкир, за исключением самой северной (сирлинцы и мякотинцы) и самой южной ее части (усерган); на западном склоне Урала и в юго-западной степи кочуют только: калчир и кси-табынцы, юрматынцы ильчек-тимировой и карамышской тюб, редкие из яик-субыль-минцев, сянкин-бушман-суун-кара-кипчаков и бурзян.

На кочевку башкиры выезжают обыкновенно в конце апреля, в начале мая и кочуют в зависимости от местности до конца сентября или октября. В продолжение лета каждое семейство меняет место кочевки раза три, четыре и кочуют они по возможности вдали от деревни, чтобы сохранить на зиму траву по близости зимнего своего пребывания[1].

По мере сокращения территории и увеличения населения, возможность откочевывать далеко от деревни, верст за 30—50, осталась только у немногих родов, а с развитием земледелия является необходимость ограждения полей от пастбищ, что повело к образованию, так называемых, поскотин (*басу*).

Поскотины (выгоны) эти первоначально настолько велики, что скот, пригоняемый днем в деревню для доения, за ночь не успевает доходить до ее отдаленных концов, нередко верст за шесть-восемь, где трава хорошо сохраняется, тогда как у деревни она выедается. Поэтому там, где кочевые земли уже запаханы, башкиры к концу лета откочевывают в отдаленные углы деревенской поскотины и только по уборке хлебов кочуют за поскотиной. Вдали от деревни, верст за пятнадцать-двадцать и более, кочует большинство башкир; около деревни, в поскотине и на полях по уборке хлебов кочуют только субыль-минцы, некоторые из зауральских катайцев и тамьян-тангаурцы, поздней

[1] Местами, напр. бурзяне, раньше, откочевывая в горы, выжигали весной прошлогоднюю траву, чтобы она лучше росла (16, 33).

осенью перед входом в зимнюю избу. Как мы уже упоминали, большие стада круглый год находятся на подножном корму. Но тебеневка возможна далеко не везде. В зауральской степи, где снега не особенно глубоки, скот легко добывает себе пищу. Особенно благоприятствует тебеневке то обстоятельство, что башкирская степь и лесостепь преимущественно холмисты, благодаря чему снег с высоких мест сдувается и обнажаются некоторые, особенно высокие, травы. Во время тебеневки лошади обычно идут впереди, разгребают копытами снег и съедают вершины стеблей, за ними идет рогатый скот, если и он тебенюет и, наконец, овцы, поедающие траву до самого корня.

Главная беда скотовода—падеж скота, а последний у башкир бывает нередко, так как они рассчитывают главным образом на подножный корм. Там, где башкиры более всего занимаются скотоводством, скот, вернее лошади, находятся на подножном корму круглый год (часть зауральских катайцев, степные кубеляк-телевцы, тамьян-тангаурцы, бурзяне и усергане). Местами лошади тебенюют только до половины зимы (минцы, отчасти юрматынцы, восточные инзер-катайцы и лесо-степные кубеляк-телевцы, тамьян-тангаурцы, карагай-кипчаки, бурзяне и усергане), овцы же редко тебенюют и до половины зимы и как исключение в малоснежную зиму 1911—12 гг. кое-где тебеневали всю зиму (тамьян-тангаурцы, кубеляк-телевцы). Если снег не глубок, весна наступает рано, и главное без гололедицы, то скот приходится загонять на весьма короткое время, всего недели на две, три, только жеребята да мелкий скот (коровы сейчас почти нигде не тебенюют) подкармливаются весной сеном или соломой.

Рис. 27. *Горбушка*, гайнинцы, 1/12 н. в., 1002—101.

В виду того, что каждый год башкирам-скотоводам приходится подкармливать лошадей около месяца, а коров и молодой скот даже гораздо долее, башкиры издавна привыкли за-

готовлять небольшие запасы корма. Во времена Лепехина (6, 245) траву башкиры косили исключительно горбушей, косой с очень короткой ручкой и до сих пор еще очень распространенной на всем севере России. Горбушей можно косить только высокую, преимущественно лесную траву; косят горбушей на две стороны, сильно наклонившись. В настоящее время горбушей башкиры уже нигде не косят и встретить ее нам пришлось только в самом северо-западном углу башкирского края (у гайнинцев). Теперь башкиры косят траву обыкновенной уральской косой — литовкой (*салгы*), сено гребут граблями (*псян тырма*) общераспространенного типа и стоги мечут деревянными вилами. Только степные тамьян-тангаурцы не заготовляли сена до самого последнего времени, однако и они вот уже несколько лет, как начали косить траву.

Рис. 28. С орудиями для уборки сена, рахмангуловцы.

Косят башкиры семьями, не исключая и женщин, начиная с начала июля, как и их соседи русские и финны. Скошенное и просушенное сено мечут в стога, по форме ничем не отличающиеся от стогов русских. В деревню сено перевозится обыкновенно осенью по санному пути или зимой. Особенно много корма приходится заготовлять горным башкирам-скотоводам, хотя их стада никогда не бывают особенно многочисленны. В горах снег выпадает рано и бывает особенно глубок, тебеневки там невозможны и при ранней зиме башкирам часто не хватает запасов сена. В подобных случая они подкармливают скот вязовыми ветками (илим—*Ulmus campestris*), для чего они рубят молодые деревья, побегами и корой которых питаются лошади.

Ухода за скотом, в прямом смысле этого слова, у башкир нет. Лошади бродят по степи и лесам табунами (*мал*) без

пастухов, равно как коровы и овцы. Табун состоит из нескольких косяков (*ыйюр айгыры*), т. е. маток (*бия*) с жеребятами, которых пасет косяшный жеребец (*айгыр*). Он внимательно следит за кобылицами своего косяка, не позволяет им разбиваться и не подпускает к ним других жеребцов. Рогатый скот и овцы пасутся стадами. Для поимки лошадей, особенно дойных кобыл, употребляется так называемый *крук* — длинная, около 3—4 метров жердь, к концу и к середине которой привязана волосяная веревка. Петля эта накидывается на шею лошади. Каждое утро башкир верхом отправляется отыскивать скот и подгоняет его к месту кочевки. Там жеребята привязываются при помощи обротей (*нукта*) на особых блоках (*шалтрак*) к натянутым над землей веревками (*жиле*), чтобы они не сосали маток. Телятам с той же целью на морду одеваются особые берестяные намордники (*быргак, бурунса*). Только под вечер отпускают маток с жеребятами и телятами. В лесных местах, где овод и мухи сильно беспокоят скот, башкиры раскладывают для

Рис. 29. *Шалтрак*, гирей-кипчаки 1/5 н. в., 2881—555.

Рис. 30. Доение кобылиц, бурзяне.

них курево и устраивают род навесов (*тупалык*), защищающих их от солнца.

Пастушеских собак ни в степи, ни в лесах у башкир нет. Скот свой башкиры, говоря вообще, не метят, за исключением лошадей, на которых кладут тавро (*тамга*). Тавро накладывается раскаленным железом на однолеток или двухлеток. Холостят башкиры только лошадей и быков. Холо-

стильщик лошадей (*ат бысыусы*) употребляет для своей операции только острый нож (*бсак*) и расщепленную палочку (*кыса*). Жеребцов холостят трех, четырехлетних; валят их на землю и связывают, разрезают мошонку и, выпустив testiculi, мошонку зажимают расщепленной палочкой, которая туго перевязывается; через два, три дня *кыса* снимается.

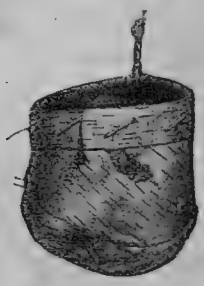


Рис. 31. *Быргак*, катайцы, 1/7 н. в., 2881—642.

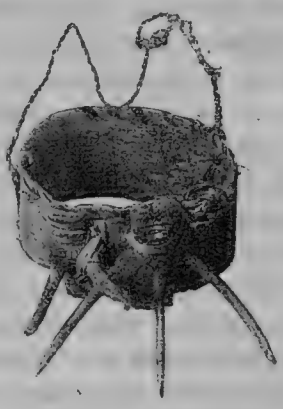


Рис. 32. *Бурунса*, тайнинцы, 1/7 н. в., 1002—126.

У годовалых бычков testiculi просто вырезываются и рана присыпается солью.

Птицеводство нигде у башкир не бывает значительно, да и разводят они только гусей и кур. Как давно башкиры

Рис. 33. *Тупалык* — навес для скота, бурзяне.

начали заниматься птицеводством — сказать трудно, несомненно только, что в конце позапрошлого столетия они уже держали и гусей и уток. Про северо-западных башкир Лепехин писал, что при откочевке из деревни некоторые из них, имеющие кур и гусей, всегда покидали их в своих зимовьях на собственное пропитание и довольствовались тем, что могли застать осенью. Достаточно безразлично относятся башкиры к своей птице еще и теперь. Больше всего они разводят гусей, хотя и не везде, а главным образом живущие около озер и рек. Перезимовывают обыкновенно всего по две, три гусыни и по одному гусю на дом. В апреле они кладут яйца, для чего устраиваются особые гнезда-плетенки (*каз оясы*), невысокие, сантиметров 80 в диаметре; внутрь этих плетенок кладется солома. Как только гусята вывелись, всякая забота о гусынях прекращается. В редких случаях летом гуси приходят на ночь во двор или в деревню, обыкновенно они ночуют на реке или на озере и только с наступлением холодов возвращаются к своим хозяевам. Иногда башкиры подкладывают под гусынь яйца и диких гусей, которые они находят на озерах. Башкирские гуси той же породы, что и у великорусского населения Приуралья. Под осень они хорошо летают и нередко перелетают на большие пространства; вместе с дикими гусями на ночь они летают на хлеба. К зиме только несколько штук оставляется на развод, остальные режутся и засаливаются.

Рис. 34. *Тамга*, гирей-кипчики 1/12 н. в., 2881—637.

Кур башкиры держат больше и повсеместно, за исключением кочевых башкир, у которых их часто не бывает. Если по отношению к гусям и проявляется еще некоторая заботливость со стороны их хозяев, то куры содержатся уже без всякого присмотра и ухода. Для них не только не устраивается никаких гнезд, постоянного или временного помещения, но им не задается даже никакого корма и вообще не обращается на них никакого внимания. Вследствие этого башкиры развели у себя особую породу примитивной, полудикой, если можно так выразиться, курицы. Она мала и легковесна, легко перелетает значительные расстояния и очень

быстро бегает, а, главное, размножается „самосадкой“. Одичавшая и уединяющаяся от людей, она сама делает себе гнездо по близости от жилья. Когда выведутся цыплята, она не менее других диких кур заботится об охранении от хищника своих птенцов, которые при первой опасности исчезают под ее перовым покровом. Башкирка узнает о выводках только тогда, когда они попадутся ей на глаза. Самыми характерными чертами башкирской курицы является ее выносливость и полная неприхотливость. Наиболее часто встречающаяся окраска ее оперения темно-серая, темно-желтая или черная. Иногда башкиры берут кур с собой на кочевки, возле которых нам нередко приходилось встречать их в зарослях по горным ручьям, сидящими на деревьях и перелетающими с одного на другое с квоктанием, столь характерным для диких кур. При обычных условиях содержания башкирская курица перестает класть яйца в конце апреля и многие делаются способными к кладке только на следующую весну. Для молодых кур — это правило, старые же несутся дольше и обильнее, т.-е. с меньшими промежутками между кладкой.

Разводят башкиры еще и уток, но очень редко и мало. Чаще они подкладывают яйца диких уток под кур, а утятам подрезывают крылья. Дикие утята среди башкирских птиц явление далеко не редкое.

Обращаясь теперь к пчеловодству башкир, интересно прежде всего выяснить насколько древне для них это занятие. Если они издревле были кочевниками-скотоводами, выходцами из Азии, то естественно предположить, что они познакомились с пчеловодством уже по приходе в область современного своего расселения. Культурная связь с древними булгарами и своими соседями финского происхождения — исконными пчеловодами, пребывание в классической для пчеловодства стране уже давно должны были ознакомить башкир с этим занятием. Можно думать, что уже ко времени покорения их русскими, башкиры в широких размерах занимались пчеловодством, так как в дарственных записях, выдаваемых им русскими царями, упоминаются „бортные угожья“. В „Книге Большому Чертежу“, написанной в 1627 г., мы находим, между прочим, следующее место: „А от устья реки Белые-Воложки, вверх и по реке по Уфе по обеим сто-

ронам и до Аральтовы (Уралтовой) горы и далее все живут башкиры, а кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют" (4, 152). Бортные угодья наравне с бобровыми гонами упоминаются и впоследствии в челобитных самих башкир на имя „великих государей" и в ответных им грамотах.

В настоящее время пчеловодством занимаются башкиры повсеместно, за исключением степей крайнего востока Башкирии и весьма немногих горных местностей.

По способу содержания пчел башкирское пчеловодство можно рассматривать как бортевое, пасечное и огородное.

Бортью во всем Приуралье и в частности у башкир (*сулук*, *чулук*) называется старое дерево, в дупле которого живут дикие пчелы. В таком смысле употреблялось это слово и в древней Руси, только впоследствии в Полесьи и на Украине бортью стали называть ульи (колоды), повешенные на дерево в лесу. Надо полагать, что долгое время башкиры добывали мед исключительно из дуплистых деревьев с дикими пчелами, которые они находили в лесах. Только впоследствии они начали делать искусственные борти, выдалбливая дупла в старых деревьях, в которых потом и селились дикие пчелы; с этого только времени и начинается у них собственно пчеловодство. Еще и теперь башкирам случается находить в лесах дуплистые деревья с живущими в них пчелами; нашедший вырубает на таком дереве свой знак собственности (*тамга*), после чего он уже и считается его владельцем. Для добычи меда расширяется отверстие в дупле этой борти, вставляются в него колодки и каждый год вырезается из нее известное количество меда. Для устройства борти искусственной отыскивается старое, не менее 60 сантиметров в диаметре, дерево, преимущественно сосна, лиственница, дуб или вяз. Выбранное для борти дерево затамговывается (на нем вырубается знак собственности), и башкир приступает к устройству дупла. Так как дупло всегда устраивается высоко от земли (на высоте 6—8 и более метров), то на дерево нужно прежде всего взобраться. Способ влезания на борти у башкир весьма примитивен. На высоте около метра от земли на дереве делаются топором две зарубки такой величины, чтобы на них можно было опереться носком ноги; взяв затем плоский ремень (*кирям*) метров 5 длиной и около 5 см. ширины, сплетенный из сырой конской

кожи, на концах которого сделаны петли, башкир становится на первые две зарубки и обхватывает этим ремнем дерево и себя вокруг поясницы. Закрепивши *кирям* и опершись на него спиной, он зарубает новое углубление в дереве несколько выше первых двух зарубок, опирается в него ногой, выше делает еще зарубку, переносит на нее другую ногу;

Рис. 35. Взлезание на борть при помощи *кирям*, бурзяне.

продолжая делать зарубки и подымаясь все выше и выше, он добирается до ветвей, обрубает их, а достигнув известной высоты, привязывает к дереву подставку для ног (*агас аяк*, *иртэ*). Став на эту подставку, он привязывает себя ремнем к дереву на уровне поясницы и принимается за работу. Так как кожаный кирям стоит довольно дорого, то бедные башкиры плетут его иногда из лыка. Деревянная подставка, которая подвязывается под дуплом борти, всегда бывает вогнутой формы с площадкой на верхней поверхности, чтобы удобнее было на ней стоять, и с зарубками на концах,

при помощи которых она привязывается к дереву волосяной веревкой.

Для выдалбливания дупла в борти для пчел употребляется ряд специальных орудий: небольшой топор *(балта)* с длинным топорищем; специальное железное тесло *(брюз)*; род сапки *(багау)* также с длинной рукояткой; род рашпиля *(тырпы)* и особый скобель *(ышкы)*. На топор для пчеловодства, как

Рис. 36. *Брюз*, бурзяне, 1/5 н. в., 1002—89.

Рис. 37. *Багау*, бурзяне, 1/8 н. в., 1002—88.

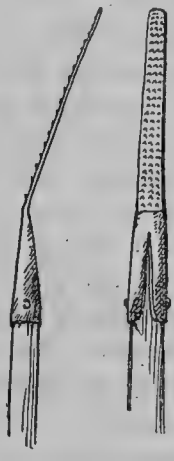


Рис. 38. *Тырпы*—для чистки бортей, 1/5 н. в.

Рис. 39. *Юмру ышкы*, гайнинцы, 1/6 н. в., 1002—95.

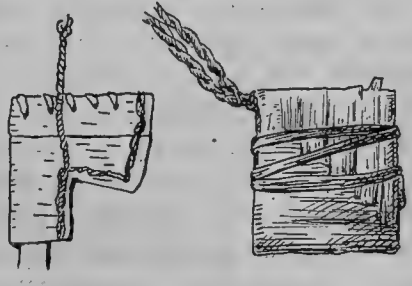


Рис. 40. *Балта кын*, бурзяне, 1/5 н. в., 1002 — 86, ишзер-катайцы, 1/5 н. в., 2881—643.

и на каждый топор, который башкир берет с собой в лес, надевается берестяной чехол *(кын)*, который закрывает или только лезвие, или весь топор. Тесло надевается на де-

ревянную рукоятку, им долбят дерево или непосредственно, или ударяя по нему обухом топора. Когда выдолблено уже значительное отверстие в дереве, начинают работать *багау*; острие его вогнутое и хорошо отточенное; инструмент этот совершенно такой же, как и для выдалбливания лодок и корыт. Окончательная очистка внутренности борти производится скобелем *(ышкы)*, укрепленном в короткой рукоятке. Вверху дупла, где трудно работать скобелем, дупло вычищается рашпилем *тырпы*, насаженным на палку около метра длиной. Выдолбив в дереве пустоту надлежащей величины, обыкновенно около 35 сантиметров в диаметре и до двух метров высоты, в нем укрепляют две-три поперечные палочки, а входное отверстие закрывается колодками *(капкак)* сантиметров 8 шириной; в колодках, между ними, а иногда и в стволе проделывается несколько маленьких отверстий *(кыя)*. Залетевшая в такую искусственную борть, дикая пчела делается ее работницей.

Бортей у башкир много и по сие время: мы их встречаем повсюду в южном Урале и отчасти в среднем (айлинцы, кудейцы и большекущинцы), встречаются они и по правую сторону р. Уфы у танып цев. В южном Урале у большинства пчеловодов их бывает по 50—80 штук, богатые же насчитывают их сотнями. Борти настолько ценились башкирами, что нередко, продавая лесные дачи, они оставляли за собой право пользоваться бортями, и новые владельцы по условиям купчих крепостей не имели права рубить их борти.

К осени, примерно с половины июля, башкиры начинают осматривать свои борти и подрезать мед. Каждый из них берет с собой нож, который они всегда носят у пояса в ножнах *(кын)*, топорик, о котором уже упоминалось, посудину для меда *(батман)*, гнилушку для подкуривания пчел *(сюрюк)*, некоторые –сетку *(кузлик)* и, разумеется, *кирям* и *агас аяк*. Взобравшись при помощи *кирям* на борть и подвязав деревянную подставку, башкир становится на нее, зажигает гнилушку и, открыв борть, смотрит много ли меда. Если меда окажется достаточно, то он вырезает несколько сот и кладет их в *батман*, который он подтягивает с земли при помощи особой веревки *(аркатау)*, привязанной к его поясу и батману. Если меду мало, то дают пчеле еще „заправиться“ и делают „подлазку“ позже. Осмотр бортей заканчивается

к середине августа, когда „взяток" пчел уже прекращается. На зиму, чтобы пчела не погибла от холодов, отверстие борти закрывается особыми матами *(сырпы)* из веток или лубом, под который подкладывается сухая трава. Помимо защиты от морозов, башкирами принимаются еще меры к предохранению бортей от медведей, которых много водится в их лесах, особенно в горах южного Урала. Для предохранения борти от медведя, ее ствол внизу обертывается на несколько метров лубом, благодаря которому ствол делается скользким и не позволяет медведю взбираться по нему. Другой способ защиты борти заключается в том, что на некоторой, довольно значительной высоте ствол обвязывается кругом небольшими деревцами, вершинами вниз, с заостренными на концах ветвями и стволом. Влезая на такую борть, медведь встречает на своем пути связку заостренных веток и сучьев, которые не позволяют ему взбираться выше. Наконец, иногда устраивают дощатый помост *(тазгак)* на средине дерева под летиком борти.

Разбросанность бортей в лесах, нередко на много верст одна от другой, лишает башкир возможности стеречь их. Вследствие этого довольно часты случаи кражи меда. Это обстоятельство породило в некоторых местах Башкирии (южный Урал) обычай: при сборе меда из бортей брать с собой одного, двух человек из соседей или родственников, которые могли бы быть свидетелями, что пчеловод собрал мед из собственных бортей.

С уничтожением лесов, бортей у башкир становилось все меньше и им поневоле пришлось начать устраивать ульи-колоды *(умарта)*, но к пасечному хозяйству они перешли не сразу. Долгое время ульи (колода, пень), укрепленные на деревьях, играли роль искусственных бортей. Еще и теперь, особенно в Прикамье и по р. Белой, башкиры ставят по лесам навощенные ульи, привязанные на деревьях. Весною, когда в лесу открывается взяток меда, пчела из безлесных мест летит в леса, садится в навощенные башкирами ульи, в которые делает занос и отпускает рои. В средине прошлого столетия, по словам Черемшанского (11, 373), таким образом

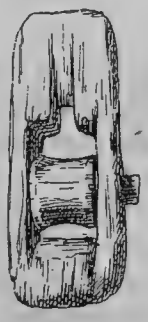


Рис. 41. *Чаһыр*, блок для подымания ульев, кайлинокаршинцы, 1/6 н. в., 2881—551.

прикамские башкиры заманивали пчелу от закамских вятчан и некоторые приобретали такой вольной пчелы по нескольку сот ульев. Осенью, после „подлаза", башкиры снимают ульи с деревьев и увозят домой, а весной их или продают, или увеличивают за их счет свои пасеки.

Пасечное хозяйство у башкир начало развиваться сравнительно недавно. Развешивание ульев на деревьях в лесу первоначально имеет тот же характер пчеловодства, что и бортничество. Ни наблюдения за развешанными ульями, ни

Рис. 42. *Утар*—пасека, гайнинцы.

ухода за пчелами, ни огребания роев еще нет. Между тем, возможность сконцентрировать большое количество ульев на деревьях, на сравнительно небольшом участке, позволяет оберегать их от расхищения меда и ведет к устройству настоящей пасеки *(утар)*. Для устройства пасеки избирается обыкновенно поляна, защищенная со стороны господствующих ветров, или по займищам, или небольшим перелескам. Пчелы помещаются в ульях-колодах *(умарта)*, расставленных на избранном месте на особых подставках (камнях или обрубках дерева), привязанных или к дереву или к воткнутым в землю кольям. Ульи бывают вязовые, липовые, осиновые, ветловые, дубовые и сосновые. Высота улья — от полутора до двух метров, диаметр — до одного метра. Посредине имеется узкая и длинная щель, закрываю-

щаяся двумя деревянными брусками *(капкак* или *капкас)*, расположенными один над другим и укрепленными особыми деревянными колками *(сёй)*. Сбоку вверху устраивается ушко *(колак)*, за которое улей привязывается к дереву. Внутри улья накрест укрепляются две или три палочки *(рата* или *тагарау)* для поддержания сотов *(балауз)*. В верхнем отделении помещаются еще особые грабельки *(тырма)* для сот. Пенек покрывается сверху берестой, на которую кладется какой-нибудь груз, чаще камень. Сбоку привязывается щеточка из хвороста, вблизи квадратного отверстия *(кыя)* для входа пчел, в которое вставляется длинный клин *(колак-сёй)*, настолько длинный, что один конец его касается внутренней стенки, а другой выходит наружу. Тут же на пасеке и в некоторых наиболее открытых местах по близости ее устраиваются особые приемники *(курт һарыһысь* или

Рис. 43. *Мыжга*—роевня, таныпцы, 1/12 н. в.; *тубал*, урман-кудейцы, 1/12 н. в., 2881—644; *кирям брюс*, таныпцы, 1/10 н. в., 2881—545.

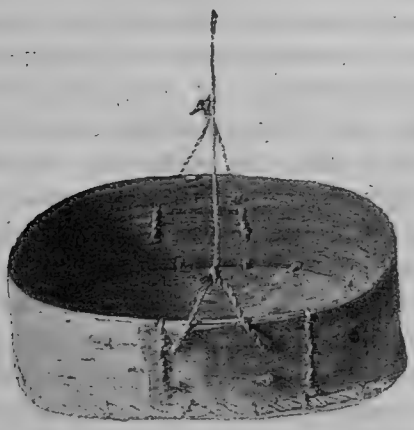


Рис. 44. *Тубал*, гайнинцы, 1/10 н. в., 1002—92 с.

Рис. 45. *Курт тубал*, гайнинцы, 1/15 н. в., 1002—92а.

курт караскаһы),—это небольшие куски луба, прилаженные на четырех колышках в наклонном положении или просто куски бересты, укрепленные на небольших деревцах. Роиться пчелы начинают с конца июня, к этому времени заготовляются ульи, роевни *(курт тубал)*, приводятся в порядок сетки и проч. Для изготовления ульев употребляются те же инструменты, что и для бортей; старые ульи вычищаются при помощи скобеля *(ышкы)* и наващиваются сотами. Сетка делается из черного конского волоса, натянутого на широкий лубковый обруч, к которому пришивается холщевое покрывало. Роевни *(курт тубал* или *мыжга)* бывают довольно разнообразны,—это или лубковый довольно глубокий короб, или плоская элипсоидная коробка, или вся из лубка, или с решетчатым, наподобие решета, дном, или, наконец, полуцилиндрической формы с решетчатой стенкой.

Вышедший рой сгребают с привала (приемника) в роевни берестяным с длинной ручкой ковшичком *(кашик)*, предварительно спрыснув рой водой. Когда рой огребен, роевню завязывают холщевой материей *(курт һуприк)*, в ней он остается до вечера или до утра следующего дня. Матка *(ана)* отыскивается в специально устроенной небольшой холщевой палатке *(курт сюмулдык)* или под холщевым пологом. Пойманная матка садится в маточник *(ситлык)*, по форме ничем не отличающийся от общераспространенного среди русских пчеловодов. Маточник ставится в улей и в нем матка держится с неделю и более, пока пчелы не начнут работать и не обживутся в нем. На зиму пчел убирают в омшенные подвалы *(баз)* или специальные полуземлянки, толстые же и крепкие ульи нередко оставляются на дворе на всю зиму. Вследствие часто весьма плохого устройства омшенников и отсутствия какого бы то ни было присмотра за пчелами, зимой они нередко гибнут массами. Весной на пасеку пчел начинают выставлять во второй половине апреля. Только теперь ульи осматриваются и, если в них

Рис. 46. *Курт ана-ситлык*, гайнинцы, 1/6 н. в., 1002—94 и *курт кашик*, гайнинцы, 1/6 нат. вел., 1002—93.

истощились запасы меда, а взятки еще нет, то пчел подкармливают искусственно. Им ставят или старый мед, или медовую сыту, а иногда и сахарный сироп; чтобы пчела не тонула в жидкости, на нее кладется немного соломы.

На пасеках у башкир редко бывают шалаши или балаганчики, чаще устраиваются специальные избушки, в которых живут сторожа и хранятся все необходимые для пчеловодства принадлежности. Пасеки кругом огораживаются за

Рис. 47. *Утар*—пасека, гирей-кипчаки.

борами, на которых всегда насажены конские черепа *(ат баш)* от сглаза *(куз тыйган)*; черепа эти бывают развешены также и на деревьях и на отдельных ульях.

Устройство и содержание пасеки всегда сопряжено с известными расходами. Поэтому башкиры, у которых пчел немного, держат их на огородах, в садиках возле дома или просто во дворе. Огородное пчеловодство встречается почти во всей Башкирии, преимущественно в деревнях, расположенных в лесах и полях, особенно вблизи чистых ручьев.

Подводя итоги всему сказанному о башкирском скотоводстве, птицеводстве и пчеловодстве, и выходя в наших сопоставлениях за пределы Башкирии, мы можем притти к некоторым небезынтересным заключениям. Оставляя в стороне птицеводство, которое играет второстепенную роль

в хозяйстве не только башкир, но и их соседей как кочевников на юго-востоке, так и оседлых на северо-западе, и обращаясь к скотоводству и пчеловодству, не трудно убедиться, что первое имеет несомненную связь с кочевнической Азией, а второе ведет свое происхождение от северо-западных соседей башкир. Если мы нанесем на карту область распространения пчеловодства и область, в которой и по настоящее время тебенюют стада башкир-скотоводов, то мы увидим, что их границы совсем иные. Иначе говоря, там, где башкиры занимаются пчеловодством, скот зимою не тебенюет и напротив, там, где скот тебенюет, башкиры не занимаются пчеловодством. Явление это не случайно и находится в связи с физико-географическими условиями страны, обитаемой башкирами. Выше мы уже говорили о том, что табунное скотоводство требует тебеневки, причем более благоприятные условия для этого в восточной и отчасти южной степной Башкирии, где лошади, а отчасти и овцы, тебенюют всю зиму или часть зимы. С другой стороны, скотоводческое хозяйство требует большой территории и кочевого или полукочевого образа жизни. Поэтому еще в первой половине прошлого столетия, занимаясь главным образом скотоводством, почти все башкиры, за исключением крайней северной и северо-западной их части, летом выезжали на кочевки; в настоящее же время с уменьшением земельных владений и падением скотоводства, на кочевку выезжает только небольшая их часть, а именно: восточные или зауральские башкиры, отчасти южные, а также все башкиры в горах южного Урала. По своему характеру башкирское скотоводство в восточной степной части Башкирии подобно скотоводству их восточных соседей казак-киргизов. У башкир мы находим тот же, что и у прочих азиатских кочевников, уход за скотом, те же приемы и орудия (способ доения кобылиц, снаряды для привязывания жеребят, поимки кобылиц и проч.) скотоводства, то же использование материалов, получаемых от скотоводства. Уход за скотом несколько иной в горной и северной (к западу от Урала) кочевой Башкирии. Невозможность тебеневки сделала необходимой заготовку на зиму значительных запасов корма. Орудия сенокошения и уборки сена несомненно заимствованы башкирами от их северо-западных соседей. До половины прошлого столетия, а местами и

до конца его, башкиры косили траву горбушами, столь хорошо известными и существовавшими до последнего времени у черемис, тептярей, чуваш, вотяков, зырян и северных великоруссов. В настоящее время башкиры повсеместно косят косами (литовками), убирают сено граблями и вилами, ничем не отличающимися от общераспространенных в Прикамье и Приуралье.

Что касается пчеловодства, то, как сказано, оно распространено почти по всей территории занятой башкирами, за исключением довольно узкой полосы восточной степи, причем везде мы имеем пасечное пчеловодство, в бассейне низовья р. Белой и в соседнем Прикамье—пчеловодство с подвешиванием колод на деревьях, а в горах южного Урала и в лесистых западных отрогах среднего Урала до сих пор еще существует бортевое, по преимуществу, пчеловодство. Если мы рассмотрим в деталях приемы, самые разнообразные принадлежности и инструменты, употребляющиеся в башкирском пчеловодстве как бортевом, так и пасечном, то мы увидим, что принадлежности башкирского пчеловодства не представляют ничего оригинального сравнительно с принадлежностями пчеловодства их соседей на севере и западе (вотяков, черемис, мещеряков, тептярей, чувашей и проч.). Мало оригинально оно и по сравнению с русским (великорусским и белорусским) пчеловодством вообще. Несколько своеобразен только примитивный способ башкир взбираться на борти; подобный способ мы находим только у живущих совместно с ними тептярей и мещеряков; черемисы же, вотяки и другие соседи башкир, для этой цели пользуются несколько иными приемами и снарядами.

Таким образом, в зависимости от приемов скотоводства и пчеловодства, на территории башкир намечаются несколько областей. Во-первых, восточная и отчасти южная полоса, где нет пчеловодства и население занимается главным образом скотоводством. Эта область имеет несомненную связь с кочевнической Азией. Вторая область занимает южный Урал и среднюю Башкирию, где башкиры, помимо пчеловодства, занимаются табунным скотоводством и выезжают летом или недавно выезжали на кочевки. Не так давно область эта была весьма значительна, теперь же с падением скотоводства все более и более сокращается. Наконец, третья область, северная и северо-западная часть Башкирии, где

табунным скотоводством не занимаются, и особенно развито пчеловодство. Последняя область имеет несомненную культурную связь и зависимость от северо-западных соседей башкир. Принимая во внимание особенности пчеловодства, вторую область можно подразделить на две подобласти с пасечным и бортевым (в горах южного Урала) хозяйством, и третью северную также на две подобласти: пасечную с бортевым пчеловодством к востоку от р. Уфы (хотя борти встречаются и западнее этой реки) и западную с пчеловодством пасечным и колодным на деревьях.

IV.

Земледелие.

Введение. Системы хозяйства. Обработка земли. Земледельческие орудия. Уборка хлебов. Молотьба хлеба. Мельницы.

Уже при беглом знакомстве с литературой о башкирском сельском хозяйстве обращают на себя внимание многочисленные утверждения, будто бы башкиры почти совсем не занимаются земледелием или, если и занимаются, то так, что их хозяйство можно назвать скорее насмешкой над земледелием. Один из авторов иронически замечает, что по распаханной кое-как пашне разбрасывается зерно, позади сеющего тащится лошадь с привязанной к хвосту березой, ветви которой заметают разбросанное зерно. Писали и о неспособности башкир к земледелию, и об их отвращении к этому занятию. Во всех подобных замечаниях есть известная доля правды, но есть также немало фактов, решительно говорящих против огульного обвинения башкир в бесхозяйственности. Не говоря уже о том, что западные, северные и отчасти центральные башкиры живут в настоящеее время почти исключительно земледелием, в восточной зауральской Башкирии встречаются хозяева, прекрасно обрабатывающие десятки десятин земли новейшими земледельческими орудиями и убирающие хлеб при помощи машин. В общем нельзя однако не признать, что земледельческое хозяйство у башкир стоит много ниже, чем у русского населения их края. Последнее, впрочем, вполне понятно, хотя бы уже по одному тому, что земледелием большинство башкир стало заниматься сравнительно недавно, а на Урале и до сих пор есть еще волости, которые совсем не занимаются земледелием. Во второй половине прошлого столетия Рычков (32_2, 134) писал, что

башкиры, „имея у себя множество скота, особливо хороших и крепких лошадей, способных к пашне, привыкли уже косить траву и довольно заготовляют ныне сена, чего у них прежде было весьма мало; есть между ними и такие, которые сами собой к пашне охотятся и для собственной своей потребности небольшой сев хлеба заводят, а особливо те, которые живут ближе к Уфе и к тем жительствам, где издавна было и есть земледелие". Лепехин в конце XVIII века писал (6, 24), „хотя башкирцы еще по сие время очень худые и ленивые хлебопашцы, однако по соседству с русскими и с ясашных татар селениями начинают вникать в хлебопашество и всякий старается по крайней мере столько посеять хлеба, сколько для домашнего обихода потребно". По словам Баишева (18, 7), даже некоторые из степных башкир, откочевавших летом в горы, приезжали с кочевок к деревням и сеяли в незначительном количестве хлеб у своих зимовок.

Решительным моментом в развитии башкирского земледелия было уменьшение площади их земельных владений. Расхищение башкирских земель в первой половине прошлого столетия, вымежевывание припущенников на их землях с выделением запасных участков в казну, и, наконец, размежевание по деревням их земель с разделением земель, на душевые и свободные, закончившееся лет десять тому назад, нанесло последний удар и без того падающему скотоводству. В области степи и лесостепи башкиры, лишенные возможности держать стада, в количестве обеспечивающем их существование, принуждены всецело заняться земледелием. То же произошло и в лесах, где население в былые времена существовало звероловством, пчеловодством и промыслом леса, который в последнее время почти весь уничтожен. Ныне башкиры не занимаются земледелием только там, где оно невозможно по условиям географическим, т.-е. в горах южного Урала.

Первоначальной системой земледелия для башкир степных мест была, так называемая, переложная, а для лесных огневая или подзольная. Первую из них еще и теперь можно встретить кое-где у многоземельных, особенно у зауральских башкир, с подзольной же нам пришлось встретиться в северо-западным углу башкирского края (Гайнинская и Уранская дачи). При переложной системе земля, однажды обработан-

ная и доставившая три, четыре урожая пшеницы, бросается на несколько лет; затем выбирается другой участок, еще не разработанный, или поднимается залежь, непаханная в течение десяти, пятнадцати лет, и опять подвергается обработке года на два-три. Система эта при редком населении и многоземелии вполне удовлетворяет потребности земледельца; ему нет нужды ухаживать за одним каким-либо клочком земли, когда обширные пространства ее к его услугам. Подзольная система еще более хищническая, чем переложная. При ней выжигается известный участок леса, иногда в несколько тысяч десятин. Из-за массы валежника, обгорелых деревьев, пней и корней выжженный участок вспахать, конечно, нельзя да и нет надобности, так как вся площадь бывает покрыта рыхлым слоем золы. Только местами, между кореньями земля слегка перекапывается мотыгой *(кятман)*. Едва перебороненный, зольный слой засевается хлебом, но уже после второго а иногда и после первого, посева на этой плодородной почве начинает расти такая могучая травяная растительность, что весь выжженный участок забрасывается.

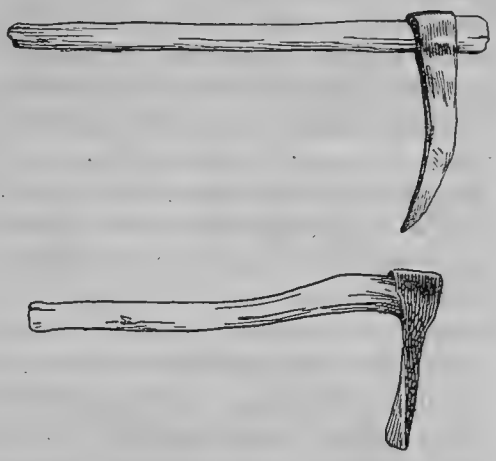


Рис. 48. *Кайля*, гирей-кипчаки, 1/10 н.в., 2881—535 и *кятман*, гайнинцы, 1/10 н. в., 1002 – 98.

Тогда как первые две системы земледельческого хозяйства имеют местный характер, трехпольная распространена повсеместно. При ней все распахиваемые земли разделяются на три поля, из которых два ежегодно засеваются хлебными растениями, а одно из них по очереди находится под паром. Этот обычный не только для башкир, но и для всего населения края, способ пользования землею, принимая во внимание ее плодородие, еще надолго останется преобладающим. В конце XVIII века башкиры, по словам Лепехина (6, 24), сеяли ячмень и овес, так как зимою хлеб для них „за ненужной

почитается". Теперь башкиры сеют яровую пшеницу, озимую рожь, полбу *(Triticum spelta)*, ячмень, овес и, редко, коноплю. Озимой ржи *(Secale cereale)* башкиры вообще сеют мало и посев ее производится со средины августа по сентябрь. Сеют обыкновенно свежие семена (сыробойные) в количестве 8—12 пудов на десятину; поспевают озимые к началу августа или его середине. Пшеница (белотурка, кубанка, благодатка и обыкновенная) сеется в количестве гораздо большем, чем рожь, за исключением северо-запада Башкирии и некоторых приуральских возвышенностей, где пшеница совсем не сеется. Посев ее, в зависимости от местности, производится в течение мая, а поспевает она в августе. Пшеницы на десятину сеется больше, чем ржи, пудов от 9 до 13. Ячмень (двустрочный и многострочный—остистый) возделывается повсеместно, но в небольшом количестве. Сеется он после пшеницы, а убирается раньше других яровых хлебов. Полба, так же, как и ячмень, возделывается в очень ограниченном количестве и только для своих потребностей (для крупы); сеется она раньше других хлебов. Последнее время башкиры начали сеять довольно много овса, часть которого у них идет на продажу. Урожаи его однако бывают плохие, вследствие дурной обработки земли и изредка плохого ее выбора. Гречиху и стручковые башкиры за весьма редким исключением совсем не сеют. Коноплю в небольшом количестве сеют повсюду, преимущественно там, где занимаются огородничеством.

Под посев всех вообще яровых хлебов поля приготовляются совершенно одинаково. Весной земля вспахивается в большинстве случаев всего один раз, независимо от того, вспахивается ли новая земля (залог, залежь) или старая, постоянно обрабатываемая. Боронят также только один раз. Земля вспахивается мелко, мало разрыхляется и не очищается от сорных трав. Благодаря плодородию почвы, урожаи бывают или обильные, или сорные травы заглушают злаки и урожаи бывают неудовлетворительные. В степных местах, главным образом в зауральской Башкирии, земля под посев яровых хлебов нередко подготовляется с осени, а весною земля распахивается вторично или обсеменяется прямо под борону. На приготовленную таким образом землю сеют пшеницу; на следующий год жниво (подпарок) перепахивается

один раз и на нем сеют овес, а на третий год земля парится. Под посев озимых хлебов пашут два раза; в первый раз в июне или в начале июля (под пар), а во второй раз за неделю или за две до посева; посев же производится под борону, чем и заканчиваются все работы по паровому полю. Разумеется, обработка полей под яровые посевы в разных местах Башкирии производится в различное время; на севере она запаздывает недели на три, на месяц сравнительно с югом Башкирии.

Наиболее распространенное ныне земледельческое орудие—плуг, который часто башкиры называют сабаном. Плуг у башкир встречается разных размеров, в зависимости от которых они пашут или на паре, тройке и даже на четырех лошадях. В последнем случае бедные башкиры устраивают „супряжки" (на юге) для совместной обработки своих полей. Татарский сабан, недавно еще широко распространенный по всему краю, теперь уже почти не употребляется, хотя в двух, трех экземплярах на деревню мы и теперь еще встречаем его повсюду у башкир. Башкирским (как и татарским) сабаном пашут с колесным передком. Состоит он из двух основных деревянных частей: рассохи *(сабан баш)* и горбыля (криулина, лиса, *ук тау)*, один конец которого прикрепляется к передку при помощи петли и деревянного гвоздя—чекушки *(сый, сёй)*, а другой укреплен в пятке рассохи. Впереди на рассоху одет железный сошник, а на верхнем конце укреплен рогаль *(тоткыс)*, держась за который, пахарь управляет сабаном. Горбыль с рассохой соединены железным винтом, который пропускается посредине горбыля и укрепляется в передней части рассохи; посредством этого винта *(ук)* сабан пускается в землю насколько пожелает пахарь. Отвалом *(кастык шабала)* обычно служит деревянная доска, косо прибитая на правой стороне.

Косуля теперь употребляется очень редко, да и то для вспашки только расчищенных от леса участков. Два сошника косули одеты на рассоху с естественным изгибом внизу, который образует как бы полоз; деревянный отвал, прикрепленный к рассохе, гвоздями упирается в перо одного из сошников. Верхний конец рассохи укреплен в валек, к которому прикреплены оглобли; запряжка в дугу или без дуги на гужах.

Наконец, обыкновенная соха *(сука)* с одним или двумя сошниками изредка встречается в разных местах башкирского края и употребляется главным образом для вспашки под пар первый раз для озимого, а также для обработки огородов.

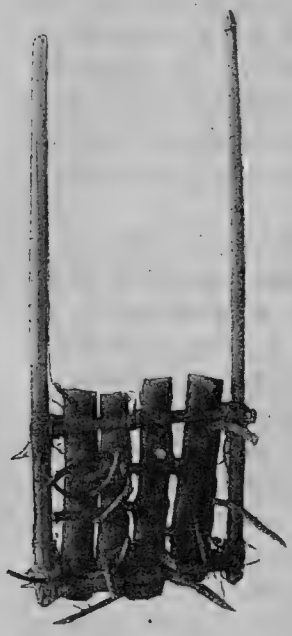


Рис. 49. *Агас тырма* (модель), гайнинцы, 1002—99.

Там, где существует огневая система земледелия, участки выбранные для посева боронятся специальной деревянной бороной *(агас тырма)*. Эта борона состоит из стволов ели, перерубленных пополам и укрепленных между оглоблями (при помощи перекладин) так, что сучья (около 1½ футов длиной) направлены в одну сторону.

Другой редкий у башкир тип бороны с деревянными зубьями был отмечен нами в северо-западной и в центральной Башкирии. Борона этого типа состоит из перекладин и клинообразные зубья ее укреплены ивовыми прутьями в местах, где эти перекладины перекрещиваются. Она имеет обыкновенно квадратную форму из 25 зубьев. В передней ее стороне укрепляется лучок из толстого прута, чтобы борона не зацеплялась за пни при распашке новых пашен.

Самая распространенная у башкир деревянная борона с железными зубьями, которых бывает от 20 до 25. Такая борона состоит

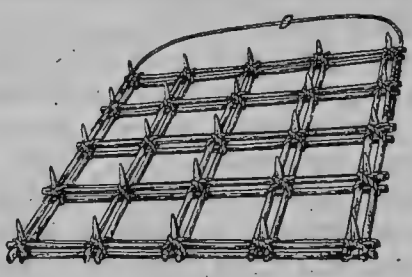


Рис. 50. *Агас тырма*, минцы.

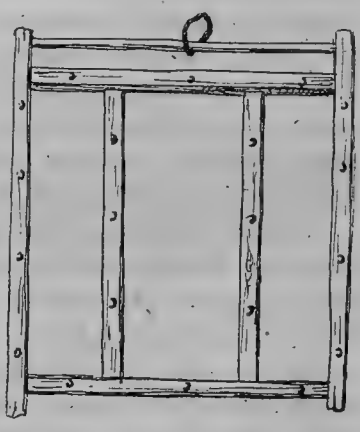


Рис. 51. *Тырма*—борона с железными зубьями, катайцы.

из четырех или пяти четырехгранных брусков, скрепленных двумя поперечными брусьями. В высверленных в этих брусках отверстиях вставлены железные зубья, обыкновенно четырехгранной формы, в наклонном положении. Размер бороны от 1,4 до 2 метров длины и от 1—1,2 метр. ширины.

Для запряжки в эту борону лошади на одном ее конце вставляется между крайними продольными брусьями особая крепкая палка (лучок), на которую надевается деревянное вязовое, дубовое или черемуховое, иногда и железное, кольцо, за которое на веревке прикрепляется валек; от валька идут длинные оглобли или постромки.

Уборка всех хлебов у башкир производится серпом *(урак)*. только овес косят косой (*салгы*), да и то не всякий и не везде. Косят хлеб только в неурожайные годы, когда он редок и травянист, и когда жать его считают невыгодным. Башкирский серп ничем не отличается от русского, косы употребляются те же, что и для травы, только с деревянными грабельками с 3—5 зубцами, которые приделываются к пятке косы. От каждого зубца этих грабель протягивается бечевка и укрепляется у ручки косовища для того, чтобы хлеб, падая на них, не мог переваливаться и солома ложилась бы ровнее. Сжатый хлеб связывается в снопы и складывается в суслоны, а потом в большие клади на гумнах.

Овинов для сушки хлеба у башкир вообще нет и только очень редко встречаются так называемые „шиши“ или татарские овины. Это круглая яма, выложенная камнем или обмазанная глиной и обожженная. Вокруг ямы устанавливаются колья в виде конуса, длиною до трех метров, и связываются вверху. Конус этот обкладывается снопами, колосьями внутрь, а в яме разводится слабый огонь.

Молотьба хлеба производится у башкир различными способами: лошадьми, телегой, камнем и цепами. По словам Георги (9, 100), башкиры „очищают семена от соломы топтанием крупной скотины, на которой разъезжают верхом по сжатому хлебу“. По Черемшанскому (11, 317), этот способ молотьбы был в большом употреблении в средине прошлого столетия не только у инородцев, но и у русских. „Пшеница кубанка, возделываемая в Оренбургском и Бузулукском уездах, иначе и не молотится, как только лошадьми“. В настоящее время лошадьми молотят в центральной Башкирии

и за Уралом; горох и гречу во многих местах только этим путем и обмолачивают. При молотьбе некованными лошадьми (*басым бастра*) развязанные снопы ставят по току в круг стоймя, колосом вверх, плотно один к другому. Лошадей употребляется различное количество от 3 до 10 и более. Все они привязываются одна к другой за шею и за хвост и управляются одним погонщиком, который становится среди круга с кнутом, а с боков становятся несколько человек с вилами и граблями и перетрясывают солому; после этого сводят лошадей с круга и снимают граблями перемятую солому в сторону, выворачивают нижний слой соломы и снова гоняют лошадей, повторяя это несколько раз так, что, по словам Черемшанского (**11**, 318), пять лошадей хорошей, например, пшеницы обмалачивают сто пудов в день.

Рис. 52. *Шап*, гайнинцы. 1/10 н. в., 1002—102.

В последние два десятилетия среди южных башкир распространилось еще два способа молотьбы: камнем и телегой, нагруженной камнями. Камни для молотьбы были завезены сюда переселенцами с юга России; по устройству и способу употребления они совершенно такие же, как молотильные камни украинцев. При молотьбе телегой ее возят по разложенным на токе снопам.

Молотьба цепом (*шабагас - суга*) характерна только для западной и отчасти северной и центральной части страны, населенной башкирами. За Уралом и на юге цепов или совсем нет или встречаются они изредка только у бедняков. Цеп, который употребляют башкиры, состоит из двух частей: легкого шестика (*кубак*) до 1,2 метра длиной и била (*тэпас*). Передний конец шестика или черена делается толще, в этом конце вдоль по дереву просверливается насквозь дыра, диаметром в палец; в эту дыру продергивается ремень (*каиш*) и завязывается узлом; за другой конец ремня привязывается за шейку полновесное (березовое, дубовое или вязовое), но не толстое било (35 см. длиной). Ремень, как в просверленной дыре черена, так и около шейки била вращается свободно. Иногда, на конце черена, вместо дыры бывает такая же шейка, как и на биле и вместо ремня—конопляная веревка.

Для хранения хлебов, помимо амбаров и клетей, которых мы коснемся в главе о жилищах, никаких специальных помещений не устраивают.

Перед употреблением в пищу хлебных зерен, их очищают от кожуры, превращая в крупы, или размалывают. От кожуры просо, ячмень и полбу очищают толчением в больших

Рис. 53. Толчение в деревянной ступе (*киле*), катайцы.

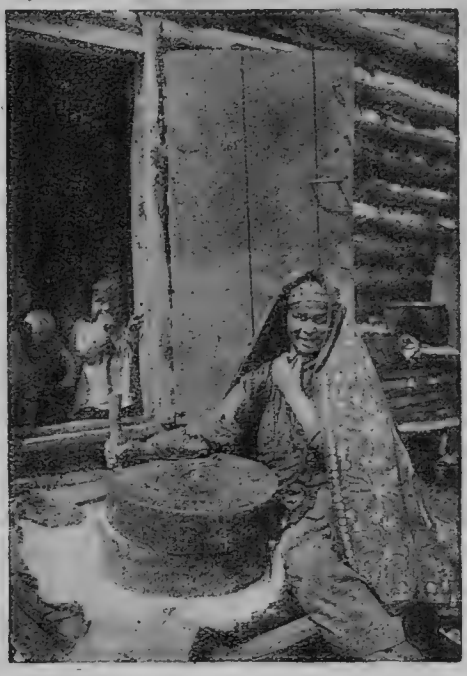


Рис. 54. Размол зерна на ручных жерновах (*кул тирмян*), катайцы.

деревянных ступах (*киле*) или пропускают один раз через деревянные с набитым чугуном жернова (*кул тирмян*). *Кул* (или *агас*) *тирмян* некогда были распространены в большом количестве повсюду среди башкир; теперь же их уже мало, но встречаются они повсеместно. Эти жернова состоят из двух цилиндрических кусков дерева (25 см. толщины, 60—70 см. в диаметре), вырубленных из березового бревна. В центре нижнего жернова укреплен деревянный или железный стержень, которому в верхнем жернове соответствует довольно широкое отверстие. Соприкасающиеся поверхности жерновов покрыты вбитыми в них осколками чугунного котла.

Поверхность нижнего жернова к центру слегка выпукла; верхнего, напротив, вогнута; у края верхнего жернова имеется колышек-ручка, при помощи которой его вращают. После первого пропуска зерен сквозь *кул тирмян*, они превращаются в крупу, но после пропуска от 3 до 5 раз, в зависимости от тяжести верхнего жернова, они смалываются в муку. Кроме деревянных, у башкир, хотя и очень редко, но встречаются и каменные ручные жернова (*таш тирмян*). Каменные жернова делаются из песчанника, плоские и имеют форму, приближающуюся к кругу, такого же диаметра, как и *кул тирмян*. Верхний жернов вращается на нижнем, зерна засыпаются в отверстие верхнего жернова. Ныне такие жернова нам приходилось встречать только в горах Урала, раньше же они были распространены в значительно большем районе. Подобные жернова башкиры часто находят при распашке полей, на местах бывших кочевок и старых поселков как целые, так и разбитые. Мелют на ручных жерновах исключительно женщины, подослав кусок холста или, чаще, телячью шкуру.

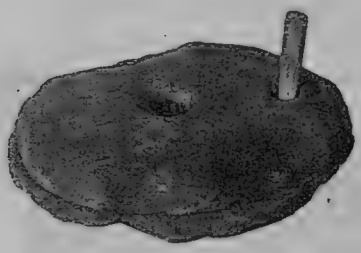


Рис. 55. *Таш тирмян*, катайцы, 1/10 н. в., 1002—104.

Помимо ручных, у башкир исстари существовали и водяные мельницы, отличавшиеся примитивностью устройства; это были те же ручные *кул тирмян*, но только с применением в качестве двигателя водяной силы. Прекрасное и подробное описание подобной мельницы приводит Паллас (**7**$_2$, 58—59), который видел ее у горных башкир Уфимской губ. Свое описание этот автор иллюстрирует хорошим рисунком. „При плотине срубают они", пишет Паллас, „на сваях стоящую небольшую избушку, посредине коей стоит сруб вместо стола; на нем лежат мельничные камни, кои никогда не бывают из камня, но только из крепкого какого корня или дерева сделанные круги, в которые вбиты многие маленькие железные лезвия без всякого порядка, но однакож так, что все они длиною от средоточия к округу простираются. Исподний деревянный мельничный круг лежит на доске неподвижно, а верхний снимается; в движение приво-

дятся осью мельничного колеса, которая сквозь средину исподнего круга проходит и железным крючком зацепляет за ямку на верхнем камне в середке выдолбленном. Ось делается обыкновенно из дерева: то есть самую нижнюю часть из корня обрубают на подобие булавы кругло и толсто, так что по оной многие пологие, с одной стороны жолобоватые крылья или лопатки, как будто спицы у тележных колес, вделаны, что составляет у их водяное колесо. Под булавою вбит железной шворень, посредством коего ось стоит в ручье на свае прямо и на оном вертится. Вода течет по деревянному жолобу из небольшого на плотине прореза, к одной стороне горизонтально лежащего сего колеса, и ниспадая на выдолбленную лопаток сторону поворачивает колесо, ось и, наверху в мельнице находящийся, верхний жорнов. Для остановления мельницы кладут долгий шест между лопаток, а другие делают жолоб подвижной, почему, отворотя его на сторону, то же самое производят. Зерна, из которых хотят делать крупу или крупную муку, ссыпают так как и на обыкновенных мельницах в дощатой кузов, при котором внизу проделан маленький жолобок, соответствующий прямо средней дыре верхнего жорнова. Короб, в коем зерна содержатся, висит на поперечинах мельницы подвижно и при оном рычаг, достигающий одним концом до верхнего жорнова, от которого производимое в нем трясение сообщается коробу и тем семена из его вытрясаются; когда башкирцу вздумается мельницу на несколько времени остановить, или воспрепятствовать, чтоб зерен из короба более не сыпалось, то он отнимает только объявленный рычаг". Совершенно такие же, как только что описанная, мельницы встречались до последнего времени кое-где в оренбургской Башкирии. Так, на реке Сакмаре опи-

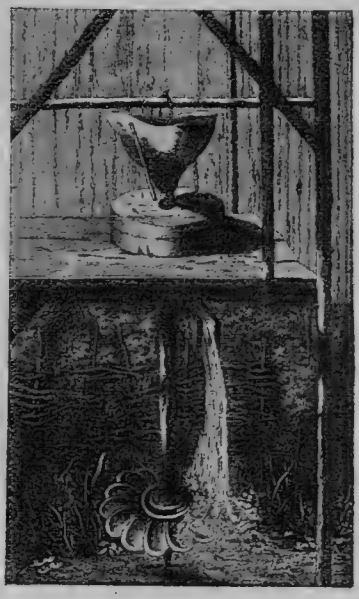


Рис. 56. Мельница мутовка. (Паллас).

сана подобная мельница — моталка (в отличие от большой — *куляса*), где в небольшом шалаше помещался жернов, сидящий на вертикальной оси вместе с водяным колесом. Это колесо состояло из восьми вертикально же поставленных лопаток в поларшина длиною каждая, так что все колесо было размером в обыкновенное колесо телеги. Непосредственно из запруды в лопатки била вода и приводила таким образом в движение жернов (36, 221). Нам лично такие мельницы мутовки пришлось встретить между р. Белой и р. Сакмарой у бурзян и тамьян-тангаурцев. Большие водяные мельницы, которых много повсюду в Башкирии, ничем не отличаются от общеизвестных великорусских.

Принимая во внимание то обстоятельство, что земледелие сравнительно недавнее занятие башкир, что с давних времен они приходили в близкое соприкосновение с искони земледельческим населением Прикамья, трудно ожидать встретить в этом их занятии что либо самобытное. Принявшись за земледелие по необходимости и занимаясь теперь им повсеместно, за исключением горной области южного Урала, башкиры переняли от своих северо-западных соседей финнов и великоруссов готовые формы и орудия этого хозяйства. Не приходится предполагать какого бы то ни было влияния на башкир в этой области со стороны азиатских кочевников, за исключением, быть может, одного факта, о котором скажем ниже. Земледельческая культура, пришедшая в Башкирию главным образом с северо-запада, в последнее время, особенно у великоруссов и мусульманских народностей в пределах Башкирии, достигла значительного развития, только башкиры остались далеко позади. В то время, как соседние им великорусы, татары, мещеряки и другие широко пользуются сельскохозяйственными машинами, башкиры в большинстве случаев пользуются теми же приемами и земледельческими орудиями, которые они позаимствовали раньше. Любопытно, что сельскохозяйственное описание Оренбургского края Черемшанского (11), устаревшее уже для великорусского населения Башкирии, для башкир, за немногими исключениями, еще до сих пор современно. Огневая система хозяйства с ее примитивными и своеобразными орудиями известна не только на крайнем северо-западе

Башкирской территории. Ее мы в таком же самом виде, с теми же, что и у башкир орудиями, находим у соседних вотяков, черемис, бесермян, пермяков и проч. Переложная система хозяйства принесена была в этот край по всей вероятности переселенцами с юга России, а трехпольная, особенно распространенная теперь у башкир, известна у всего разнородного населения этого края. Что касается земледельческих орудий, сох с одним и двумя сошниками, косули и татарского сабана, то они, став редкими у великоруссов, встречаются еще у вотяков, черемис, чувашей, мещеряков, татар и тептярей. Деревянные бороны с железными зубьями также широко распространены у соседей башкир, как и у них самих, а деревянные бороны с деревянными же зубьями, которые мы отметили для северо-западной Башкирии, встречаются также у мещеряков и тептярей Мензелинского у., у черемис, вотяков, чувашей и у прикамских татар. Употребляемые башкирами серпы и косы, равно как и способы уборки хлебов, также не представляют ничего оригинального. Что касается способов молотьбы хлеба, то здесь можно выделить несколько отличных один от другого районов. Так, мы знаем, что в восточной зауральской Башкирии и отчасти в южной ее части башкиры обмолачивают хлеб лошадьми. Напротив, в северной Башкирии по западную сторону Урала до широты г. Уфы, хлеб молотят исключительно цепами. Между этими двумя областями заключается третья центральная и юго-западная Башкирия, где одни сорта хлеба обмолачиваются цепом, другие топчутся лошадьми. Наконец, в этой же области, главным образом в Оренбургском уезде, намечается район, где хлеб молотят камнем (гарманом) и телегой, нагруженной каменьями. Эти способы появились недавно и завезены сюда, по крайней мере первый из них, украинцами юга России. Для нас не совсем ясно только происхождение молотьбы хлеба лошадьми. С одной стороны, исключительное распространение этого способа молотьбы на востоке башкирского края по соседству с Азией, где он так широко практикуется, наводит на мысль об азиатском его происхождении; с другой стороны, он, как хорошо известный на юге России, мог быть завезен оттуда, и башкиры не преминули им воспользоваться, как наиболее легким способом молотьбы.

Относительно употребления башкирами деревянных ступ и ручных деревянных с набитым железом жерновов для обдирания круп и приготовления муки, то они весьма широко распространены и за пределами Башкирии. Мы их знаем не только у тептярей, татар, мещеряков, вотяков, черемис и проч., но также у казак-киргизов и других азиатских кочевников.

V.

Пища.

Растительные продукты и огородничество. Молочные продукты. Животная пища. Заготовление запасов провизии. Способы приготовления пищи. Кушанья и их приготовление: молочные, мучные и мясные. Напитки.

Первые сведения о пище башкир весьма скудны и относятся они только к последним двум столетиям. Наиболее древнее указание относится к первой половине XVII столетия, когда в „Книге Большому Чертежу“ (4, 152) отмечалось, что—„кормля их (башкир) мед, зверь и рыба“. Этот источник не упоминает о молочных продуктах, между тем последние у башкир, как у народа скотоводческого, должны были иметь большое значение. Зато бытописатели конца XVIII столетия уделяют особое внимание этому роду пищи и дают нам уже достаточно обстоятельные сведения о башкирской пище вообще. По словам Лепехина (6_2, 56), летом башкиры питались исключительно молоком, „вся провизия башкирцев в дороге состояла в небольших кусках сыру (*крут*) и турсуках с кумысом, который имел каждый по одному. С сего они были по просту сказать сыты и пьяны“. Современник Лепехина Паллас (7, 650—651) также отмечает, что главное питание башкир состояло в молочных продуктах и мясе, и что хлеб у них употреблялся в пищу не повседневно. Про пермских башкир автор начала прошлого столетия Попов (10_3, 188) писал, что они — „кроме мяса едят частию и хлеб; летом пьют кумыз, а зимою из того молока делаемые брагу и ирень“ (вероятно *айран*).

С изменением хозяйственного быта башкир изменился в значительной степени и характер потребляемой ими пищи и то, что писали о их пище путешественники позапрошлого

столетия в значительной мере относится теперь только к зауральским башкирам-скотоводам.

Пища современных нам башкир состоит из продуктов растительных, молочных и животных. Из продуктов минеральных потребляется только поваренная соль, которую башкиры теперь покупают, но до учреждения казенной ломки (1754 г.), по словам Палласа (7₁, 364) добывали ее сами.

Из дико растущих растений в пищу башкирами употребляются довольно многие: *балтыгран* (стебли одного зонтичного), который едят как в сыром виде, так и мелко нарубленный и сваренный с лапшой; *кузгалак* или *камызлык* (стебли кислицы) едят как в сыром виде, так и вареный; кроме того, едят *кымыз* (стебли молочая) *сыркупша, куян колак, сабыркан* и другие травы. Особенно много местами употребляют в пищу *янтрак* (сарана), как приправу к многим кушаньям *юва* (полевой лук) и *суган* (полевой чеснок); горные башкиры едят в значительном количестве и черемшу. Так как огородничеством они занимаются мало, а там, где и занимаются, то садят почти исключительно картофель (*бурянгы*), то из овощей только картофель они и употребляют в пищу. В западной и северо-западной территории, населенной башкирами, последние два-три десятилетия начинают разводить и другие овощи, особенно огурцы, но в прок они не заготовляются, и в питании башкир этот овощ занимает последнее место. Грибов башкиры совсем не едят никаких, но ягоды собирают всевозможные: полевую клубнику (*зир зиляк*), землянику (*каин зиляк*), малину (*куран зиляк* или *амзе*), красную и черную смородину (*казыл, кора-карагат*), ежевику, костянику, полевые вишни (*шие*) и в особенности в большом количестве черемуху (*муил*). Ягоды потребляются как в сыром виде, так и в виде особого рода пастилы (*как*); сушеную черемуху и вишни, подобно русским, мелют и делают с ними пироги.

Главным питательным растительным продуктом для башкир в настоящее время являются всевозможные злаки (полба, ячмень, рожь, пшеница-кубанка), из которых они приготовляют кашу, похлебки, пекут лепешки и хлебы. Кроме того, башкиры употребляют в пищу и пшено (*тары*), но в ограниченном количестве и не повсеместно, гречихи же они нигде, за исключением разве крайнего северо-запада, не едят.

Сахару башкиры вообще потребляют мало, гораздо больше меда, особенно там, где они занимаются пчеловодством.

Молочные продукты, занимавшие некогда столь исключительное положение в питании башкир, теперь потребляются сравнительно в малом количестве. Кроме молока (*сют*), башкиры едят сметану (*каймак*), кислое молоко (*катык*), творог (*ремчек*), масло (*май*) и сыр (*курут*). Из кобыльего молока на значительной территории и поныне еще приготовляется *кумыс*, а из коровьего, кроме выше перечисленных продуктов—*айран*. В последнее время, с распространением даже среди башкир сепараторов, башкирская беднота сдает на приготовление масла почти все молоко, благодаря чему лишается одного из самых важных продуктов своего питания. Сильно уменьшилось за последнее время также потребление и куриных яиц, которых и без того у башкир бывало немного, так как в местностях пригородных и близких к железным дорогам они в большом количестве идут в продажу.

Мало и далеко не повсеместно едят башкиры рыбу, так как с одной стороны ее много только в зауральской озерной области, да по большим рекам, и рыболовство у них вообще не процветает, а с другой стороны малое потребление рыбы до известной степени могло явиться результатом учения ислама. Рыбу едят башкиры главным образом в вареном виде, редко жареную в масле. Гораздо больше потребляют башкиры диких птиц: — куропаток и рябчиков (*бужур, сэль*), тетеревов (*узан, куртлюк, кур*), глухарей (*һуир, суир*), уток (*ирок, урдэк*), гусей (*каз*), журавлей (*трна*) и проч. Из домашних птиц едят гусей, а иногда и кур. Из диких зверей повсеместно едят зайцев (*куян*) и диких коз там, где они водятся, а из домашних животных—баранов, особенно за Уралом, лошадей, коров и коз.

Заготовление пищи в прок производится только путем вяления на солнце или засушивания. На солнце вялится мясо, преимущественно конское, а также колбасы (*казы, кады*), приготовленные из конского сырого мяса с конским же жиром (салом). Подсушиваются на солнце или над костром колобки сыра (*курут*); сушатся ягоды, чаще в виде пастилы (*как*), сушат и сарану (*янтрак*).

Способы приготовления башкирской пищи довольно разнообразны. Наиболее примитивным нужно считать обжари-

вание мяса на вертеле, остроконечной палочке, наклонно воткнутой в земле над костром, что нередко можно наблюдать у горных башкир. Особенно часто зажаривают они таким образом птицу, добытую во время охотничьего промысла, при этом птицу они распластовывают с удивительной ловкостью и насаживают ее на только что срезанную деревянную рогатку или вилку так, что она равномерно обжа-

Рис. 57. *Мис*—печь для хлеба, бурзяне.

Рис. 58. *Мис*—печь для хлеба, над ней *лаш* для просушки *курут*, тамьян-тангаурцы.

ривается. В золе башкиры часто пекут яйца, картофель, сарану, а изредка и мясо, но чаще всего хлебные лепешки.

Способ, печения хлебных лепешек (*икмяк*) в золе (*кульга пышкан*) до сих пор остался совершенно тот же, каким его описывал Паллас. По словам этого исследователя (**7**$_1$, 651) башкиры „еще и ныне пекут оный (хлеб) таким же образом, как пекли первые люди. Башкирская женщина месит несмытыми руками лепешку на воде с солью, сажает ее на поду камина в горячую золу и загребает. Потом втыкают на палочку и держат несколько у огня, чтобы корка поджарилась". Правда, подобными лепешками башкиры питаются в настоящее время не везде, и пекут их главным образом башкиры-скотоводы, в горах и в Зауралье. Пекут башкиры

и квашеный хлеб (*кумас*) в особых весьма примитивно устроенных печах (*мис*). Печи эти мы находим повсюду на башкирских кочевках (*яйдау*) и во дворах деревень (в северо-западной Башкирии) и, вместе с каминами (*сувал*), внутри постоянных зимних жилищ. Печи эти небольшой величины, сложены бывают из камней, снаружи и изнутри они обмазаны глиной. Когда печь вытоплена, в нее садятся на лопате (*крёк*) хлебы, отверстие вверху для выхода дыма и чело закрываются, первое камнем, а второе заслонкой. Башкирские хлебы вообще плохо вымешаны и плохо выпечены. Несколько лучше готовят хлеб там, где его пекут в русских печках, особенно в северной и северо-западной части башкирского края.

Рис. 59. *Мис*—печь для хлеба, катайцы.

Огромное большинство пищи башкир варится в котлах (*казан*), а жарят в масле на сковородах только очень немногие богатые башкиры, да при том далеко не везде.

Для того, чтобы иметь представление о пище башкир, не безынтересно будет перечислить наиболее распространенные их кушания и способы приготовления последних.

Молочные: 1) *Сют* — обыкновенное сырое коровье или козье молоко.

2) *Каймак* — топленое молоко со сметаной или же кипяченое молоко с густыми и плотными пенками.

3) *Ремчек*—обыкновенный творог.

4) *Катык*—род творога, приготовляется из вареного молока, которое после охлаждения до обыкновенной температуры заквашивается или старым уже кислым *катык* или *айран*, полученным при сбивании масла.

5) *Азикай* — к свежему *катык* прибавляют молоко и выпаривают в котле на медленном огне до суха; получается желтая масса, которую при употреблении в пищу приправляют не топленым маслом и едят с чаем.

6) *Сузьма* — свежий катык отжимается и употребляется в пищу с медом.

7) *Курут* или *крут*—кипятят в котле свежее молоко, сливают его в большие деревянные чашки (*табак*) и оставляют остыть; сняв пенки, сливают его в кадушку и заквашивают как *катык*; в продолжение известного периода времени, пока кадка не наполнится, молоко в ней квасится, образуется творожистая масса и сыворотка по-

Рис. 60. *Лаш* помост для сушки *курут*, бурзяне.

Рис. 61. *Сыт*—корзина для хранения *курут*, бурзяне.

степенно отчерпывается. Содержимое кадки снова варится в котлах, творог (*катык*) отжимается в мешках и или непосредственно употребляется в пищу (*яш-курут*), или подсаливается и из него катаются колобки сантиметров от семи до десяти в диаметре, которые и просушиваются на солнце на особых сушилках (*лаш*). *Лаш* устраивается следующим образом. К четырем вбитым в землю колам привязываются или кладутся на их развилины и сучки две продольные жердочки, на которых настилаются лучинки, связанные на некотором расстоянии одна от другой веревочками; на этих лучинках раскладываются колобки сыра. *Лаш* иногда устраивается над очагом, особенно у горных башкир, чтобы сыр скорее про-

сыхал; благодаря этому он бывает нередко закоптелым, что дало повод некоторым авторам утверждать, что башкиры коптят свои сыры. Для хранения *курут* делаются или специальные плетенки (*сыт*) из ивы, нередко весьма внушительных размеров, грушевидной формы, или коробы из луба (*тубал*). Область, в которой приготовляется в настоящее время *курут*, все еще весьма обширна. *Курут* мы находим во всем Зауралье, по всему южному Уралу и на юге Башкирии, а также в западной ее части, примерно до широты г. Уфы. Здесь наиболее северные Башкирские дачи, в которых мы встречаем *курут*, принадлежат минцам и кудейцам. Сравнительно недавно *курут* приготовляли айлинцы, восточные таныпцы и соседние минцам кайлинцы и киргизы.

8) *Май* — обыкновенное сметанное, не топленое масло, сбитое в высокой, малого диаметра липовой кадочке (*чиляк*), при помощи особой мешалки (*бишкак*).

9) *Кубэк май* — кислое молоко, смешанное со сметаной и сбитое в кадочке, как и обыкновенное масло (*май*).

10) *Айран* — наиболее распространенный напиток, приготовляемый из коровьего молока. Он встречается у башкир повсеместно, за исключением разве только самого крайнего северо-запада Башкирии, где уже начали варить русский квас, но способы его приготовления, повидимому, не везде одинаковы. Местами (скотоводы в горах) *айран* приготовляется совершенно так же, как и кумыс, только из коровьего молока и разбавляется водой. Местами словом *айран* называют сколотину из под масла.

11) *Кумыс.* Из кобыльего молока башкиры приготовляют только кумыс. Способ приготовления кумыса общеизвестен, и по этому вопросу существует специальная и притом довольно обширная литература. Башкирский способ приготовления кумыса ничем не отличается от общепринятого. В большой кожаный сосуд (*наба* или *саба*) вливается свеже подоенное кобылье молоко, которое иногда разбавляется немного водой. В сосуде этом всегда имеются засохшие бродильные грибки, которые развиваются в свежем молоке и начинается спиртовое, молочно-кислое брожение. Если сосуд взят новый, то в свежее молоко вливается немного старого кумыса, сохранившегося с прошлого года. В сосуд этот вли-

вается молоко после каждого доения кобыл, а последних доят от двух до четырех, даже до пяти раз в день. Кумыс очень часто взбалтывается особыми мешалками (*бишкак*) и через три, четыре дня он уже годен для питья. *Бишкак* — палка около метра длиной с кругом (сант. 15—25 в диам.) на конце, в котором проделано несколько отверстий; палка с кругом обычно бывает из одного дерева, стержень из ствола, а круг из корня, или круг бывает одет на конец

Рис. 62. *Бишкак*, гирей-кипчаки, 1/7 н. в., 2881—632, 633.

Рис. 63. Сосуды для кумыса, катайцы.

палки. Иногда круг заменяется крестовиной. Кожаный сосуд для приготовления кумыса (*наба*) встречается у башкир все реже и реже и его можно наблюдать теперь только по восточному склону южного Урала и в прилегающей степи, да и то редко. Однако еще не так давно, лет двадцать назад, сосуд этот был распространен во всем Зауралье и по западную сторону хребта, южнее г. Уфы. В настоящее время *наба* заменена липовыми кадушками (*силяк*), чаще всего выдолбленными из цельного ствола дерева со вставным дном.

Следующая обширная категория — кушанья, изготовляемые из хлебных зерен или муки, обыкновенно в смеси с молочными продуктами.

12) *Ойрэ* — похлебка из ячменных или полбенных круп, заправленная сыром.

13) *Бутка* — каша, ячменная или полбенная, на молоке или на воде.

14) *Салма*—лапша из ржаного или какого-нибудь другого круто замешанного теста, режется ножом и бросается в котел с кипящей водой *(токмас салма)*; иногда замешанное тесто не режется ножом, а просто рвется руками на кусочки в виде клецок (*сумарь салма*). *Салма* заправляется растертым сыром, а иногда и сараной.

15) *Курмач* — ячмень с конопляным семенем, поджаренный в масле.

16) *Талкан* — ячменная или полбенная мелкая крупа, смешанная с маслом и сметаной и разведенная в горячей воде.

17) *Оумеля* — в кипящую сметану подсыпается понемногу пшеничная или ржаная мука, хорошо промешивается и солится; получается род кашицы в масле.

18) *Юаса, баурсак* — в кипящее масло, бараний или конский жир *(таузлык)* бросаются мелкие кусочки раскатанного пресного теста и варятся в нем.

19) *Сяк-сяк* — из крупичатой муки приготовляется пресное тесто на яйцах, режется на кусочки величиной с грецкий орех и варится в масле, после чего они заливаютея медом.

20) *Куймак* — блины.

Из мясных кушаний заслуживают упоминания:

21) *Баламык* — жидкий, заправленный мукой, отвар мяса с натертым в него сыром *(курут)*.

22) *Балиш* — жареная баранина с перцем и чесноком; кушание очень редкое и мало распространенное.

23) *Чур-паря* или *сюп-баря* — род пельменей, сваренных в воде или в молоке.

24) *Биш-бармак (кулама)* — самое прославленное из башкирских кушаний. Его неоднократно описывали не только авторы конца XVIII столетия, но и впоследствии ему уделялось особое внимание. Происходило это оттого, что *биш-бармак* не только одно из наиболее древних кушаний, но как кушание мясное оно приготовляется для гостей, почему с ним связана и церемония угощения гостей. Название *биш-бармак* (пять пальцев) произошло оттого, что это кушание, как и большинство других, башкиры едят просто руками. Де-

лается оно всегда из свежей баранины, мясо режется на мелкие кусочки и варится в котле в продолжение нескольких часов. Когда мясо уварится, в котел кладется лапша *(салма)*. На нарах или на земле, если угощение происходит в кибитке, поверх кошмы растилается скатертка *(аш яулык)*, хозяин или взрослый сын его обходит с кувшином *(кумган)*, а в избе и с тазом, всех присутствующих, которые моют руки и садятся вокруг скатерти, на которой в больших деревянных чашках *(ашлау)* стоит *биш-бармак*. В каждой чашке с *биш-бармак*, если их несколько, помимо кусочков баранины, жира и лапши лежит несколько больших кусков мяса, а иногда и колбасы. Один из гостей, вооружившись ножом крошит мясо на куски, а другой эти куски мяса и колбасы раздает присутствующим. Во время еды пирующие в знак внимания лучшие, жирные куски кладут в рот своим соседям или тем, кого пожелают почтить. Время от времени к кругу подзывается кто-нибудь из зрителей или детей, желающий угостить его произносит *сугун* (буквально — ешь, глотай), тот открывает рот, куда ему и втискивается горсть или целая пригоршня мяса. Сам хозяин обыкновенно не сидит в кругу, а хлопочет о гостях. Наконец *биш-бармак* съеден и чашки убраны. Хозяин отпив немного из чашки *(тустак)* с наваром *(шерба)* из под мяса, подправленным сыром *(курут)*, подает ее одному из гостей. Последний отпив немного передает ее соседу и она обходит весь круг. После произнесения с поклоном благодарственной молитвы все встают, вторично моют руки и, расположившись поудобнее, приступают к питью кумыса.

25) *Кады* или *казы* — конские колбасы, одно из наиболее лакомых и почетных блюд; лошадиная кишка начиняется жиром с мясом и провяливается; перед употреблением в пищу колбаса варится.

Из башкирских напитков нам остается упомянуть еще *асе-бал*, род браги и *буза*.

26) *Асе-бал* — кислушка, напиток крепкий и опьяняющий. Несколько фунтов сотового меда разводится в горячей воде и заквашивается ячменем, перебродившим предварительно с дрожжами, гущею или кислым тестом. Местами берут просто заквашенный и слегка проросший ячмень или просо; когда оно начнет бродить, его заливают медовой сытой.

Заквасив таким образом мед, его ставят на несколько дней в теплое место. Кислушка годится для питья уже на следующий день, но надлежащую крепость она приобретает дня через три. Кислушка напиток не повседневный; приготовляется он зимой и главным образом во время свадьбы. Известна кислушка среди башкир повсюду, где занимаются пчеловодством. Башкиры познакомились с ней, вероятно, вместе с пчеловодством, позаимствовав ее от западных своих соседей, вместе со способом ее приготовления и обычаем приготовлять ее во время свадьбы.

В зауральской, степной Башкирии, там, где пчеловодством не занимаются и не приготовляют *асе-бал,* его заменяет другой спиртной напиток — *буза.*

27) *Буза* — делается из ячменя или пшеницы; проросшие зерна сушат и мелят на ручных жерновах *(кул тирмян)*; полученный таким образом солод заваривают горячей водой, заквашивают и оставляют бродить дня два, три. *Буза* до последнего времени можно было встретить зимой у зауральских катайцев, кара-барын-табынцев и у степных кубеляк-телевцев, тамьян-тангаурцев и у бурзян. Лет тридцать, сорок назад она была распространена во всей степи, населенной башкирами.

Самым распространенным, повседневным башкирским напитком в настоящее время является фамильный (байховый) чай, редко кирпичный. В некоторых местах беднота заменяет настоящий чай его суррогатом из листьев и цветов киприя (иван чай) и так называемой *матрушка* (богородской травы), настой из последней пьется, впрочем, больше как лекарство.

Наиболее распространенный дессерт, род пастилы — *как.*

28) *Как*, приготовляется из клубники или из других ягод которые протираются сквозь решето или отжимаются сквозь редкую тряпочку; кашеобразный сок выливается на гладкую доску, слегка смазанную сметаной, чтобы пастила не прилипала, и высушивается на солнце. Через два-три дня тонкие листы пастилы уже готовы, их свертывают в трубочку и едят с чаем.

29) *Балиш* — в некоторых местах башкиры делают пироги *(балиш)* из теста с начинкой из различных ягод, целых или в молотом виде (вишня и черемуха).

Можно было бы перечислить еще кое-какие башкирские кушания, но, полагаем, что и этих достаточно, чтобы иметь представление о роде их пищи. Продукты скотоводства, молочного хозяйства, до сих пор еще, как мы могли в этом убедиться, занимают одно из первых мест в питании башкир. Животная пища в настоящее время стоит на втором плане, так как повседневной она является только для очень немногих особенно богатых башкир; далее идут злаки, которые все более и более прививаются у башкир. Особенного внимания заслуживает почти полное отсутствие у них овощей.

Едят башкиры обыкновенно три раза в день: утром, часов в шесть, семь — *иртянге-аш*, в полдень — *тошке-аш* и вечером — *кискэ-аш*. Утром пьют чай без сахара, иногда с медом, коровьим маслом; подают к нему лепешки или хлеб и *каймак*. Чаю пьют очень много и очень долго. Обед в огромном большинстве случаев повторение *иртянге-аш*; если нет чая, то делают лапшу без мяса *(такмас салма) бутка* или *буламык*. Вечером пьют чай с теми же продуктами что и утром. Таково питание огромного большинства башкир, значительная же часть выше перечисленных кушаний доступна только богатым или являются праздничной пищей.

Не имея возможности, за недостатком материала, исследовать происхождение большинства башкирских кушаний, путем сравнения их с кушаниями других соседних башкирам народностей и оставляя в стороне такие распространенные кушания и напитки, как молоко, масло, ягоды, крупы, мясо и проч., остановим наше внимание на тех из них, происхождение которых и область распространения нам более или менее ясны. Пищевые продукты этого рода разделяются на две категории; к одной из них относятся *курут*, *кумыс* и отчасти *буза*, столь характерные для азиатских кочевников-скотоводов; ко второй же относятся овощи, издавна употребляемые в пищу великоруссами и северо-западными соседями башкир, а также медовая брага — кислушка *(асебал)*, также весьма характерная для такой классической для пчеловодства страны, как Прикамье. В зависимости от географического распространения этих продуктов и напитков мы можем наметить несколько областей. В восточной и отчасти южной степной полосе Башкирии мы, как и у азиатских

кочевников, в изобилии встречаем *курут*, *кумыс* и *буза*; овощи и кислушка совсем отсутствуют или очень редки. Сюда же мы можем отнести и горных башкир южного Урала, у которых однако *буза* изготовляется очень редко, напротив, кислушка довольно обычное питье. Для этой же области характерно нередкое отсутствие хлеба и употребление вместо него выпеченных в золе лепешек. Вторая область юго-западная и центральная Башкирия, к западу от Урала и к югу от параллели г. Уфы характеризуется присутствием *курут*, *кумыс* и кислушки; *буза* здесь отсутствует, овощи, особенно картофель, употребляются в умеренном количестве. В этом отношении живущие здесь башкиры сходятся с татарами, мещеряками и тептярями. Наконец, в северной области, лежащей к западу от Урала и к северу от г. Уфы, мы, как и у черемис, вотяков, чувашей, а также живущих здесь татар, тептярей и мещеряков не встречаем ни *курут*, ни *кумыс* (за исключением нескольких пунктов на востоке этой области), в значительном количестве изготовляется кислушка, повсеместно разводятся овощи, особенно картофель.

Как о повсеместно распространенном среди башкир напитке следует упомянуть еще об *айран*, который хорошо известен и у степных кочевников скотоводов Азии и, насколько нам известно, встречается у чувашей и у уфимских черемис.

Техника.

Добывание огня трением. Обработка минеральных веществ. Отсутствие керамики. Обработка металлов. Обработка животных веществ: выделка мехов и кож; кожаная посуда; валяние войлока; сукно и ковры. Утилизация волоса, сухожилий и рога. Обработка растительных веществ: инструменты для обработки дерева, деревянная посуда и берестяные сосуды; кошели, плетеные из лыка; изготовление цыновок и рогож; ткачество. Сплав плотов, гонка смолы и сидка дегтя.

Один из наиболее древних способов добывания огня, посредством трения, известен башкирам, хотя далеко не повсеместно. Огромное большинство башкир в настоящее время даже не знает, что возможно добыть огонь посредством трения; некоторые слышали, что такой огонь бывает, а в горах южного Урала и по западному его склону огонь трением добывается еще и поныне. С вытиранием огня нам пришлось познакомиться летом 1906 года у прибельских башкир рода бурзян (у кочевки Масим), где его добывали в целях предохранения скота от сибирской язвы, свирепствовавшей в тот год на восточном склоне Урала. К ритуалу, которым сопровождалось добывание огня, мы вернемся при описании верований, здесь же ознакомимся только с самой техникой добывания огня. К бревенчатому срубу *(бурама)* была прибита сухая сосновая доска, дюймов около трех толщиной, и на расстоянии 50—60 см. от нее был вкопан в земле столб сухого лиственничного дерева. Между столбом и доской в незначительных углубле-

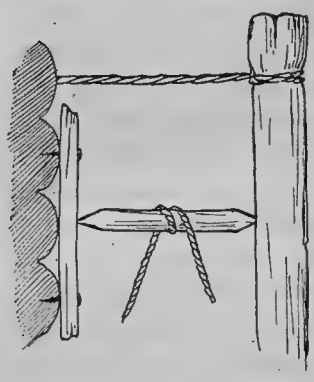


Рис. 64. Приспособление для добывания огня трением.

ниях последних была укреплена сухая дубовая палка *(ургалак)*, около 6 см. в диаметре, хорошо заостренная на концах. Когда вершина столба была туго притянута веревкой к срубу и *ургалак* была зажата таким образом между доской и столбом, ее дважды обернули веревкой и восем человек, по четыре с каждой стороны, начали ее вращать. Сверление дерева этим дубовым веретеном продолжалось непрерывно, дым показался скоро, но огня долго не могли добыть. Только после часа работы, когда в третий раз принялись за добывание, показался огонь *(сыһыр ут* или *сыһыр уты)*, который и приняли на трут. Сохранился ли этот способ добывания огня у башкир с древних времен или они позаимствовали его от своих западных соседей, сказать пока трудно. Азиатские кочевники были знакомы с железом во времена еще доисторические, равным образом, как и с высеканием огня, хотя добывали огонь и трением. С другой стороны, при одних и тех же приемах добывания огня трением с целью предохранения от эпидемии, как у соседних чувашей и финнов Прикамья, у башкир оно сопровождается далеко не столь выработанным, не таким сложным ритуалом, как у упомянутых народностей. Впрочем, весьма возможно, что у башкир ритуал добывания трением этого, магического огня *(сыһыр ут)* значительно редуцировался под влиянием мусульманства.

Рис. 65. Кусок ствола лиственницы с ямками высверленными при добывании огня трением, бурзяне, 1/5 н. в., 1002—137.

Высекание огня при помощи кресала *(сакма)* с кремнем *(сакма таш)* и трутом *(сяһы)*, до появления спичек было распространено у башкир повсеместно, теперь же встречается только кое-где у кочевых башкир и у охотников в горах. Форма башкирского кресала (огнива) весьма проста: чаще всего, это небольшая прямоугольная пластина 3—4 мм. толщиной, а иногда пластина с загнутым назад концом. В качестве трута употреблялись, преимущественно, вываренные древесные губки.

Обращаясь к технике обработки различных материалов, мы должны прежде всего отметить, что нам почти ничего неизвестно об обработке минеральных веществ. Ни кочев-

ники западной и средней Азии, живущие к юго-востоку от башкир, ни бродячие полуоседлые племена бассейна Оби, живущие от них к северо-востоку, в настоящее время не пользуются глиняной посудой. Тяжелая и ломкая, она чрезвычайно неудобна для них в их постоянных передвижениях. У первых ее заменяет кожаная, у вторых—берестяная посуда. Не знают керамики и башкиры. Не пользовались они ею и раньше, не понадобилась она им и в новой стране, при новых условиях жизни, где они нашли обильный материал для изготовления посуды деревянной. Это отсутствие керамики у башкир, одно из весьма существенных отличий от западных соседей, у которых она занимает второе после деревянной посуды место и существует давно.

Если нет сомнений в отсутствии у башкир глиняной посуды, то иначе стоит вопрос об обработке металлов.

Как только что отмечено выше, азиатским кочевникам, а в том числе, вероятно, и башкирам, железо было известно давно. Добывали ли его они сами или получали откуда-нибудь путем обмена, мы в точности не знаем, хотя предположение о самостоятельной выработке железа вполне вероятно. Несомненно только, что башкиры задолго до подчинения русским сами выделывали себе железные наконечники стрел и копий, ножи и пр., а впоследствии и ружья. В XVII и XVIII столетиях, в эпоху башкирских бунтов, неоднократно издавались указы, запрещающие башкирам иметь кузницы и воспрещающие продавать им порох [1]. Быть может вследствие этих гонений на башкирское кузнечное ремесло, последнее пало у них настолько, что теперь в башкирских деревнях кузницы почти нигде не встречаются. Между тем, насколько высоко стояла у башкир обработка железа, можно судить по тем остаткам их изделий, которые уцелели до наших дней. Помимо простых изделий, башкиры широко пользовались железом, покрытым серебряной чеканкой, для украшения наиболее ценных для них предметов оружия и конской сбруи. Эти бляхи *(каш)*, покрытые сложными, искусно сделанными узорами, мы находим на большинстве старинных кожаных колчанов *(ук һадак)* и налучников *(йя һадак)*, на ременных частях старинной конской

[1] Например, указ 1736 г., 11 февраля.

сбруи, а иногда и обе деревянные луки седла сплошь покрывались кусками чеканного железа. К сожалению, в настоящее время уже нет тех мастеров, которые занимались этой чеканкой, и мы не знаем ее техники.

Приступая к рассмотрению двух обширных категорий народной техники—к обработке растительных и животных

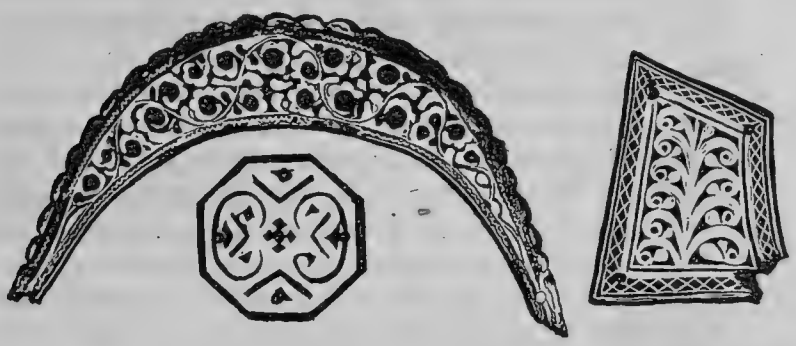


Рис. 66. Чеканка серебром по железу; передняя лука седла и накладки на колчан.

веществ, мы займемся сначала обработкой животных материалов, так как у башкир она и примитивнее и, вероятно, древнее, чем обработка растительных веществ, по крайней мере в том виде, в каком мы последнюю находим в настоящее время.

По словам Георги (9, 101), „мягкую рухлядь вымачивают они (башкиры) в кислом молоке, намазывают мозгами от скотин, и натирают мелом". И действительно, это самый употребительный у башкир способ выделки мехов, так как дубление им неизвестно. Мелкие шкуры (ягнят и телят) они просто сушат и разминают руками. Большие шкуры (овчины) они очищают от излишнего жира и мездры

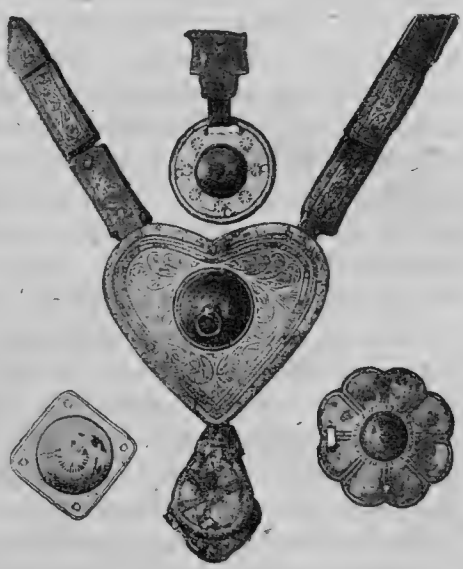


Рис. 67. Чеканные украшения сбруи.

тупым ножом и высушивают. Высохшую шкуру натирают сырым творогом *(курут)*, свертывают с ним и квасят один—два дня. Иногда (на северо-востоке) шкуру предварительно вымачивают в сыворотке из под курут, затем им же натирают. Просушенную после квашения шкуру выделывают (размягчают) особым инструментом *(киряк, кирге)*, соответствующим ключу наших скорняков; это деревянный крюк, в котором укреплена тупая железина, обломок косы, старый нож или что-либо подобное. Размятую шкуру иногда белят куском мела *(ак бур)*. Такой способ выделки мехов сохранился во всей южной половине Башкирии и в Зауралье. На северо-западе башкиры отдают шкуры дубить скорнякам (русским или татарам). Выделанные меха идут почти исключительно на одежду. В конце XVIII века, по словам Палласа (7₂, 157), башкиры прокопчивали в дыму овчины, предназначенные для шитья шуб, чтобы сделать их „к дождю и всякой мокроте терпеливы". Это копчение производилось в особых коптильнях, с которыми мы познакомимся ниже.

Рис. 68. *Киряк*, бурзяне, 1/12 н. в.

Кроме одежды, из шкур, преимущественно из телячьих и стриженых овечьих или козлиных, башкиры шьют мешки *(сарма)*, шерстью наружу. Мешки эти употребляются для хранения, а главным образом для перевозки всевозможной провизии. Они бывают довольно значительных размеров и в наполненном виде имеют грушевидную форму. Одним ремешком, продетым в петли у края мешка, последний затягивается и завязывается, а при помощи другого, более толстого, пришитого к мешку на некотором расстоянии от края, он прикрепляется к седлу. *Сарма* встречается теперь почти исключительно у башкир, выезжающих на кочевку главным образом по южному Уралу и на восточном его склоне.

Рис. 69. *Башмак сарма*, усергане, 1/10 н. в., 1234—74.

Способ выделки кожи гораздо сложнее. Некоторые сведения о выделке их

дает Георги, а у Лепехина мы находим уже весьма обстоятельное описание выделки кожи. „Снятую сырую кожу, разослав на солнце“ — пишет этот путешественник (**6**$_2$, 38) „натягивают сколько возможно со всех сторон и прикрепляют небольшими колышками; натянув, соскабливают шерсть обломком горбуши, вделанным в дерево на подобие скобеля, держут кожу до тех пор, пока она высохнет, и берегут по большей части до весны. Весною кладут их в коптелки, которые так делаются: вырывают погреб, от которого под землею проводится ров, длиною аршина на два с отдушиною к поверхности. Отверстие погреба покрывают лубяным бездонным коробом, которого основание отвсюду осыпают землею. В короб и отверстие погреба протягивают веревки, или кладут жердочки, на которые вешают высушенные кожи. В отдушину сыплют гнилушки дерева, которые зажегши отдушину затыкают, дабы дым через канал проходил в погреб и кожи всегда в дыму находилися. Такое беспрерывное курение продолжают они недели три, а иногда и менее, смотря по толстоте кожи... Из так приуготовленной кожи делают они себе не только обувь, но и всю домашнюю утварь, как-то: ведра, кадушки, бутылки“. По словам Георги (**9**, 101), кожи коптят до тех пор, пока она „не сделается рогу подобна“. Не менее обстоятельное описание этих коптилок дает и современник Лепехина Паллас (**7**$_2$, 157—158), иллюстрируя его даже рисунком. По словам этого путешественника, такие коптилки для кож у башкир по р. Миасу были почти в каждом дворе. Современный башкирский способ выделки кожи остался тем же, как его описывает Лепехин. Только, практиковавшийся некогда повсеместно, теперь он сохранился в немногих местах, преимущественно за Уралом. Растянутая, насколько возможно, сырая кожа лошади или коровы, очищенная от шерсти и высушенная, прокопчивается в особых ямах, называемых *ыстык*. *Ыстык* всегда состоит из двух частей: собственно коптилки *(ыстык)* и помещения, в кото-

Рис 70. *Сарма*, гирей кипчаки, $^1/_{12}$ н. в., 1002—127.

ром разводится огонь *(сукыр)*. Обе эти части соединяются между собою дымоходной трубой *(улак)*. На прилагаемых чертежах мы имеем два таких *ыстык* из северо-восточного Зауралья. Первый из них состоит из двух срубов, находящихся на расстоянии 1,20 метра один от другого. Первый сруб (коптильня) высотою 1,20 метра сделан так, что только четыре верхних его венца выходят наружу, остальная же

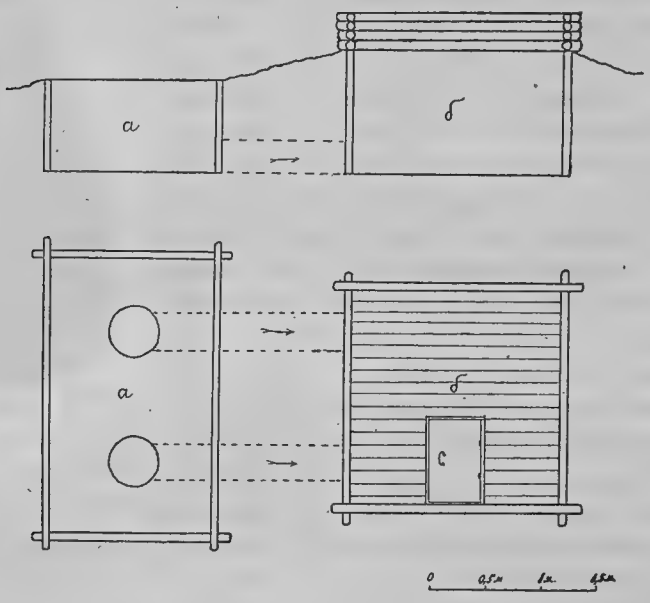


Рис. 71. *Ыстык*, в разрезе и сверху, *а—сукыр*, *б—ыстык*, катайцы.

часть находится под землей; вверху он закрыт бревенчатым настилом, в котором проделана дверца; на высоте 0,5 метра от дна внутри коптилки укреплены жердочки, на которых раскладываются кожаные сосуды и кожи. Соседний сруб *(сукыр)* ниже коптилки (0,8 метра), весь заключается в земле и обмазан внутри глиной; закрыт он сверху примазанными глиной и засыпанными землей жердочками, между которыми проделаны две отдушины; через эти отдушины в *сукыр* насыпается топливо гнилое дерево, и они закрываются каменными плитами. Дым через два дымохода *(улак)* поступает в *ыстык*, который покрывается сверху старым войлоком. Второй *ыстык* по существу не отличается от первого. В нем

мы имеем такой же сруб, около 2 метров высоты, наполовину находящийся в земле и промазанный снаружи глиной; сверху он наполовину заложен бревнами и наполовину дос-

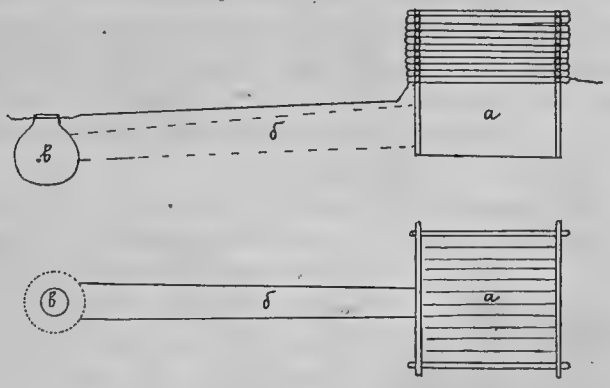


Рис. 72. *Ыстык*, в разрезе и сверху, *а*—*ыстык*, *б*—*улак*, *в*—*сукыр*, табынцы.

ками (*тахта*), которые при копчении покрываются кошмой (*кыиз*); внутри, как и в первом, укреплены жердочки. *Сукыр* здесь очень небольшой (0,8 метра в диаметре), горшко-

Рис. 73. *Ыстык* и кожаные сосуды, табынцы.

образный, внутри глинобитный и расположенный несколько ниже *ыстык*. С последним он соединен трубой около 4 метров длины и 40 см. диаметром. Сверху труба засыпана землей и прикрыта желобообразным бревном. Кожа прокопчивается

в продолжении недель двух, после чего она делается непроницаемой для воды и не размокает. *Ыстык* устраивается главным образом для приготовления кожаных сосудов. Последние сшиваются из сырой кожи одним швом, набиваются золой для придания им желаемой формы и высушиваются. Когда сосуды достаточно обсохнут, золу из них вытряхивают, еще раз как следует просушивают на ветру. После этого их ставят в коптильни и только после копчения сшивают конским волосом.

При изготовлении сосудов утилизируется вся кожа лошади. Из кожи туловища делается большой сосуд *һаба* или *саба* для приготовления кумыса, вместимостью до восьми и более ведер; из этой же кожи делаются большие сосуды *коряга*, в которых подают кумыс. Из кожи головы лошади шьется сосуд — *башкуняк*, в котором также подается кумыс для питья. Остальные употребляются для перевозки кумыса. Из кожи с передних ног делаются — *куллык*, *кулас*, *муртай*, из кожи задних ног *буттлюк*, *думбей*. Раньше делались сосуды и из цельных шкур небольших животных — *турсук*, например, из шкуры теленка. *Коряга* и *башкуняк* имеют по существу одинаковую форму, только первый несравненно больше по размерам. Остальные кожаные сосуды имеют форму фляг с довольно широким горлом, по бокам которого имеются ушки, за которые они переносятся. Горлышки этих сосудов при переездах затыкаются пучком травы. Только что приготовленные сосуды не сразу употребляются в дело, а наливаются предварительно на некоторое время кислым молоком, чтобы изгнать запах дыма; последний скоро исчезает при употреблении посуды. Область, в которой в настоящее время встречается кожаная посуда, а она употребляется исключительно для кумыса, довольно ограничена. Это прежде всего все Зауралье, территория зауральских катайцев, кара-барын-табынцев, кубеляк-телевцев тамьян-тангаурцев, бурзян, тамьянцев и усер-

Рис. 74. *Коряга*, минцы, 1/5 н. в., 2881-569

ган на юге. В меньшем количестве они встречаются в горах у инзер-катайцев, карагай и кара-кипчаков; до

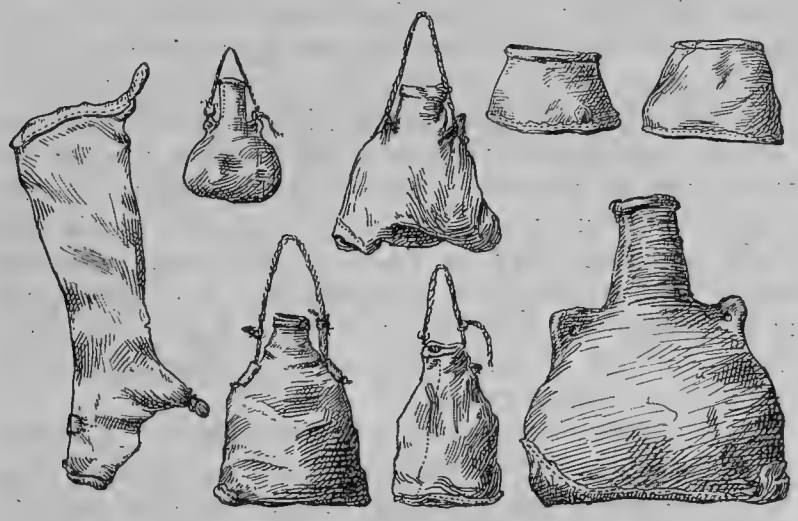


Рис. 75. Слева: *муртай*, катайцы, 2881—568, (вверху) *муртай*, катайцы, 2881—578, *турсук*, катайцы, 2881—575, *башкуняк*, куль-минцы, 2881—570, 571; (внизу) *турсук*, катайцы, 2881—585, *бутлюк*, бурзяне, 1034—75, *муртай*, катайцы, 2881—581; 1/20 н. в.

последнего десятилетия они встречались и у других кипчаков с западными бурзянами. По западную сторону Урала она сохранилась еще кое-где у табынцев и у минцев.

Кроме сосудов, башкиры выделывают из кожи переметные сумы *(артмак)*, конскую сбрую, обувь, пояса с дорожными сумками *(калта, каптырга)* и проч.

Мы уже упоминали о том, что кожаные сосуды шьются конским волосом. Последний утилизируется также для приготовления всякого рода веревок *(аркан)*.

Из овечьей шерсти *(юн)* башкиры валяют войлоки *(кыйиз)*, а отчасти она же идет на приготовление половиков - ковров *(палас)* и сукна. Георги (9, 102) так описывает способ приготовления войлока башкирами: „разложив толщиною в большой палец перещипанную шерсть на простыне или ро-

Рис. 76. *Кульчик*, табынцы, 1/5 н. в., 2881—548.

гоже, вспрыскивают горячею водою, потом катают вместе с рогожею или простынею и опять вспрыскивают. Катают и топчут из всей силы до тех пор, пока шерсть очень крепко сляжется". Такой ручной способ валяния войлока практикуется и в настоящее время, только теперь уже почти везде завелись шерстобои, перебирающие шерсть. Кроме ручного способа, башкиры раньше валяли войлок и при помощи лошади, по способу хорошо известному азиатским кочевникам; местами он сохранился еще и поныне. При этом способе сбитая уже шерсть раскладывается на большой камышевой циновке, которая вместе с шерстью накручивается на специальный вал с веревочными петлями на концах. В вал впрягается лошадь, которая и возит его по степи, благодарю чему войлок очень хорошо сбивается.

Войлок изготовляется в большом количестве, особенно скотоводами, так как он идет на покрышки кибиток, пола в кибитках, нар в зимних юртах; из него же изготовляются потники, некоторые костюмы (шляпы, чулки, обувь) и проч.

Из овечьей же шерсти башкиры повсюду прядут нитки и ткут сукно для одежды и особого рода ковры. Ковры чаще всего ткутся из овечьих и козьих ниток вместе, причем в одном направлении идет козья, а в другом овечья нитка. Из козьего подшерстка (пуха) юго-восточные (оренбургские) башкирки ткут (а не вяжут, как уральские казачки) пуховые шали и шарфы. Любопытно, что башкиры кое где в горах южного Урала (гирей-кипчаки) сучат нитки также из заячьей шерсти *(куян юн)* и ткут из них шали вместе с нитками из козьего пуха.

Из животных материалов нам остается еще упомянуть об утилизации сухожилий и рога.

Об употреблении сухожилий для шитья обуви впервые упоминает Лепехин (**6**$_2$, 39), а после него Георги (**9**, 102), который пишет, что они шьют „шубы исщепанными жилами, которые вытаскивают они из ног всякой крупной дворовой скотины; отрезают же их длиною в пядень и высуша на вольном воздухе, колотят до тех пор, пока исщеплются; после чего разбирают и ссучивают так чисто, что нигде не приметно узелков". Насколько нам известно, в настоящее время башкиры не употребляют сухожильных ниток.

Что касается рога, то последний использовался только для устройства луков *(адрина, йа)*. Коровий рог распаривался

в горячей воде и из него выделывались довольно длинные пластины сантиметра два, два с половиной шириной и в несколько миллиметров толщиной. Пластины эти приделывались со внутренней стороны луков, придавая им крепость и упругость.

У кочевников-скотоводов безлесных местностей потребность в дереве доведена до минимума. На устройство жилища им нужны только небольшие и нетолстые палочки; почти вся хозяйственная посуда выделывается из других материалов, а для топлива они довольствуются жалкими кустарниками. Для того, чтобы выполнить все работы по обработке дерева, кочевнику нужен только хороший нож, много топор. Естественно, что обработкой дерева занимаются главным образом башкиры Приуралья, особенно в его горной и западной лесистой части. Деревья башкиры срубают обыкновенными железными топорами (*балта*), только в Урале имеются топоры несколько больших размеров, употребляющиеся для лесных работ (*һарпак*—бурзян); они похожи на наши плотничьи топоры. Дерево подрубается до половины, сначала с той стороны, на которую его хотят свалить, а потом его рубят со стороны противоположной на четверть или на две (смотря по толщине дерева) выше первого заруба. Очищенное от ветвей и сучьев дерево перевозят, обыкновенно зимой, целиком или перерубленное на две—три части на место постройки жилища. Если оно предназначается для топлива, то его расщепляют при помощи клиньев на четыре части, а потом уже рубят. Сухую лиственницу или сосну расщепляют по слоям, и полученную таким образом драницу употребляют на постройки временных жилищ, для крыш и прочее. Дерево, идущее на постройку и для различных поделок, обтесывается топором, а в случае надобности очищается особыми стругами. Из наиболее примитивных стругов у башкир встречаются два. Один из них *кубага*, служит главным образом для строгания жердей и палок, другой для строгания бревен. *Кубага*—это деревянная пластинка, желобовидная, с двумя вырезами на нижней поверхности одним мелким, другим более глубоким, в которые вставляется клинок ножа при строгании.

Рис. 77. *Кубага*, кипчаки, 1/3 н. в., 1002—110.

Кубага употребляется исключительно для строгания палок, жердей небольшого диаметра. Другой струг, употребляющийся для очистки бревен, состоит из железной пластины (примерно 6 × 15 см.), заостренной на одной стороне, с загнутыми вверх концами, укрепленными в деревянных рукоятках.

С другими инструментами, употребляющимися при обработке дерева, мы уже познакомились раньше в отделе пчеловодства. Это были разного рода долота и скобели. Особенно

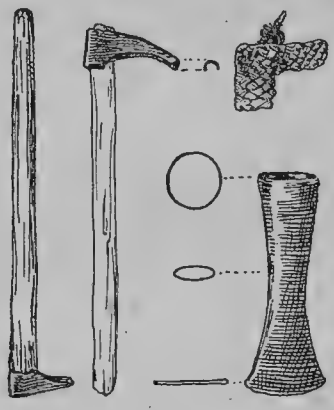


Рис. 78. *Бальзя*, кайлино-каршинцы, 2881—437; *сапкы*, гирей-капчаки, 2881—534; *сюлкы*, кайлино-каршинцы, 2881—536; *кыйгак*, гирей-кипчаки, 2881—532, 1/10 н. в.

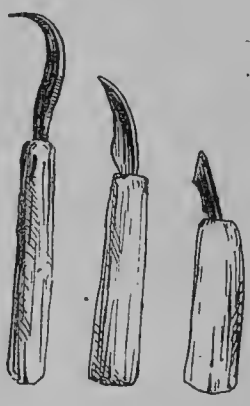


Рис. 79. *Юнгус*, гирей-кипчаки, 1002—109, катайцы, 2881—526, 1/5 н. в.

распространены у башкир орудия, употребляющиеся для долбления дерева при устройстве корыт, лодок, различных больших деревянных сосудов. Все они имеют вогнутые лезвия, слегка отогнутые от рукоятки или насаженные к ней под углом, близким к прямому. К первому типу относятся *аталгы*, которым выдалбливают дерево посредством более или менее сильных нажимов, ко второму *сапкы* и *сюлкы*, которыми работают, как топором.

Для тщательной выделки более тонких изделий из дерева, ложек, ковшей и прочее, употребляются особые изогнутые ножички-резцы *(юнгус)* различной величины и различной изогнутости.

Башкирская деревянная посуда естественно разделяется на две группы — цельная долбленая посуда и посуда со вставными донцами.

Самыми большими и наиболее грубо сделанными дощеными сосудами являются *сара* и *табак*. Первый, род короткого и широкого корытца, встречается исключительно в северо-восточном углу Башкирии; второй — огромная деревянная чаша до 50 и более сантиметров в диаметре с ушком у края в котором проделано отверстие для подвешивания. Местами

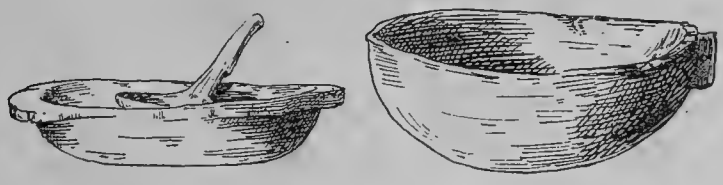


Рис. 80. *Сара, табак,* катайцы, 1/13 н. в., 1002—106.

большие *табак* называются *ашлау*. Особенно многочисленны у башкир плоские деревянные чашки, известные под названием *тустак* или *тагась*, или маленькие *субата* или *сугата*. Особенно ценят башкиры большие и глубокие чаши — *алдыр* — с небольшой ручкой. Делаются они обыкновенно из хорошего дерева, березового или лиственничного нароста *(уру)*, реже из соснового или из березового корня; по форме они приближаются к ковшам. *Сара*, различной формы *табак*, чаще всего сделанные из различных древесных наростов (*уру*), употребляются главным образом для пищи; в них она подается для еды или хранится. Деревянные чаши (*тустак, тагась*) нередко бывают весьма тщательно сделаны и ценятся довольно дорого (из карельской березы); употребляются они преимущественно для питья кумыса или кислушки *(асе-бал)*. *Алдыр*, как и ковш *ижау*, служит для черпания и разливания по чашкам кумыса и кислушки. Башкирский ковш — *ижау*, хотя и не выделывается с таким искусством и не так украшается резьбой, как ковш соседних финнов, все же в своих наиболее совершенных формах

Рис. 81. *Бал hаут*, гирей-кипчаки, *алдыр* (внизу), минцы, 2881—612, 1/6 н. в.

отличается большим изяществом и красотой, являясь гордостью его владельца. Башкирские ковши имеют довольно плоскую, продолговатую форму с слегка загнутым кверху

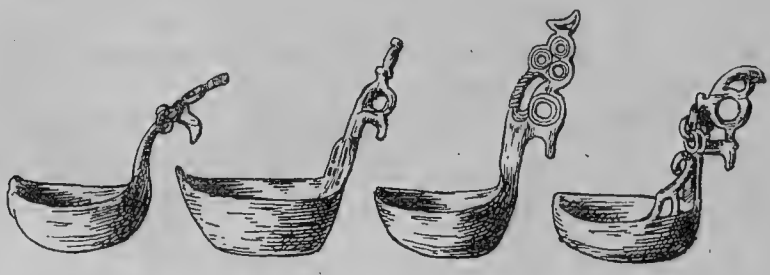


Рис. 82. *Ижау*: минцы, 2881—603; катайцы, 1002—121; карагай-кипчаки, 2881—604; гирей-кипчаки, 1002—145; 1/6 н. в.

носком. Ручке ковша всегда придается особенная форма, нередко причудливо вырезанная, очень часто с рожком сзади, направленным книзу, который дает возможность вешать его, зацепив за край сосуда. Хотя резная ручка обычное для баш-

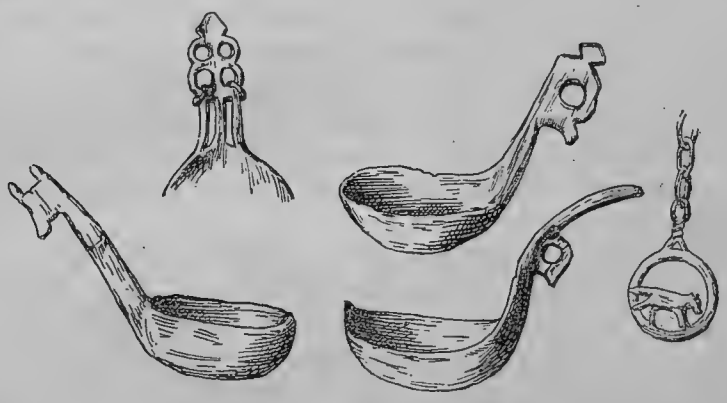


Рис. 83. *Ижау:* минцы, 2881—603 (ручка); катайцы, 1234—80 (вверху); гирей-кипчаки, 2881—595; бурзяне, 1234—79; цепь к *ижау*, гирей-кипчаки, 1002—143; 1/6 н. в.

кирских *ижау* явление, но узором, да и то весьма несложным, они покрываются очень редко. Как и чашки, ковши чаще всего делаются из наростов, преимущественно из березовых (*каин уру*), или из березового корня. Для черпания пищи, каши, мяса и прочее, башкиры употребляют большие упо-

ловники (*сумэсь*), обыкновенно круглой или слегка вытянутой формы с длинной ручкой. Ложек для еды башкиры сами не делают, покупают их на базаре, а местами и совсем их не употребляют. Ложки же (*калак*), которые они изготовляют

Рис. 84. *Салма алһыс*, катайцы, 1379 (М. У. О. Е.); *сулпы*, бурзяне, 1002—122; *кашик*, 2881 — 889; *сумысь*, карагай-кипчаки, 2881—590; 1/10 н. в.

сами, служат для черпания пищи и всегда очень мелки. Для черпания лапши (*салма*) употребляются особые продырявленные черпаки (*салма алһыс*) или плетеные, которые иногда называются *сулпы*. Последние плетутся из черемуховых или из калиновых прутьев.

Чашки, ковши и прочие изделия из дерева изготовляются рядовыми башкирами, но иногда встречаются и специалисты которые делают их на продажу. Из долбленой деревянной посуды нам остается еще упомянуть о *сылькаус* — род корытообразного лотка для переноски муки, употребляющегося при изготовлении хлебов. Последний особенно часто встречается по западному склону южного Урала.

Долбленые сосуды со вставным дном состоят главным образом из *силяк* и бывают различной величины. *Силяк* или *чиляк*—это выдолбленный из ствола липы (редко березы) высокий сосуд со вставленным в его широкой части дном. *Силяк* бывает

Рис. 85. *Сылькаус*, кудейцы, 1/8 н. в., 3881—608.

от 20—30 сантиметров до метра и более высотой, от 10 до 30 и 40 см. в диаметре. На середине их, ближе к верхнему краю, обычно имеются ушки (у малых *силяк*) с продернутой в них веревкой для переноски. *Силяк* средних размеров с крышкой служащий для перевозки и хранения меда, называется *батман*. Раньше *батман* служил определенной мерой емкости, как мера веса он и сейчас еще употребляется в некоторых местах башкирского края, как пуд или четыре пуда; вообще же этим именем называют известный сосуд. *Силяк* употребляется

Рис. 86. *Коряга*, карагай-кипчаки, 1/6 н. в., 2881—627.

Рис. 87. *Коез*, катайцы, 1/4 н. в., 2881-640.

для приготовления кумыса и айрана, для хранения зерна, муки и прочее. *Силяк* высокий (около метра) и очень малого диаметра (15—18 см.) служит для сбивания масла и называется *нубы*. Для доения кобылиц выдалбливается род деревянных подойников (*куняк*) со вставным дном, ушком сзади и незначительной выемкой-носочком спереди. Таким же способом, как и *силяк*, башкиры делают невысокие ведерки или кадочки *тапан*; в них держат воду, подают для питья кумыс, кислушку и прочее. Для последней цели чаще употребляются сосуды с крышкой (*коряга*), от одного до двух ведер емкостью, обычно весьма тщательно сделанные и украшенные резьбой. *Коряга* употребляется также для квашения кислушки (*асе-бал*) и приготовления *буза*.

Вместе с деревянной у башкир встречается и берестяная посуда. Но в то время, как деревянная посуда играет исключительно важную роль среди башкирской хозяйственной

утвари и распространена повсеместно, берестяные сосуды являются предметами скорее случайными. Эти берестяные *коез* и *тырыз* сшиваются конским волосом, имеют форму кузовков или круглых туизков с пришивным донышком и употребляются для сбора ягод, хранения принадлежностей рукоделия и прочей мелочи.

Совершенно особо стоит берестяной кувшин (*туз кумган*), который нам пришлось встретить у северо-западных башкир. Это общеизвестный берестяной туиз с деревянным дном и деревянной крышкой, в которой устроены два носка и над

Рис. 88. *Коез*, катайцы, 1/4 н. в., 2881—641.

Рис. 89. *Туз кумган*, гайнинцы, 1/8 н. в., 1002—124.

Рис. 90. *Кошель*, кудейцы, 1/10 н. в., 2881—647.

ними ручка. Кувшин этот употреблялся для омовения вместо общераспространенных татарских (скорее общемусульманских) медных и железных кувшинов.

Для сдирания бересты, которая употребляется не столько для приготовления сосудов, сколько для покрытия временных жилищ и главным образом для гонки дегтя, служит особый инструмент *кыйгак*, род долота (см. рис. 78).

Помимо березовой коры башкиры пользуются для различных поделок также ивовой и липовой корой. Из лыка они плетут лапти (*себата*) и различные коробы и сумки. Наиболее часто можно встретить: лубковую *ситуха*, род короба с квадратным дном и ушками с боков, употребляющуюся для зерна при посеве; *кошель*, закрывающийся крышкой для хранения провизии и *биштяр*, заплечную суму для переноски припасов.

Липовый луб (*арсема кабык*), очищенный от коры, помимо покрова временных жилищ, идет на устройство различных

коробов (*тубал*) для сгребания роев пчел, для хранения сыра и другой провизии; иногда они бывают небольшие,

Рис. 91. Мочка луба, табынцы.

глубокие и различных форм, а иногда плоские и очень большие; в таких держат муку, сливают творог, подготовленный для сыра и прочее.

Рис. 92. Забор и крыша из полубины, гирей-кипчаки.

Для получения мочала липовую кору мочат месяца полтора в старице, озерке или болотце, затем снимают с нее мочало (*юка*), а оставшаяся полубина (*кугама кабык*) идет на по-

Рис. 93. *Сипта стан,* гирей-кипчаки, 1/10 н. в., 2881-651.

крышку крыши и устройство заборов. Из мочала башкиры, особенно на западном склоне южного Урала, плетут шлеи и узды на лошадей, делают кули и рогожи (*кап*), а также попоны на лошадей (*сипта*). Совершенно таким же спо-

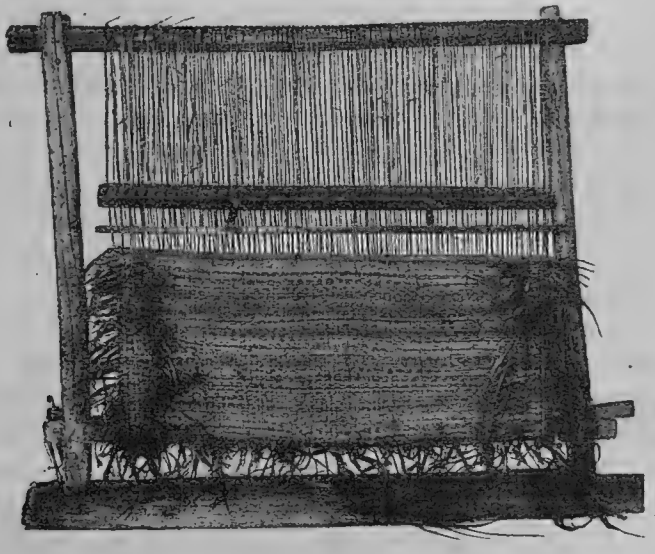


Рис. 94. *Сипта стан,* гайнинцы, 1/14 н. в., 1002-58.

собом, как и попоны, башкиры плетут цыновки из рогоза (*кыугы*)—(*урын сипта*) и из камыша (*камыш сипта*). Приспособление для плетения цыновок и попон весьма примитивно. Это палка или узкая доска с зарубками, на которых висят деревянные чурки, обмотанные мочалом (рогозом или осокой), по краю прикладываются полоски материала, из которого делаются цыновки, и чурки (или заменяющие их камни) перекидываются с одной стороны на другую, чем и связывается цыновка. Станок для приготовления рогож (*сипта стан* или *кап стан*) и мочальных цыновок также весьма простого устройства и ничем не отличается от общеизвестного великорусского станка. Это пяльцы, укрепленные на подставке—бревне, на которых вокруг поперечин натянуты ссученные нити мочала (при изготовлении кулей и цыновок), продетые сквозь берда; последние служат для раздвигания четных и нечетных нитей и для прибивания поперечных полос мочала, которые продеваются особой линейкой.

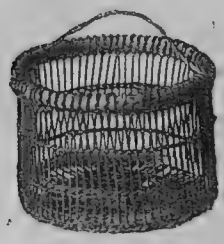


Рис. 95. Корзина из ивовых прутьев, 1/15 н. в.

Из ивовых прутьев башкиры плетут различные корзины.

Обработка волокнистых веществ (крапива, конопля, лен) у башкир везде производится одним и тем-же способом. Стебли вымачиваются известное время в воде, затем просушиваются и для отделения волокон от стеблей толкутся в больших деревянных ступах (*киле*) деревянными же пестами (*туйгэс*). Только кое-где в западной Башкирии для этой же цели употребляются мялки (*талкы*). Материи из крапивы (*кысырткан*) были очень распространены еще в XVIII веке, о чем упоминают Лепехин (**6**$_2$,194), Паллас (**7**$_2$,651) и Георги (**9**,102). Однако, уже в конце XVIII столетия Лепехин (**6**$_2$,24) писал, что башкиры очень прилежны к посеву конопли: „ибо искусство их научило, что коноплянный холст добротою своею много превосходит крапивной, какой их предки употребляли“. Холст из конопли (*киндыр*) теперь самый распространенный, льняной же (*житэн*) встречается очень редко, да и то главным образом в северо-западном углу Башкирии. Во времена Георги (**9**,101) башкиры ткали холст „претолстой и узкой“; ни крапиву, ни коноплю в воде они не вымачивали, а развешивали осенью и зимой

на заборах или расстилали на крышах; высушенные волокна отделяли от стержней толчением в ступах. Даже и теперь в некоторых местах башкиры не вымачивают коноплю.

Нитки (*йип*) башкиры прядут руками при помощи обыкновенных веретен (*урсук*); прялок у них нет и куделя или шерсть привязываются просто к длинной палке (*кулга*); нет у них и самопрялок. Для чесания шерсти употребляются особые гребешки (*тарак*) из дерева.

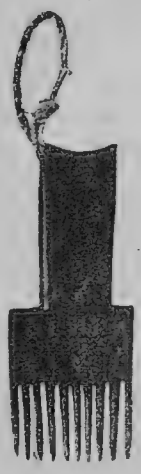


Рис. 96. *Козя тарак*, тангаурцы, 1/3 н. в., 1234—91.

Шерстяные нитки, предназначенные для половиков-ковров (*палас*) башкиры красят или своими (растительными) красками или покупными.

Из своих красок они употребляют красную—марену (*кызыл тамыр* или *кызыл буяк*), желтую — серпуху (*һыир тэле* или *һары буяк*), и зеленую—плаун (*серетма*).

При покраске мареной высушенные и толченые ее корешки кипятят в воде и смешивают со щелоком, для получения которого кипятят золу. При смешении настоя марены со щелоком получается ярко красная жидкость; в нее опускается шерсть, предварительно вымоченная в кадочке с *серетма*. Чтобы шерсть скорее укисла в воде с *серетма*, к ней иногда подбавляют немного квасцов. Местами шерсть не только мочат, но и кипятят в настое марены. Иногда *серетма* заменяется вереском (*артыш*).

При окраске шерсти в желтый цвет стебли серпухи кипятятся в котле, затем в него кидается на четверть часа шерсть, вымоченная (проквашенная) предварительно с *серетма*; окрашенная в ярко-желтый цвет она вынимается и просушивается.

Башкирский ткацкий станок (*урын* или *кёрёз-тарак*) не представляет собой ничего оригинального и ничем не отличается от татарского или от станка финнов Поволжья. Остов его состоит из четырех столбиков, скрепленных между собой перекладинами. Между задними, более высокими столбиками укреплен вал (*аю баш*), на который навертывается основа. Гребенка (*тарак*) вместе с ничинками (*кёрёс*) подвешиваются на особых блоках (*калтырса шигыр*) к перекладине над

станком. Делается гребенка из тонких деревянных щепочек, ничинки же бывают нитяные или волосяные, если ткут сукно или половик. Передний вал (*бургуса*), на который навертывается ткань, укрепляется не зубчатым колесом, а особым рычагом (*тыгыса*). Челнок (*хода* или *суса*) общеизвестного типа, всегда деревянный.

Ткачеством у башкир занимаются исключительно женщины. Ткут они холст (*киндэр*) из конопли и очень редко из льна, полотенца и рушники (*сыльгы, тастамал*), последние часто из покупных бумажных ниток ярких цветов, различные скатертки (*аш яулык*), занавески (*шаршау*) и проч. На том же станке, только заменив ничинки и гребенку, ткут они сукна, которые потом еще валяются, половики или ковры (*палас*). Половики из шерсти (преимущественно из козьей или из козьей пополам с овечьей) изготовляются башкирами повсеместно, но в то время, как за Уралом их делают в большом количестве, и имеются они у каждого башкира, на западе, напротив, они довольно редки. Лет двадцать, тридцать тому назад, в зависимости от местности, начали башкиры ткать и тряпичатые половики *сюпрак палас*), столь характерные для великорусов Особенно распространены они на северо - западе, на востоке же редки, а во многих башкирских дачах, как восточной, так и центральной Башкирии, они не встречаются вовсе.

Башкирская индустрия имеет целью удовлетворение потребностей только своего народа; предметы, изготовляемые башкирами, не идут в продажу, почему ни одно из домашних их ремесл не служит им промыслом, за ислючением, впрочем, выделки кулей в очень ограниченном районе, по западному склону Урала. Только заготовка бревен или теса, да гонка дегтя и смолы являются промыслом и едва ли не единственным средством существования башкир центральной части южного Урала. Заготовкой бревен из своих, еще кое-где уцелевших, лесов и сплавом занимаются главным образом башкиры, населяющие верховья р. Белой и р. Инзера. Заготовка бревен производится зимой, когда они не только вырубаются, но и подвозятся к сплавной реке. Так как сплав плотов производится по большой воде, в половодье, когда течение очень быстро, то плоты делаются небольшие, узкие

и длинные, легко подвижные. Плавание на плотах до выхода реки из гор, где башкиры продают свои плоты, совершается от двух до пяти дней, в зависимости от расстояния; идут плоты целый день с четырех часов утра и до девяти часов вечера, на ночь же пристают к берегу. Некоторые из башкир, не имеющие своего леса, нанимаются сплавщиками к богатым башкирам и русским лесопромышленникам.

Гонка смолы и сидка дегтя производится в особых земляных печах, ямах (*баз*), устроенных в лесу где-нибудь на пригорке или на берегу оврага. Выкопанная в земле яма, имеющая грушевидную форму или форму лимона, обмазывается изнутри толстым слоем глины или обкладывается кирпичом. Вверху над ней складывается сруб в 2 бревна 3 × 3 метра, верхнее же отверстие ямы имеет сантиметров 70 в диаметре; глубина ямы около 2 метров, ширина же ее достигает посредине 1,5—1,7 метра. Со дна ямы наружу выходит деревянная из цельного бревна труба, по которой вытекает деготь или смола. В месте выхода трубы наружу стенка закладывается кирпичом или бревнами, а самая труба запирается особой заслонкой (так называемое окошко—*тадря*). Иногда над устьем ямы устраивается деревянный навес. Для приготовления смолы (*шушмин*) в ямах сжигается сосновое смолье (*сэйр*), пни и коренья, для дегтя—береста. На дне ямы, по радиусам, раскладываются сосновые поленья и дранье, а когда яма заполнится, смолье это поджигается сверху. Горение происходит медленное и, когда дерево прогорит, угли глушатся, т.-е. закрывается верхнее отверстие ямы. На следующий день, когда угли потухнут, их выгребают, а смола вытекает по трубе. Иногда гонка смолы совершается в открытых ямах. В таком случае смолье складывается в виде небольшого конуса, сверху которого накладываются большие сосновые колья, на них солома или навоз, а на солому дерн, оставляя значительную часть соломы непокрытой. Зажженная солома распространяет огонь по всей поверхности конуса. Вследствие дернового прикрытия происходит медленное горение, и тлеющая лучина выделяет смолу, сбегающую в устье печи, а через трубу в особый резервуар. Сидка дегтя из бересты производится тем же способом, что и гонка смолы. Иногда башкиры наполняют нижнюю половину ямы смольем, а верхнюю бере-

стой; тогда получают смесь смолы с дегтем, идущую для подмазки колес.

Из только что сделанного обзора башкирской техники видно, что у них почти не существует обработки минеральных веществ; керамика у башкир положительно отсутствует; обработка же металла слабо распространена и ведет свое происхождение, повидимому, из Азии. Только обработка животных и растительных веществ достигла у башкир заметного развития и имеет важное экономическое значение.

Вместе с тем обработка животных и растительных продуктов различна, как по своему происхождению, так и по области преимущественного распространения ее фабрикатов не только среди башкир, но и за пределами их страны. В то время, как приемы обработки животных веществ, выделка мехов при помощи молочных продуктов, способ выработки кож и кожаной посуды, приемы валяния войлока и проч. совершенно такие-же, как и у азиатских кочевников, в частности у казак-киргизов, обработка дерева с набором соответствующих инструментов, техника плетеных изделий из лыка, изготовление мочальных рогож, цыновок и различных предметов из луба, наконец, гонка смолы и сидка дегтя, столь характерные для обитателей Прикамья и Приуралья, у башкир совершенно такие же, как и у вотяков, черемис, чувашей, татар, тептярей, и проч. Некоторые из башкирских изделий, как, например, примитивные цыновки из трав и камыша, известны повсеместно, не только в Европейской России, но и в Сибири. То же следует сказать и о ткацком станке башкир, который в основных своих частях совершенно сходен со станком их соседей с северо-запада и юго-востока, мало отличается от великорусского и повторяет в мельчайших деталях ткацкий станок татар, мещеряков и тептярей. Вопрос о происхождении башкирского ткацкого станка за недостатком данных мы оставляем открытым.

С точки зрения географического распространения наиболее характерных предметов башкирской народной техники, следует различать несколько областей. В восточной, зауральской Башкирии, а также в горах южного Урала, повсеместно встречается кожаная посуда, а местами, особенно в степи, выделываются меха с помощью молочных продуктов, и широко

распространены меховые мешки (*сарма*). Ковры или половики изготовляются здесь почти исключительно из шерсти, не изготовляют никаких изделий из лыка и мочала, а в горах южного Урала занимаются лесным промыслом. Единство индустрии этой области, особенно восточной ее части, с индустрией азиатских кочевников вряд ли подлежит сомнению.

Вторая область обнимает собою юго-западную Башкирию к западу от Урала и к югу от параллели, примерно, г. Уфы или немного южнее. Кожаная посуда встречается здесь только в небольшом количестве и сравнительно редко, выделываются меха с помощью молочных продуктов, половики встречаются как шерстяные, так и тряпичные, деревянная посуда преобладает над посудою из иных материалов, имеются различные изделия из лыка и мочала. Общий характер хозяйственного инвентаря этой области более всего схож с таковым татар, тептярей и отчасти мещеряков.

Для последней северной области, к западу от Урала характерно отсутствие кожаной посуды и выделки мехов при помощи молочных продуктов, преобладание тряпичных половиков над шерстяными, которые здесь вообще редки, решительное господство всевозможной деревянной посуды и обилие изделий из лыка и мочала. Хозяйственный инвентарь этой области в общих чертах тот же, что и у татар, мещеряков, вотяков, тептярей, черемис и чувашей, живущих или совместно с башкирами, или к северу и западу от них.

VII.

Одежда.

Общая одежда верхней половины тела: нагольный тулуп, кафтан, халат, шабур, камзол и бешмет. Общая одежда нижней половины тела: штаны, чулки и обувь. Мужская одежда: шуба и полушубок; кафтан и халат; верхние костюмы, сшитые в талию; сорочка; головные уборы; поясная одежда: штаны и обувь. Женская одежда: шуба, кафтан и халат; верхняя одежда, сшитая в талию; сорочка; нагрудная повязка; шейные украшения; украшения, носимые в косах; головные украшения и уборы; фартук, штаны и обувь.

Просматривая описания башкирской одежды у различных авторов прошлого и даже конца позапрошлого столетия мы, за весьма редкими исключениями, находим описания тех же костюмов, которые и поныне еще носят башкиры или повсеместно или только в некоторых, часто весьма ограниченных, областях. Однако, это еще не значит, что башкирский костюм остался неизменным в течение полуторых столетий. Напротив, одни костюмы уже совершенно исчезли из употребления и мы знакомимся с ними только по описаниям или музейным объектам, другие появляются, можно сказать, на наших глазах. Весьма распространенные некогда одежды и головные уборы теперь становятся редкостью, а встречавшиеся раньше на ограниченной территории теперь можно видеть повсюду. Особенно сильным видоизменениям подверглись, повидимому, женские украшения.

Влияние времени особенно сильно сказалось на материале одежды, тогда как покрой в общих чертах остался тот же, какой был и раньше. Уже в конце XVIII столетия помимо меха и валеной шерсти башкиры употребляли для своей одежды и ткани. Как скотоводы по преимуществу, посевом растений, дающих волокно для тканей, они занимались мало и пользовались главным образом дико растущей крапивой.

О крапивных тканях упоминает и Лепехин, и Георги (9, 102). На рубеже XIX столетия мы видим, что башкиры становятся очень прилежны к посеву конопли: „ибо искусство их научило, что конопляный холст добротою своею много превосходит крапивный, какой их предки употребляли“ (6₂, 24). В начале прошлого столетия из своего грубого самодельного холста они шьют не только сорочки, но и кафтаны, ткут и валяют самодельное сукно, так как фабричное, хотя и имеется, но ценится весьма дорого. Холщевые одежды и кафтаны были обычны для башкир еще до половины прошлого столетия (11, 154), а у с е р г а н е, например, местами еще и в 90-х годах, по словам Баишева (18, 9), носили почти исключительно холщевые сорочки. Но фабричные ткани давно уже начали проникать к башкирам и вытеснять самодельные. В то время, как финские и славянские народности, живущие в несравненно более культурных условиях, до сих пор еще употребляют одежду из домотканных материй, башкирскую холщевую сорочку, не говоря уже о других одеждах, теперь можно видеть только в музеях. Несколько дольше держалось, да и сейчас еще местами преобладает над покупным, башкирское сукно, но и оно с упадком овцеводства не сегодня-завтра заменится фабричным.

Несравненно лучше, как сказано, сохранился покрой башкирской одежды в особенности в костюмах, общих обоим полам. С этого рода костюмов мы и начнем обзор башкирской одежды.

До последнего времени, как мужчины, так и женщины носили в Зауралье нагольные тулупы *тирэ тун*. Недаром Лепехин писал, что зимою только по головному убору можно отличить мужчину от женщины. *Тирэ тун* шьется из белой овчины; это очень просторная и длинная (до пят), скроенная с пря-

Рис. 97. *Тирэ тун* и *клоксын* (слева), *ак сякмян* и *тыльку бурык* (справа); минцы.

мой спиной, без ворота и ничем не покрытая сверху шуба. Овчины для этих шуб выделываются самими башкирами. Запахивается *тирэ тун* обычно на правую сторону, имеет одну, две пуговицы (вверху и выше пояса) или совсем без пуговиц; у мужчин всегда повязывается поясом. Эти-то тулупы, носившиеся прежде и мужчинами и женщинами, являлись, если и не единственным, то во всяком случае наиболее распространенным меховым костюмом. Теперь, за исключением старух, да и то в весьма немногих местах, женщины непокрытые *тирэ тун* не носят; мужчины же еще и сейчас носят их. В юго-восточной и зауральской Башкирии еще и теперь этот род зимнего костюма является преобладающим; совсем нет его только на севере в области между рр. Уфою и Белой, а также на восток от р. Уфы у группы башкирских дач айлинского рода.

Другая плечевая одежда, общая мужчинам и женщинам,— *сякмян*, род чекменя или кафтана, сшитого из домотканного валеного сукна. *Сякмян* (вост. рус. чапан) по покрою мало отличается от тулупа: он также длинен и широк, с совершенно прямою спиною, с длинными и широкими рукавами, запахивается по желанию на правую и на левую, чаще на правую, сторону и совсем не имеет ни пуговиц, ни застежек. Мужчины, отправляясь в дорогу, повязывают его поясом. Отличие женского от мужского *сякмян* заключается только в том, что первый шьется исключительно из белого сукна, тогда как мужской бывает и из коричневого *(кара сякмян)*; кроме того, женский нередко расшивается разноцветным сукном и узорами (у молодушек), тогда как мужской не имеет никаких украшений и только по краю борта бывает нашита полоса сукна или материи. Суконные чекмени башкиры носят повсюду, причем, чем дальше на восток и на юг, тем больше их из домотканного сукна и меньше из покупного; напротив, на северо-западе *сякмян* из домотканного сукна большая редкость. Зато женщины почти везде уже оставили этот костюм и мы находим его только в горах южного Урала, да у некоторых из кипчаков, бурзян, усерган и тамьян-тангаурцев в прилегающей к Уралу южной и восточной степи.

С другой стороны, на северо-западе распространен другой тип кафтана, так называемая *сыба* (*шюба*). Это хорошо из-

вестный нам шабур поволжских финнов, который встречается и у башкир северной и северо-западной части края, живущих совместно с черемисами и вотяками. Это короткий, до колен, и узкий, сшитый в талию кафтан из холщевой материи, у мужчин белый с узенькими темными полосками, у женщин синий с белыми полосками; в Бирском у.—чаще красный с черными полосками, как у мужчин, так и у женщин. Надевается он поверх бешмета или шубы, в дорогу или на работы. Ворот *сыба* очень низкий (до $1^1/_2$—2 см.), запахивается на левую сторону и застегивается на одну или две пуговицы.

Башкирский халат *(жилян, зилян)* по покрою у мужчин и у женщин одинаков, типа, общего со среднеазиатскими халатами. Как и *сякмян*, халат длинен и широк с прямою спиною, широким отложным воротом, запахивается на любую сторону, никогда не подпоясывается и не имеет застежек. По материалу между мужским и женским халатом разница также не существенна. Женские относительно чаще бывают бархатные или суконные, мужские—из китайки или полушелковой азиатской материи *(адряс, батшаи)*. Самое существенное отличие женских халатов от мужских то, что первые всегда, как мы это увидим ниже, более и менее украшены, тогда как мужские никогда не украшаются. За исключением северо-запада, *жилян* носится почти везде, мужчинами сравнительно редко, женщинами гораздо чаще.

Есть еще у башкир два костюма сравнительно позднего происхождения—*камзол* и *бишмят*, которые носят как мужчины, так и женщины. Оба они шьются из фабричных бумажных материй, на подкладке. Покрой их в талии узкий и застегиваются они на пуговках. В то время, как *камзол* короткая, выше колен, безрукавка, *бишмят*, надевающийся поверх *камзол*, с рукавами и длинный, много ниже колен. С покроем их, равно как и с областью распространения, мы познакомимся впоследствии.

Нательной плечевой одежды, общей для мужчин и женщин, у башкир нет, вероятно потому, что матерчатые рубахи они начали носить сравнительно поздно и заимствовали их, надо полагать, в формах уже вполне установившихся, отличных для обоих полов.

Что касается головных уборов, то только шапку *(камсат* или *кама бурьк)* с бобровым околышем и бархатным верхом

носят и мужчины и женщины. Правда, этот головной убор раньше, повидимому, гораздо более распространенный, теперь мужчины носят только в зауральской Башкирии и то довольно редко. Старухи же носят *кама бурьк* поверх головной повязки *(тастар)* сравнительно часто. Как женский головной убор, эта шапка встречается у зауральских катайцев и кара-барын-табынцев, у кубеляк-телевцев и тамьян-тангаурцев, у инзер-катайцев, айлинцев, у кое-кого из минцев и бурзян. Раньше район ее распространения был еще значительнее.

Рис. 98. *Колпак* (на девочке), *кама бурьк* (на старухе), катайцы.

Верхней поясной одежды, общей для обоих полов, у башкир нет; нижняя же поясная одежда — штаны — по покрою и по материалу одинаковы, как у мужчин, так и у женщин. Покрой этот в основе своей один и тот же, несколько варьирует

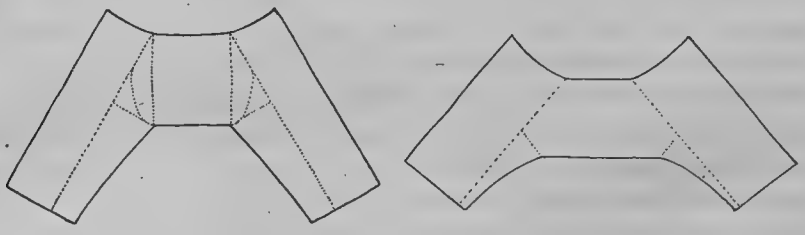


Рис. 99. Покрой мужских *сальвар* (слева), бурзяне, 123—8; покрой женских штанов (справа), катайцы, 1002—5 б.

в зависимости от местности или, вернее, от материала. Эти очень широкие и длинные шаровары *(сальвар)*, кроятся так, что средняя часть всегда состоит из одного цельного куска материи никогда не имеет прорех, а по бокам к этой

средней части пришиваются штанины с одной или двумя парами клиньев. В поясе штаны стягиваются всегда особым шнурком *(штан бау* или *сальвар бау)* и носятся всегда заправленными в сапоги. Раньше штаны шились из домотканного сукна или холста; из этого материала еще и теперь шьют штаны горные и некоторые зауральские башкиры, большинство же носит почти исключительно ситцевые или чаще из красного кумача.

Из общей для мужчин и женщин обуви рассмотрим сначала чулки. У башкир чулки бывают трех родов: вязаные шерстяные *(байлям уюк)*, суконные *(тула уюк)* и войлочные *(кыйиз уюк)*.

За исключением войлочных, которые носят только мужчины, первые два рода чулок носят оба пола. Вязаные чулки носят повсеместно и мужчины и женщины, хотя женщины больше и чаще мужчин. Суконные же чулки носят главным образом мужчины, хотя носят и женщины, особенно за Уралом. Еще не так давно суконные чулки носились повсеместно, теперь же во многих башкирских дачах, в особенности на севере, они совсем вытеснены вязанными. Покрой их весьма прост; шьются они из цельного сукна, сложенного вдвое с пришитым носком в передней части, подшитым небольшим лоскутком (пяткой).

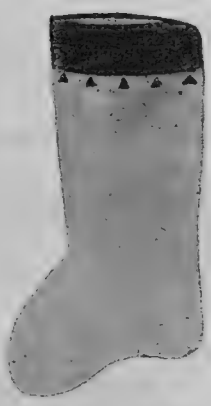


Рис. 100. *Тула уюк*, катайцы, 1/8 н. в., 1002—15 д.

Общая для обоих полов обувь, в узком смысле этого слова: *сарык*, кожаные мягкие сапожки *ситык* и лапти *себата*. *Сарык*—это единственная древняя и примитивно скроенная башкирская обувь. Она состоит из простой кожаной подошвы с пришитым к ней впереди кожаным носком и суконным голенищем, высотою до колена. Ни подметок, ни каблуков у *сарык* нет. Мужские от женских отличаются только тем, что задники последних обыкновенно бывают расшиты цветным (чаще красным) сукном. *Сарык (ката* инзер-катайцев) больше всего носят за Уралом, особенно степные башкиры, хотя они встречаются еще кое-где у минцев, кудейцев, у восточных айлинцев и проч. Обыкновенные сапоги *(итык)* мужские несколько отличаются по

форме от женских, мягкие же сафьяновые *(ситык)*, столь характерные для татар и вообще турецких племен, одинаковы у обоих полов, за исключением разве только той особенности, что у женщин они бывают иногда узорчатые. Впрочем, этот род обуви для башкир не столь характерен, сами они ее не изготовляют и распространилась она среди них сравнительно недавно. Наконец, нам остается сказать еще несколько слов о лаптях. Эта обувь также одинакова у мужчин и у женщин, только женщины носят ее сравнительно меньше, да и время носки различно, в зависимости от местности. Кроме того, лапти *(себата)* носятся обычно беднейшею частью населения. Башкирские лапти, подобно тептярским, имеют свою особую форму; сделаны они аккуратнее русских, легче и отличаются от последних тем, что по произволу могут надеваться на любую ногу. Лапти для башкир вообще мало характерны и, по словам Лепехина (6₂, 151), еще в конце XVIII столетия башкиры их не носили вовсе. Впрочем, еще и теперь многие башкирские рода их совсем не носят, а часть носит только во время полевых работ. Область распространения лаптей у башкир ограничивается западной половиной их страны. Ни в горах южного Урала, ни, тем более, в Зауралье, лаптей никто не носит. В северо-западной и отчасти в западной Башкирии беднейшая часть населения носит лапти уже постоянно, а в бассейне р. Уфы и по среднему течению р. Белой их носят только во время полевых работ. Прибавим еще, что там, куда начинают проникать лапти, первыми начинают носить их мужчины, а потом уже и женщины. Последние годы лапти начали появляться уже и за Уралом, в степи, особенно среди у с е р г а н.

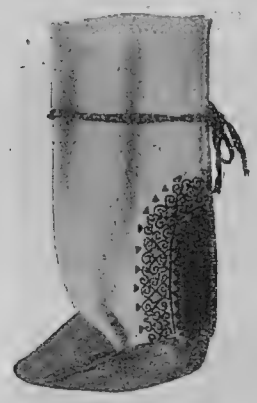


Рис. 101. *Сарык* (женские), катайцы 1/8 н. в., 1002—5 к.

После этого краткого обзора общих для обоих полов костюмов, мы можем перейти уже к описанию собственно мужской и женской одежды.

Верхнею плечевою одеждою башкир, помимо описанных выше бараньих тулупов, являются шубы *(тун)*, полушубки *(билли тун)* и так называемые *якы тун* или *кулун тун*, сшитые

из конских шкур. Последний костюм несомненно древний. Шился он из конских шкур, мехом наружу, и надевался как самостоятельно, так и поверх нагольного тулупа. Его задача, помимо тепла,—предохранить шкуру от влаги. Георги (**9**, 102—103) следующим образом описывает этот костюм: башкиры шили шубы „больше из конских кож так, чтобы грива ложилась вдоль спины, что", добавляет автор, „в ветренную погоду весьма странно кажется". Еще в половине прошлого столетия (**11**, 154) некоторые башкиры зимою носили ярга́ки из лошадиной—молодых жеребят—или оленьей шкуры, которые шились вроде кафтанов шерстью или мехом вверх. Нам пришлось видеть и приобрести только одну *якы тун* у восточных башкир (б у р з я н). Последние шились из нескольких (5—7) одномастных шкурок жеребенка так, что гривы шли во всю длину шубы по спине и по плечам, до конца рукавов. Покрой этой одежды, с прямой спиною и широкими полами, подобен суконным кафтанам *(сякмян)*. Носились они, как сказано, чаще всего поверх *тирэ тун*, в очень холодную или сырую погоду, застегивались на одну, две пуговицы и подпоясывались. Область, в которой башкиры еще помнят *якы тун*, или где сохранились ее остатки, обнимает почти всю страну, за исключением ее северной и северо-западной части. Башкирская шуба от полушубка отличается, во-первых, тем, что она шьется ниже колен; во-вторых, шуба шьется всегда с прямой спиной, тогда как полушубок бывает узкий в талии. Шубы, равно как и полушубки, кроятся сукном или материей, запахиваются на левую сторону и повязываются поясом. Шьются они главным образом на бараньем меху, богатые же шьют также на волчьем, лисьем и других мехах с опушкой из меха выдры. Чаще всего

Рис. 102. *Тирэ тун* (покрытая материей), а й л и н ц ы.

шубы не имеют застежек, некоторые же застегиваются на одну, две пуговки. Шубы на пуговках и с выпушкой по покрою ничем не отличаются от общераспространенных татарских шуб. О мужских чекменях (кафтанах — *сякмян*) мы уже говорили выше; прибавим только, что белые чекмени часто обшиваются по краям полосками черной или красной материи, а внизу с обоих боков делаются небольшие прорезы (сантиметров 15 длины), обшитые также тесьмой. Что касается халатов *(жилян)*, о которых мы также уже говорили, то они не могут считаться необходимою принадлежностью башкирского костюма; носятся они главным образом дома, в деревне и встречаются только у богатых или зажиточных. У юго-восточных башкир можно встретить помимо обыкновенных матерчатых или суконных еще и покупные сартские, стеганные на вате, халаты.

Все только что рассмотренные костюмы (кроме полушубка) шьются длинными и широкими, с прямой спиной, в большинстве случаев без подкладки и без пуговок, а запахиваются на ту или иную сторону и повязываются поясом. Другая же группа, плечевая мужская одежда, куда относятся *бишмят, казакый* и *камзол*, относительно коротка, шьется всегда в талию, непременно на подкладке, и застегивается на пуговки. *Бишмят* (бешмет), род полукафтана, самая обычная и теперь повсеместно распространенная башкирская одежда. Одежда эта длинная, всегда ниже колен, с длинными рукавами, довольно плотно облегает талию, запахивается на левую сторону и застегивается на четыре—шесть пуговок. Сборок, как на русской поддевке, на бешмете никогда не бывает и нижняя часть его расширяется ниже талии раструбом. Материалом для бешмета всегда служит какая-нибудь фабричная материя (люстрин, нанка, китайка и проч.). *Казакый* (казакин) много ко-

Рис. 103. *Бишмят* (слева) и *камалы тун* (справа), гайнинцы.

роче, всегда выше колен и уже бешмета; шьется он также в талию и на подкладке; рукава его короткие, едва доходят до локтя. Запахивается *казакый* на левую сторону и застегивается на четыре-пять пуговиц. Как и у бешмета воротник его низенький (до 3 см.), стоячий. Так же, как и в первом, в нем обычно бывает с правого бока косой карман, а иногда и второй маленький на груди. Помимо застежек *казакый*, равно как и бешмет, имеет еще внутренние завязки у пояса. Надевается *казакый* под *бишмят*, поверх рубахи и шьется из тех же материй, что и *бишмят*. *Камзол*—безрукавка, короткая и узкая, плотно облегающая бюст. По покрою она похожа на *казакый*, только короче его и без рукавов. Запахивается на левую сторону и застегивается на пуговки; всегда на подкладке и, подобно другим костюмам этого рода, шьется из фабричных тканей темного, главным образом, черного цвета. Карманов в камзоле обычно не бывает, а низенький стоячий воротник едва превышает один сантиметр и застегивается на крючок. Надевается он, как и *казакый*, под *бишмят*, поверх рубахи. Распространен он по всей Башкирии, тогда как *казакый* встречается значительно реже, а в некоторых башкирских дачах (особенно на севере) его совсем не носят.

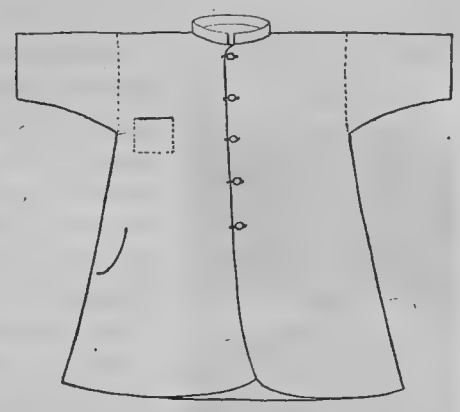


Рис. 104. *Казакый*, 1/20 н. в., 751—3.

Мужская одежда верхней половины тела, носимая непосредственно на теле, а именно сорочка, однотипна для всех башкир, хотя в деталях и особенно по материалу она сильно варьирует.

Мужская башкирская сорочка *(кульмяк, кульдяк)* шьется всегда очень широкой и длинной, до колен и даже ниже (от 85 до 95 см. длины), с широким отложным воротом и длинными широкими рукавами. Ворот завязывается шнурком неплотно, так, что грудь обычно бывает открыта на несколько сантиметров. Кроется она из цельного куска материи,

без швов на плечах, с подоплечниками. По бокам вставлены двойные клинья (реже из четырех полосок материи). Рукава всегда прямые и под ними большие ластовки *(чоһа)*, из красной материи в белых сорочках и желтые или какого-либо иного цвета в красных. Воротник *(яга, жага)* башкирской сорочки, как сказано, всегда отложной; нередко очень широкий, сантиметров до 20. По словам Назарова (22, 181) еще не так давно у башкирских рубах ворота совсем не было, а был просто прорез на шее, нам же таких сорочек видеть не приходилось. На фотографиях башкир, сохранившихся в Московском Румянцевском этнографическом Музее со времени известной антропологической выставки, также можно видеть широкий отложной воротник мужской сорочки. За весьма редкими исключениями воротник башкирской сорочки теперь не вышивается, тогда как в середине прошлого столетия цветная вышивка воротника холщевой башкирской рубахи была явлением обычным (сравни 11, 155). На одной из упомянутых фотографий Румянцевского Музея (№ 4009) можно видеть сорочки челябинских башкир с воротом и грудью, не только вышитыми, но и зашитыми бисером. В том же Челябинском уезде и в настоящее время встречаются так называемые *сильтярли кульмяк* с вышивкой на отложном воротнике, на концах рукавов и по краю подола. Подобные сорочки, сшитые из красной материи, шьются там, как свадебные подарки новобрачных своим мужьям. Вышивки на отложных воротниках можно встретить еще на пестрядиных сорочках башкир севера Бирского уезда, но здесь вышивки, хотя и полихромные, исполнены уже шерстью или гарусом, носят совсем иной характер, напоминают сорочки черемис. Свадебным подарком служила также старинная холщевая сорочка, украшенная прошивкой *(сильтярли кульмяк)*. Это была широкая и длинная холщевая рубаха с красными ластовками и широким отложным воротом; ворот, концы рукавов и подол были украшены прошивкой *(сильтяр)*. Харак-

Рис. 105. Отложной ворот рубахи, гайнинцы.

терная особенность башкирской сорочки—это отсутствие застежки у прореза на груди. Шнурки, которыми завязывается ворот рубахи *(изюу-бау, ыгырбау, ялгау, ильдык)*, продеваются в особые петельки у ворота или пришиваются наглухо. Эти

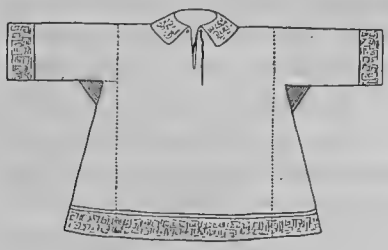


Рис. 106. *Сильтярли кульмяк*, катайцы, 1/30 н. в., 2881—436.

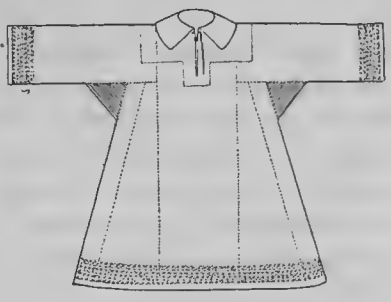


Рис. 107. *Сильтярли кульмяк*, гайнинцы, 1/30 н. в., 1002—21.

плетеные шнурки оканчиваются обыкновенно кистями и иногда отличаются особою роскошью: шнурки обматываются золотой или серебряной ниткой, заплетаются в розетки и украшаются разноцветными кистями (см. рис. 108).

Сорочка, только что описанная, как типичная для башкир, встречается не везде. В зауральской, южной и центральной Башкирии ее носят еще все. В северной, северо-западной, а отчасти и в южной части этой страны ее можно встретить только у стариков, молодые же носят уже русскую косоворотку на пуговицах. Есть башкирские дачи, особенно среди северо-западных, в которых сорочек с отложным воротом совсем не носят.

Резко отличаясь от великорусской и соседней финской сорочки по покрою, башкирская в противоположность последним никогда не подпоясывается и носится всегда на выпуск.

Обращаясь теперь к головным уборам мужчин, нужно отметить прежде всего, что все башкиры покрывают свои бритые головы полушаровидными шапочками, тибетейками *(тюбетей, араксын, такия)* совершенно такими же, как у казанских татар, да и делать их башкиры сами не умеют, а покупают от торговцев, казанских

Рис. 108. *Ильдык*, гайнинцы.

татар. Бреют волосы башкиры только на голове, на лице же они, подобно татарам и другим мусульманам, подбривают или выщипывают бороду возле рта и подстригают усы. Для выщипывания бороды они употребляют особые щипчики, специально изготовляемые для этой цели татарами. Лепехин (6₂, 267) описывает другой весьма своеобразный способ выщипывания волос, применявшийся будто бы башкирами. Он пишет, что башкиры „натирают себе бороду каленою золою и, ссучив круто нитку, с отменным проворством и искусством вкручивают волоса по два и вырывают. Зола, по их примечанию, слабит кожу и утоляет ту боль, какая от щипания волосов произойти должна".

Возвращаясь к тибетейкам, заметим еще, что чаще всего они бывают бархатные, черные или красные и нередко украшены нашитыми мишурными звездочками и блестками, а иногда богато украшены серебряным шитьем.

Другой общераспространенный головной убор, как и прочие, о которых мы будем говорить, *бурьк* одевается поверх тибетейки. *Бурьк*—круглая меховая шапка, покрытая черным сукном, (см. рис. 102), шьется всегда на бараньем меху с выпушкой из меха бобра или лисицы, а то и без выпушки. Носят эту шапку постоянно, зимой и летом. Довольно часто встречается и другой вид шапки, исключительно зимней, так называемая *тыльку бурьк* (лисья шапка). Форма ее плоскоцилиндрическая, несколько расширяющаяся кверху; меховой околыш из лисьих лапок, дно — суконное или из черной материи; внутри она на бараньем меху. Такую шапку можно встретить у башкир повсеместно. Весьма похожа на только что описанную *тыльку бурьк* (см. рис. 97), шапка, о которой мы упоминали раньше, *кама* или *камсат бурьк*, только околыш ее бывает из выдры или бобра.

У юго-восточных башкир (тангаурцы, бурзяне, усергане) встречается еще один вид полусферической шапки из меха ягненка *(тирэ капась)*, покрытой черной материей с выпушкой из того же меха. При носке края ее немного отгибаются и она принимает форму столь типичную для плоских казак-киргизских шапок.

Мерлушковые шапки, низкие плоские шапочки из черного каракуля, которые, по словам Баишева (18, 9), носят усергане, встречаются у башкир и других родов, но они вообще мало

характерны. Интересно только наблюдение Баишева, что молодые носят эти шапки из черных, а старики из белых мерлушек.

За последнее время очень распространились у башкир войлочные шляпы, которые они заимствовали, повидимому, от своих западных соседей (татар, мещеряков и тептярей), почему вероятно и типы их не одинаковы в различных местах. Неоднократно цитированные путешественники не упоминают об этих головных уборах башкир, да башкиры сами и не умеют делать шляпы, а покупают их на базарах. Формы башкирских войлочных шляп сводятся к двум основным: полушаровидной, очень плотно скатанной с полями умеренной величины, загнутыми кверху, и другой форме скорее конусообразной с притупленным верхом и небольшими полями, слабо приподнятыми или, чаще, совершенно опущенными. Первая форма встречается почти исключительно среди северо-восточных башкир (и мещеряков), вторая, мягкие и довольно плохо скатанные шляпы распространены главным образом в западной и северо-западной Башкирии (а также у соседних мещеряков, тептярей и татар, особенно мензелинских). Как на местную разновидность войлочных шляп можно указать на плоские, дугообразной в разрезе формы, шляпы, с большими опущенными полями, подрезанными спереди и сзади. Такие шляпы встречаются главным образом у стариков и у духовенства в центральной и, отчасти, в западной Башкирии. Совсем не носят шляп восточные катайцы Челябинского у., кубеляк-телевцы, инзер-катайцы, горные тамьян-тангаурцы, часть бурзян, усерган и некоторые другие рода.

Наиболее интересный тип башкирского мужского головного убора так называемый *клоксын (колак чин)*, известный у русских под именем малахая. Георги (**9**, 102), так описывал этот убор: „верхняя она (шапка) подобна кеглю, но не очень востро к верху сведена, вышиною в пядень, а шьется из сукна с узким околышем, оттопырившимся и загнутым наподобие голландских корабельных шляп". Об этих же малахаях писал и Черемшанский, замечая, что они „самой странной формы, с крыльями и хвостом, который прикрывает затылок". Как видно на прилагаемых фотографиях (рис. 97) *клоксын* состоит из довольно высокой шапки с не-

большим козырьком впереди, прикрывающим лоб, очень длинными ушами, прикрывающими боковые части лица и подвязывающимися под подбородком, и, наконец, задней части, прикрывающей затылок и шею. Шьется *клоксын* из бараньего или лисьего меха *(тыльку клоксын)* и покрывается какой-нибудь материей. Непокрытый *клоксын* встречается редко и при том только у бедняков. Иногда *клоксын*, особенно лисий, в верхней своей части шьется из войлока, благодаря чему сохраняет свою высокую, почти пирамидальную форму, подшивается мехами, покрывается черным или красным сукном и обшивается снаружи позументом. Этот головной убор носят исключительно зимой; он очень теплый и весьма практичен, в особенности при степных буранах. Интересен этот убор еще и потому, что он известен у всех азиатских кочевников, его же мы встречаем на античных изображениях скифов.

В настоящее время *клоксын* встречается, хотя и редко, в горах южного Урала, повсюду за Уралом, особенно на юге и изредка на юго-западе (у минцев). До половины прошлого столетия он был распространен значительно шире и не было его, повидимому, только в бассейне р. Уфы и нижнего течения р. Белой.

Тот же самый головной убор, но уже летний, так называемый *колапарэ* шьется из домотканного белого сукна, без подкладки и вместо позумента обшивается полосками красного сукна или другой материей. Область распространения *колапарэ* уже значительно меньше, чем *клоксын*, и встречается он только в юго-восточном углу Башкирии (у усерган, бурзян, тангаурцев). Этот убор Назаров назвал почему то кошменным колпаком (22, 181), отмечая при этом, что он частью заимствован от киргиз, именно тот его тип, рисунок которого мы здесь приводим (с разрезанными полями) и который, по словам Назарова, теперь будто бы вовсе не носится. Вместе с тем,

Рис. 109. *Колапарэ*, тангаурцы, 1/8 н. в., 1234—100.

по словам того же автора (22, 181), у башкир существует еще и другой вид *колапарэ*, заимствованный от татар и отличающийся от киргизского своими цельными, опущенными вниз полями, меньшею высотою и закругленностью верхушки.

Чтобы покончить с мужской одеждой, носимой выше пояса, упомянем еще о рукавицах *(иляся)* и перчатках. Чаще всего башкиры носят перчатки и варежки, вязаные из белой овечьей шерсти. Сравнительно редко встречаются также и меховые рукавицы, покрытые сукном, собственного изделия; бывают также и меховые перчатки. Меховые рукавицы иногда вышиваются поверх сукна и опушиваются по краю мехом, нередко дорогим (бобром).

Верхняя поясная одежда мужчин довольно разнообразна и сводится к трем основным типам поясов: *бильбау*, *каптырга* и *камар*. Обыкновенные пояса *(бильбау* или *бильгау)*, которыми подпоясывают башкиры свою верхнюю одежду, бывают двух родов. Самый распространенный, но не столь типичный для башкир, пояс, простой кусок фабричной материи (кумача, ситца, коленкора, бумазеи) метра три длиною. Материю складывают в три-четыре раза, дважды обертываются ею и концы завертывают. Значительно реже встречается теперь другой вид пояса—тканный из шерсти. Этот пояс изготовлялся самими башкирами и еще недавно был широко распространен. Теперь же он встречается почти исключительно в горах и в зауральской степи, в других местах он очень редок. Пояс этот также очень длинен (до $3^1/_2$ метров), но не особенно широк (до 15 см. ширины); ткался он из темных цветных ниток и оканчивался бахромой.

Каптырга—узкий (всего 2—3 см. ширины) ременный пояс сравнительно короткий (1,2—1,3 метра) с вытисненным на его наружной поверхности узором, с крючкообразной пряжкой на одном конце и дырочками на другом. У правого бока на этом ремне всегда бывает привешена большая прямоугольная кожаная сума *(каптырга* или *калта* [1]), а с левого бока нож в деревянных обшитых кожей ножнах и ременный футляр для оселка. Иногда на ремне с наружной стороны бывают еще набиты металлические бляхи с серебряным чеканным

[1] Слово *калта* распространено среди юго-западных башкир и восточные считают его татарским.

узором. Сумка всегда бывает закрыта крышкой из тисненой кожи, очень красивого орнамента, травленого медным купоросом. Главное назначение сумки быть вместилищем для

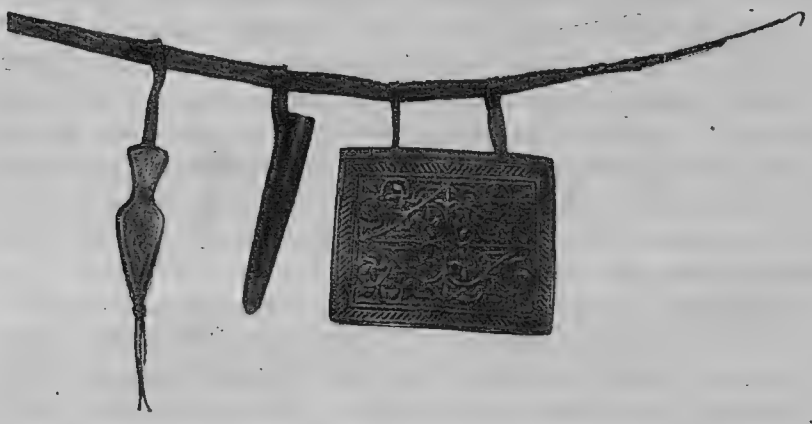


Рис. 110. *Каптырга*, бурзяне, 1/8 н. в., 1234—71, 72.

кресала, кремня, трута и других мелких вещей. Современная нам область распространения *каптырга* с сумою очень ограничена; он встречается кое-где за Уралом, преимущественно на юге, но очень редко. Между тем, два-три десятилетия назад его можно было найти во всей кочевой, южной, горной и центральной Башкирии до широты г. Уфы и даже немного севернее.

Рис. 111. *Бсак кын*, катайцы, 1/8 н. в., 1234—73.

Отсутствие *каптырга* в северной и северо-западной половине башкирского края, ее бесспорное тождество с подобной же сумой казак-киргизов и целый ряд других соображений склоняет нас к заключению об ее восточном происхождении.

Не только на *каптырга*, но и вообще на поясе, башкиры почти всегда, особенно в дороге, носят ножи *(бсак)* в ножнах *(бсак кын)*. Башкирские ножи не представляют собой ничего оригинального — это обыкновенные наши кухонные ножи или небольшие великорусские косари, которые покупаются на базарах. Гораздо интереснее и разнообразнее ножны. Самый распространенный тип тот, который мы видим на ременном поясе: ножны, состоящие из двух деревянных половинок, об-

тянутые снаружи черной кожей. Иногда они бывают окованы полосками листовой меди и украшены металлическими подвесками (*сук*) на конце.

Прочие типы ножен более редки и имеют скорее местный характер. Ножны бывают или деревянные, обшитые лошадиной шкурой, столь характерные для восточных финнов и самоедов, они встречаются в северной Башкирии; или плетеные из лыка, прикрытого берестяными полосками,— тип распространенный среди восточных черемис и вотяков, — встречается в северо-западной Башкирии; или, наконец, просто берестяные ножны, спорадически встречающиеся в горах.

Рис. 112. *Бсак*, гайнинцы, 1/5 н. в., 1002—70.

Рис. 113. *Бсак*, гайнинцы, 1/5 н. в. 1002—69.

Рис. 114. *Бсак кын*, бурзяне, 1/3 н. в., 1002—71.

В большом употреблении у башкир были когда-то ковровые щегольские кушаки, которые они называли *камар* или *камар бильгау*, с сравнительно дорогими металлическими гравированными или даже серебряными пряжками (*каптырма*), богато украшенные бляхами (*каш*) с полудрагоценными камнями (агатом, сердоликом, бирюзой и проч.). Нередко такие кушаки состояли из сплошного ряда серебряных пластинок, покрытых чеканным узором со вставками агатов (*агык*) и бирюзовой осыпью. В старину такие кушаки ценились очень дорого; за один такой *камар* богачи давали хорошего аргамака или пару быков. *Камар* раньше носили повсеместно, по крайней мере во всей заведомо кочевой Башкирии, теперь же он сохра-

Рис. 115. *Камар*, катайцы, 1/5 н. в., 2881—395.

нился, как вещь старинная, кое-где за Уралом и в степи (катайцы, кубеляк-телевцы, тамьян-тангаурцы, бурзяне, усергане и кипчаки), а отчасти и в центральной Башкирии (минцы и табынцы).

Трудно сказать, шли ли эти пояса к башкирам из Средней Азии через посредство киргизов, за что может говорить характер ковровой ткани, или от казанских татар, столь искусно еще и теперь изготовляющих металлический прибор

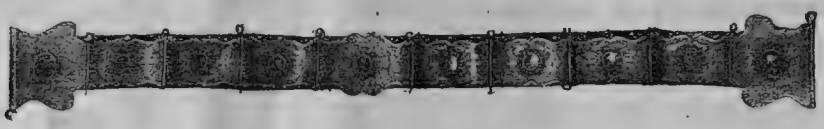


Рис. 116. *Камар*, юрматы цы 1/5 н. в. 28 I—399.

для подобных поясов. Несомненно только одно, что сами башкиры их не делали. Ковровая ткань этих кушаков такой тонкой работы, металлические же бляхи с их вставками, штампованными и чеканными узорами, дело рук такого опытного ювелира, каких у башкир никогда не было.

Относительно нижнего поясного костюма мужчин, штанов, мы говорили достаточно уже в начале настоящей главы. Помимо описанных выше, собственно нижних штанов, мужчины носят еще и верхние штаны *(сальвар)*. По покрою они ничем не отличаются от нижних, только в них с правого бока бывает обыкновенно карман, тогда как в нижних штанах, как мы знаем, карманов нет. Шьются эти *сальвар* из грубого конопляного холста или из самодельного сукна; носятся исключительно во время работ, первые в теплое время года, вторые зимою. Эти *сальвар* настолько широки, что в них заправляют всю одежду. Встречаются они главным образом в горах южного Урала. У северных (айлинских и кудейских) башкир нам пришлось встретить еще один тип мужских штанов—свадебный подарок молодой своему мужу. Штаны эти шьются из цветной (чаще красной), домотканной бумажной материи с узором вытканным по ней разноцветным гарусом или шерстью.

Наиболее распространенную мужскую обувь *(сарык, ситык* и *себата)* мы уже знаем. Нам остается рассмотреть только специальную мужскую обувь, отличную от женской. Сначала, впрочем, еще несколько слов по поводу *сарык*. Мы знаем

со слов Лепехина (62, 15), что в конце XVIII столетия башкиры не носили лаптей, а носили „в Уфимском уезде употки собственного кожевничества, а в Исетской провинции бахилы, у которых только кайма у голов коженая, а прочее все суконное". Под именем бахил в Пермской, а отчасти и в Оренбургской губ., в настоящее время известен род бродней из дубленой кожи без подметок и каблуков. Под именем бахил Лепехин, надо полагать, разумел не что иное, как *сарык*. Раньше для них кожа употреблялась исключительно сыромятная своей выделки и сшивались они конскими сухожильями или волосом. Теперь же кожа башкирской выделки употребляется уже редко и шьются они главным образом дратвой. Что касается особенностей мужских *сарык*, то внизу на их голенище нашиваются невысокие кожаные задники и несколько треугольников кожи, как украшение. Вверху они, как и женские, подвязываются над икрами плетеными из цветной шерсти шнурками *(кысмау, куныс бау)*. При носке, внутрь под подошву ноги непременно кладется подстилка из жесткой травы (осоки) или соломы. Под употками Лепехин, вероятно, разумел обыкновенные сапоги *(итык)* которые башкиры носят теперь повсюду. Шьются они из сыромятной конской кожи своей выделки или чаще из русской. К ним подшиваются довольно толстые подошвы и невысокий каблук; носок прямой и широкий, голенище короткое, до колен. За Уралом, на юге и кое-где в центральной Башкирии сапоги носятся главным образом в рабочее время. Мягкие сафьяновые сапоги, *ситык* башкиры носят только дома, выходя же из избы они одевают поверх них кожаные туфли *(ката)* обыкновенные или без задников *(кибис)*, а то просто резиновые галоши. Кроме того, у башкир распространены и глубокие кожаные галоши собственного изделия на толстой подошве, с каблуком, обычно подбитым подковкой или гвоздями. Нередко такие галоши надеваются прямо на чулок.

Рис. 117. *Итык*, катайцы, *ката*, гирей-кипчаки, 2881—429, *калоши*, бурзяне, 1234—13; 1/12 н. в.

О башкирских лаптях мы говорили уже раньше. Нам остается упомянуть еще только о специальной обуви, сравнительно мало распространенной, о так называемых *пышумну себата*, *пышумну киндырак* и *ката*. *Пышумну себата* это те же лапти, но только крепче сплетенные из толстых полос лыка, прикрытых берестяными лентами, вверху же по краю к ним пришито сукно, затягивающееся шнурком вокруг ноги. Встречаются они почти исключительно на крайнем северо-западе и употребляются, подобно *киндырак*, на охоте

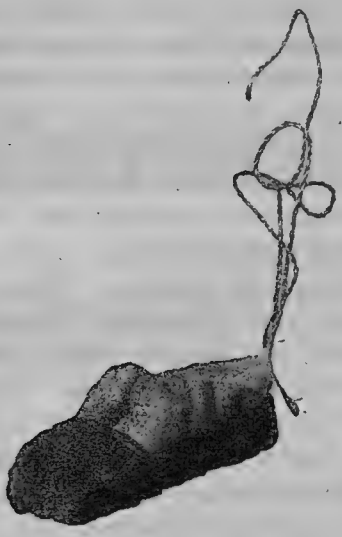


Рис. 118. *Пышумну себата*, гайнинцы, 1/6 н. в., 1002—24.

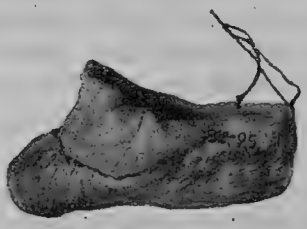


Рис. 119. *Пышумну киндырак*, гайнинцы, 1/6 н. в., 1002—25.

зимою, особенно на лыжах, а отчасти на работах. *Пышумну киндырак* состоят из меховых (из конских кисов) головок и суконной обшивки. Носятся так же, как и *себата*, с соломенной или травяной подстилкой. Встречаются они преимущественно у северных башкир (у айлинцев, танынцев, у гайнинцев с уранцами и в низовье реки Белой). В центральной Башкирии, главным образом у табынцев, встречается еще особый вид *ката*, состоящий из кожаных головок на подметках с пришитыми к ним коротенькими (всего сантиметров 10—12) двойными холщевыми голенищами (*киндыр куныс*), затягивающимися вокруг ноги шнурком; вместо холщевых голенищ нередко бывают и суконные (*пысым*), также затягивающиеся шнурком.

Кроме упомянутой обуви, зимою башкиры носят еще валенки и валеные галоши, которые они покупают на базарах. Этот род обуви распространен среди башкир пока мало.

Помимо вязанных (*байлям уюк*) и суконных чулок *(тула уюк)* мужчины носят еще и кошемные валеные чулки *(кыйиз уюк)*. Валяются эти чулки из белой овечьей шерсти и носятся только зимою. Спорадически встречаются они повсюду, за исключением северо-востока, где их нет. Относительно суконных же мужских чулок заметим еще, что иногда (у молодоженов) они украшаются вверху узором. По краю накладывается полоса темной или зеленой материи, на которую нашивается узор, вырезанный из красного сукна. Такие расшитые чулки носят главным образом на северо-востоке (см. рис. 96).

Вместе с чулками, а чаще без них, носят башкиры и онучи *(сылгау)*. Хотя теперь онучи настолько распространились среди башкир, что местами вытесняют уже чулки, но они вряд ли особенно характерны для них, ибо есть еще и теперь местности, где их совсем не носят. Онучи бывают из холста, носятся летом и нередко под чулками; бывают и суконные онучи, которые надеваются преимущественно зимой. В западной и северо-западной Башкирии различают два рода онучей в зависимости от размеров и обуви, с которой их носят. С сапогами одевают небольшие и короткие *сылгау*, с лаптями длинные—*штырь*. Наконец, следует упомянуть еще о вышитых онучах *(силтярли сылгау)*. Встречаются они главным образом у северо-восточных башкир, делаются из красной материи и вышиваются на концах разноцветными шелками. Такие онучи носят только молодожены.

Нагольные тулупы, о которых речь была в начале главы, женщины носят весьма редко. Объясняется это тем, что беднота зимою обходится без шуб, так как для работы возле дома шуба не так уже необходима, а состоятельные, которым она нужна, хотя бы для поездок зимой по гостям, стараются сшить шубу получше и покрыть ее, если не хорошим сукном, то восточной полушелковой материей. Обыкновенная женская *барян тун*, хотя и просторна, но шьется всегда в талию с небольшим стоячим воротом и непременно покрывается сверху. Запахивается она на левую сторону, завязывается в поясе на шнурки, пришитые внутри и у края, застегивается на одну пуговицу. Никаких других завязок или пуговок не бывает. В отличие от мужской, женская шуба никогда не подпоясывается поясом. Кроме шуб на бараньем меху, излю-

бленной женской башкирской шубой надо считать так называемую *бисе тун*, шубу на меху из лапок лисицы, покрытую туркестанской полушелковой материей *(адряс* или *баташи)*, отделанную мехом выдры *(камалы тун*, от слова *кама*—выдра).

Такой же длинный, как и шуба, много ниже колен, и другой верхний женский костюм *ак сякмян* или *биселяр сякмян*.

Рис. 120. *Ак сякмян*, карагай-кипчаки, 1/18 н. в., 1002—147.

О покрое чекменя мы уже говорили, отмечали также и то, что он шьется исключительно из белого сукна. Нам остается упомянуть только о некоторых деталях, касающихся его украшений. Про эти кафтаны Лепехин (6₂, 150) писал, что сшиты они на подобие халата и по краям в два ряда унизаны бывают бисером, а впереди последним обшиты и петлицы. Как и мужской, этот *сякмян* не имеет никаких застежек или завязок запахивается на любую сторону, но в отличие от мужского никогда не подпоясывается. На концах рукавов, кругом по краю ворота, по бортам и по подолу он обшивается широкой полосой красного сукна и узкой полоской желтой или зеленой материи. По бортам же и в особенности на спине ниже ворота нашиваются еще вырезанные из цветного сукна треугольники и квадратики, а также спи-

рально изогнутые полоски цветного сукна. Кроме того, на плечах, на концах рукавов, на спине, вдоль борта и по подолу вышиваются цветною шерстью звездочки, треугольники и другие фигурки из цветного сукна с бахромой. Подобного рода *сякмян* носят взрослые девушки и молодые женщины, пожилые же женщины свои кафтаны не украшают.

Другой женский костюм, по покрою близкий к *сякмян, жилян* или *зилян* отличается от мужских халатов тем, что шьется несколько в талию и не так широк. В зависимости от материала и количества украшений женские халаты бывают весьма разнообразны, начиная от совершенно простых матерчатых, без всяких украшений до щегольских бархатных, богато украшенных халатов горных башкир. Материалом для халатов чаще всего служат черные бумажные материи (ластик, намбук и проч.), редко бывают из яркой полушелковой материи и иногда, как сказано, из черного плиса или бархата. Шьются они, в отличие от *сякмян,* всегда на подкладке и нередко имеют металлическую на груди застежку *(каптырма)* с подвесками, а иногда ее и вовсе нет, тогда полы свободно опускаются вниз, оставляя открытой грудь и платье. Костюм этот украшается более других: по краям на груди нашиваются полоски красного или зеленого сукна; красная полоса бывает нашита кругом по краям бортов, по подолу и на концах рукавов; кроме того, они обшиваются в несколько рядов полосами мишуры или позумента, широкою вокруг шеи и на груди и сравнительно узкою по подолу; подле позумента нашиваются медякие, серебряные монеты, металлические штампованные бляхи и кораллы. В наиболее развитом виде мы встречаем этот халат у горных башкир бурзян, кипчаков и других. Там,

Рис. 121. Женщины в халатах *(жилян)*, минцы.

помимо прочих украшений нашиваются особые наплечники *(яурса)* из позумента вроде эполет и сзади на спине у пояса ложные позументные карманы *(бююрлюк, бюирся)*. Вверху на спине бывает нашита иногда еще золотая или серебряная бахрома *(зилян жилькалик)*. Если прибавить

Рис. 122. Женщина в халате *(укалы жилян)*, слы-минцы.

к этому еще особые подвески *сулпы* и ряды коралловых *(маржан)* треугольников с монетами, то станет ясно, что к украшению этого костюма башкиры прилагают особое старание. В зависимости от характера украшений различают: халат, украшенный мишурой *(укалы жилян)*, серебряными монетами *(танькалы жилян)*, жестяными узорчатыми бляхами *(кумбазлы жилян)* и канточным сукном *(сугалы жилян)*.

Вместо *жилян* башкирки носят и другой верхний костюм *бишмят*. Покрой его такой же, как и мужского. Он длинен,

плотно облегает талию и застегивается на пуговки. Носят бишмят повсеместно, только местами, как например в горах и за Уралом, преобладают *жилян*, в остальных же местах гораздо больше носят *бишмят*. Иногда *бишмят* шьется не только на подкладке, но и простегивается ватой.

Изредка носят женщины и *казакый* с длинными рукавами, но только молодые. Покроя он совершенно такого же, как и *бишмят*, только немного уже и короче. Что касается района распространения *казакый*, то он сравнительно редко встречается совместно с *бишмят*, там же, где *бишмят* носят сравнительно мало, например в горах южного Урала, там *казакый* встречается чаще совместно с *жилян*.

О холщевом халате северо-западных башкирок *сыба* нами уже упоминалось раньше. От мужского он отличается только цветом (красный с черными полосками или синий с белыми); как и мужской, он носится поверх *бишмят* или сорочки при различных работах.

Вопреки утверждениям некоторых авторов (22, 182), будто бы башкирки нигде, даже по окраинам, не носят безрукавок, костюм этот мы встречаем повсюду. Правда, в горах южного Урала и особенно на восточном его склоне, а также в прилегающей к нему лесо-степи, *камзол* женщины носят редко, а в некоторых деревнях его не бывает совсем (инзер-катайцы, тамьян-тангаурцы, бурзяне и проч.). Местами (карагай-кипчаки) *камзол* носят только старухи. По покрою женская безрукавка существенно не отличается от мужской, только внизу она бывает шире мужской. Плотно облегая бюст, от талии она сразу расширяется. Хотя женский *камзол* может быть и длиннее мужского, но никогда не достигает колен. Застегивается он на две пуговки — у короткого стоячего ворота и у пояса; запахивается чаще на левую сторону; у правого бока обычно бывает небольшой косой карман. Шьется *камзол* чаще всего из черной материи (ластика, манчестера и проч.), из полушелковой туркестанской материи *(адряс)* или бархата и

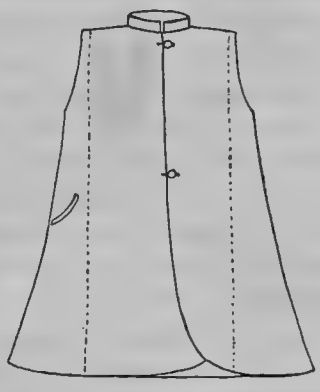


Рис. 123. *Камзол* (жен.), гайнинцы, 1/20 н. в., 1020—5 д.

всегда на ситцевой подкладке. У ворота, по бортам и по подолу нередко обшивается позументом и украшается мелкими серебряными монетами и кораллами. *Камзол* башкирок северо-западной половины Башкирии несколько отличается по покрою от общераспространенного. Его полы не заходят одна за другую и не закрывают грудь, а спускаются вниз прямо от плеч, подобно полам халата. Такие камзолы шьются из дорогого цветного бархата, обшиваются позументом и являются парадным костюмом башкирок.

Из нательной плечевой одежды башкирки носят сорочки *(кульмяк)* и нагрудные повязки *(тушильдрык, кукрякся)*.

Подобно мужчинам, женщины башкирки в XVIII столетии носили рубахи из грубого холста. В половине прошлого столетия, по словам Черемшанского (**11**, 155), наиболее распространенными были женские рубахи из синей или красной холщевой пестряди, хотя и тогда уже начали появляться сорочки из фабричных тканей (бязевые и ситцевые). В настоящее же время холщевых рубах башкирки не носят. По покрою и украшениям можно различать несколько типов женских рубах. Наиболее простым и древним покроем отличаются рубахи старух у зауральских башкир. Эта рубаха шьется из целой полосы материи без швов на плечах; по бокам, ниже прямых и широких рукавов, вшивается по одному цельному клину, а под рукавами по ластовке. На груди имеется довольно длинный прорез, вокруг которого дугообразно нашито несколько полос разноцветных полушелковых лент, а иногда и несколько серебряных монеток внизу. Низенький и мягкий стоячий ворот застегивается крючком *(ильмя)*, пришитым к правой стороне, или завязывается тесемкой *(ыгыр-бау, изю-бау)*. Никаких других застежек на груди, как и вообще на рубахах башкирок, на рубахе старухи нет. Рубахи пожилых женщин отличаются и по цвету ситца, из которого они сшиты; они всегда бывают или белые, или

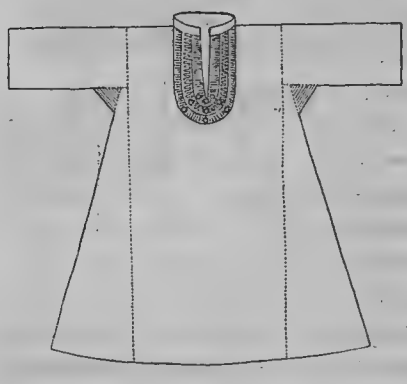


Рис. 124. *Кульмяк* (жен.), бурзяне, 1/16 н. в., 1234—3.

реже из какой-нибудь темной, однотонной материи, тогда как молодые женщины предпочитают материи ярких цветов, с пестрыми цветками, разводами и проч. Рубахи молодых башкирок в горах, в Зауралье и на юге имеют несколько иной покрой. Эти сорочки состоят из двух частей: верхней, такого же покроя, как и у старух, и нижней, как бы юбки, не имеющей клиньев и собранной в сборы у пояса. Между этими обоими частями обычно вставляется узкая полоска *(итэк)* какой-либо материи яркого цвета, отличного от цвета самой сорочки. Внизу по подолу нашивается несколько полос узкой разноцветной тесьмы параллельными полосами, или в виде узора, или же подол вышивается тамбуром; такими же тесемками или тамбуром обшиваются и концы рукавов. Вокруг разреза на груди та же обшивка из лент *(изю)*, невысокий, чаще стоячий, ворот застегивается на две пуговки *(сядап)* или на два крючка; реже ворот бывает отложной и завязывается шнурком.

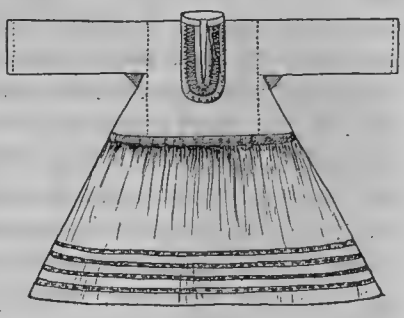


Рис. 125. *Кульмяк* (жен.), гайнинцы, 1/35 н. в., 1002—5а.

Третий тип женской рубахи, характерный для центральной, уфимской Башкирии и северо-западной ее части, в основных чертах похож на только что описанный, но усложнен различными вставками и украшениями. В этой сорочке верхняя часть шьется также из цельного куска материи, без швов на плечах; по бокам вставлены клинья и вшиты ластовки из яркой материи, отличной по цвету от материи рубахи. Нижняя часть, собранная в сборки, и здесь делается отдельно и пришивается к верхней, но тут поверх шва бывает пришита широкая (около 20 см.) полоса

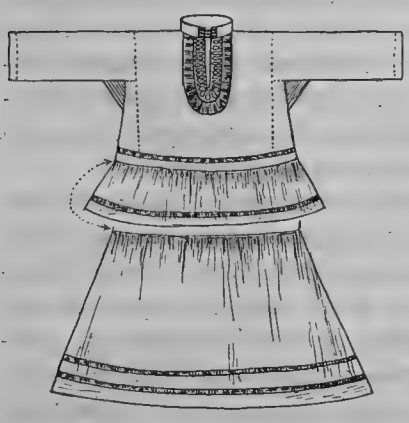


Рис. 126. *Кульмяк* (жен.), гирей кипчаки, 1/35 н. в., 2881—437.

оборки *(куршау)*. Внизу оборка обшивается одной или двумя полосками цветной ленты, а выше не нашиваются две более широкие полосы *(эсты, эскы, итэк)*, ярких лент. Подобными же лентами обшивается и нижний край подола. Вокруг разреза на груди *(изюу)* нашиваются мелкие серебряные монеты; невысокий стоячий ворот застегивается на крючки. То обстоятельство, что башкирская женская сорочка состоит из двух частей, широкой верхней, которую можно сравнивать с кофтой, и нижней, пришитой к ней, юбкой, а также то соображение, что она никогда не носится в штаны, дает повод некоторым авторам называть ее платьем. Украшением цветных женских сорочек в настоящее время являются упомянутый тамбур, да разводы из нашитых тесемок. Между тем Паллас (рис. 4, 7_2, 98) пишет, что в его время полотняный сарафан башкирок вышивался на воротнике и на рукавах. После него, в середине прошлого столетия Черемшанский (11, 155) писал, что *кульмяк* башкирки украшали всевозможными шелковыми и бумажными вышивками. Назаров (22, 181) высказывает предположение, что эти вышивки шелками исполнялись на подобие *хараус* (см. гл. XI). Во всяком случае женская башкирская сорочка за последние полтора столетия претерпела, повидимому, сильные изменения. Первоначально цельная, впоследствии она начала шиться из двух отдельно скроенных частей, верхней и нижней; небольшой отложной воротник, завязывающийся шнурком, встречающийся еще и теперь на рубахах старух почти повсеместно, теперь заменился сравнительно высоким стоячим, на пуговках или на крючках. Последнее время начали исчезать *изюу* и другие украшения и оборки, приближая башкирскую женскую сорочку к татарской.

Рис. 127. *Тушильдрык*, инзер-катайцы, 1/8 н. в., 2881—363.

Другой нательный женский костюм—нагрудная повязка *тушильдрык* или *кукрякся*. Это кусок ситца (примерно 30 × 40 см.) с двумя загнутыми вверху углами и нашитым прямоугольным куском цветной материи (кумача или коленкора), вышитым цветными бумажными нитками, тамбуром или узелками. К углам этого

лоскута пришиты завязки, которыми он повязывается на груди, верхние завязываются сзади на шее, а нижние в поясе на спине. Цель этой одежды — прикрыть грудь, так как прорез рубахи, ничем не застегнутый, оставляет открытой грудь. Путешественники конца XVIII столетия о нем не упоминают и об этой *кукрякся* впервые писал Черемшанский в середине прошлого столетия. Маленькие девочки и старухи нательной повязки на груди нигде не носят. Есть деревни в некоторых башкирских дачах (зауральские катайцы, кара-барын-табынцы, степные тамьян-тангаурцы и проч.), где нагрудных повязок не носит никто. В других дачах, преимущественно за Уралом (салзаутцы, балла-катайцы, барын-табынцы, зауральские катайцы, карагай-кипчаки, бушман-кипчаки, тамьян-тангаурцы и отчасти минцы), девушки не носят этих повязок до наступления половой зрелости или до выхода замуж, хотя встречаются и замужние женщины, которые их не носят. Местами, например, смежные с барын-табынцами катайцы восточного склона Урала (№ 53) перестали носить *тушильдрык* лет 15 тому назад. Говоря вообще, эту повязку, известную в северо-западной половине Башкирии под именем *кукрякся* и *тушильдрык*, в юго-восточной и отчасти в северо-восточной, зауральской ее половине, хотя местами и надевают на девочек, начиная лет с шести, восьми, но, как правило, она носится постоянно лет с двенадцати — пятнадцати, т. е. приблизительно с возраста наступления у башкирок половой зрелости. Ношение нагрудной повязки под сорочкой могло возникнуть только из соображений стыдливости, произвольной или внушенной, и, как следствие ее, желания прикрыть грудь. Отсутствие повязки там, где мы ее не находим, легко объясняется помимо других соображений, употреблением костюмов, застегивающихся и наглухо прикрывающих грудь, таких, как *камзол, бишмят* или *казакый*, а также нагрудных украшений, носимых поверх сорочки. Украшения этого рода у башкирок весьма разнообразны.

Рис. 128. *Тушильдрык*, гирей-кипчаки, 1/10 н. в., 2881—360.

Прежде, однако, чем приступить к обзору башкирских нагрудных украшений, нам следует сказать несколько слов об украшениях шейных, так как нагрудные, по крайней мере часть из них, развилась из шейных. Интересно, что шейные украшения мы встречаем главным образом у западных башкир и отчасти у центральных; к востоку от Урала их совсем не носят. При том, этого рода украшения у башкирок весьма малочисленны. Сюда относятся прежде всего бусы *(тюймя)*, чаще коралловые *(маржан т.)*, реже стеклянные или из янтаря *(чараба т.)*. Говоря вообще, башкирки, как женщины, так и девушки, бусы носят весьма редко. Гораздо чаще они надевают на шею ожерелье или вернее ошейник из полосы бархата, застегивающейся спереди серебряной пряжкой *(сярбырлы каптырма)* с подвесками *(сук)*. Ошейник этот под именем *каптырма* или *муинса* встречается у северо-западных башкир, у центральных и горных он известен под именем *сярбырлы каптырма* или *жягалык*. Переходным от шейных к нагрудным украшениям являются во-первых, настоящее ожерелье *hырга (сырга)* или *муинса (муинча, муйн-танька)*, а затем *тэркама* или *тэркама hырга*. Последнее состоит из отдельных крупных серебряных монет, скрепленных между собою, с гравированными металлическими бляшками (нередко со вставками стекла или агатов) и металлическими колечками; одевается она на шею при помощи дужки, гнутой из толстой проволоки, с петлей на одном и крючком на другом конце. Украшение это встречается только в западной половине Башкирии, а именно у минцев, табынцев и далее по левую сторону реки Белой, по правой же оно известно у западных кудейцев и у канлинцев Куюковой тюбы. Другое нашейное украшение *тэркама* нам пришлось встречать только в центральной Башкирии (а именно у табынцев).

Рис. 129. Украшение *тэркама hырга*, табынцы.

Оно состоит из довольно узкой полулунной формы полоски материи, обшитой с наружной стороны вверху позументом (*ука*), ниже которого на материю нашиты в два-три ряда мелкие серебряные монеты. В том случае, когда *тэркама* несколько увеличится в размерах и примет форму квадрата или продолговатого прямоугольника, мы будем иметь дело уже с нагрудным украшением.

Такие именно нагрудники из куска материи с нашитыми на нем монетами, их имитацией, узорчатыми бляхами, пуговками и проч., мы и встречаем довольно часто под различными наименованиями: *hатмаидыу* (центральная часть Башкирии), *яга* или *муинса* (северные, упейские и большекушинские башкиры). Впрочем, гораздо чаще встречается несколько иной вид этого украшения: на куске материи, лопатообразной формы нашиваются два-три дугообразных ряда полос материи или ленты, совершенно так же, как делается обшивка нагрудного разреза *(изюу)* женской сорочки; на эти цветные полосы или ленты нашиваются как крупные, так и мелкие серебряные монеты, а за неимением последних просто круглые металлические штампованные бляхи. Нередко такого рода нагрудник бывает обшит позументом (*ука*). Чаще всего он называется так же, как и обшивка разреза сорочки, *идэу*, *изюу*, нередко с прибавлением приставки *ука* или *алма (изюу)*, или *тушлык* и даже *тушильдрык*. Чаще всего этого рода украшение встречается в южной, к югу от р. Белой, оренбургской Башкирии, хотя оно известно и в низовьях р. Белой. У северо-западных башкир (например, гайнинцы) это нагрудное украшение развилось уже до так называемого *утутма унгыр*, роскошного нагрудника из бархата с нашитым на нем позументом и крупными серебряными монетами.

Все только что перечисленные нагрудные украшения встречаются у башкир спорадически и не ясно еще, насколько они характерны для них. Несомненно, характернее и оригинальнее другая группа нагрудных украшений башкирских женщин, состоящая из кораллов и монет: *hакал*, *сильтяр* и *яга*.

Сакал или *hакал* существенно отличается от других видов нагрудников тем, что он всегда имеет лопатообразную форму и закрывает всю грудь, доходя до пояса и даже ниже. Это кусок двойной материи, обшитый кругом несколь-

кими рядами коралловых нитей (*маржин*, *маржан*), а на середине сплошь зашитый или старинными серебряными копеечками на более старых *накал*, или мелкими серебряными монетками на более новых. Кругом по краю *накал* обшивается сплошным рядом шаровидных агатовых пуговок и серебряными украшениями, имеющими вид бубенчиков, ажурных шариков и проч. Как и другие нагрудники, *накал* одевается на шею при помощи завязок, пришитых к его верхним углам, или особой полосы, пришитой к верхнему краю нагрудника. Область распространения этого типа нагрудника довольно ограничена: он характерен только для центральной Башкирии и встречается у минцев, табынцев инзер-катайцев и карагай-кипчаков по левую сторону р. Белой. Лет тридцать тому назад он был и южнее у западных бурзян, кипчаков и усерган.

Другой коралловый нагрудник *сильтяр* существенно отличается от *накал* тем, что имеет прямоугольную, к низу немного расширенную, форму и состоит из двух различных частей: верхней матерчатой, сплошь зашитой кораллами и нижней, коралловой сетки, свободно лежащей на подстилающей ее материи. Раньше *сильтяр* шился из холста, выкрашенного в красный цвет, а теперь из красной материи фабричного производства. Между верхней его частью и нижней сеткой вшивается обычно один или несколько рядов мелких серебряных монет, а сетка всегда кончается короткими нитями кораллов (*туёк*—бахрома) с монетками на конце. По верхнему и боковым краям *сильтяр* часто обшивается цепочкой, а несколько отступя от края между кораллами вшивается полоса серебряных монеток. Кроме того, в верхней части между кораллами бы-

Рис. 130. Головной убор *(кашмау)* и нагрудник *(сильтяр)*, тамьянотабынцы.

вают вшиты еще старинные серебряные рубли, а иногда и агаты в металлической оправе. Район распространения *сильтяр* ограничивается только югом, примерно до широты г. Стерлитамака. По западную сторону Урала мы встречаем его у южных минцев, табынцев и у юрматынцев; за Уралом—у степных кубелякцев, тамьян-тангаурцев

Рис. 131. Нагрудники (*яга*) и заплечники (*инhалик*), катайцы.

и бурзян; на юге у тамьянцев, кипчаков с бурзянами; до последнего времени он встречается у усерган. Существует еще сравнительно небольшой район, где еще не так давно, не более двадцати пяти лет, *hакал* и *сильтяр* носились вместе. В данном случае *hакал* делался меньших размеров и носился на животе, ниже нагрудника *сильтяр*. Такое совместное ношение этих двух украшений можно считать характерным для башкирок юрматынского рода.

Третьим видом кораллового нагрудного украшения, как сказано, является *яга*. Подобно *сильтяр* она имеет четырехугольную, расширяющуюся книзу форму с вырезом вверху

для шеи. Остовом ее является та-же двойная, обычно простеганная, красная материя, на которой уже во всю ее длину нашита коралловая сетка, оканчивающаяся коралловой бахромой (*туёк*) с серебряными монетками на конце. По бокам у края *яга*, после двух-трех нитей кораллов нашивается два или три ряда мелких серебряных монет, а у верхнего закругленного края пришивается несколько рядов мелких и крупных монет, от которых на сетку нависают четыре-пять матерчатых полосок с нашитыми на них крупными, преимущественно старинными, монетами.

В отличие от *сильтяр*, который обычно повязывается на шее при помощи матерчатых тесемок, пришитых к его верхним углам, к шейному вырезу *яга* пришивается полоса материи сантиметра два шириною (род ошейника или воротника), зашитая спереди кораллами и монетами, застегивающаяся сзади на крючках или завязывающаяся тесемками. Иногда и к нижним углам *яга* бывают пришиты тесемки, завязывающиеся сзади вокруг талии. Область распространения *яга* ограничивается северо-восточною частью башкирского края. Мы имеем *яга* у зауральских катайцев, у кара-барын-табынцев, отчасти у кубеляк-телевцев и у горных бурзян, у инзер-катайцев, некоторых из айлинцев и у восточных кудейцев.

Все вышеописанные три вида нагрудных украшений, равно как и ранее упомянутые, надеваются поверх сорочки или *камзол*, но отнюдь не поверх *жилян*. Поверх этих нагрудников башкирки надевают еще и иные украшения, но прежде чем перейти к описанию их, остановим наше внимание на одном старинном украшении, которое башкиры нам назвали *киндыр такия*.

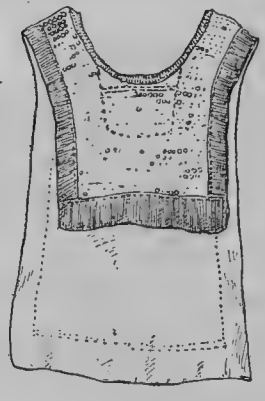


Рис. 132. *Киндыр такия*, барын-табынцы.

На северо-восточном склоне южного Урала у барын-табынцев нам удалось найти остов этой принадлежности женского костюма. Скроен он из цельного двойного куска холста и состоит из большого и малого кусков ткани с продолговатым, овальным вырезом посредине для шеи. Передняя половина этого убора, надетого на плечи, имеющая

вид передника, прикрывает весь бюст; задняя же, более короткая и узкая, закрывает только часть спины выше пояса. Края снаружи обшиты довольно широкими полосами красной материи, а судя по остаткам кораллов и ниток можно думать, что эти полосы были сплошь зашиты кораллами, что подтверждают и башкиры. Вся поверхность была зашита старинными серебряными копеечками, остатки которых уцелели местами еще и теперь, а между копейками были вшиты в несколько рядов старинные рубли и полтинники. Внизу по краю этот убор был, повидимому, обрамлен коралловой сетчатой бахромой с монетками на концах ее нитей. Является, впрочем, сомнение относительно способа ношения этой одежды или, вернее, украшения. Если ее носили так, как мы сказали выше, а башкиры не могли дать нам более точных сведений, то шейный вырез на груди слишком велик, и вместе с этим убором должен был носиться еще и нагрудник, прикрывающий этот вырез. Возможно и другое предположение, что украшение это носилось узкой полосой на груди и более широкой сзади, причем вырез на спине прикрывался лопастью, спускавшейся от головного убора, с которым мы подробнее познакомимся ниже, и который назывался у северовосточных башкир *баш-кыим*. В таком случае вышеописанное украшение могло быть частью этого старинного *баш-кыим*. В пользу последнего предположения говорит и еще одно весьма интересное обстоятельство. На весеннем празднестве тех же барын-табынцев в д. Тунгатаровой нам пришлось видеть распорядительницу (*юлбарсыхи*) на этом празднестве в костюме имитирующем по словам башкир старинный *баш-кыим*. На голове ее был надет невысокий цилиндрический колпак из картона, обшитый красной материей; спереди по краю вверху и внизу были нашиты жестяные кружки, заменяющие мелкие серебряные монеты, а посредине—большой, как старинный серебряный рубль, кружок. По бокам этой шапки свешивались две жестяные подвески, хорошо имитирующие так называемые *сулпы*. На спине и груди этой *юлбарсыхи* свешивались два красных ситцевых платка, связанных концами на плечах. Оба эти платка снаружи покрыты пришитыми к ним все теми же жестяными кружками, а на спине мы видим даже две продолговатых пластинки с подвесками на концах (*сулпы* или *сук*). Впереди,

по нижнему краю, ниже узенькой тесемочки, нашит ряд мелких квадратных жестянок, а под ними бахрома, столь характерная для нагрудников, с жестяными кружками на концах нитей, вместо монеток бахромы нагрудника. Для нас инте-

Рис. 133. *Юлбарсыхи,* распорядительница на *карга туй,* барын-табынцы.

ресен, конечно, не материал этого костюма, ценна его форма, поскольку она может дать нам понятие о старинном башкирском *баш-кыим.* У северо-восточных башкир (у сарт-калмаков и катайцев) мы находим еще одно украшение, которое носится на спине и плечах, но составляет одно целое с нагрудником *яга,* рассмотренным нами выше. Это украшение — *инһалик* — по своему происхождению может быть связано и с украшениями головы, вернее кос, и с выше упомянутым так называемым *такия.* Подобно *яга, инһалик* — продолговатый, книзу несколько расширяющийся прямоугольник, сшитый из двойного холста с каймою из красной материи, зашитой кораллами; остальная его поверхность покрыта

крупными и мелкими серебряными монетами, а внизу спускается коралловая сетчатая бахрома с мелкими серебряными монетками. Ниже сетки пришиты три небольших лопасти в ладонь величиной, одна посредине и две по углам, зашитые кораллами и серебряными монетками (сравни рис. 131). Носится это украшение на спине поверх кос и при помощи коротеньких наплечников, обшитых монетами и кораллами, соединяется с нагрудником (*яга*), составляя с ним одно целое.

Обращаемся опять к украшениям, которые башкирки носят на груди. В северной половине Башкирии поверх нагрудника или просто поверх сорочки башкирки носят еще особые повязки, так называемые *эмайдык* (*амайлык*), *дауэт*, *хасита*. В свое время на них было обращено внимание еще Палласом. В Исетской провинции он видел у женщин на груди „под бородою нагрудник (*сакал*), все точно так, как и у прочих башкирок... Однакож широкое и спереди через плечо, как будто орден висящее украшение отчасти из мелких денег, а отчасти из коральков состоящее, и разными бездельными мелочами увешанное у других башкирок, коих я досель видел не обыкновенно“ (7_2, 98). Этот *эмайдык* одевается через левое плечо под правую руку во всю грудь; состоит он из довольно широкой (15—20 см. шир.) полосы материи, зашитой рядами кораллов и мелких серебряных монет с коралловой бахромой по нижнему краю, оканчивающейся монетками. Таков характер этого украшения на северо-востоке, в бывшей Исетской провинции. На севере к востоку от Урала *эмайдык*, сохраняя свою форму, несколько меняется как по материалу, так и в своих деталях. При этом, только у айлинских, а отчасти у танып-ских и кудейских башкир он известен под названием *эмайдык*, в северо-западном же углу Башкирии это украшение известно под названием *дауэт*. Здесь кораллов уже нет и на полосу материи нашиваются монеты, крупные агаты, вделанные в ажурные пластинки (*каш*); иногда он обшивается по краю полоской мишуры (*ука*) или, как например, у северо-западных башкир гайнинцев он (*буинса*) делается из широкой (см. 5—6) полосы мишуры или позумента, на которую нашиваются крупные серебряные монеты и их имитация. В том же самом районе, что и *дауэт*, редко выходя за его пределы, носят башкирки вместе с ним или отдельно

другую такую же повязку через плечо и грудь — *хасита* (*хайка*), но она имеет значение не только украшения. На *хасита* непременно бывают нашиты всевозможные *бэтэу* (молитвы, изречения из корана, заклинания), различные талисманы и амулеты. Хотя *хасита* носится и одна, но чаще она пришивается внизу к *дауэт*, составляя с ним одно целое. В первом случае она по форме и характеру почти не отличается от *эмайдык* и *дауэт*, в последнем же это просто продолговатый, чаще прямоугольный кусочек материи с нашитыми на него талисманами и украшениями.

Переходя теперь к женским головным уборам и украшениям головы, заметим, что только до известного возраста девочки ходят с непокрытой головой, особенно летом. Волосы девушки вообще плетут в одну косу, замужние же женщины в две косы и непременно вплетают в них длинные шнуры (*сась-бейлятрган*, 22, 182), оканчивающиеся крупными монетами, которые нередко (особенно на северо-востоке) называются *сась-тэнькэ*. Пожилые женщины и девушки вплетают в косы *каралык* — шнур, оканчивающийся четырьмя или пятью плетеными шнурками с кистями на конце, у старух черными, у девушек из разноцветной шерсти. Очень часто молодые женщины и в особенности девушки носят в косах так называемые *сулпы* (*чулпы*), ажурные или узорчатые металлические подвески с монетами и вставками из цветных стекол и камней. Нередко вместо этих подвесок к косам или вместе с ними у замужних башкирок-хозяек висят ключи от ящиков, находящихся в их ведении.

Рис. 134. *Сулпы*, тангаурцы, 1/3 н. в., 1234—16.

Специально девичьими украшениями волос являются *сасьмау*, *джилькалик* и *аркалык* или *саськап*, известный местами под названием *сась-тэнькэ*.

Сасьмау состоит из нескольких (от 4 до 16) нитей разноцветных бус стеклянных или коралловых; нити скреплены между собой в нескольких местах продырявленными ремешками или оловянными пластинками, в отверстия которых они продеты. Вверху нити сходятся в один недлинный шнурок,

прикрепляющийся к косе, а внизу оканчиваются разноцветными шелковыми или шерстяными кистями. Длина *сасьмау* бывает довольно значительна (от 40 до 65 см.). Область распространения *сасьмау* обнимает все восточное Зауралье, горы южного Урала, южную и центральную часть башкирского края не севернее параллели г. Уфы.

Другое украшение — *джилькалик* — имеет несколько меньший район распространения. Совместно с *сасьмау* оно встречается в южной половине Башкирии к югу от параллели г. Уфы и в горах, а также в южном Зауралье, в северо-восточной же его половине этого украшения в настоящее время не носят. *Джилькалик* носится девушками на затылке поверх косы. Это продолговатый, вверху закрученный, лоскут материи (нередко бархат) на толстой подкладке, величиною в ладонь или немного больше, сплошь зашитый кораллами или разноцветным бисером, обыкновенно с крупным агатом (*агык*) посредине или вверху. По нижнему краю его нашивается бахрома из цветных шерстяных ниток.

Рис. 135. *Джилькалик*, гайнинцы, 1/3 н. в., 1002—36а.

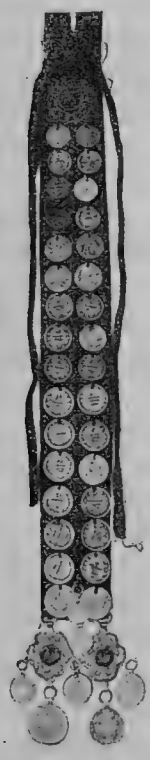


Рис. 136. *Аркалык*, гайнинцы, 1/4 н. в., 1002—36г.

Насколько *джилькалик* характерен для башкир юга и востока, хотя он уже и выходит из употребления, настолько для северных и западных характерен *аркалык* или *саськап* (*сась-тэнькэ* центральной Башкирии). Состоит это украшение из узкой и длинной полосы цветной (желтой, зеленой, красной) материи в два ряда зашитой мелкими серебряными монетами, с крупным агатом в ажурной оправе или металлической бляхой наверху. Внизу *аркалык* пришиваются обычно известные уже нам подвески *сулпы*. Это украшение девушки повязывают так, что оно спускается поверх косы от затылка до пояса и ниже.

Только что перечисленные украшения, как сказано, носятся девушками; у замужних женщин пожалуй только один *кашмау* может быть сопоставлен с этими украшениями, да и этот последний выходит теперь из употребления. Ознакомиться с *кашмау* нам удобнее будет совместно с другими, ныне уже не существующими, старинными головными уборами, так как он с ними несомненно связан, если не общностью происхождения, то во всяком случае совместным ношением. Благодаря счастливой случайности, некоторые из этих старинных головных уборов были доставлены на известную антропологическую выставку в Москве, к международному конгрессу доисторической антропологии и археологии в 1879 году и теперь хранятся в Румянцевском Музее. Там мы имели возможность внимательно с ними ознакомиться и благодаря любезности ныне уже покойного хранителя Этнографического Отдела Румянцевского Музея Н. А. Янчука, сделали фотографии, которые и воспроизводим. Кроме того, мы имеем весьма ценные указания об этих головных уборах в описаниях путешественников конца XVIII столетия, к которым прежде всего и обратимся. „Головной их (башкирок) убор", читаем мы у Лепехина (**6**$_2$, 151—152), „так же, как и у татарок, называется кашпау; и вся разность состоит в том, что кроме сего кашпау надевается еще вершок, фигуру конуса имеющий, которой по произволению складывать и накладывать можно. От кашпау сзади попускается лопасть, унизанная серебряными копейками, которая также со всем сходна с татарскою у живущих башкирок по Ногайской дороге; а по Сибирской дороге кочующие несколько разнятся. Они кроме задней от кашпау лопасти (*кашпау кайрюк*) попускают во всю спину широкую лопасть, унизанную также серебряными копейками и бисером с многими подвязками и называют *амьян*". Тот же *кашмау* Паллас (**7**$_2$, 98) называет „*чашбау*" мелкими серебряными монетками усаженную шапку, которую башкирки одевают поверх покрывала (*тастар*), а под бородой подвязывается ремешком. Георги (**9**, 103) различает уже шапку, которую носят девушки „с завостренным длиною в пядень затыльником (вероятно *джилькалик* или что либо подобное), который также, как и самая шапка, покрывается монетами и коральками. Замужние бабы носят сверх такой шапки покрытой подобным образом начельник"

(вероятно разумеется *кашмау*). Позднее Черемшанский (11 156) дает более обстоятельные сведения об этих головных уборах. Он говорит, что башкирки носят шапочки, унизанные красным бисером, кораллами и увешанные мелкими серебряными или оловянными монетами. Убор этот у кочевых башкирок назывался *кашбад* или *кашбов*, а у оседлых (Мензелинский и Бирский уезды) *такия*. Более щегольской убор, по его словам, есть *калябаш* или *таляпуш* (точнее *каляпуш*); он состоит из шлемообразной чешуйчатой шапки с длинным широким хвостом (*булун* или *улун*): сплошь унизан серебряными монетами, а хвост раковинами, разноцветным бисером и разного рода монетами. В описаниях коллекций Румянцевского Музея (37) о *калябаш* говорится всего несколько слов.

Этими сведениями и исчерпывается все то, что мы знаем о старинных головных уборах башкирок.

Обращаясь теперь к тем материалам и сведениям, которые удалось собрать нам лично, начнем с *кашмау* (*чашбау*— Палласа, *кашпау*—Лепехина, *кашбов*—Черемшанского), который еще и сейчас носят во многих местах башкирского края. *Кашмау*—это головной убор замужних женщин. Состоит он из собственно *кашмау* (см. рис. 130), род чепца, зашитого кораллами, и длинной лопасти (*кашмау куйрук* или *улун*), пришитой сзади к *кашмау* и спускающейся почти до пола. Самый чепец шьется из холста и покрывается красной материей, причем он закрывает только часть головы и затылок, темя же все остается открытым. На макушке вокруг отверстия на материю нашиваются кораллы и ряда два мелких серебряных монет (раньше серебряные копеечки), от которых спускается бахрома из нитей кораллов с рядом серебряных монеток на конце; кораллы закрывают всю матерчатую часть *кашмау*, оставляя открытым лицо. К нижним концам бахромы прикрепляются обыкновенно *сулпы*, с которыми мы познакомились раньше, а по середине и по бокам на нее нависают три, пять серебряных подвесок (*сук*) из листовидных пластинок, соединенных между собою колечками. Сзади *кашмау*, на затылке, кораллов не бывает, а на материю нашиваются крупные серебряные монеты или металлические узорчатые бляхи (*каш*). Спускающийся от *кашмау* по спине *куйрук* чаще всего делается из шерстяной ткани домашней работы или из сукна окрашенных в красный

цвет мареной (*кызыл буяк*), всегда на подкладке, чаще всего холщевой. Иногда он шьется из холста, выкрашенного в красный цвет, а то и просто из красной базарной материи. Ширина *куйрук* небольшая (см. около 15); по краям сверху до низу нашиты два непрерывных ряда ракушек (*Cypraea moneta, курт баш*), а вся средняя часть зашивается разноцветным бисером, расположенным в виде определенных геометрических фигур (квадратов, ромбов, треугольников) с раковинками между ними или внутри их. Заканчивается *куй-*

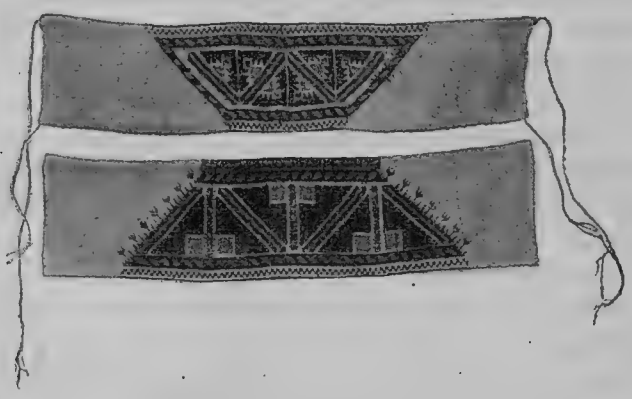


Рис. 137. *Хараус*, куль-минцы, 1/5 н. в., 2881—201, 202.

рук бахромой из разноцветных шерстяных ниток. Надевается *кашмау* непосредственно поверх волос и застегивается под подбородком при помощи особой пряжки (*каптырма*). В былые времена лоб под бахромой повязывался особой, вышитой шелками повязкой, так называемой *хараус*. В настоящее время *кашмау* носят в южной половине башкирского края, в частности минцы, табынцы, юрматынцы, инзер-катайцы, тамьян-тангаурцы, бурзяне и кипчаки. Десятилетия два тому назад его носили усергане, тамьянцы, кубеляк-телевцы, а несколько раньше карабарын-табынцы, айлинцы, кудейцы и канлинцы. В середине прошлого столетия, по словам Черемшанского (11, 156) *кашмау* носили и северо-западные башкиры, в уездах Бирском и Мензелинском, но называли его *такия*. В данном случае Черемшанский, вероятно, ошибается. По единодушному утверждению башкир, с которыми нам приходилось беседовать, как зауральских, так и центральной

части башкирского края, *такия* назывался девичий головной убор, мало похожий на *кашмау*. Несомненно, что в старину *кашмау* носился вместе с другим головным убором, прикрывающим теменное отверстие *кашмау*. Лепехин называл его „вершок фигуру конуса имеющий", а Черемшанский, как мы видели, описывает его, как шлемообразную чешуйчатую шапку с длинным широким хвостом, сплошь унизанным монетами и называет его *калябаш* или *таляпуш*. Единственный образец этого головного убора, сохранившийся в Московском Румянцевском Музее, описан там под именем *тубэ*, с предположением, что хвост его называется *калябаш*. Убор этот хорошо виден на фотографии (рис. 138) манекена из Румянцевского Музея. Он действительно состоит из двух частей: колпакообразной шапочки, сантиметров около 15 высотой, и широкой во всю ширину спины полосы, наглухо пришитой к шапочке. На макушке шапки нашиты три концентрических кружка кораллов, внутри которых, по аналогии с *такия* была, повидимому, металлическая шишечка с подвеской, ныне утерянная. Остальная поверхность шапочки сплошь зашита старинными серебряными копеечками. Спереди и с боков шапочки между копеечками вшиты от верхушки до нижнего края три ряда агатовых шаровидных пуговиц и серебряных шаровидных фигурок вроде бубенчиков и другой формы, которые мы уже видели нашитыми на краю нагрудного украшения *сакал*. Часть убора, спускающаяся от шапочки и за-

Рис. 138. *Калябаш* из коллекции Румянцевского Музея.

крывающая шею и спину, состоит как бы из двух частей Верхняя из красной материи на холщевой подкладке по краю обшита такими же, как и шапочка, пуговками и серебряными украшениями вместе с двумя нитями кораллов, нашитых параллельно краю; вся же остальная поверхность сплошь зашита серебряными копеечками, а посредине нашиты металлические сплошные и ажурные бляхи со штампованным узором, стеклянными вставками, осыпанными мелкими камешками (несколько из этих блях утеряно). Нижняя часть этого убора сшита из того же материала, что и верхняя, составляя ее продолжение, но копеечками зашита только по бокам, остальное же пространство ее зашито кораллами и круглыми металлическими бляхами, заменившими, по всей вероятности, раньше нашивавшиеся серебряные рубли. Внизу, под коралловой сеткой, подшита двойная шелковая бахрома. По словам башкир центральной Башкирии (т а б ы н ц ы), которым мы показывали фотографию этого головного убора, весь этот убор у них назывался *калябаш*, а собственно шапочка *тубы*. Северо-восточные же башкиры, которым принадлежал экземпляр Румянцевского Музея, называли нам его *баш-кыим*, прибавляя, что это только часть былого костюма, а самую шапочку называли *картма*. Весьма вероятно, что та „во всю спину широкая лопасть, унизанная также серебряными копейками и бисером с многими подвязками", которую по словам Лепехина, башкирки сибирской дороги носили на спине, кроме „*кашпау куйрук*" и которую он называл „*амьян*", и есть ничто иное, как только что описанная часть *калябаш*. В описании коллекций Румянцевского Музея, составленном Миллером (37, 87), головной убор из кораллов (рис. 138) описывается как род чепца (*кашбау*) с убором поверх него вроде шлема (*тубэ*), обшитым мелкими монетами и кораллами, с длинным наспинником красного сукна, также обшитым монетами (*калябаш*).

Другой старинный башкирский головной убор, имеющийся в коллекции Румянцевского Музея (№ 1342), приведен нами на рисунке 139. Здесь мы имеем дело несомненно с девичьей *такия*, о которой упоминалось уже несколько раз. *Такия* состоит из полушаровидной холщевой шапочки, обшитой по краю и в центре красной материей. Вся ее поверхность зашита серебряными копеечками, а внизу кругом

свисает бахрома из нитей кораллов с копеечками по краю. На макушке, в центре шапочки укреплена металлическая шишечка в виде столбика с двумя листовидными подвесками на конце; вокруг шишечки нашиты три ряда кораллов, а по краю над бахромой ряд металлических с штампованным узором круглых блях. На поверхности *такия*, от вершины до края между копеечками вшиты четыре ряда шаровидных пуговиц и серебряных шариков, подобно тому, как это сделано на шапочке *калябаш*. У зауральских башкир, соседних барын-табынцам, куваканцев нам удалось приобрести холщевый остов *такия*, имеющий совершенно такую же форму, как и экземпляр Румянцевского Музея. Полоса, пришитая к *такия* Румянцевского Музея, спускающаяся на спину, совершенно такая же, как полоса описанного выше *калябаш*, почему мы и не будем описывать ее. Вся разница заключается только в том, что в верхней своей части наспинник *такия* имеет глубокий вырез и только краями пришит к шапочке.

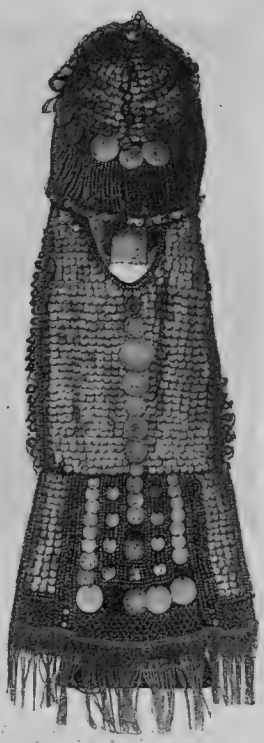


Рис. 139. *Такия* из коллекции Румянцевского Музея, 1342.

При описании женских головных уборов Черемшанский (**11**, 156) упоминает еще о белых колпаках, имея в виду, вероятно, те чулкообразно-вязанные колпаки с кисточкой на конце, которые мы еще и теперь изредка встречаем (хотя они уже вышли из употребления) у северных башкир (у айлинцев, таныпцев, гайнинцев и проч.). Связаны эти *ак колпак* из белых бумажных ниток на подобие сахарных голов. Надеваясь на голову они складываются раза в три или четыре и повязываются сверху на лбу особыми украшениями *ука сясяк* и *битлик* (гайнинцы).

Ука сясяк—это серебряная бахрома на шелковой подкладке, какую мы часто встречаем у башкир крайнего северо-запада занятой ими территории, в частности у гайнинцев.

Битлик — кусок широкого серебряного позумента (8 × × 30 см.), на красной шелковой подкладке, пришитый к толстому шнуру, обмотанному серебряной ниткой. Последним башкирки повязывают голову не только на колпак, но и просто поверх платка. Посредине *битлик* нередко вкалывается ажурное украшение (*иналик*) с подвесками из серебряных монет. По словам гайнинских башкир, *битлик* носили только пожилые женщины, получавшие его в почетный подарок от своих односельчанок по достижении определенного возраста. *Ука сясяк*, напротив, носили, главным образом, девушки и молодые женщины.

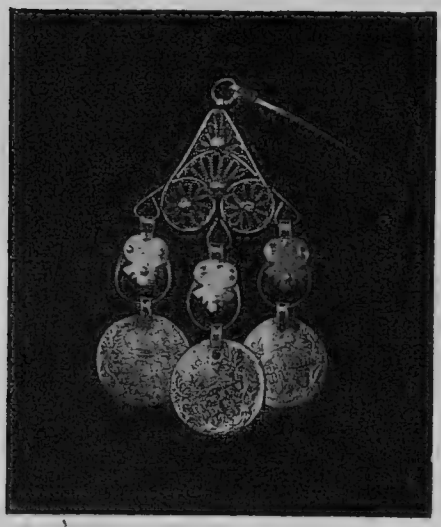


Рис. 140. *Иналик*, гайнинцы, $^2/_3$ н. в., 1002—41.

От нагрудных украшений мы перешли к украшениям головным, щегольским головным уборам, оставив в стороне наиболее распространенные, обыденные головные уборы, к которым мы теперь и обратимся. Как уже упоминалось, башкирские девочки обыкновенно, особенно летом, ходят с непокрытой головой, женщины же и взрослые девушки всегда покрываются большими ситцевыми платками. Только западные и северо-западные башкирские девушки и женщины носят два платка: маленький (*сынгыр яулык, баш байдамыс*), которым они повязывают голову, прикрывая волосы на лбу и завязывая концы на затылке, и большой двойной платок (*куш яулык*), которым покрывают голову сверху. *Куш яулык* по краю, непосредственно покрывающему голову, подшивается изнутри цветной шелковой материей и позументом (*ука*) с нашитыми на нем серебряными монетками. Чтобы удержать его на голове, он повязывается под подбородком особыми пришитыми к нему завязками (*бау*) с кистями на конце. Вообще башкирские женщины носят один платок (*яулык*) сравнительно небольших размеров; они,

покрывая им голову, углы завязывают под подбородком. Сверх этого платка редко накладывается другой большой, чаще же кашемировая базарная шаль или вязаная пуховая, самодельная или базарная. Самодельные тканые из козьего пуха, шали употребляются главным образом в южной части Урала и на юге Оренбургской губ. В горах южного Урала и по его склонам роль шали с успехом выполняют халаты (*жилян*), накинутые на голову.

Одно из назначений большого головного платка (*куш* или *зур яулык*), шали или халата, помимо тепла — прикрытие лица, которое башкирские женщины и взрослые девушки по мусульманскому обычаю не должны показывать мужчинам. Впрочем, этот обычай не везде и в отношении не всех мужчин соблюдается строго. Старухи своего лица совсем не закрывают и повязывают голову обыкновенными платками, но только белыми, тогда как платки женщин и девушек всегда красные или другого яркого цвета с узором; старухи повязывают голову также так называемым *тастар* или *кыикча* (в северо-западном углу Башкирии).

Следует различать два вида *тастар*. Первый, хотя редко, но встречается еще в северо-восточной Башкирии; он состоит из узкой полосы кисеи или миткаля (такой же материал, из какого делается и украинская намитка) в виде полотенца с пришитыми на концах прошивками (*сильтяр*) или шелковыми вышивками, исполненными по тонкому холсту. Этим полотенцем старухи обматывают себе голову и повязывают ее так, что лицо остается открытым, один вышитый конец лежит на груди, а другой на спине. Судя по тому, где встречаются теперь *тастар баш*, вышивки к концам *тастар*, его носили, главным образом, на северо-востоке и в горах южного Урала.

На юге и юго-востоке *тастар* (18, 9) делается из полосы светлого ситца, метра в два длиной. В центральной или уфимской и западной Башкирии мы имеем другой вид *тастар* (*кыикча*) — простые белые ситцевые платки больших размеров, которыми повязываются старухи.

Поверх *тастар* старухи еще и сейчас носят шапки с выпушкой бобровой, из меха выдры (*камсат*, *кама бурык*), реже из лисьего меха. Особенно распространен этот головной убор за Уралом, по западную же сторону его носят

редко. *Кама* или *камсат бурык* носят и молодые женщины, преимущественно на северо-востоке, но их шапки надеваются под платок (*куш яулык*) и имеют несколько иную форму. У них более широкий околыш, слегка расширяющийся кверху; донце всегда из бархата темно-красного цвета и украшено позументом, внутри стеганная подкладка. Сами башкирки этих шапок не делают, они фабричного производства. Последнее время с северо-запада все далее и далее вглубь страны башкир, начинает проникать татарский колпак, хотя женщины носят его сравнительно редко; гораздо чаще его можно встретить у девочек. Особенно распространены они на севере и северо-западе; в центральной Башкирии они еще весьма редки, а в юго-восточной и в горах южного Урала их пока еще совсем нет.

Нам остается сказать теперь несколько слов только о серьгах и украшениях, носимых на руках—перстнях, кольцах и браслетах.

Серьги (*алка*) в ушах носят немногие башкирки, особенно в юго-восточной половине их страны. Кроме того, их серьги покупные, работы казанских татар, в большинстве случаев серебряные ажурной работы, нередко со вставленными стеклами или камнями. Кольца башкирки носят исключительно серебряные, подобные нашим обручальным и не особенно много, не более двух-трех на руке, считая вместе с перстнями. Перстни (*юдык*) также, как и кольца, покупаются на базарах. Особенно ценят башкирки перстни с крупными агатами. Перстни собственного изделия чаще всего бывают из обыкновенного серебряного кольца с припаянным к нему старинным серебряным пятачком.

Рис. 141. *Блязык*, гайнинцы, 1/2 н. в., 1002—43 д.

Носят башкирки на обеих руках выше запястья и браслеты (*блязык*) татарского производства, покупаемые на базарах. Значительно реже встречаются браслеты собственной работы. Последние или простые пластинчатые или тонкие витые серебряные браслеты с серебряными же листовидными подвесками (*сук*) или с мелкими серебряными монетками. Как общее правило, можно сказать, что их браслеты обычно не замкнуты, не имеют ни-

каких застежек и надеваются на руку простым разгибанием. Очень распространены у башкирок также татарские браслеты из более или менее широкой металлической полоски со штампованным узором и вставками из разноцветных стекол с осыпью. Много браслетов башкирки не носят—один или по одному на обоих руках.

Женская одежда нижней половины тела немногочисленна. Это будет—штаны, фартук, чулки и обувь. Женские шаровары ни по покрою, ни по материалу не отличаются от мужских, которые были описаны в начале настоящей главы. Шьются женские штаны подобно мужским из ситца и красного кумача. Единственная поясная женская одежда—фартук (*ал-япкыс*), который в обычное время башкирки не носят, а надевают только во время домашних работ, северо-западные же и при полевых работах. Подобно великорусскому, башкирский фартук состоит из двух частей, нижнего—запона (собственно *ал-япкыс*) и верхнего—нагрудника. В отличие от татарского и русского фартука, который носится через шею, башкирский нагрудник, прикрывая грудь, повязывается сзади над поясницей, пропустив шнурки под руками. Нижняя широкая его часть завязывается сзади у пояса. Материалом для фартука чаще всего служит домотканная бумажная материя, нередко затканная гарусным узором. Реже фартуки шьются из покупных материй.

Вязанные шерстяные чулки (*байлям уюк*), как мы знаем, женщины носят везде, суконные же чулки (*тула уюк*), хотя и встречаются повсюду, но в незначительном количестве и не во всех деревнях. На востоке их носят относительно чаще, чем на западе, больше с лаптями (*себата*), *сарык* и простыми сапогами (*итык*) чаще, чем с сафьяновыми (*ситык*). Повсеместно носят башкирки онучи *(сылгау)*, но встречаются местности, в которых женщины совсем не носят онучей (некоторые из зауральских катайцев, кубелякцы, инзер-катайцы), в других же их носит беднота и при том редко (особенно за Уралом). Женские *сарык* шьются так же, как и мужские, того же покроя и из того же материала, только задники на суконных голенищах (*кускар*) женских *сарык* бывают зашиты узором, вырезанным из красного сукна. Область распространения женских *сарык* приблизительно та же, что и мужских: это почти исключительно восточный склон

южного Урала и Зауралье. Особенно многочисленны они в степи.

Довольно разнообразна обувь, известная под именем *ката*. Весьма любопытны *ката* горных башкирок. Они состоят из кожаных головок на толстой подошве с небольшим каблуком; голенища их такие же, как и на *сарык* с богато расшитым задником. Над подъемом головки пришита кисть из красной или другого яркого цвета шерсти; на заднике головки (*укся*) часто набиваются для украшения металлические бляшки. Голенища подвязываются над икрами при помощи плетеных шнурков (*кысмау* или *кунызбау*). Другой вид женских *ката* совершенно такой же, как и описанные выше мужские, состоящие из кожаного башмака с коротеньким суконным или матерчатым голенищем. Женские от мужских отличаются только тем, что у первых эта надставка всегд бывает черного цвета (из базарной бязи), тогд как у мужчин она белая. Как и мужские, этого рода *ката* особенно распространены в центральной уфимской Башкирии. Наконец, третий вид *ката* — простые высокие туфли из черной кожи, на толстой подошве и очень высоких каблуках (до 7—8 см.). Последний тип часто встречается по западному склону южного Урала.

Рис. 142. *Ката*, катайцы, 1/8 н. в., 1002—14.

Подобно мужчинам, женщины носят также и сапоги (*итык*), которые или точно такие же, как и у мужчин, или несколько отличаются от них. Отличаются от мужских сапоги горных башкирок; они с прямым и широким носком и всегда на очень высоком каблуке (см. рис. 117). Как общее правило можно сказать, что сапоги башкирки носят везде, но местами их носят постоянно, местами, напротив, только во время полевых работ; в некоторых дачах их носят только молодые женщины и девушки (некоторые из кудейцев и бурзян), а в иных местах женщины их не носят совсем (например, субыль-минцы).

У кара-табынцев есть еще обувь, которая называется *башай*. Повидимому это то же самое, что *ката* горных башкирок, на высоких каблуках с суконным голенищем. Обувь эта щегольская, употребляется при плясках.

Подобно мужчинам, носят башкирки и лапти. Лапти женщин ничем не отличаются от мужских и носят их приблизительно в том же районе, где и мужчины, т.-е. на северо-западе, хотя они начали уже проникать и в южную степную Башкирию, как обувь для полевых работ. Постоянно лапти башкирки носят только в северо-западном углу башкирского края, в остальной же области их распространения они употребляются редко, гораздо реже, чем их носят мужчины, и только во время полевых работ.

Повсеместно распространенною теперь женскою обувью, как и мужскою, являются мягкие сафьяновые сапоги (*ситык*) без подметки. Женские, в отличие от мужских, сшиты из разноцветных лоскутков сафьяна, расположенных в виде красивых узоров. Помимо резиновых галош, это единственная фабричная обувь, распространенная среди башкирок. Носят *ситык* всегда с мелкими туфлями (*кибис*) без задников. В половине прошлого столетия *ситык* были обувью только богатых башкир, теперь же их носят все, за исключением самых бедных.

Вся в совокупности башкирская одежда в связи с костюмами соседних народностей и в зависимости от области распространения отдельных ее типов может быть разделена на четыре группы. К первой мы относим башкирские костюмы, которые характерны главным образом для азиатских кочевников (киргизов и друг.). К ним относятся длинные верхние одежды, просторно скроенные,—нагольный бараний тулуп, суконный чекмен из домотканного сукна и отчасти халат. Особенно характерны для этой группы шубы из жеребячьих шкур, мехом наружу, меховые и суконные малахаи (*клоксын* и *колапарэ*), бархатные пояса с дорогими металлическими пряжками и ременные пояса с кожаными узорчатыми сумками (*каптырга*). За исключением тулупов, чекменей и халатов, которые сравнительне широко распространены среди башкир, остальные встречаются только у восточных и южных.

Вторая группа состоит из частей одежды, общих башкирам, азиатским кочевникам, татарам, мещерякам и тептярям. Сюда относятся части костюма, сшитые в талию: *камзол*, *казакый*, *бишмят* и шубы, мужская и женская сорочки, штаны,

сафьяновые сапоги с кожаными галошами, суконные чулки, тибетейки мужчин, шапки (*кама бурьк*), головные платки и повязки женщин. Из украшений—серьги, кольца, браслеты, подвески (*сулпы*) и деньги в косах. Некоторые из одежд этой категории у азиатских кочевников нам неизвестны, а именно, женский татарский колпак, татарская мужская шапка на меху (*бурьк*) и женская нательная повязка на груди. Одежды этой группы встречаются среди башкир повсеместно.

К третьей группе мы относим одежду, общую башкирам с татарами, мещерякам и тептярям, а также соседним с ними вотякам, черемисам, чувашам и отчасти бесермянам. К этой группе мы относим холщевый кафтан, сшитый в талию (*сыба*), войлочные шляпы, лапти, онучи, вязаные чулки, русские сапоги и *пышумну себата* (*кандырак*); значительное количество нагрудных украшений из монет—*тэркама*, *яга* (*муинса*), *hырга*, *эмайдык* (*дауэт*), *хасита* и некоторые из украшений головы и волос—*ука сясяк* и *саськап*. Одежды и украшения этой группы встречаются почти исключительно в северной (вернее, северо-западной) и отчасти западной Башкирии.

Наконец, четвертая группа состоит из башкирской одежды, известной только у этой народности. Это почти исключительно коралловые с монетами женские украшения. К ним относятся прежде всего нагрудные украшения—*яга*, *сильтяр* и *сакал*, подобное же спинное украшение *инhалик*, головное украшение *кашмау* и такие старинные украшения, как *калябаш*, *баш-кыим* и *такия*. Употребление кораллов для украшений более обычно для азиатских кочевников, например, казак-киргизов, чем для соседних башкирам, финнов и чувашей, которые для этой цели пользуются исключительно бисером и бусами. Следовательно, в этом отношении башкирские одежды этой группы имеют гораздо более общего с одеждами восточных народностей, чем с костюмами своих северо-западных соседей. Вместе с тем *башкыим* и *кашмау* по своей форме повидимому более сходны с соответствующими азиатскими уборами. С другой стороны, башкирская девичья *такия* и женский *калябаш* имеют несомненное сходство с *такия* и *хушпу* чувашей, а отчасти с подобными же уборами черемис. Кроме того, судя по рисункам и описанию Палласа, мещерячки и татарки конца

XVIII столетия носили нагрудные украшения и *кашмау* из кораллов, столь характерных теперь для башкирок. Надо полагать, что уборы и украшения этого рода, из кораллов и серебряных монет, в старину имели более широкую область распространения и при том они были более характерны для башкир с чувашами и их восточными соседями, чем для северо-западных соседей башкир (вотяков, бесермян, отчасти черемис и других). К этой группе относятся девичьи украшения *джилькалик* и *сасьмау*, подобные которым мы знаем только у азиатских кочевников. Сюда же следует отнести и кожаную без подметок обувь с суконными голенищами (*сарык*), которую мы не встречаем нигде, кроме башкир и обашкирившихся восточных мещеряков. Все костюмы этой группы встречаются исключительно в восточной, центральной — горной и южной Башкирии; на севере и северо-западе этого края они теперь совсем не встречаются. Связь этих частей костюма с такими же азиатских кочевников вряд ли подлежит сомнению, хотя развитие их было несколько иное.

VIII.

Жилища и постройки.

Временные жилища: конусообразный шалаш; *аласык* катайцев; *агас тэрма*; войлочная кибитка; заслон; балаган; примитивный сруб. Расположение временных жилищ на кочевке. Постоянные жилища: пластовые, саманные и плетневые жилища; бревенчатая изба, ее варианты и развитие; очаг, печь и отопление. Двор и надворные постройки. Баня. Расположение жилищ в деревне; общий характер ее. Мечеть.

Физико-географическое и орографическое разнообразие страны, населенной башкирами, промежуточное положение их между кочевническим турецко-монгольским востоком и искони оседлым финско-славянским западом, не одинаковый образ жизни и занятия башкир различных местностей, в связи с целым рядом других причин, имели следствием то разнообразие башкирских построек, которое сейчас у них наблюдается. С одной стороны, на северо-западе, у земледельческого населения лесной полосы мы встречаемся с вполне выработанным типом домов и надворных построек, типом весьма близким к типу построек финско-татарского населения Прикамья. С другой стороны, на крайнем востоке обитаемой башкирами области степные полукочевники добрую половину года проводят под покровом решетчатых кибиток, столь характерных для азиатских кочевников.

В то время, как горные скотоводы, в изобилии располагающие строевым лесом, имеют возможность строить не только бревенчатые избы для постоянного жилья, но даже срубчатые постройки на местах своих многочисленных временных кочевок, обитатели южных и восточных степей принуждены мириться с мазанками, полуземлянками или жилищами из сырцового кирпича. У башкир мы находим и при-

митивный заслон из ветвей или травы, и конусообразный шалаш, покрытый древесной корой — временное жилище многих семей в горных лесах, на кочевках или при полевых работах. Вместе с тем, у тех же башкир мы имеем дома, построенные по всем правилам строительной техники, дома, ничем не отличающиеся от городских построек Приуралья.

Жилища башкир естественно разделяются на две обширные категории: жилища временные и постоянные.

Ознакомившись с первыми, как более примитивными, мы рассмотрим более обстоятельно типы постоянных жилищ, затем надворных построек и, наконец, характер башкирской деревни.

Конусообразный шалаш (*кууш*) устраивается весьма просто. Остовом шалаша является конус из десяти-двенадцати трехчетырехметровых жердей, воткнутых в землю и связанных вверху. Материал, которым покрываются шалаши, очень разнообразен. Шалаши устраиваются повсеместно на сенокосных местах, на жнивах или на дальних пашнях; в таких случаях они служат жильем в течение всего нескольких дней, делаются наскоро и небрежно. На покосах шалаши покрываются травой или сеном (*псян кууш*), на жнивах соломой или снопами, в редких случаях для этой цели пользуются холщевыми пологами (*киндыр кууш*). Несколько основательнее устройство шалашей там, где в них приходится проводить более продолжительное время. Так, на западном склоне южного Урала, занимаясь заготовкой луба и лыка, мочкой мочала, башкиры тщательно покрывают свои шалаши еловыми или пихтовыми ветками, сверху ветвями лиственных деревьев и, наконец, обкладывают жердями. Так же солидно устраиваются шалаши и на удаленных от деревни пашнях, кое-где в северном Зауралье и на юго-востоке. Там остов шалаша прикрывается соломой, а поверх нее обкладывается дерном. Особенно интересны и разнообразны по строительному материалу шалаши, служащие, наряду с другими постройками, летним жилищем башкир на местах их летних кочевок. Район распространения таких шалашей очень ограничен и в изобилии мы встречаем их только в бассейне верхней части р. Белой до выхода ее из гор. Конусообразный шалаш особенно характерен для кочевьев тамьян-тангаурцев, по хребту Кыркты и по собственно Уральскому хребту, для

горных кочевок кубеляк-телевцев, прибельских бурзян, карагай-кипчаков и, до известной степени, для горных бушман-суун-кара-кипчаков. Такой шалаш покрывается большими кусками лиственничной (*кабык карагас*) и сосновой (*карагай кабык*) коры или берестой (*туз*); нередко весь шалаш состоит исключительно из лиственничных или сосновых драниц; иногда на устройство одного шалаша идет весьма разнообразный материал: кора, дранница, доски, жерди и проч. Для прочности, снаружи шалаши обкладываются несколькими стволами деревьев, берестяные обтягиваются веревками из лыка или мочалы, а на шалаши из драниц накладываются один или два обруча из толстых прутьев. Вход в такой шалаш всегда закрывается дверью из куска коры, бересты, укрепленной на раме, или лубом. Внутри шалаша, кругом у стен, земля покрывается корой или лубом, поверх которого, а то и просто на земле, расстилаются половики (*палас*), кошмы (*кыйиз*) и всевозможное тряпье, на котором спит семья. Справа от входа в шалаш помещается хозяйственная утварь и запасы провизии, а в центре в холодную погоду разводится небольшой огонь, просто на земле без специального очага.

Рис. 143. Шалаш крытый корой, кубеляк-телевцы.

У зауральских, степных башкир, на их летних кочевках наряду с решетчатыми кибитками встречаются так называемые *ук-баш*. Это те же конусообразные шалаши только покрытые снаружи кошмами или кошмами вместе с шерстяными половиками. Основанием таких шалашей служат тонкие жердочки (*ук*), те самые, которые образуют верхнюю часть решетчатой кибитки и которые поддерживают ее купол. При коротких остановках в пути, в ненастную погоду, когда

башкирам не хочется расставлять кибитку, они делают из ее *ук* небольшой шалашик и прикрывают его одной кошмой кибитки. Иногда подобные шалаши на кочевках служат жилищем наравне с кибитками, причем, при откочевках, в отличие от прочих конусообразных шалашей, остов которых всегда остается на месте, жерди (*ук*) этих шалашей перевозятся. На кочевках, тех же степных башкир встречаются, впрочем, шалаши, остов которых такой же, как и у всех прочих шалашей, из обыкновенных жердей, но и такие шалаши в степи называются *ук-баш*.

Рис. 144. Шалаш крытый дранцей, кубеляк-телевцы.

Помимо кочевьев, шалаши устраиваются местами и в деревнях, но назначение таких шалашей не везде одинаково. Так, например, башкиры западного склона южного Урала в частности табынцы и кое-какие из кипчаков, ставят конусообразные шалаши во дворах, в которых они спят в жаркое время года. Башкиры восточного склона, зауральские, например тамьян-тангаурцы, осенью по возвращении в деревню живут до первого снега в шалашах, устроенных во дворе и только с наступлением морозов переходят в избы. Совсем иное назначение шалашей, которые мы встречаем в изобилии у северо-западных башкир, особенно в Белебеевском уезде. Там эти шалаши (*аласык*) всегда делаются

из соломы и, хотя служат иногда летним жильем, но главная их цель предохранить от летнего жара погреба, над которыми они сооружаются.

Совершенно особое положение занимает один из типов летнего жилища, который нам пришлось встретить во время одной из экскурсий у башкир катайского рода, в вершине р. Белой. Жилище это—род берестяного шалаша, состоящего из нижней, цилиндрической части, около полутора, двух метров высоты и около шести метров в диаметре, и конусообразного верха, покоющегося на цилиндре и отстоящего от земли в центральной своей части на пять, шесть метров. Подобные шалаши башкирами—катайцами называются *аласык* и, насколько нам известно, встречаются исключительно на летних кочевках и в деревнях только у истоков р. Белой. Такой *аласык* устраивается следующим образом. В земле по кругу вбиваются от двадцати до тридцати жердей (*аласык агасы*); на высоте около метра жерди эти подсекаются снаружи и надламываются; их вершины соединяются вместе у центра и связываются. Снаружи *аласык* покрывается большими кусками бересты, поверх которой над каждой жердью накладываются легкие и длинные жердочки; последние, сквозь отверстия, проделанные в бересте, связываются лыком с жердями остова, благодаря чему получается прочное сооружение. Между двумя из жердей цилиндрической части *аласык* оставляется отверстие, закрывающееся дверью, сделанной также из куска бересты, укрепленной на легкой раме. При перекочевках береста перевозится, а остов остается на месте. Такой *аласык* несравненно просторнее и удобнее конического шалаша. В центре обычно устраивается очаг, а если такой *аласык* поставлен во дворе и служит летней кухней, то в очаг

Рис. 145. Шалаш крытый кошмой, бурзяне.

вмазывается котел; по стенам располагается постель и утварь, у дверей хозяйственная посуда.

Трудно сказать насколько самостоятельно появился у башкир *аласык* подобной формы, но развитие его из примитивного конусообразного шалаша в целях расширения внутреннего помещения вполне естественно.

Рис. 146. *Агас тэрма*, сызгинцы.

Так же одиноко, как и берестяной *аласык* катайцев, среди башкирских жилищ стоит так называемая *агас тэрма* (деревянная кибитка), встреченная нами у башкирсызгинцев Троицкого уезда. Это переносное жилище в собранном виде имеет форму шестигранной призмы с крышей в виде шестигранной же пирамиды. Все грани стены и крыша состоят из отдельных деревянных рам, на которые набиты тщательно выстроганные доски. При сборке, стены и отдельные грани крыши скрепляются между собой железными крючками. В одной из стен проделывается дверь, в другой окно. Жилище это легко разбирается и перевозится. Отличается оно тщательностью отделки, а иногда даже красится снаружи масляной краской. Размеры его небольшие, около четырех метров в диаметре и служит оно летним жилищем. По словам местных башкир, *агас тэрма* появилась всего лет двадцать пять назад взамен исчезающей решетчатой кибитки. Изготовляется она по большей части русскими плотниками, которыми, повидимому, и изобретена. Для башкир же этот тип жилища не характерен, хотя интересен самый факт появления его у них.

Другой тип переносного временного жилища, встречающийся у башкир—решетчатая кибитка (*тэрма*), столь характерная для азиатских кочевников. Этот тип жилища, некогда распространенный среди башкир почти повсеместно, теперь

встречается только в зауральской степи и лесостепи и весьма редко по западную сторону хребта. По форме, у башкир следует различать два типа решетчатой кибитки: один известный в литературе под именем калмыцкой (монгольской) кибитки и второй под именем киргизской (53, 37). Первый тип (северный) состоит из четырех-шести складных решеток (*канат*), которые вместе с дверью (*ишик*) образуют цилиндрический остов нижней части кибитки; верхняя, коническая часть кибитки образована 60—80 тонкими, круглыми в разрезе и на верхнем конце заостренными, жердочками (*ук*), на которых укреплен род купола (*сагарак*). Сверху кибитка покрывается пятью-семью кошмами. Когда нужно бывает разбить кибитку, сперва устанавливается решетчатая ее часть. Отдельные решетки, состоящие из плоских, слегка выгнутых к наружи палочек, скрепленных между собой ремешками, крепко связываются друг с другом и с рамой двери; расставленная решетка по верхнему краю опутывается особой, широкой шерстяной тесьмой (*баш кур*) или крепкой волосяной веревкой. *Баш кур* не дает решетчатому остову раздаваться в стороны под давлением верхней части кибитки. Кроме того решетка привязывается к вбитым в землю внутри ее четырем, пяти колам, одинаковой высоты с решеткой, из которых два находятся у косяков двери. Верхний конус, состоящий из *ук*, укрепляется на выступах верхнего края решетки при помощи волосяных петель, прикрепленных к нижним конца *ук*; купол (*сагарак*) насаживается на *ук*, вставленные в отверстия основного обруча *сагарак*. Кошмы, которыми покрывается кибитка, привязываются к остову особыми веревочками, пришитыми к ним по углам и на середине края, а для большей прочности вся кибитка опутывается снаружи длинными волосяными веревками (*аркан*) и привязывается к двум-трем небольшим колышкам, вбитым в землю снаружи ее. Только верхняя кошма (*тюндюк*), имеющая четырехугольную форму и прикрывающая *сагарак* не опутывается веревками; ночью и в ненастную погоду *тюндюк* привязан к кибитке веревками, пришитыми к его углам, днем же он или свертывается или приподнимается при помощи особого шеста *hыргаул*.

Кибитка киргизского типа (южная) отличается от калмыцкой главным образом тем, что ее *ук* плоские и гнутые; поэтому

верхняя часть киргизской кибитки имеет не коническую, а полусферическую форму; кроме того дверь в ней чаще бывает двустворчатая, тогда как в северно-башкирской кибитке она одностворчатая. Наконец, остов южно-башкирской кибитки всегда выкрашен красной краской, что для кибитки калмыцкого типа является весьма редким исключением. Однако

Рис. 147. Кибитки киргизского (слева) и монгольского (справа) типа, катайцы.

кибитка южных башкир отличается немного от типичной киргизской. В киргизской кибитке, как известно, решетчатая часть остова (*кереге*) с наружной стороны всегда обкладывается матами из стеблей чия (*Lasiagrostis splendens*), а весь остов опутывается широкими полосами узорчатого шнура; у башкир же кибитка только в редких случаях обкладывается камышевыми матами. Кроме того, дверь киргизской кибитки бывает не сплошная, а колончатая или решетчатая, прикрытая снаружи узорчатой полосой кошмы или просто кошемная, у башкир же она всегда сплошная деревянная. Нужно заметить, впрочем, что иногда богатые башкиры кибитки покупают у казак-киргизов; у такой кибитки, разумеется, имеется и кошемная дверь. Как на одну из особенностей, отличающих башкирскую кибитку киргизского типа от северной, следует указать еще на ее размеры. Она значительно просторнее северной, благодаря большему ее диаметру (восемь и даже девять метров, тогда как северная обычно не превышает шести метров в диаметре), так и вследствие выгнутой формы ее *ук.*

Область распространения кибитки калмыцкого типа гораздо меньше, чем киргизского. Первую мы не встречаем за пределами кара-барын-табынского и катайского родов башкир за Уралом. Точнее говоря, этот тип мы в настоящее время находим в следующих башкирских дачах: в Салзаутской, Бала-Катайской, Кара-Барын-Табынской с Куваканской, в Сарт-Калмацкой, Катайской и у зауральских айды (айлинцев). Район распространения каргизского типа кибитки значительно шире. Изредка мы ее встречаем у усерган, в большем еще количестве у восточных табынцев и у бурзян, в некоторых дачах башкир, принадлежащих к роду кипчак, у тамьян-тангаурцев, кубеляк-телевцев; совместно с калмыцким типом она встречается у барын-табынцев, катайцев, сарт-калмаков и айды; остатки ее мы находим изредка у минцев и канлинцев. Прежде этот тип был распространен повсеместо по всему югу Оренбургской губ. и в значительной части Уфимской.

Район, где еще не так давно можно было встретить у башкир кибитку киргизского типа, был очень значительный.

Переходя теперь к описанию внутреннего устройства кибитки, нужно прежде всего отметить, что она всегда бывает разделена занавеской *(шаршау)* на две части. Правая от двери часть, за занавеской, обычно предназначается для женщин, бóльшая дверная половина кибитки—мужская, она служит и для приема гостей. Стены (*канат*) нижней части кибитки завешиваются разноцветными, весьма пестрыми, ситцевыми, бумажными или домотканными занавесками, а иногда и шерстяными половиками (*палас*), чтобы не видно было решетки кибитки; поверх занавесок развешиваются полотенца (*тастамал*), женские нагрудные украшения из кораллов, а налево от двери седла, седелки и другая сбруя. Земля в кибитке устилается кошмами, изредка поверх камышевых цыновок шерстяными половиками и коврами. Против двери у стены ставятся сундуки на особых подставках (*кандук аяк*), тут же сложена целая гора перин и подушек, обычно подвязанная широкой лентой *(урын тартма)*. На сундуках, в которых хранится все женское имущество, аккуратно разложены войлоки, половики, ковры, потники от женских седел и проч. Изредка в кибитке можно встретить и кровать

на очень низеньких ножках. У двери справо, за занавеской на особой подставке (*наба аяк*) стоит большой кожанный сосуд для приготовления кумыса (*наба*) или вместо него одна или две липовых кадочки (*чиляк*) для той же цели; тут же стоит кадушка с квашеным для сыра (*курут*) молоком, всевозможная деревянная и кожаная посуда, чайный прибор

Рис. 148. Внутренность кибитки, катайцы.

с самоваром и другие хозяйственные вещи. В тех случаях, когда у одного хозяина две кибитки или кибитка с шалашом (*ук-баш*), в одной из них, более новой, живет сам глава семьи, она же служит и для приема гостей, принадлежности же для приготовления кумыса, как и вся вообще хозяйственная посуда, находятся в другой кибитке, в которой живут домочадцы. В пятидесятых годах прошлого столетия, Черемшанский (11, 146) писал, что посреди каждой башкирской кибитки вырезывается в земле углубление, в котором разводится огонь для приготовления пищи и освещения ее во время ночи. Очаг внутри кибитки (*ут уруны*) нам приходилось встречать только поздней осенью с наступлением холо-

дов; это небольшое глинобитное кострище с валиком по краю, расположенное в центре кибитки, служило исключительно для обогревания ее внутренности. Очень редко теперь можно встретить, да и то только в горах, очаг для приготовления пищи внутри кибитки, с построенным над ним помостом *(лаш)* для просушки сыра. Повсюду очаг для приготовления

Рис. 149. Кибитка киргизского типа, бурзяне.

пищи вынесен из кибитки наружу, а для освещения внутренности кибиток употребляются обыкновенные керосиновые лампы.

Что касается расположения кибиток на кочевках, то они всегда выстраиваются в ряд и огораживаются, по несколько штук или все вместе, изгородью из жердей (*карта*), чтобы скот не подходил к самым кибиткам; впрочем, в степи загородки устраиваются редко.

Мы только что рассмотрели типы временных жилищ круглой формы, начиная с примитивного конусообразного шалаша и кончая сложной решетчатой кибиткой. Теперь

ознакомимся с временным жилищем прямоугольной формы, наиболее совершенные типы которого почти не отличаются от простейших построек постоянного жилища.

Рис. 150. Кибитки монгольского типа, катайцы.

Самыми распространенными и наиболее простыми из временных жилищ этой категории являются балаганы (*аласык*), которые подобно конусообразным шалашам делаются из разнообразного материала. Несмотря, впрочем, на всю простоту устройства *аласык*, на покосах и полях они никогда не ставятся, и там их заменяют примитивные заслоны (*псян кууш*), покрытые чаще всего сеном, лубом или ветками; иногда два таких односто-

Рис. 151. Шалаш крытый сеном, ипзер-катайцы.

ронних заслона соединяются вместе и получается род двускатного балаганчика. Подобные заслоны устраиваются, повидимому, гораздо реже шалашей; нам их приходилось встречать только у инзер-катайцев, тамьян-тангаурцев, да кое-где по западному склону южного Урала.

Среди *аласык* следует различать переносные и непереносные. Первые уже вывелись, в первой же половине прошлого столетия они были распространены среди башкир в большом количестве, особенно среди степных, и хорошо описаны Черемшанским (11, 146). Переносный *аласык* состоял из четырех лубковых полотнищ, нашитых лыком на деревянные планки. Каждая отдельная семья, прибыв на место кочевки, расставляла эти лубяные стенки и делала из них четырехугольный балаганчик; верхние концы этих боков загибались отовсюду к общему центру и образовывали закругленную крышу, не требовавшую никакой особой покрышки. С одной стороны этого балаганчика устраивалась узкая дверь, также из луба.

Остов постоянного *аласык* состоит из вбитых в землю четырех угловых кольев (*багана*), двух или трех промежуточных по продольным стенкам и двух по поперечным. Колья поперечных стенок заканчиваются на верху развилками, на которые кладутся продольные жердочки (*урда*), поддерживающие крышу (*ябуу*). Обычные размеры *аласык*—три с половиной, четыре метра, высота кольев стенок бывает около двух метров, только колья поддерживающие крышу несколько выше. Снаружи *аласык* обшивается большими полосами луба, им же покрывается и крыша. Нередко *аласык* бывает покрыт берестой, лиственничной и даже сосновой корой. На одной из поперечных сторон *аласык* (*орт ырьга*), между кольями поддерживающими крышу, устраивается дверь из луба или коры, укрепленной на деревянной раме; иногда вместо рамы прилаживается сук или тонкий ствол деревца с двумя, тремя, отходящими в одну сторону ветками, к которым и прикрепляется кусок луба, играющий роль двери. Окон в *аласык* никогда не бывает.

Лубяной *аласык* особенно характерен для западного склона южного Урала, столь богатого липовыми лесами. Еще не так давно, лет двадцать-тридцать назад, лубяной *аласык* встречался повсеместно в юго-западном краю Башкирии,

преимущественно у минцев, юрматынцев, табынцев, отчасти у кипчаков, бурзян и канлинцев, а на север заходил в пределы дач кудейцев и даже айлинцев. Теперь же лубяной *аласык* можно встретить на кочевках калчир и кси-табынцев, у юрматынцев ильчектимировой и карамышевой тюб, у сянкин-бушман-кипчаков и очень редко в кое-каких из дач бурзян, у инзер-катайцев и тамьян-тангаурцев, для которых он мало характерен. Несколько обширнее район распространения лубяных *аласык*, построенных во дворах деревень, где они служат летним жильем. В деревнях, помимо районов перечисленных дач, принадлежащих к родам юрматынцев, табынцев и кипчаков, мы можем встретить лубяные *аласык* и в ряде других башкирских местностей, начиная от урман-кудейцев на севере и кончая бушман-суун-кара-кипчаками на юге, до илькуль и субыль-минцев на западе. Для устройства *аласык* в деревнях не всегда употребляется настоящий луб (*арсема кабык*), исключительный материал для *аласык* на кочевках, но нередко они делаются из полубины (*кугама* или *салыбаш кабык*), т.-е. липовой коры, оставшейся после выработки мочалы.

В противоположность лубяному, берестяной *аласык* (*туз аласык*) встречается весьма редко. Нам приходилось его встречать только на кочевках башкир по Уральскому хребту и по хребту Кыркты, да и то редко. По форме и устройству он ничем не отличается от лубяного. Область распространения берестяных балаганов некогда была, повидимому, гораздо значительнее, чем теперь. Так, Лепехин (6_2, 37) проезжавший через земли башкир тамьянского и кудейского родов, писал, что летом они „живут в войлошных юртах, как калмыки, а бедные от перемен воздуха берестяными шалашами защищаются“. К сожалению, он не дает описания этих шалашей и мы не знаем были ли это прямоугольные берестяные балаганы или круглые *аласык*, типа встреченного нами у горных башкир катайцев.

Что касается района распространения *аласык*, покрытых лиственничной и отчасти сосновой корой, то и он также весьма ограничен и не выходит за пределы кочевок верховья р. Белой. Подобные *аласык* встречаются у кубеляк-те-

левцев, тамьян-тангаурцев, карагай-кипчаков и у бельских бурзян.

Внутри *аласык* не бывает ни очага, ни нар. Для хозяйственной утвари и посуды отводится часть, прилегающая ко входу, и углы; на земле расстилаются половики и кошмы. Иногда поверх луба или цыновок лежат перины и подушки, на которых спит все семейство. Нередко они бывают двойные с перегородкой между двумя отделениями или, вернее,

Рис. 152. Дощатый балаган и кибитка, барын-табынцы.

двумя *аласык*. В таких случаях первое от входа отделение играет роль чулана или кладовой, в нем по стенам устраиваются полочки, хранится провизия и вся посуда, второе служит жильем. В редких случаях (прибельские бурзяне и карагай-кипчаки) в этом первом от входа отделении *аласык* устраивают очаг.

Последнее время у башкир начали появляться своеобразные балаганчики из досок (*тахта аласык*). Несколько типов подобных *аласык* встречаем мы в разных местах башкирского края. Их можно видеть и на кочевках барын-табынцев и телевцев рядом с решетчатыми кибитками. Там досчатые стенки этих маленьких домиков укреплены на врытых в землю угольных столбах, окон нет, но в косяках

устроена уже солидная дверь; двускатная крыша бывает досчатая или нередко ее заменяет холщевая покрышка; иногда внутри устраивается даже железная печь. Досчатые *аласык* летние жилища башкир, которые мы встречаем у кипчаков (бушман, суун, сянкин, кара) и в некоторых дачах минцев, устраиваются уже в деревнях и с некоторой претензией на комфорт. На венце из четырех бревен настилается пол и выводятся досчатые стены, прикрепленные к угловым столбикам; крыша двускатная, тесовая; помимо двери имеются стеклянные окна; внутри иногда бывают нары, стол, стулья, на окнах занавески и проч. Наконец, у северовосточных башкир (дачи: Сарт-Калмацкая, Катайская, сызгинцы, вост. айды) нам пришлось встретить перевозные, четырехугольные досчатые домики с двускатной крышей, полом, дверцей и одним или двумя окошечками. Домики эти стоят на земле, но перевозятся с места на место на специальных колесных дрогах. По виду они похожи на те арбы овчарей, которые мы знаем в степной полосе южной России и отличаются от последних только несколько большей величиной и тем, что стоят чаще на земле, на дрогах только перевозятся. Башкиры возят их на отдаленные пашни, изредка их можно увидеть и на кочевке. Тип этого *аласык* несомненно заимствован у соседних оренбургских казаков.

Последний тип временного жилища, который нам осталось рассмотреть, это, не менее распространенный, чем *кабык аласык*, *бура аласык* (срубчатый балаган) или иначе *бурама*. *Бурама* — примитивный сруб, летнее жилище горных и лесных башкир. Эти четырехугольные срубы устраиваются из тонких бревен, кругляшей, без пазов. Пола и потолка в *бурама* не бывает, крыша всегда двускатная, сильно выступающая вперед и по бокам сруба лежит на продольных балках, покоящихся на поперечных бревнышках передней и задней стенки сруба. Окон, хотя и нет, но в *бурама* светло, так как между бревнами большие щели. Дверь приделана без косяков, всегда одностворчатая, деревянная или из куска луба или коры. Нижнее бревно или два образуют порог. На постройку *бурама* идут разные породы деревьев, но всем предпочитается сосна. Крыша чаще всего делается из драниц, хотя нередко бывает из полубины, лиственничной коры или луба. Чтобы крышу не разметало ветром, сверху на нее

накладываются продольные жерди или бревна, прижимающие ее к срубу. Внутри *бурама* у противоположной входу стенки, а иногда и у боковой, устраиваются невысокие нары (*урындык*), в переднем углу, направо и налево, у двери нередко бывает очаг или род камина (*сувал*). По словам Георги (9_2, 97) башкиры конца XVIII века, жившие в высоких Уральских горах, в своих летних четырехугольных, продол-

Рис. 153. Шалаш и сруб (*бурама*), тамьяно-табынцы.

говатых юртах посредине устраивали очаг с таганом, над которым подвешивали на цепи котлы. В настоящее время башкиры никогда не устраивают очага посредине *бурама*, а тем более посреди зимних жилищ. Весьма вероятно, что Георги ошибся, так как ни один из путешественников, посетивших башкир, не говорит об очаге посреди юрты.

Подобно *аласык*, *бурама* также иногда состоит из двух половин, передней от входа, в которой хранится вся хозяйственная посуда, провизия и всевозможная утварь, и другой — жилья. Гораздо реже встречаются две *бурама* рядом под одной крышей, но каждая с самостоятельным входом, причем одна играет роль кухни и кладовой, другая жилья. Хотя *бу-*

рама и встречается нередко в деревнях, как летнее жилище, но особенно характерна она для кочевок, где часто является единственным жильем. Так как это жилище не переносное, то каждая башкирская семья, там, где мы встречаем на кочевках это жилище, имеет их столько, сколько кочевок, а последних в каждой горной деревеньке бывает от двух до четырех. *Бурама*, как летнее жилище башкир на кочевках

Рис. 154. Летние жилища—*бурама*, инзер-катайцы.

характерна для всего южного Урала и его склонов. Кроме урман-кудейцев, инзер-катайцев и гирей-кипчаков, где *бурама* единственный встречающийся на кочевках тип летнего жилья, *бурама* мы находим на горных кочевках кубеляк-телевцев и тамьян-тангаурцев, у прибельских карагай-кипчаков, бурзян, и пограничных с ними кипчаков Стерлитамакского уезда, у юрматынцев ильчек-тимировой и карамышевой тюб, у кси и калчир-табынцев. Как летнее жилище в деревнях, *бурама* встречается и вне только что обозначенной области, заходя на западе за р. Белую, у юмран, тюкун и кси-табынцев, тельтим-юрматынцев, а на севере она распространяется до р. Уфы и среднего Урала, у булякай, кыр и шайтан-кудейцев.

При описании различных типов временных жилищ башкир мы почти не касались устройства очага потому, что он мало варьирует в зависимости от типа жилья и сводится к двум-трем общим формам, которые мы сейчас и рассмотрим. Разведение огня внутри жилья или возле него преследует две цели: или обогревание жилья, или приготовление пищи, или и то и другое вместе. Очаг в простейшем своем виде—костер—одновременно и обогревает и служит для приготовления пищи, поджаривающейся на его пламени, испеченной в его золе или сваренной в подвешенном над ним сосуде. Такой костер разводится и у примитивного заслона (*псян кууш*), и внутри конусообразного шалаша, а иногда и внутри круглого берестяного *аласык* и решетчатой кибитки. В круглых жилищах центр—единственное место, где разводится огонь, обычно просто на земле, а иногда, как мы уже знаем, на плоском глинобитном очаге (*ут уруны*) с небольшим валиком кругом по краю. Из группы четырехугольных временных жилищ, только в *бурама*, да и то не во всякой (повсюду на кочевках встречаются *бурама*, отапливаемые и неотапливаемые) разводится огонь, но не в центре, как в круглых жилищах, а всегда в одном из двух углов ее, у входной стены. В углу накладывается ряд камней, обмазывается сверху глиной и на таком то очаге и разводится огонь. В крыше над очагом имеется отверстие для выхода дыма. Чтобы предохранить от огня стены, они обмазываются у очага глиной. Иногда глиной обмазываются не просто стены, а две широкие доски или ряд кольев, прикрывающий стены над очагом, в углу. Доски эти или колья выступают сантиметров на тридцать выше крыши, чем улучшается тяга воздуха и ветер не задувает в отверстие крыши над костром. Такое устройство очага позволяет уже ставить топливо стоймя, благодаря чему оно и лучше горит, и дает больше тепла. Наконец, в тех же *бурама*, мы встречаем очаг, над которым ряд обмазанных глиной кольев, прикрывающий стену, образует не простой угол или полуцилиндр, а имеет вид полуцилиндра замкнутого наверху и заканчивающегося короткой трубой; иначе говоря получается род примитивного камина (*сувал*), с устройством и вариантами которого мы подробно ознакомимся при описании постоянных жилищ. Дальше этого камина развитие очага внутри *бурама* не идет, да оно и понятно почему.

Вследствие весьма примитивной постройки этого сруба, при широких щелях между бревнами, наружный воздух легко в него проникает и *бурама* согревается только лучистой теплотой. Пока огонь горит, в ней тепло, но как только пламя убавится или погаснет, делается так же холодно, как и снаружи. Здесь не помогла бы и самая лучшая печь, когда в ветреную погоду в *бурама* ветер тушит свечу.

Независимо от камина развивается в летних жилищах очаг для приготовления пищи. Костер внутри конусообразного шалаша огораживается несколькими камнями, на которых и ставится котел для варки пищи. Иногда камни эти обмазываются глиной, с одной стороны под котлом оставляется отверстие для топлива, а с противоположной стороны между котлом и камнями устраивается дымоход. Получается постоянный очаг для приготовления пищи внутри временного жилья. Такие очаги (*усак*) нам приходилось видеть (рис. 155) в круглых *аласык* горных катайцев в вершине р. Белой. Обычно очага для приготовления пищи в круглых постройках, ни в шалашах, ни в решетчатых кибитках, не бывает. Очаги со вмазанными в них котлами для приготовления пищи на кочевках устраиваются вне жилья и огораживаются плетнем или загородкой. На рис. 150 можно видеть ряд кибиток, а против каждой из них плетень, внутри которого помещается очаг с котлом и печь для приготовления хлеба. В бревенчатых срубах (*бурама*) котел или временно ставится на камнях очага в углу сруба, или вмазывается глиной на эти камни рядом с кострищем для разведения огня обогревающего жилище. В тех срубах, где мы имеем камин, очаг с котлом находится сбоку камина на общем с ним цоколе и дымоход из под котла выходит в трубу камина.

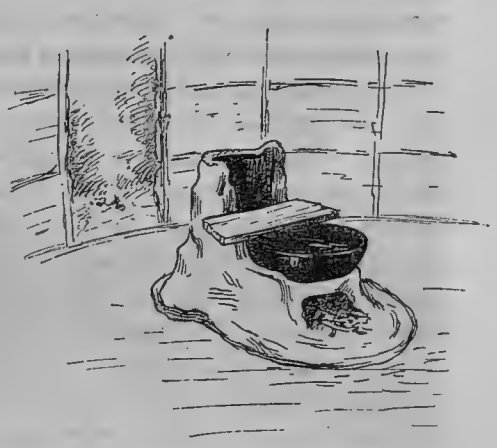


Рис. 155. Очаг в летнем жилье, тамьянотабынцы.

Если мы посмотрим теперь на временные жилища в их совокупности, в зависимости от места, где они устраиваются, то мы увидим, что с этой точки зрения они могут быть разделены на три группы. Первую группу образуют жилища, устраивающиеся на лугах, полях, в лесу, одним словом там, где башкиру приходится под открытым небом проводить несколько дней, редко недель; сюда относятся заслон, конусообразный шалаш, а иногда и балаган. Другую группу составляют летние постройки на местах кочевок и третью—летние жилища в деревнях; последние группы обнимают все типы временного жилища за исключением заслона.

Географическое распределение различных типов временного жилища не случайно. Здесь намечаются три или, если угодно, четыре вполне определенных района. Центральную часть южного Урала можно назвать районом исключительного распространения *бурама*. Определяя этот район точнее, назовем бассейн р. Инзера, правые притоки р. Белой от верховья до выхода ее из гор и верховья системы р. Зигальги, иначе говоря вся территория, занятая инзер-катайцами, гирей-кипчаками и правобережная часть бассейна р. Белой, населенная тамьян-тангаурцами, карагай-кипчаками и бурзянами. Другой район, область, в которой летним жилищем на кочевках является исключительно решетчатая кибитка, лежит в полосе степи и лесостепи; она начинается далеко на севере от юго-восточных отрогов среднего Урала, тянется на юг узкой полосой вдоль восточного склона южного Урала, расширяясь на юге, огибает Урал и заходит на западе в присамарские степи Белебеевского уезда. Между этими двумя, резко противоположными друг другу, горною и степною областью лежит третья—переходная. Ее мы рассматриваем, как два отдельные района, восточный и западный. Эта переходная область характеризуется одновременным присутствием и горной *бурама* и степной кибитки, а также примесью еще и других типов летнего жилья. Западный район этой области обнимает весь собственно Уральский хребет с параллельным ему хребтом Кыркты. Здесь на кочевках (рис. 156) вместе с *бурама* и кибиткой мы встречаем и *кууш*, покрытый разнообразным материалом, и прямоугольный *аласык*, покрытый преимущественно корой и иногда берестой. Как пример подобной кочевки мы

приводим фотографию кочевки д. Ниазгуловой в хребте Кыркты. На этой фотографии мы имеем всего восемь построек, а между тем среди них три *бурама*, две решетчатых кибитки, один *аласык*, покрытый лиственничной корой и два конусообразных шалаша, из которых один покрыт корой, а другой сделан из драниц и досок. Западный район кочевок с разнообразными типами построек расположен по западному склону южного Урала там, где находятся дачи башкир табынского

Рис. 156. *Яйляу*, летовка д. Ниазгуловой, тамьяно-табынцы.

и юрматынского, а отчасти и кипчакского рода. Здесь мы встречаем главным образом лубяной *аласык*, редкий в восточном районе, *бурама*, а иногда и войлочную кибитку.

Местом кочевки в горах всегда выбираются открытые площадки или горные террасы при каком нибудь роднике или ручье. Кочевки всегда расположены на сухом, чаще восточном или южном, склоне горы, защищенном от господствующего ветра, откуда обыкновенно открывается широкая панорама. Живописность местоположений кочевок в горах объясняется не только эстетическими, но и чисто практическими соображениями. Высоко расположенная с обширным видом кочевка имеет то преимущество, что облегчает наблюдение за пасущимися вокруг стадами. В степи требования, предъявляемые к месту кочевок, много проще; там ищут только питьевой воды и избегают солонцов. В степи

кочевки всегда бывают при небольших реченках, ручьях, родниках, озерах и даже при болотах, непересыхающих летом.

Выше было уже отмечено, что решетчатые кибитки в степи обычно располагаются в один ряд. Местами все кибитки данной деревни стоят вместе, чаще же они вытягиваются вдоль какого нибудь ручья с небольшими промежутками, по две-четыре кибитки вместе, принадлежащими одной семье. В расположении жилищ на кочевке горных башкир мы уже не наблюдаем такой правильности и при первом впечатлении кажется, что они разбросаны в полном беспорядке.

Рис. 157. *Яйляу*, летовка, горные катайцы.

В расположении временных жилищ на кочевках вообще играют существенную роль два основных принципа — родовой и экономический. Еще Паллас и Лепехин (6_2, 53) обратили внимание на то обстоятельство, что при летних кочевках башкиры по большей части разделяются на семьи так, что каждую кочевку составляют родственники. Этот родовой принцип сохранился у башкир и до настоящего времени; они кочуют, если не семьями, то родовыми группами (*ара, руу, аймак*), но не везде. Весьма существенную роль в данном случае играют соображения экономические, т. е. зависимость от земельного простора и количества стад. У инзер-катайцев, например, территория каждой деревни поделена на несколько участков, предназначенных для кочевок. Таких участков, а следовательно и мест кочевок у них бывает три-четыре, куда они переселяются всей деревней со всем скотом и скарбом и меняют эти кочевки по мере истощения корма кругом них. Там, хотя вся деревня и селится вместе,

но не сплошной массой, домики разбросаны группами от трех до двенадцати в каждой и более, на известном расстоянии одна от другой. Поэтому от такой кочевки и получается впечатление той беспорядочности в расположении жилищ, о которой мы говорили выше. Каждая группа таких построек принадлежит одной большой семье или следующей более крупной семейной единице (*ара*). Подобное явление мы наблюдаем почти везде в горах там, где целые деревни выезжают на летнее кочевье. Иногда при большом просторе в выборе пастбищ (напр., Уральский хребет) деревня селится не на одной площадке или склоне горы, а расселяется по более обширной территории так, что кочевки отдельных семей или групп семей одной деревни бывают раскинуты на несколько верст. С уменьшением земельных богатств и падением скотоводства нет более ни возможности, ни надобности выезжать на кочевку всей деревне. На кочевку отправляются только несколько более состоятельных семей, которые кочуют уже совместно без соблюдения родовых разграничений. Подобное явление мы встречаем и на крайнем северо-востоке, и на юге, и по западному склону Урала. Случается, что несколько семей даже из различных деревень уезжают в горы совместно на уцелевшие еще участки земли, где они имеют возможность выкормить свои стада.

Нам осталось сказать еще несколько слов об ориентировке отдельных жилищ на кочевках.

При всем желании подметить какую нибудь закономерность в расположении временных жилищ относительно стран света, нам не удалось подметить общего правила. В ориентировке, повидимому, гораздо меньшее значение придается странам света, чем местным условиям. Двери во всех типах временного жилища устраиваются с подветреной стороны, принимая в соображение господствующие в данной местности ветры. На склонах гор и их террасах двери жилища всегда бывают обращены в сторону открытой местности, а не горы. Вообще говоря, чаще всего двери бывают на восточной стороне жилища, редко на северной, а на южной только в исключительных случаях. Последнее явление объясняется соображениями чисто религиозными. *Намаз* (повседневное моление) башкиры, как все вообще мусульмане, совершают обратившись лицом в сторону Мекки, в данном случае на

юг. Поэтому молиться в жилище, будь то кибитка, шалаш или сруб, дверь которого обращена на юг, представляется весьма неудобным, почему башкиры и избегают ставить свои временные жилища дверями на южную сторону. Такое, по крайней мере сами башкиры, объяснение дают на вопрос, почему они не ставят свои жилища на кочевках дверями на юг.

В XIII-м столетии, посланник французского короля Людовика IX в татарскую орду, Вильгельм Рубрук в 23-й главе своего путешествия писал между прочим, что все они (паскатирцы, т. е. башкиры) пастухи, не имеющие никакого города. Впрочем Рубрук сам у башкир не был, а писал о них со слов монахов, бывших в стране башкир до прихода туда татар. Через пять веков, во второй половине XVIII-го столетия, Лепехин (6_2, 36) называл башкир уже „межеумками между дикими и градолюбивыми народами", имея в виду их обычай выезжать летом на кочевки. Во всяком случае в эпоху бунтов (XVII и XVIII стол.) башкиры несомненно уже имели постоянные поселки, а полтора столетия назад все без исключения были оседлы.

Среди постоянных башкирских жилищ наиболее примитивна так называемая пластовая изба (*каф* или *казс ый*). Для устройства ее в земле вырывается прямоугольник около

Рис. 158. Пластовая изба, катайцы.

четырех, пяти метров в поперечнике и около 20—40 см. глубины, над которым выводятся стены из пластов дерна. Когда стены достигнут метров двух высоты, сверху на них накладывается ряд жердей (от пяти до девяти), на которых укрепляются перекладины, поддерживающие настил потолка. Последний делается из хвороста, камыша или реже бересты; сверху он прикрывается пластами дерна. Собственно крыши над такими землянками не бывает, но дерн иногда накладывается так, что образуются два ската. В тех случаях, когда дерновый настил над потолком бывает очень тяжел, срединная жердь подпирается столбом, установленным в центре землянки. Внутри *казс ый* обмазывается глиной: в одной из стен укрепляются косяки с невысокой, одностворчатой дверью (*ишик*); в противоположной двери и в одной из боковых стен устраиваются окна. Ближайшая к двери половина этого жилища бывает занята камином (*сувал*) с очагом (*усак*) в одном углу, в другом же помещается различная хозяйственная утварь, а иногда ягнята и телята. Противоположная двери половина почти вся бывает занята широкими нарами (*урындык*), отстоящими от пола, чаще глинобитного, всего на каких-нибудь 35—40 см. Область распространения пластовых изб весьма ограничена, они встречаются только в местах очень бедных лесом, в степях, и служат жильем беднейшему населению деревни. Они встречаются главным образом на северо-востоке у зауральских к а т а й ц е в, были отмечены у степных к у б е л я к-т е л я в ц е в и у некоторых м и н ц е в.

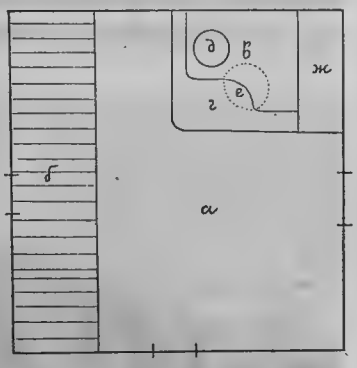


Рис. 159. План пластовой избы: *б—урындык, в—мис, г—кулюкса, д—усак, е—сувал, ж—суралды.*

Саманные избы башкир (*саман ый, кирпис ый, балчик ый*) из так называемых воздушных (сырцовых) кирпичей, по существу мало отличаются от пластовых; в них пласты дерна заменены большими кирпичами (саманами) из глины с примесью мелкой соломы или мякины, высушенными на солнце и не обожженными. Для приготовления этих кирпичей, глину

или суглинок перемешанный с соломой, топчут лошадьми, затем отжимают в деревянных формах и сушат на солнце. Стены саманной избы выводятся так же, как и пластовой, только кирпичная кладка промазывается глиной; стены такой избы бывают тоньше чем у пластовой и общий вид ее аккуратнее. Существенное отличие саманной избы от пластовой в том, что в ней кроме потолка всегда бывает крыша и настилается пол. Для устройства потолка на выведенных стенах кладется

Рис. 160. Саманная изба, катайцы.

ряд продольных жердей или тонких брусьев, на которые настилаются березки, затем солома, а сверху насыпается слой земли. Для поддержания крыши над фронтонами имеется кирпичная кладка (не промазанная глиной), на которой лежат продольные жерди, стропила. Так как крыши саманных изб чаще всего покрываются дерном, то оба ската крыши застилаются рядом тонких березок, связанных между собой вершинками над верхней балкой (коньком); чтобы дерн не сползал, вдоль нижнего края крыши на колышках укреплено по продольной жерди. Иногда в саманных избах пол совсем не настилается; нередко он бывает дощатый, при чем доски стелются прямо на земле, чаще же он делается из жердей или тонких бревен, отесанных или рас-

пиленных на двое. Окна вставляются обыкновенно без косяков, двери, как и в пластовой избе (*а*), одностворчатые и в косяках. Внутри в одном из углов возле двери устраивается камин (*в*) с очагом, реже печь; иногда, впрочем, он бывает и в противоположном углу. Под окном, во всю стену идут низкие нары (*б*). Хотя область распространения саманных изб значительно больше, чем земляных, тем не менее и она весьма ограничена, да и самих изб в деревне бывает

Рис. 161. Саманный амбар, катайцы.

всего несколько построек, причем они, подобно пластовым избам, принадлежат главным образом беднейшей части населения. Саманные избы встречаются исключительно в местностях бедных лесом; мы их знаем в степи на северо-западе (у кара-барын-табынцев и у южных, зауральских катайцев), в полосе лесостепи и степи на юге (у усерган, ю.-з. бурзян и кипчаков), а также на западе (кое где у юрматынцев, минцев, канлынцев, булярцев и ирехтинцев).

В местах богатых плитняком, но бедных лесом, вместе с саманными избами или вместо них, башкиры устраивают каменные избушки (*таш ый*). По общему характеру и способу постройки они мало отличаются от саманных. Стены складываются из камней более или менее правильной формы

и скрепляются между собой глиной. Потолок бывает такой же, как в земляных и саманных избах; вместо крыши сверху он засыпается землей. Каменные избушки всегда маленькие, имеют одно оконце и небольшую дверь, внутри имеются нары и очаг, пол земляной или деревянный, непосредственно лежащий на земле. *Таш ый* чаще других построек служит кухней (*ашхана*). Каменные избы изредка встречаются у кара-барын-табынцев и кубеляк-телевцев за Уралом, они известны у усерган и юго-западных бурзян, встречаются кое-где и у минцев, юрматынцев, табынцев, а также спорадически на крайнем западе Башкирии.

В безлесной полосе, чаще других делаются избы из плетня (*ситан ый*). Плетневые избы бывают из ординарного плетня

Рис. 162. Изба из двойного плетня, катайцы.

или из двойного, глиной (*туин*) обмазываются только внутри, или и внутри, и снаружи. Способ постройки плетневых изб весьма прост: по квадрату вбивается в землю ряд кольев, переплетается лозой или чаще ветвями березы, для дверей и окна вставляются косяки, хотя для последнего часто их не бывает. Снаружи и внутри плетень промазывается толстым слоем глины. Если изба делается из двойного плетня, то пространство между плетнями заполняется землей, реже глиной; чтобы плетни не расходились, они скрепляются между собой особыми брусками (*айкараняс*), в которые вставлены клинья с наружных сторон плетня (см. рис. 163). Избы из двойного плетня обмазываются глиной с двух или, чаще, с одной внутренней стороны. Потолок плетневых изб у восточных башкир такой же, как и в пластовых избах, т. е.

на плетневые стены накладываются продольные жерди, сверху они покрываются ветвями деревьев или камышом и все это засыпается землей. Иногда потолок поддерживается посредине толстой балкой, лежащей на двух столбах, врытых в землю снаружи избы. В избах из ординарного плетня западные башкиры потолок делают из досок; поддерживается он четырьмя или шестью, вкопанными в землю столбами; чаще однако встречаются крыши, покрытые соломой в натруску. Местами (минцы, усерганe, зауральские катайцы) плетневые избы не только обмазываются снаружи глиной, но и белятся мелом или покрываются слоем ярко желтой глины.

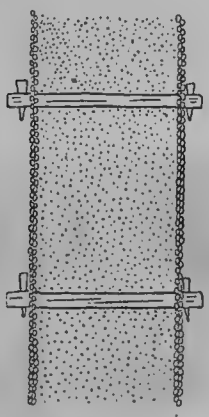


Рис. 163.

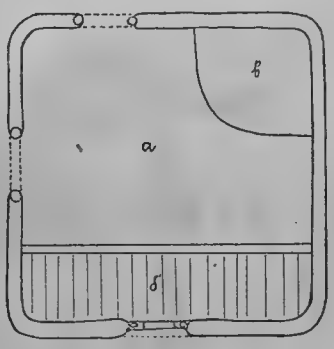


Рис. 164. План плетневой избы (рис. 162) *б — урындык, в — сувал,* катайцы.

Внутреннее устройство (рис. 164) плетневого жилья (*а*) такое же, как и вышеописанных жилищ; в одном из углов, у двери, имеется камин с очагом, в другом углу помещается хозяйственный скарб, во всю противоположную дверям стену—низкие нары (*б*). Окна стеклянные, дверь всегда одностворчатая, открывающаяся наружу.

Область, в которой встречаются плетневые избы, в значительном количестве до 20—25% и более, или только в числе одной, двух изб, совпадает с областью башкирской степи и заходит в лесостепь. Мы их находим в северо-восточной части, у зауральских катайцев и у карабарын-табынцев; на востоке они встречаются у тамьян-тангаурцев, карагай-кипчаков и у бурзян по р.р. Сакмаре и Казылу, на юге они известны у усерган; на западе они встречаются почти повсеместно по ле-

вую сторону р. Белой, к западу от 26-го меридиана, особенно часто у башкир минского рода. Избы из ординарного плетня занимают более обширную область, чем из двойного, они особенно характерны для южной и западной Башкирии; избы из двойного плетня строются чаще в северо-восточной Башкирии.

Все только что рассмотренные типы построек служат жильем только незначительной части населения и имеют, как

Рис. 165. Избы: бревенчатая, из двойного плетня, плетневая обмазанная снаружи глиной, катайцы.

мы видели, сравнительно ограниченную область распространения. Только бревенчатые избы являются типом постоянного жилища башкир, распространенным повсеместно.

Избы, принадлежащие беднейшей половине почти каждой башкирской деревни, мало чем отличаются от того примитивного сруба (*бурама*), который мы видели на кочевках. Это такой же грубо сколоченный и неотесанный сруб, но уже, хотя и плохо, проконопаченный (конопляными оческами или мохом). Низкие стены, как и в *бурама*, выводятся прямо с земли, без фундамента. В таком срубе оставляются отверстия для окон и двери; для последней по необходимости ставятся уже косяки, оконные же рамы вставляются без косяков. Затем стелется пол, прямо над землею, и потолок; в углу складывается камин с очагом или печь. Присутствие

крыши не обязательно. Таким образом существенное отличие постоянного жилища-сруба от временного сводится к следующим существенным усовершенствованиям: конопатка сруба, устройство окон, пола и потолка. Общая отличительная черта изб подобного типа — небрежность стройки. Стены зачастую выводятся неровными, в неровном полу, равно как и в потолке, остаются большие щели. Потолок покрывается сверху берестой, камышом, ветками деревьев или соломой, поверх которой насыпается тонкий слой земли. В тех случаях, когда

Рис. 166. Бревенчатые избы в дер. Куйбак, катайцы.

нет крыши, слой земли бывает толстый и иногда покрытый дерном. Трубы часто не бывает, а вместо нее в потолке проделывается отверстие. Размер такой избы не велик, редко больше 3—4 метров в квадрате; двери настолько малы, что приходится сильно согнуться, чтобы войти во внутрь, так же как и окна, которые имеют или форму квадрата со сторонами до 50 см., или прямоугольника высотою не более 80 см. Нередко в одном и том же домике окна бывают различной формы и величины. Внутри, против входной двери устраиваются низкие нары. Это, пожалуй, и все, что можно сказать о наиболее распространенном типе башкирской избы.

Наряду с выше описанной избой у башкир повсюду встречаются дома и более основательной постройки. Стены таких

домов кладутся уже на фундаменте. Последний состоит из четырех больших угловых камней или вкопанных в землю столбов, пространство между которыми закладывается кам-

Рис. 167. Улица в дер. Тунгатаровой, барын-табынцы.

нями. Нередко такой фундамент снаружи обмазывается глиной или засыпается землей так, что получается род завалинки. Самые бревна сруба слегка обтесываются и плотно приго-

Рис. 168. Пятистенная изба с двумя входами, катайцы.

няются друг к другу. На первом венце кладутся подполовые балки *(идян урлюк)*, на которые впоследствии настилается пол (*идян*) из одного ряда досок. Между двумя последними венцами сруба укрепляется продольное бревно — матка *(урлюк)*, которое поддерживает потолок (*туба такта*). В оставленных в срубе отверстиях для окон и дверей прилаживаются косяки (*як*). Над срубом укрепляются стропила (*кыик* или *сэулак*) для крыши (*ябуу*). Внутри по обыкновению

Рис. 169. Двойная изба с сенями посредине, кыр-кудейцы.

устраиваются нары (*урындык*) и складывается печь, полуголландка с очагом. Наконец, встречаются дома по типу ничем не отличающиеся от великорусских домов данной местности. Стоят они на высоком и основательно сложенном фундаменте, крыты двускатной или чаще четырехскатной тесовой или даже железной крышей, на окнах наличники, у входа крытое крыльцо.

Во дворе каждого состоятельного или среднего достатка башкира имеется по две избы (рис. 170); одна из них служит для приема гостей (*кунак ый*) (*а*), в ней живет глава семьи, другая предназначается для приготовления пищи (*аш ый*) (*в*), в ней живут домочадцы. Эти две избы или стоят отдельно

одна от другой, или вместе под одной крышей, с сенями (*б*) между ними. В таком случае вход в обе избы бывает из сеней. Нередко два отдельных сруба заменяются так называемой пятистенной избой, но пятистенная изба башкир существенно отличается от пятистенной русской. Между отделениями башкирской пятистенной избы или совсем не бывает сообщения, или, если они и соединяются дверью, то в обе комнаты имеется самостоятельный вход снаружи. Одна из комнат пятистенной избы всегда бывает *кунак ый*,

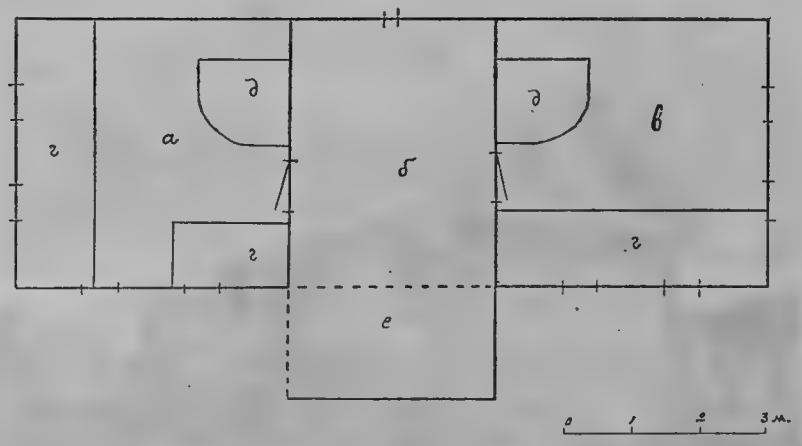


Рис. 170. План двойной избы: *а—кунак ый, б—сулан, в—аш ый, г—урындык, д—сувал, е—кутармя,* табынцы.

другая *аш ый*. В первой из них чаще устраивается только печь для отопления, во второй всегда очаг со вмазанным в него котлом для приготовления пищи. Собственно башкирское жилище в своем развитии далее пятистенной избы указанного типа не идет. Если мы и встречаем в их деревнях большие крестовые дома богачей или даже двухэтажные постройки на городской манер, то последние никогда не строятся самими башкирами, а специальными плотниками (русскими, мещеряками или татарами).

Таким образом башкирская бревенчатая изба встречается или в форме квадратного сруба или двух срубов, поставленных под одной крышей с сенями между ними, или, наконец, в виде пятистенной избы. Мы уже отметили выше, что квадратные срубчатые избы встречаются у башкир

и в весьма примитивной, и в архитектурно высоко развитой форме. То же самое можно сказать и про пятистенную избу. Достаточно сравнить фотографии 168 и 169, чтобы убедиться насколько существенно различаются они между собой, не столько в способе постройки самого сруба, сколько в устройстве и отделке различных частей этого жилища. К рассмотрению этих отдельных частей и деталей башкирской избы мы теперь и перейдем.

Одной из характерных особенностей в устройстве жилища является высота расположения пола над землей. Последняя зависит прежде всего от типа постройки, а также от местности и географической широты. В избах, сложенных из дерна, воздушного кирпича или в избах плетневых, деревянного пола обыкновенно не бывает; отсутствует он иногда и в более примитивных бревенчатых избах. В тех случаях, когда стены выводятся прямо с земли, пол или настилается прямо над землей, на первом венце сруба, или высоко от земли на третьем или даже пятом, шестом венце.

В избах, поставленных на фундаменте, высота пола в значительной степени зависит уже от высоты этого последнего. Варьируя таким образом в зависимости от типа построек, как общее правило на севере и северо-западе Башкирии пол настилается высоко от земли, на юге и востоке, напротив, преимущественно низко. Границу между областью, для которой характерны постройки с высоким от земли полом и низким, провести довольно трудно. Первая расположена по западную сторону Урала к северу от г. Уфы и отчасти в горах (инзер-катайцы), строения с низким полом (до трех ступенек) преобладают к югу от широты г. Уфы и во всем Зауралье.

Подпольная часть башкирских изб, насколько нам известно, почти нигде не утилизируется ни для подпольев, ни для погребов. Только в местностях наиболее развитого пасечного пчеловодства, в нижней части дома, под полом иногда устраивается омшеник (*баз*), зимнее помещение для колод с пчелами. Вход в эти омшеники всегда бывает снаружи, делаются они как в нижней бревенчатой части избы, так и внутри каменного фундамента (см. рис. 169), в котором иногда проделывается и окно. Утилизация для этой цели подпольной части жилых изб спорадически встречается

повсеместно по западную сторону Урала с севера до широты южного течения р. Белой (прибельские бурзяне).

Мы уже упоминали, что над постройками некоторых типов (особенно над плетневыми) часто не бывает крыши. Правда, в деревне бывает обычно всего несколько домов непокрытых крышей, но такие дома встречаются повсеместно. Как общее правило следует отметить, что непокрытые крышей жилища в деревнях реже всего встречаются на северо-западе населенной башкирами территории, весьма редко в лесной полосе и в горах, относительно часто в степи, а за Уралом местами (например, в Кубеляк-Телевской, Катайской и других дачах) есть деревни, в которых до 30% и даже до 50% домов не покрыто крышей.

Наиболее простой и сравнительно редкий у башкир тип крыши—на один скат. Односкатная крыша всегда низка, состоит из одного щита, приподнятого над одной из продольных стенок сруба и подпертого двумя столбиками.

Более других распространены двускатные и четырехскатные крыши. По своему устройству двускатные крыши довольно разнообразны. Раньше мы уже ознакомились с устройством крыши над срубом летнего балагана *(бурама)*. Там, за отсутствием потолка, пространство между крышей и фронтонами постройки закрыто бревенчатой кладкой, непосредственным продолжением стен сруба; на последних укрепляются продольные балки и жерди, на которых лежит крыша. Нередко мы встречаем избы и в деревнях с крышами точно такими же, как и над летними *бурама*. Когда в жилище имеется потолок, бревенчатая кладка над фронтонами уже не так обязательна и очень часто она заменяется более простыми приспособлениями для поддержки крыши. На верхние бревна, посредине фронтонов, ставятся невысокие столбики, на которые кладется по одному поперечному бревну, несколько короче длины стенки фронтона; на последних укрепляется еще по столбику с поперечными бревнышками еще более короткими, чем нижние; сверху, посредине накладывается продольное бревно — плаха. Продольные бревна или жерди укрепляются также и на концах поперечных бревнышек, подпертых столбиками. На этом то остове из жердей и настилается крыша. Наконец, бывают крыши, устроенные еще проще. На середине фронтонов, над срубом укрепляется по столбу, и на них

кладется продольная балка, поддерживающая двускатную крышу. Иногда для устойчивости столбов, поддерживающих крышу, к ним прикрепляются жерди, идущие от вершины столбов к углам сруба (так называемая бабка — *кыик*), на которых укрепляются продольные жерди. Если эти бабки зарубаются и прикрепляются к срубу, а также зарубаются в замок наверху, то поддерживающие их столбы уже излишни.

Установка стропил и их крепление зависит в значительной степени от типа постройки и материала, которым она покрывается. На саманных, плетневых и даже бревенчатых избах весь остов крыши состоит иногда из едва очищенных от сучьев, неотесанных жердей, связанных между собой лыком или мочалом. Иногда это более основательные стропила, скрепленные деревянными гвоздями (*сюй*) или, наконец, весьма прочный остов крыши из стропил, жердей и перекладин хорошо пригнанных одна к другой и скрепленных железными гвоздями.

Двускатная крыша всегда спускается к длинным сторонам постройки, которые она и покрывает, передняя же и задняя части под крышей, т.-е. над фронтонами, чаще всего совершенно открыты или закрываются дощатой перегородкой, сплошной или иногда с отверстием, ведущим в помещение под крышей. Если дом обращен фронтоном на улицу, то нередко дощатая переборка устраивается под крышей только со стороны улицы. В некоторых случаях, особенно при тесовых двускатных крышах, под переборкой над фронтоном нависают небольшие зачаточные вальмы, соответствующие таковым четырехскатных крыш. Четырехскатные крыши встречаются у башкир значительно реже двускатных, всегда имеют форму шатра с ребром, коньком наверху, причем четырехугольные части, спускающиеся к длинным сторонам постройки, значительно больше треугольных (вальм), спускающихся к фронтонам. Пирамидальных четырехскатных крыш, над срубами квадратного основания, встречать у башкир нам не приходилось.

Помимо формы крыши, особый интерес имеет материал, из которого они делаются, во-первых, потому, что он обусловливает способ устройства самой крыши, во-вторых, он является характерным для определения видов построек

и, наконец, служит до известной степени показателем материального и культурного уровня населения и связи с местными, географическими условиями.

Насколько разнообразен материал, утилизируемый башкирами для устройства крыш вообще, можно видеть из анкеты, произведенной Никольским (23, 37) в двух волостях башкир Екатеринбургского у., Пермской губ. Там постройки башкир были покрыты драницей, тесом, соломою, дерном, берестой и комбинациями из этих материалов, например, дерном с соломой, тесом с драницей и проч. Трудно найти башкирскую волость или даже деревню, где бы все дома были покрыты одним и тем же материалом, хотя повсюду какой-нибудь один преобладает над остальными. С другой стороны, повидимому, только тесовые крыши распространены повсеместно и, за редкими исключениями, в каждой деревне мы непременно встречаем хотя бы две, три тесовые крыши. Тесовые крыши особенно широко распространились в последние три, четыре десятилетия, заменив дранчатые. Область распространения крыш из дранки в настоящее время значительно меньше, чем была еще не так давно. Только в южном Урале мы нередко видим деревни, покрытые почти исключительно дранкой, именно у инзер-катайцев, у восточных табынцев и юрматынцев, прибельских тамьян-тангаурцев. Значительное количество домов покрыто дранкой в деревнях кудейцев, айлинцев и кубеляк-телевцев, в некоторых деревнях у кара-барын-табынцев и катайцев на востоке за Уралом, кое-где у бурзян, усерган и кипчаков на юге, спорадически они наблюдаются у канлинцев, ельдятцев, большекушинцев и в других дачах на западе и севере. Таким образом дранчатые крыши всего характернее для построек башкир в горах и по отрогам южного Урала.

В противоположность дранчатым, соломенные крыши в горах совсем не встречаются, редко в лесной полосе и особенно характерны для западной Башкирии, где они иногда составляют значительное большинство сравнительно с крышами из других материалов (иланцы, байлярцы, ирехтинцы). Соломенные крыши встречаются повсюду к западу от р. Белой, кое-где у тазларцев, ельдятцев и кудейцев на р. Уфе, изредка у южных, степных бур-

зян, кипчаков и усерган; у зауральских катайцев, кара-барын-табынцев, у восточных юрматынцев и табынцев солома идет почти исключительно на устройство крыш только надворных построек. Район распространения соломенных крыш — исключительно земледельческая полоса и преимущественно степная. Из прочих материалов, идущих на устройство крыши, больше других распространена кора, вернее полубина (*кугама кабык*), реже вязовая кора (*карама кабык*), береста (*туз*) и проч. Полубина наиболее обычна для юго-западных башкир, особенно для кипчаков, юрматынцев, минцев и отчасти бурзян, кроме того она встречается у усерган и тамьян-тангаурцев на юге, у табынцев в центральной Башкирии, у булярцев на западе, а изредка кое-где и у айлинцев на севере (упейцы и рахмангуловцы); местами у инзер-катайцев, она употребляется только для надворных построек. Береста, правда очень редко, употребляется у юрматынцев, кубеляк-телевцев, зауральских катайцев для устройства крыши вместе с другим каким нибудь материалом, реже самостоятельно. Крыши из вязовой коры нам приходилось видеть у кси-табынцев, а из лиственничной у кубеляк-телевцев.

Камыш и дерн гораздо реже других материалов идут на устройство крыши. Покрытые камышем крыши встречаются у минцев, у кое-кого из табынцев (курпеч и калчир-табынцев), у степных бурзян и усерган. Дерном, более других, кроют дома юрматынцы, степные тамьян-тангаурцы и кубеляк-телевцы, зауральские катайцы и кара-барын-табынцы, спорадически дерновые крыши встречаются повсеместно у степных башкир. Наконец, последнее время повсеместно башкиры начали покрывать дома кровельным железом, но для собственно башкирских построек оно не характерно.

Выше мы отметили, что существует связь между типами построек и материалом, которым они покрыты. Мы видели также, что земляные (пластовые) избы кроются исключительно дерном, тоже можно сказать и про саманные избы, плетневые мазанки чаще кроются соломой, реже дерном, или стоят совсем без крыш, материал же, которым кроются бревенчатые избы, весьма разнообразен. Более примитивно

устроенные срубы кроются дерном, драницей, полубиной или соломой (в натруску); более основательно и тщательно построенные избы стоят под тесовой или реже под железной крышей.

Дерном, драницей, полубиной, а также соломой покрывает крыши своих жилищ беднейшая часть населения, тесовые мы встречаем, напротив, у зажиточных. Кроме того, есть области (Урал и его отроги, западная часть башкирского края), где тесовые крыши очень редки и почти все население пользуется для устройства крыш драницей или полубиной, соломой и проч.

Что касается связи между устройством крыши и материалом, которым она покрыта, то последняя несомненна. Если крыша покрывается дерном, на продольные стропила накладывается густой ряд очищенных от ветвей березок, причем березки обоих скатов крыши связываются между собой вершинками над верхней балкой. Непосредственно на этот настил из березок кладутся пласты дерна, в тех же жилищах, в которых не бывает потолка, между березками и дерном устраивается прокладка из камыша, сена или ветвей. Чтобы дерн не сползал, у нижних краев крыши сверху накладываются продольные жерди, поддерживающие дерн. Полубина настилается по скатам плотным рядом длинных и широких полос, спускающихся сверху вниз, по гребню же крыши накладывается третий ряд полубины, прикрывающий боковые скаты. Этот верхний настил прижимается к крыше на обоих скатах продольными жердями, прикрепленными к стропилам остова. Вследствие легкости полубины деревянный остов крыши делается обыкновенно из тонких жердей, часто едва очищенных от коры; поперечных перекладин, прикрепленных к стропилам остова, в таких крышах обычно не бывает. В тех случаях, когда крыши покрываются камышом или соломой (в натруску), продольных жердей-стропил бывает больше, и сверху они покрываются ветвями деревьев, связанными между собой у верхней балки (конька), подобно тому, как мы это видели на крышах, покрытых дерном. Чтобы солома не разметалась ветром, сверху на нее накладываются или продольные толстые жерди или тонкие деревца, очищенные от веток и связанные между собой вершинками на верху крыши. При покрывании крыши драницей не требуется ни сложного, ни особенно тщательно сделанного остова крыши.

Драницы накладываются по обоим скатам плотным рядом, налегая одна на другую, к стропилам ничем не прикрепляются, а упираются только в желоб, прилаженный вдоль нижнего края крыши. Сверху они прижимаются наложенными на них тонкими бревнышками или жердями, по одной на каждом скате. Жерди эти на концах связываются с подстилающими их продольными стропилами остова крыши. Иногда при таких крышах не бывает даже и желобов, а драницы удерживаются на месте только жердями, наложенными сверху.

Все крыши, о которых только что шла речь, относятся к разряду двускатных, тесовые же бывают, как сказано, и двускатные, и четырехскатные. Дерн, солома, полубина и дранка настилаются на крышу, но не прибиваются к стропилам. Доски же тесовых крыш всегда прибиты гвоздями, почему остов делается гораздо тщательнее, и отдельные его части аккуратно пригоняются одна к другой.

Наиболее распространенный тип окна в жилище башкир— небольшая рама с частым переплетом для шести стекол. Рама вставляется в сруб без косяков, нет ни наличников, ни ставней. Такие окна (*тадря*) из шести стекол бывают и в землянках, мазанках, примитивных срубах и в солидно построенных бревенчатых избах. Так как башкиры сами, за редкими исключениями, оконных рам не делают, а покупают их у своих иноплеменных соседей, чаще всего у русских крестьян, то у них помимо простых шестистекольных рам встречаются еще разнообразные рамы, иногда с весьма сложным переплетом, и не только в бревенчатых избах, но даже и в земляных (пластовых) или саманных. В пластовых, саманных и плетневых избах косяки вообще редки, часто не бывает их и в плохо построенных срубах, особенно у горных башкир, в огромном же большинстве бревенчатых изб оконные рамы вставляются в косяки. Косяки в домах башкир всегда узкие, так как двойных рам обыкновенно не бывает; нет и выступающих подоконников. За очень редкими исключениями, рамы цельные, не створчатые, в тех же случаях, когда окна раскрываются, они бывают двустворчатые. Там, где оконные рамы вставляются в косяки, обычно бывают наличники, весьма простые без каких бы то ни было украшений; чаще, впрочем, их совсем не бывает. Что касается ставней, то последние бывают как одностворчатые, так и

двустворчатые; оба типа нередко встречаются вместе в одной и той же деревне; местных различий в данном отношении проследить нам не удалось.

В конце XVIII столетия башкиры вместо стекол обтягивали окна пузырями, рыбьими кожами или пропитанными маслом тряпицами. В настоящее время у башкир везде стекла, а бычачьи пузыри (*карындык*) вместо стекол нам приходилось встречать очень редко (у катайцев за Уралом,

Рис. 171. Улица в дер. Ансовой, инзер-катайцы.

у инзер-катайцев, у кипчаков, усерган и некоторых других).

В числе и расположении окон в башкирских жилищах трудно установить какую-либо закономерность; все зависит от типа жилища, его величины и местных условий. Окна устраиваются, как со стороны фронтона, так и с длинной стороны. Обыкновенно одно или два из них выходят на улицу и столько же во двор. Если пятистенный дом выходит длинным фасадом на улицу, то на нее выходят три или четыре окна. Чаще всего окна бывают только в двух стенках, в одном из фронтонов и в одной из продольных стен. Единственный случай своеобразного расположения окон, обративший на себя наше внимание, имел место у горных башкир инзер-катайцев. Там окна всех домов по одной стороне выходили на улицу, по другой же не было ни одного окна на улицу.

Только в домах, состоящих из двух самостоятельных срубов под одной крышей с сенями посредине, на улицу выходило одно оконце из сеней, часто волоковое, без стекла, все же остальные окна были во двор. В данном случае такое своеобразное расположение окон объясняется исключительно местными условиями. Дело в том, что большинство деревень в горах располагается вдоль реки или ручья на более или менее крутом склоне долины. Поэтому, с одной стороны дома стена выше чем с другой, окна в стене, обращенной к горе, расположены очень низко от земли, в противоположной же, напротив, высоко. Поэтому зимой стена, обращенная к горе, заносится снегом до половины своей высоты, а иногда даже до самой крыши, почему в ней и не проделывается никогда окон. Такова причина, по которой в некоторых деревнях горных башкир на стороне, обращенной к горе, не бывает окон на улицу, тогда как по противоположной стороне, обращенной к склону, окна всех домов выходят на улицу.

О двери (*ишик*) башкирского жилища много говорить не приходится. Для нее всегда устраиваются косяки, к которым она подвешивается на петлях. Дверь низка, одностворчата и открывается наружу. Никогда дверь не устраивается в уровень с землей, а всегда имеется более или менее высокий порог. Относительно ее расположения следует отметить, что находится она в одной из стенок, выходящих во двор, фронтонной или продольной, и входа с улицы в башкирские жилища никогда не бывает [1].

Повсеместно мы наблюдаем башкирские избы, состоящие только из одного сруба, без лестницы, крыльца и каких бы то ни было пристроек. Не бывает ничего подобного и в примитивных саманных и земляных избах. Однако, если дом строится на фундаменте или пол настилается высоко от земли, крыльцо или, по крайней мере, лестница необходима. Наиболее просто устроенная и часто встречающаяся лестница (*кутармя*) состоит из площадки в несколько досок, на которую набито несколько поперечных планок так, что получается нечто в роде пароходного трапа. Такую лестницу

---

[1] Как исключение, бывает вход с улицы в башкирских домах татарского, вернее городского типа; там входная дверь с улицы ведет в закрытую галлерею, а из нее в дом.

можно встретить и в горах, и по обе стороны Уральского хребта. Другой тип лестницы, также весьма примитивный, который скорее можно назвать крыльцом, образован тонкими бревнышками и брусьями, сложенными в виде поленницы у входа в дом. Наверху, возле самой двери, настилается небольшой помост из досок (см. рис. 168). Нередко у такого крыльца бывают перила из вбитого в землю кола и жердочки, наклонно укрепленной на вершине кола и у косяка двери. Устройство крыльца, разумеется, необходимо только там, где пол в избе настлан высоко от земли. Поэтому оно делается почти исключительно при бревенчатых срубах и повсеместно на севере Башкирии. Развитие башкирского крыльца представляется нам в следующем виде. Примитивное крылечко из тонких бревнышек, сложенное в виде поленницы, которое мы видим на фотографии (рис. 168), увеличивается в размерах, делается из бревен более толстых, которые для прочности слегка врубаются одно в другое. Наверху настилается дощатый помост, а на выступах продольных бревен этой кладки укрепляются доски, служащие ступеньками. Таково устройство крыльца, характерного для всей северо-западной Башкирии. В своей наиболее совершенной форме бревенчатая кладка такого крыльца представляет низкий сруб, прилаженный у входной двери; делается он небольшим или во всю длину стены избы. В дальнейшем своем развитии, в избах более совершенного типа, крыльцо составляет одно целое с избой. При постройке избы, несколько нижних венцов сруба делаются больших размеров, чем должна быть сама изба. Наружная часть этих венцов, отгороженная передней (входной) стенкой сруба, служит крыльцом, застилается досками на одном уровне с полом избы и к ней приделывается более или менее сложная лестница. На таком крыльце летом башкиры пьют чай и спят. Чаще крыльцо бывает некрытое, но иногда оно прикрывается сверху крышей и закрывается с боков, превращаясь в сени.

Развитие сеней могло итти двумя путями: или перед входом устраивался навес, обносился с двух или трех сторон стенкой и таким образом, получалась пристройка, или крыша дома выдвигалась вперед, нависала или прикрывала помост крыльца, затем крыльцо это огораживалось тонкими стенками, доходящими до крыши, и крыльцо пре-

вращалось в закрытые сени. У северных башкир (айлинцев Красноуфимского у. и у других) крыльцо обычно бывает во всю длину сруба, а крыша избы всегда выдается вперед над крыльцом и прикрывает его. По углам крыльца ставятся столбы, подпирающие крышу, и пространство между ними, крышей и полом крыльца закрывается лубом, полубиной, дранкой или тесом. Такие сени известны и в северной, и центральной горной, и в западной, и в за-

Рис. 172. Изба крытая драницей с сенями из полубины, инзер-катайцы.

уральской Башкирии. Наконец, иногда сени и крыльцо бывают вместе. Сени устраиваются под одной крышей с домом и к ним пристраивается особое крылечко, чаще всего крытое навесом или маленькой крышей независимо от крыши дома. Очень часто, как мы уже имели случай отметить, сени бывают под одной крышей между двумя самостоятельными срубами—избами. В таких случаях двумя стенами сеней служат сени изб, третья стена между срубами бывает также бревенчатая и в ней иногда проделывается волоковое оконце, четвертой стены у входа обычно не бывает или ее заменяет дощатая перегородка. Перед сенями таких изб устраивается крыльцо, чаще крытое, с самостоятельным навесом или навесом—продолжением общей крыши. Материал и способ устройства

сеней, холодной пристройки у входа в избу, бывает весьма разнообразен. При дерновых и саманных избах сени чаще

Рис. 173. Пластовая изба с камышовыми сенями, катайцы.

всего бывают плетневые, реже срубчатые. Плетневые сени для тепла снаружи обкладываются нередко камышом (см.

Рис. 174. Саманная изба с бревенчатыми сенями, катайцы.

рис. 173), их крыши обычно бывают такие же, как и крыши самой избы, к которой они пристроены. Редко сени бывают сложены из камня или из воздушных кирпичей (саманов). При бревенчатых избах, в зависимости от местности, сени бывают лубяные или из полубины, плетневые, а чаще всего деревянные. Лубяные сени характерны для западного склона Урала и отчасти для горных деревень; плетневые чуланы встречаются повсюду в Башкирии, за исключением горной и северной ее полосы, деревянные мы можем видеть повсюду. Нередко сени при избах, особенно плетневые, кроются отличным от избы материалом; в то время, как изба покрыта драницей или тесом, крыша сеней бывает соломенная, из полубины или коры. В закрытых сенях значительная их часть отделяется обычно перегородкой и служит чуланом (*сулан*) для хранения всевозможной хозяйственной посуды, провизии и проч. Нередко почти вся пристройка избы бывает занята чуланом и от сеней остается только узкий проход к дверям избы. В таких случаях вся пристройка носит название *сулан*, а не *ыйалды* (сени).

Необходимая принадлежность во внутреннем устройстве башкирской избы—деревянные нары (*урындык*). Это досчатый помост во всю стену, на высоте сантиметров 40—50 от пола, шириной около полутора метра. При устройстве нар, на известном расстоянии от передней стены, между боковыми, врубается квадратное в разрезе бревно, а другое укрепляется параллельно ему у продольной стены; на них настилаются поперечные доски, которые иногда прибиваются. В некоторых случаях продольное бревно или балка нар укрепляется на ножках, а иногда устраивается бревенчатая или досчатая перегородка (вроде закрома), на которой настилаются доски. В последнем случае под нарами хранятся различные домашние вещи. Сверху нары застилаются кошмами (*кыйиз*), под которыми иногда лежат камышевые цыновки (*камыш, урын сипта*) или из рагоза (*жикан сипта*). Поверх войлока растилаются шерстяные половики (*палас*) или ковры. У боковых

Рис. 175. Нары, бурзяне.

стен на нарах стоит сундук со всевозможной рухлядью и складывается целая гора из войлоков, ковров, перин (*юн*) и подушек (*мындар*), обычно перетянутая и прикрепленная к стене широкой лентой (*тюшак тартма*). Кроме главных нар против двери в больших избах бывают еще и боковые. Так как другой мебели в башкирских избах обычно не бывает, то нары служат и для спанья, и для еды. Иногда вдоль нар вверху бывает протянута проволока или толстый шнур и на ночь они задергиваются особой занаве-

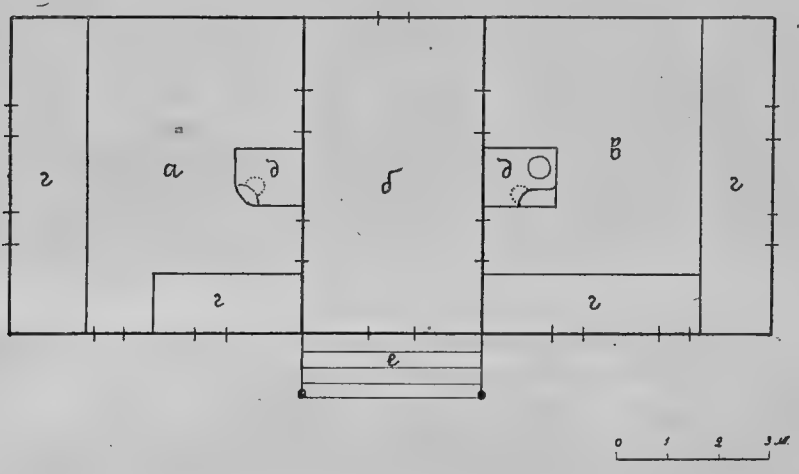


Рис. 176. План двойной избы с сенями посредине: *а—кунак ый, б—ыйал-ды, в—аш ый, г—урындык, д—сувал, е—кутармя.*

ской (*шаршау*). Кроме того над нарами, на расстоянии нескольких десятков сантиметров от потолка укрепляется жердь (*урда* или *урза*), на которой развешиваются шубы и другие одежды. Таких жердей (*урда*) может быть и две, причем они укрепляются не вдоль нар, а в поперечном к ним направлении. В переднем углу, над нарами часто бывают приклеены к стене литографии с изображениями мусульманских святынь (вид Мекки, Медины, Константинопольской мечети Софии), изречения из корана и проч. Тут же, нередко, висит *намазлык*—коврик для молитвы, на полочке бывают разложены священные книги, а на гвозде рядом с ними висит чалма. Стены не оклеиваются обоями и не белятся. Никаких украшений, кроме вышитых полотенец на стене не бывает. У зажиточных башкир около одной из стенок красуется застеклен-

ный в верхней своей части шкапик с посудой; в нем же хранятся и дорогие головные уборы—шапки (*кама* и *камсат бурьк*). Столы и стулья у башкир встречаются редко. Если в чистой половине избы (*кунак ый*) почему либо не бывает нар, то кошмы и ковры расстилаются на полу, на них и сидят, и спят. Иногда в избе бывает тонкая перегородка или чаще занавеска (*шаршау*), разделяющая ее на две половины мужскую и женскую с печью и хозяйственной утварью. Если изба большая, что бывает сравнительно редко, то в ней из сеней проделываются две двери, из которых одна ведет в мужскую, а другая в женскую половину, за занавеской.

Рис. 177. Камин в избе, катайцы.

В одном из углов избы у входной двери, реже посредине стенки, между двух входных дверей, устраивается печь. Наиболее типичной и примитивной печью для отопления жилища башкир является род камина — *сувал* или *чувал*. Эволюцию этого камина мы рассмотрели при описании временных жилищ, в частности *бурама*. Теперь нам остается подробно ознакомиться с разновидностью камина в постоянных жилищах. Иногда он такой же, как и во временном жилище, т. е. примитивный камин, рядом с которым очаг со вмазанным в него котлом. Чаще же мы имеем вместе камин, очаг и

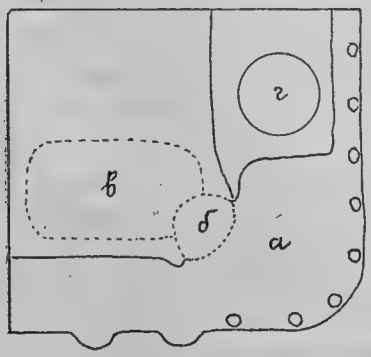


Рис. 178. План к рис. 177: *а*—*кулюкса*, *б*—*сувал*, *в*—*мис*, *г*—*усак*, катайцы.

печь. Обычное устройство камина с печью и очагом следующее. В углу избы, рядом вбитых в землю кольев отгораживается пространство, примерно 1,2 × 1,5 метра; колья заплетаются прутьями и все пространство между стенами и плетнем заполняется глиной; получается глинобитная площадка (*кулюкса* или *кульдюк*) сантиметров около тридцати высотою, на которой и помещается *сувал* с печью (*мис*) и очаг (*усак*) с котлом (*кадан* или *казан*). Для устройства *кулюкса* вместо плетневой загородки чаще кладут под углом два больших бревна или укрепляются две больших доски. В углу на *кулюкса* делается небольшая, подобная той, какую мы видели на башкирских кочевках, глинобитная или сложенная из камней печь (*мис*). У устья печи вбивается полукругом ряд кольев, образующих остов *сувал* так, что отверстие печи выходит в *сувал*. В верхней части из кольев образуется цилиндр и все они переплетаются лозой или связываются лыком и обмазываются глиной. Рядом с камином устраивается небольшая печурка (*усак*) со вмазанным котлом, дымоход которой сообщается с верхней частью камина трубой (*мурза*). Только что описанная печь, наиболее примитивная; чаще встречается ее разновидность, отчасти сложенная из каменных плит, отчасти глинобитная. Мало отличаясь в плане и по типу от только что описанной, она бывает сработана тщательнее, имеет ряд выступов и карнизов; сбоку к ней прилаживается полочка, снаружи она белится мелом. У более зажиточных башкир чувал складывается из кирпичей, нередко принимает весьма причудливую форму с массой карнизов, печурок, зубцов и других украшений. Между чу-

Рис. 179. Камин в избе, инзер-катайцы.

валом с печью и стенкой избы часто оставляется свободное пространство (*суралды*), где складывается топливо, а иногда оно отгораживается и там живут новорожденные ягнята и телята. *Сувал* имеет то преимущество, что очень быстро обогревает внутренность избы, перед ним, как перед разложенным костром, быстро просушивается мокрая одежда и при том он прекрасно вентилирует помещение. Для топки каминов употребляются очень длинные поленья, ставятся они стоймя, быстро сгорают, отапливая помещение исключительно лучистой теплотой. Ни вьюшек, ни заслонок в трубе камина нет, поэтому он греет только пока горят дрова. Сувал служит как для

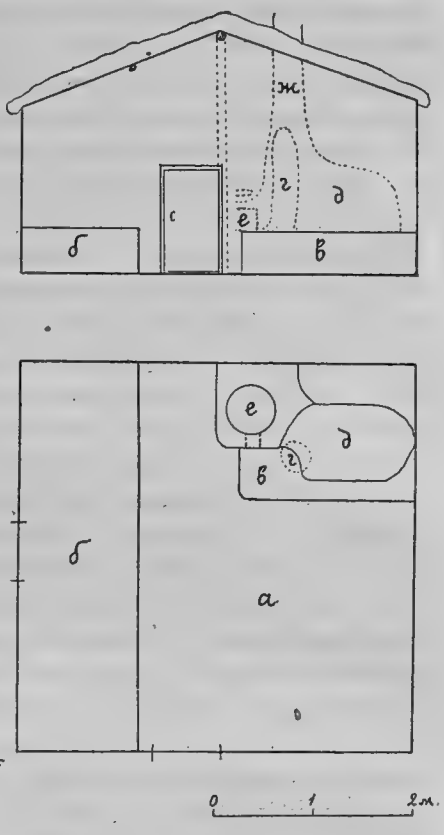


Рис. 180. Разрез и план избы: *а*—ый, *б*—*урындык*, *в*—*кулюкса*, *г*—*сувал*, *д*—*мис*, *е*—*усак*, *ж*—*мурза*, катайцы.

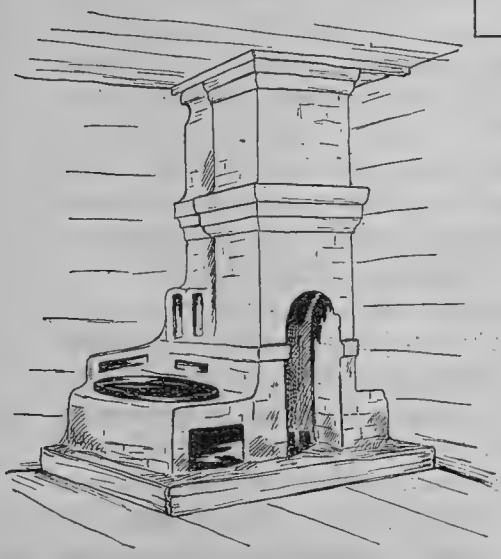


Рис. 181. Кирпичный камин—катайцы.

отопления, так и для освещения жилища; огонь в очаге под котлом разводится только тогда, когда нужно бывает согреть в нем воду, а печь, расположенная за камином, топится только для приготовления хлеба. Можно полагать, что хронологически очаг с котлом поя-

вился в башкирском жилище позже чувала, а печь для приготовления хлеба еще позже. *Сувал* весьма типичен для башкирского жилища, некогда он был распространен повсеместно и был единственным средством отопления зимнего жилья; теперь же в значительной части Башкирии он заменен или русской печью или так называемой полуголландкой. Насколько быстро исчезают камины у башкир, видно хотя бы из того, что по сведениям, собранным примерно лет 30 тому назад Никольским (**23**, 39—40), в двух башкирских деревнях Екатеринбургского у. Пермской губ. (зауральские катайцы) на 871 домохозяина было 880 каминов; 48% домохозяев отапливало свои жилища исключительно ими; в настоящее же время в той же самой местности на деревню приходится не более 2—3 каминов, а во многих деревнях их и совсем нет. В настоящее время *сувал* в большом количестве встречается только в горах южного Урала и отчасти в Зауралье. У инзер-катайцев еще и теперь все жилища отапливаются чувалами, то же можно сказать и про горных тамьян-тангаурцев, тогда как в степных деревнях этого рода появляются уже печи взамен каминов; последних много, а в некоторых деревнях у кубеляк-телевцев, у южных урман-кудейцев, калчир-табынцев, гирей и карагай-кипчаков и у восточных бурзян только ими одними и отапливают; у тангаурцев и отчасти у усерган, у бушман-суук-кара-кипчаков и у кара-кипчаков, у кси-табынцев и у кое-кого из юрматынцев, у минцев, у северных урман-кудейцев, у кара-барын-табынцев с сызгинцами и зауральских катайцев *сувал* встречается, но сравнительно редко; только у южной группы зауральских катайцев—их много еще и сейчас (катайцы, сарт-калмаки, айды). Сравнительно еще недавно *сувал* можно было встретить у айлинцев (в восточной их части) и у шайтан-кудейцев.

В остальной, центральной и северо-западной половине Башкирии имеются только печи, как сказано, русские, правда слегка видоизмененные, почти всегда с очагом и вмазанным под ним котлом, и полуголландки. На описании этих типов печи мы не останавливаемся главным образом потому, что они довольно неопределенны; сами башкиры в большинстве случаев делать их не умеют; в каждой деревне встречается несколько различных форм этих печей в зависимости от того, какие

печники их делали, а последними бывают и мещеряки с тептярями, и татары, и русские крестьяне или городские жители.

Как материалом для отопления башкиры повсюду пользуются дровами. Для топки каминов (*сувал*) употребляются очень длинные, чуть ли не в метр длиной поленья, что возможно только в богатых лесом местностях. Для топки русских печей идут уже короткие дрова сантиметров в 50—60 длиной. Самый распространенный способ хранения дров—в поленицах, соседние же с уральскими казаками башкиры заимствовали от них способ укладки дров в виде огромных куч, похожих на стог сена. У юго-восточных степных башкир (усергане, тангаурцы, отчасти бурзяне) для отопления жилищ заготовляют в большом количестве кизяк. Способ приготовления последнего ничем не отличается от общеизвестного. Об освещении башкирских жилищ нам известно очень мало. Лучники (*тимир аста)* для освещения лучиной встречаются крайне редко, а жирников и жировых лампочек у них мы совсем не нашли; костер разложенный в центре или в углу временного жилища, или *сувал* постоянного зимнего жилья, не только обогревает, но и освещает помещение. Этим светом башкиры, надо думать, раньше и удовлетворялись, а от такого примитивного освещения перешли непосредственно к керосиновым лампам.

Рис. 182. *Тимир аста*, гайнинцы, 1/5 н. в., 1002—139.

Обращаясь теперь к описанию надворных построек, мы должны начать с кухни, как с постройки менее других отличающейся от жилых домов. Кухню—*аш хана*—не следует смешивать с *аш ый*, в которой также приготовляют пищу. В то время, как первая служит исключительно для приготовления пищи, да и то не круглый год, зимой в ней часто совсем не готовят, последняя является постоянным жилищем. *Аш хана*—небольшое помещение саманное, сложенное из камня или чаще плетневое; в ней непременно устраивается камин с печью и очаг с котлом. У одной из стенок кухни, против камина, обычно имеются небольшие нары. Кухни всегда делаются из плетня ординарного и иногда обмазываются нутри глиной: потолок, который служит вместе с тем и крышей,

чаще всего бывает земляной (на частый ряд жердей, прикрытых ветвями с соломой или камышем, настилается дерн). Подобные кухни, местами известные под именем *аласык*, типичны главным образом для южной и восточной Башкирии; их мы находим у усерган, бурзян и отчасти у кипчаков, их же мы встречаем изредка у степных тамьян-тангаурцев и кубеляк-телевцев, а также у зауральских катайцев.

Весьма близка к *аш хана* по своему устройству клеть

Рис. 183. Плетневая кухня, катайцы.

(клять) для хранения провизии и хозяйственной утвари. Местами, например, у зауральских катайцев Челябинского у., в клети устраивается даже *сувал* с печью или очаг с котлом и одна ее половина служит кухней, тогда как в другой хранится хлеб и проч. В зависимости от местности, клети делаются из камня (*таш клять*) или саманов (*саман клять*), плетневые (*ситан клять*) или, наконец, бревенчатые. В способе постройки клети нет ничего оригинального. Если она каменная или саманная, то стены ее складываются так же, как и в каменных и саманных избах, только не так тщательно промазываются глиной; пола и потолка в них не бы-

вает, крыши чаще всего делаются земляные, соломенные или из больших плит плитняка. Окон, как и вообще в клетях, в них не бывает, дверь всегда одностворчатая, открывающаяся внутрь клети. *Ситан клять* делается всегда из ординарного плетня, промазанного иногда изнутри глиной, пол в ней земляной, крыша соломенная или из пластов дерна. Бревенчатая клеть так же, как и плетневая, часто превращается в амбар.

Рис. 184. Плетневый амбар-кухня, (*аласык*).

Амбар строится как и бревенчатая изба, только без фундамента и плохо проконопачивается, пол в нем настилается досчатый, часто бывает потолок и кроется он тесом или соломой. В амбарах обычно устраиваются закрома для зернового хлеба или муки.

Рис. 185. Плетневый амбар, катайцы.

Саманные клети встречаются редко, мы их находим только на юге, зато плетневые клети охватывают довольно большой район. Они распространены повсеместно по левую сторону р. Белой, начиная от булярцев на западе и юрматынцев, идя далее на юг, мы встречаем их у кипчаков, бурзян и усерган, живущих в полосе лесостепи и степи, на востоке они известны за р. Казылом и Сакмарой у бурзян, тамьян-тангаурцев и у степных кубеляк-телевцев, а также у зауральских катайцев на северо-востоке Башкирии. Бревенчатые клети и амбары, хотя встречаются не у каждого хозяина, но распространены повсеместно. Особенно характерны они для северной и центральной части Башкирии. Кроме того они встречаются повсюду в горах южного Урала.

Кроме клети и амбара башкиры устраивают еще особые навесы (*тупалык*), под которыми помещаются телеги и повозки, загоны, хлевы для скота и проч. С последними мы ознакомимся при рассмотрении двора. Над ледниками, которые местами встречаются у западных башкир, делаются иногда конусообразные шалаши крытые соломой.

Рис. 186. Шалаш над ледником, крытый соломой, минцы.

Установившейся формы двора у башкир нет; его размеры, способ ограживания, расположение жилых и надворных построек сильно варьируют. В этом заключается вся трудность его описания. Можно дать до десятка и более планов башкирских дворов, каждый из них будет более или менее характерен для известной местности, но они в своей совокупности не будут исчерпывать всего того разнообразия дворов, которое наблюдается в действительности. Поэтому нам остается только на-

метить в общих чертах отличительные особенности дворов башкир различных местностей. Общая характерная черта каждого башкирского двора *(урам)*—его большие размеры. Как бы ни был беден башкир, как бы мала и незатейлива ни была его избенка, а из надворных построек кроме плохенького амбарчика или клети он ничегоне имел, двор у него всегда просторный, огороженный плетнем или заборчиком, летом часто весь поросший травой. За первым двором непременно бывает второй, а иногда еще и третий. На приложенном плане (рис. 188) мы имеем двор башкира средней зажиточности с северо-востока (зауральские катайцы), который можно признать характерным для всей восточной Башкирии. В данном случае мы имеем три двора (*урам*), огороженные высоким плетнем; в первом от улицы (*А*) помещаются жилые постройки, во втором (*Б*) загоны для скота, собственно скотный двор, третий (*В*) бывает или для скота или же служит током для молотьбы хлеба, на нем же обычно отводится место для стогов сена или скирд (кладей) хлеба и запасов дров, если последние не сложены во втором дворе. Вместо плетня, в восточной степной, особенно в озерной Башкирии, часто бывают изгороди (*карта*) из камыша, способ устройства последних ясно виден на рис. 187. Направо от входа в ворота (камышевые или тесовые) первого двора в углу, прилегающем к улице, находится, смотря по местности, саманная, плетневая или бревенчатая изба, с сенями, чуланом и крыльцом. В другом прилегающем к улице углу находится клеть или кухня, рядом с которой устраивается небольшой навес (*тупалык*). Устройство навеса весьма просто: в землю вкапываются четыре столба, причем два передних

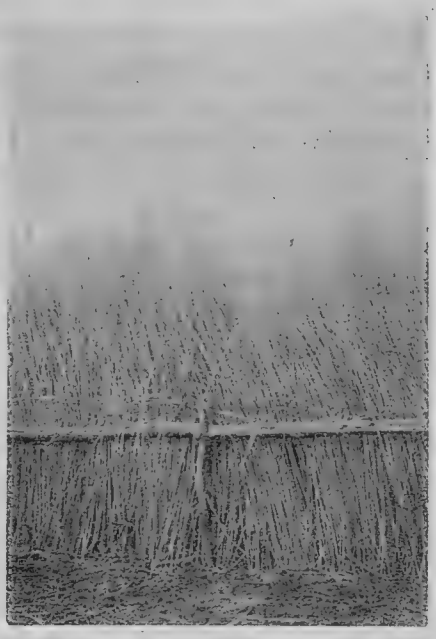


Рис. 187. Камышевый забор, катайцы.

бывают всегда несколько выше задних, и на них укрепляется крыша, материал которой варьирует в зависимости от местности (дерн, полубина, солома, тес). Задней стороной навеса всегда служит плетень или забор, доходящий до его крыши, чаще же (как это видно на нашем плане) навес с одной стороны прилегает к забору, а с другой к клети, амбару или кухне; иногда он устраивается между двумя постройками (кухней и амбаром и т. п.) и тогда бывает открыт только с одной стороны. Во дворах богатых башкир той же мест-

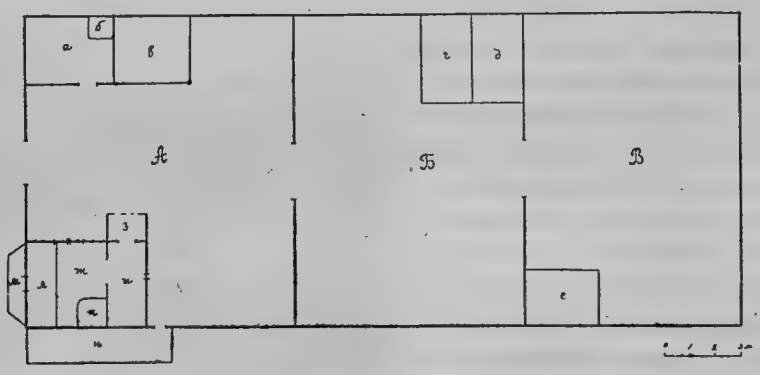


Рис. 188. План двора: *А, Б, В*—передний, второй, третий дворы: *а—ситан клять, б—сувал, в—ситан тупалык, г—сыир аран, д—ат аран, е—псян карта, ж—саман ый, з—крылься, и—ситан сулан, к—сувал, л—урындык, м—бакса, н—дарят ана,* катайцы.

ности бывает больше построек. Прежде всего там ставятся две избы (*кунак ый* и *аш ый*), из которых одна бывает бревенчатая, а другая нередко саманная, или из другого какого нибудь материала. Кроме них во дворе бывают одна или две клети или амбара и навес. При пятистенных избах или двух срубах под одной крышей, соединенных сенями, нередко бывают и особые кухни или клеть с очагом и печью. Второй двор отделяется от первого плетнем с воротами (*капка*). Так как он служит конским загоном, то в нем бывают навесы и закрытые помещения для овец, коров (*сыир аран*) и лошадей (*ат аран*). Там, где башкиры богаты скотом и мало занимаются хлебопашеством, третий двор также отводится для скота, в противном же случае он служит гумном (*аун*). На третьем дворе, за особой загородкой (*псян карта*)

складывается сено. Иногда здесь находится род сарая, под крышей которого хранится сено.

Другой план (рис. 189) двора мы имеем из центральной Башкирии с р. Зилаира (табынцы). Большой двор *(урам)* огорожен забором (*куйма*) из досок или тонких бревнышек, укрепленных между вкопанными в землю столбами (*туяк*). В левом углу, обращенном к улице, стоит изба (*ый*) с се-

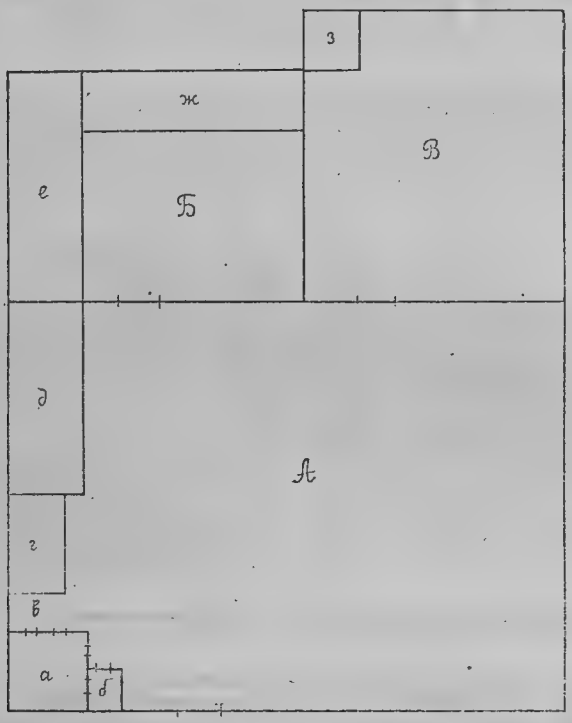


Рис. 189. План двора: *А — урам, Б — абзар, В — бакса, а—ый, б — сулан, в—тупалык, г—лапас, д—джеллык, е—лапас, ж—тупалык, з—мунса,* табынцы.

нями; вблизи ее, у левой стороны двора поставлен бревенчатый, покрытый тесовой крышей амбар (*лапас*), а рядом с ним бревенчатый же сарай с воротами, покрытый соломенной крышей, предназначенный для коров (*джеллык*). Из первого большого двора двое ворот ведут в задние дворы, огороженные забором из жердей или полубины, из которых один служит для загона скота (*абзар*), а другой превращен в огород *(бакса)*. На скотном дворе имеется навес (*тупалык*) и *лапас*, часть которого служит амбаром, а другая половина

превращена в хлев. В углу второго заднего двора-огорода поставлена баня *(мунса)*. Таков простейший вид двора центральной Башкирии. Кроме отмеченных построек на первом дворе часто бывает еще лубяной *аласык* — летнее жилище, бревенчатый балаган *(бурама аласык)*, служащий также летним жильем или кухней, навес для повозок, а иногда

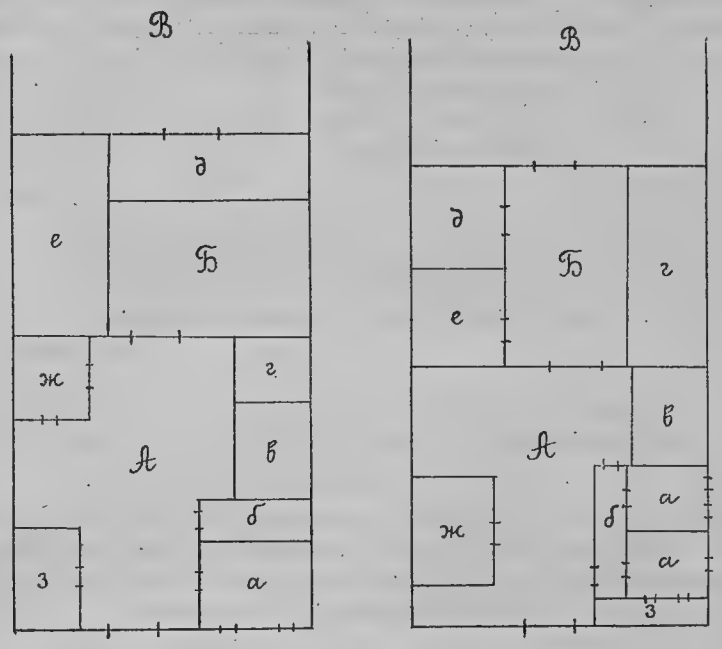


Рис. 190. Планы дворов—северо-западной области (налево): *а—ый, б—сулан, в—тупалык, г*—конюшня, *д—тупалык, е*—загоны, *ж—мунса, з*—амбар; юго-западной области (направо): *а—ый, б—сулан, в* и *г—тупалык, д* и *е*—загоны, *ж—клять.*

и вторая изба. Определенных мест для перечисленных построек нет, некоторые из них, как например, *аласык* и амбар, бывают и посредине двора. В тех случаях, когда усадебное место, выходящее на улицу, не широко, первый двор бывает уже, чем на приложенном плане; тогда один из задних дворов—огород с баней—помещается позади скотного двора (*абзар*) и мы имеем три двора, расположенные как и на первом плане.

Нигде башкирский двор не переходит во вполне замкнутый, столь характерный для соседних им финнов и великорусов,

хотя в западной и северо-западной Башкирии и наблюдается наклонность к такому двору. Там размеры дворов меньше, дома и надворные постройки занимают значительную их часть, заборы, окружающие первый и второй дворы, делаются высокие, нередко бревенчатые. Второй двор, с загонами, хлевами и навесами, и здесь отводится для скота, третий тоже служит для скота или отводится под гумно или огород.

Несколько иного устройства и при том совершенно местный характер имеют дворы кое-где на юго-западе. В не-

Рис. 191. Изба из ординарнаго плетня под одной крышей с хозяйственными постройками, юрматынцы.

которых деревнях, например у юрматынцев, сени с чуланом и клетью, завозня для экипажей и стойло для лошадей, все это помещается под одной крышей. На прилагаемой фотографии (рис. 191) мы видим избу—плетневую мозанку, рядом с ней сени с чуланом, сообщающиеся с улицей дверью; плетень сеней с чуланом является продолжением плетня избы, но глиной обмазан он только снаружи, да и то не очень тщательно. Плетень продолжается далее, но уже совсем не обмазан глиной; это помещение для телег и лошадей, сообщающееся с улицей при помощи ворот (на данной фотографии они сломаны) и калитки. Все эти помещения составляют одно целое и находятся под одной крышей. В данной местности двор и все хозяйственные постройки часто ограничиваются только что

описанным сооружением, иногда же со стороны противоположной улице к ним прилегают загоны для скота и огороды.

Чтобы покончить с башкирскими постройками, нам остается упомянуть еще о банях (*мунса*). Бани заимствованы башкирами от своих западных соседей русских или, скорее, финнов. От них заимствован, вероятно, и обычай мыться перед праздником, по четвергам. Бани у башкир бывают и черные (*кара мунса*), и белые (*ак мунса* или *ауна*), последних всегда меньше, чем черных. Количество бань в деревне далеко не одинаково в различных местностях. Есть районы, где почти в каждом дворе бывает баня, с другой стороны мы знаем целые дачи (рода), где бань совсем нет. Так, например, бань совсем нет в некоторых дачах юрматынского рода, часто не бывает ни одной бани в некоторых деревнях усерган на юге Башкирии, нет их во многих деревнях и восточных башкир, например, кара-барын-табынцев, тамьян-тангаурцев и друг. Мы не имеем в своем распоряжении точных цифровых данных о количестве бань в различных местностях. Между тем, по имеющимся данным границу между родами, в деревнях которых встречается много или мало бань, следует провести примерно от гор. Белебея, несколько южнее г. Уфы, по направлению к г. Златоусту и оттуда на север. К югу от этой границы бань вообще мало, не более одной на пять дворов; к югу и востоку, количество их еще уменьшается: у зауральских, например, катайцев есть деревни, где одна баня приходится на сотню дворов, то же можно сказать и про некоторые деревни бурзян и тангаурцев. К северу от этой пограничной линии количество бань, напротив, увеличивается и на крайнем северо-западе почти в каждом дворе имеется баня. Все выше сказанное относится только к черным баням. Белых вообще гораздо меньше; в южной половине башкирского края во многих деревнях их совсем нет, там же, где они имеются их бывает не больше двух, трех во всей деревне. В северной половине их больше, но и там они составляют только 10—20% всех бань в деревне.

Устройство башкирских бань весьма примитивно. Местами (напр., у усерган) даже не бывает бань постоянных; на лето строят балаган, внутри которого складывается печурка из голышей (каменка); после топки балаган покрывается кошмами и в нем моются по одному человеку. Хотя бани

бывают иногда саманные и плетневые, но чаще всего они бревенчатые. Обыкновенно это небольшой (два метра в квадрате), плохо проконопаченный сруб с земляным полом и щелеватым потолком, засыпанным землей; окон нет, а дверца настолько маленькая, что в нее едва можно пролезть сильно согнувшись; в самой бане не всегда можно стоять выпрямившись. Против входа низенькие нары, а в углу возле дверей просто груда камней с топкой под ними или примитивная печурка, кое-как сложенная из плит песчанника. Перед входом часто делается загородка из плетня или из камыша, где и раздеваются летом, так как предбанника не бывает. Такова наиболее типичная черная башкирская баня, которую мы встречаем повсюду. Разумеется, бывают бани и лучше устроенные, с деревянным полом, полком и предбанником, иногда даже с окнами, особенно белые бани, но последние копируют соседние русские или татарские бани, почему они для нас не так интересны. Париться башкиры не любят, ходят в бани со своими тазами и кувшинами (*кумган*), которые они употребляют для омовения, и только моются в банях. Мужчины и женщины моются отдельно, а с последними дети. Строются бани где-нибудь на заднем дворе или на берегу озера или речки. В последнем случае, если берег озера или реки крутой, бани часто строют в виде полуземлянок со срубиком всего в четыре, пять венцов.

До сих пор мы занимались башкирскими жилыми надворными постройками и их расположением во дворах. Теперь нам остается рассмотреть как группируются дворы в деревне, иначе говоря ознакомится с общим характером башкирской деревни.

В обширной литературе о башкирах мы имеем много описаний их деревень, но описания эти настолько разноречивы, что по ним трудно составить представление, как о характере самой деревни, так и о тех принципах, которыми руководятся башкиры при расположении дворов, образующих деревню. В действительности вряд ли даже возможен тип деревни, общий всем башкирам. Еще не так давно башкиры, кочевники по преимуществу, не имевшие постоянних зимних жилищ, постепенно оседая, смешивались с разнообразными этническими элементами, в большинстве случаев оседлыми, от которых они и заимствовали как типы жилищ, так и устрой-

ство самой деревни. Разбросанность этой народности, разнообразие географических условий и посторонних влияний, скотоводческое хозяйство, при почти полном отсутствии земледелия в одних местах, и его преобладание в других, длительные и серьезные исторические пертурбации, все это отразилось на характере башкирских деревень. Деревни крайнего северо-запада совсем не похожи на деревни зауральских катайцев; степные деревни, хотя бы бурзян, имеют мало общего с горными деревнями инзер-катайцев; нельзя отождествлять деревни северных айлинцев и степных юрматынцев или деревни башкир Орского и Мензелинского уездов.

При первом же взгляде на карту Приуралья мы убеждаемся в том, что если и не все, то огромное большинство башкирских деревень расположено при реках, местами (крайний северо-восток) при озерах. Поэтому ни во дворах, ни в деревнях почти нигде не встречается колодцев. Колодцев мы не находим даже в старинных деревнях юго-восточной Башкирии, расположенных при болотах. Положение деревень при болотах, вдали от рек и озер, требует пояснения. Эти деревни были раньше зимовками кочевавших здесь башкир. Последние, выбирая место для зимовки, руководились не столько обилием воды, так как зимой они пользовались снегом, сколько тучностью пастбищ, на которых возле их зимовки кормились стада в течение четырех-пяти зимних месяцев.

Помимо близости воды, при выборе места для деревни, обращается внимание на то, чтобы оно было безусловно сухое. В горах избегают крутых склонов и выбирают площадки у реки или ручья; в области увалов, западных отрогов южного и среднего Урала, для постройки деревни предпочитают закрытые долины рек.

В общем плане башкирской деревни обращает на себя внимание ее разбросанность. Большие и открытые дворы, неправильность в расположении построек во дворах, пространные задние дворы, к которым нередко примыкают загоны для молодого скота (телят) или огороды, все это придает деревне разбросанный вид. Между тем повсюду в башкирских деревнях имеются правильные очень широкие улицы. Иногда, в больших деревнях различимы одна-две главные и несколько побочных улиц или проулков. Никогда баш-

кирские деревни не бывают особенно велики, как это мы видим у живущих среди них великорусов, у которых деревни иногда растягиваются вдоль по реке верст на десять и более. С увеличением населения в деревне, из нее выделяется часть домохозяев и переселяется на дальний конец территории своей общины, образуя выселок. Выселки эти носят название старой деревни (метрополии) с прибавлением: Малая, Верхняя, Нижняя, Новая, Второй, Третий и т. д.

Родовой принцип, о котором мы уже упоминали выше, и благодаря которому башкиры родственники кочуют вместе, сказывается и на расположении дворов в деревне. Во многих, особенно в зауральских и в юго-восточных башкирских деревнях родственники селятся вместе, отчего деревня удли-

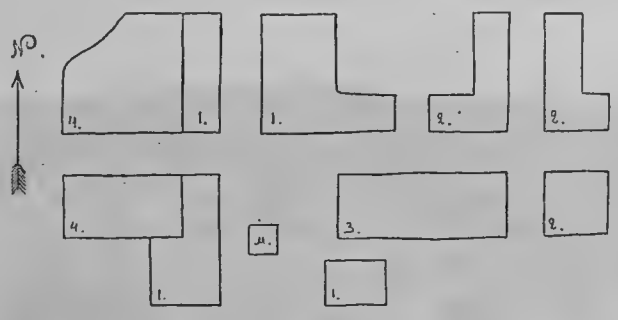


Рис. 192. Расселение родовых групп: *лоасын* (1), *урускул* (2), *эткина* (3), *накандар* (4), *м*—мечеть.

няется не в одну улицу, вдоль реки, а разростается вширь. Как пример, приводим схематический план (рис. 192) д. Байрамгуловой (рода барын-табын), население которой состоит из четырех родовых групп (*ара*). Огромное большинство башкирских деревень называется по имени стариков (эпонимов) основателей этих деревень. В случае образования выселка, последний часто носит два названия: производное от основной деревни с прибавлением—Малая, Верхняя и проч., а также по имени своего основателя (напр. Малая Баишева или Салихова и т. п.).

Деревни северо-западной, а отчасти и центральной Башкирии, при небольших, лепящихся друг к другу дворах, с хорошо построенными бревенчатыми избами и большими тесовыми воротами, имеют характер сближающий их с соседними финскими (черемисскими или вотскими) и велико-

русскими деревнями. В степях за Уралом в башкирских деревнях постройки не так скучены, улицы в них очень широкие, часто заросшие травой, по которым постоянно бродит скот и домашняя птица. Совершенно особенный вид имеют летом деревни юго-восточного склона Урала, когда все население отправляется на кочевки в горы. В это время во всей деревне нет ни души. Рамы окон на это время выставляются или забиваются. Вся улица, все дворы и задворки, даже все крыши избушек поросли коноплей или крапивой. Мертвая тишина царит в такой деревне, ни человеческого го-

Рис. 193. Деревня Иткуль, катайцы.

лоса, ни лая собак; разве только случайно забредет в нее отбившаяся от стада лошадь или заглянет какой нибудь старик пчеловод, чтобы осмотреть расставленные на задворках колоды.

Горные деревни еще меньше степных и лесных; о некоторых их особенностях мы уже говорили выше (см. стр. 209). В башкирских деревнях вообще ни во дворе, ни около дома, не встречается ни деревца, ни кустарника, а тем более сада. Загородки из жердей, сделанные перед саманными избами с улицы (у зауральских башкир) имеют целью только предохранить дом от скота, блуждающего по улицам. Исключение в этом отношении составляет только западная Башкирия, да отчасти северная, где встречаются палисадники перед домами с улицы, обнесенные забором или плетнем. Эти палисадники

придают особый вид деревне, так как они отделяют дома от улицы, на которую выходят только ворота дворов, плетни и заборы.

В центре почти каждой деревни находится мечеть, а в больших деревнях их бывает две и даже три. Это здание более законченное, чем обыкновенные башкирские дома. По внешнему виду и по плану огромное большинство мечетей почти точная копия одна другой. Это высокий сруб величиной в большую пятистенную избу с крыльцом (*кутармя*) в северной стороне и небольшой бревенчатой пристройкой выступом (*михраб*) в южной стороне. Рядом с крыльцом или сбоку

Рис. 194. Деревня Тунгатарова, барын-табынцы.

бывает балкончик (*ахшамнык*) [1], с которого азанчей призывает молящихся; над крышей почти всегда возвышается минарет (*манара*), назначение которого такое же, как и *ахшамнык*. Внутренность мечети разделяется на три части: в первой от входа (*башмак бульмя*) молящиеся снимают обувь, часто это бывают просто сени; вторая, средняя (*суннат бульмя*) предназначена для молящихся и третья передняя часть (*фарыз бульмя*), расположенная перед *мирхаб*, служит для духовенства. В последнем отделе мечети, направо от *михраб*, делается возвышение (*минбер*), куда по ступенькам всходит мулла для произношения проповеди. Внутреннее

[1] С этого балкончика азанчей призывает молящихся к вечерней молитве после захода солнца—*ахшам*,—откуда и самое название балкончика; перед остальными молениями азанчей призывает с минарета.

убранство мечети отличается простотой. Стены ничем не прикрыты, только местами бывают наклеены изречения из корана; полы застланы войлоками, половиками и коврами.

Не смотря на чрезвычайное разнообразие башкирских жилых построек, в зависимости от области их распространения и до известной степени происхождения, они могут быть разделены на несколько групп. При группировке типов жилищ мы оставляем в стороне такие примитивные типы временных жилищ, как заслоны из ветвей или конусообразные шалаши, известные повсюду и за пределами Башкирии. Мы не принимаем во внимание также и такие специальные или узко местные формы, как *аласык* катайцев, *агас тэрма* или *тахта аласык*, неподвижный или перевозимый на колесах.

К первой группе мы относим столь типичные для азиатских кочевников жилища, как решетчатые кибитки, характерные для башкир определенной области. Вторая группа жилищ, общая башкирам, полуоседлым скотоводам соседней Азии (казак-киргизам), а также татарам, мещерякам и тептярям известной области, характерна для безлесных местностей вообще; сюда относятся земляные жилища (из дерна), саманные и плетневые мазанки. Для отопления этих жилищ чаще всего устраиваются камины (*сувал*). Третью группу составляют жилища общие башкирам и их северным и северо-западным соседям: вотякам, черемисам, чувашам, а также великорусам, тептярям и мещерякам. Это будут прежде всего лубяные и берестяные балаганы (*аласык*), особенно распространенные и характерные для северо-восточных соседей башкир (бассейн р. Оби) и примитивный сруб, башкирская *бурама*. Последний совершенно в том же, что и у башкир виде, мы находим у вотяков, черемис и у чувашей, в виде кухни или постройки для ритуальных целей (*куала*); как полевая избушка на сенокосах он встречается у великорусов среднего Урала, как постоянное (зимнее) жилище—у финнов в бассейне средней Оби. Наконец, сюда же следует отнести и бревенчатую избу во всех ее вариантах, при чем следует отметить, что у башкир, татар, мещеряков и отчасти тептярей она редко принимает форму пятистенной избы, чаще же мы имеем два сруба под одной крышей с сенями посредине. По внутреннему устройству

башкирская изба, отличаясь во многом от изб вотяков, черемис и чувашей, равно как и в некоторых архитектурных деталях, совершенно сходна с внутренним устройством изб татар, мещеряков и тептярей, живущих совместно с башкирами.

С точки зрения географического распространения различных типов башкирских жилищ можно различать четыре области. Первая или восточная занимает довольно узкую полосу степи и лесостепи по восточную сторону Урала и на юге. Здесь большинство изб построено сравнительно более примитивно с полом низко от земли, везде встречаются плетневые избы, главным образом из двойного плетня, а также земляные и саманные, особенно на севере; материал для крыш весьма разнообразен. Для отопления повсюду имеются или были сравнительно недавно камины, в качестве топлива местами пользуются кизяком. Из летних жилищ встречаются повсюду почти исключительно решетчатые кибитки, монгольского типа на севере и киргизского на юге, с промежуточной смешанной зоной. Вторая или горная область занимает весь южный Урал с его отрогами. В ней постоянными (зимними) жилищами являются исключительно бревенчатые избы с полом над землей и драничатой, реже тесовой, крышей. Характерным летним жилищем является *бурама*, а также лубяные балаганы на западном склоне и конусообразные шалаши на восточных предгориях и хребтах. Третья юго-западная область, к западу от Урала и к югу от г. Уфы характеризуется избами с полом, настланным преимущественно не высоко от земли, встречаются плетневые избы по большей части из ординарного плетня, а на юге ее имеются пластовые (земляные) и саманные избы; материалом для крыши чаще всего служит солома, а на юге преимущественно тес. Чувалов теперь совсем нет, летними жилищами до последнего времени служили решетчатые кибитки киргизского типа и лубяные *аласык*. Наконец, четвертая или северо-западная область по типу изб более всего приближается к народностям Прикамья, особенно вотякам, и черемисам. Избы здесь все бревенчатые с полом высоко от земли, покрытые на юго-западе главным образом соломой, а на севере и северо-востоке тесом. Чувалов и летних жилищ, за исключением общераспространенных конусообразных шалашей, нет и в помине.

IX

Способы и средства передвижения.

Лыжи и приспособления для переноски тяжестей. Лодка. Перекочевка. Волокуши. Седла и конская сбруя. Вьюки и переметные сумы.

Способы передвижения башкир в значительной степени зависят как от образа жизни, так и от орографии обитаемой ими местности. Так, например, на северо-западе нередко встречаются деревни, где имеется всего одно, два, много три седла на всю деревню; сани и колесные экипажи там главные средства передвижения. Напротив, у горных башкир нередки деревни, где нельзя найти ни одного колесного экипажа, и летом единственный способ передвижения—верховая лошадь.

Вместе с тем надо иметь в виду, что только седло и сбруя верховой лошади, да некоторые способы передвижения в горах, являются оригинальными для башкир. Колесные экипажи, телеги, ходки, тарантасы и проч. у них совершенно такие же, как у соседнего русского населения. Зимою башкиры ездят на обычных для севера России санях, дровнях, в розвальнях и кошевах, которые не представ-

Рис. 195. Телега горных катайцев.

ляют собой ничего своеобразного. Единственная заслуживающая, быть может, внимания особенность — это чрезмерная длина дрог в телегах башкир восточного склона Урала, да и она появилась, как следствие лесного промысла, необходимости часто перевозить тес и бревна.

Рис. 196. *Санга*, гайнинцы, 1/10 н. в., 1002—128.

Из средств передвижения башкир прежде всего следует упомянуть о лыжах. Населяя преимущественно лесную и лесостепную область с значительным количеством зимних осадков, особенно на западе, башкиры зимою естественно не могли обходиться без лыж. В исторических документах мы находим справки о том, как башкирские челобитчики в XVII столетии зимою на лыжах проходили до Казани и даже до Москвы. Несомненно, однако, что задолго и до этого времени, башкиры широко пользовались лыжами, которые, как и раньше, теперь встречаются у них в двух разновидностях: простых деревянных лыж (*калтагай*) и особых охотничьих лыж (*санга*), подбитых шкурой. Последние подбиваются обычно шкурой, снятой с ног лошади, реже лося, имеют около двух метров длины и в средней части, там где нога ремнем привязывается к лыже, сверху оклеены берестой, чтобы под подошвою не скоплялся снег. Для изготовления лыж предпочитается черемуховое дерево, как наиболее легкое и вместе с тем прочное, реже они делаются из соснового дерева. По материалу и технике работы башкирские лыжи принадлежат к типу широко распространенному по всему северу России, начиная от западного Приуралья до центральной Сибири включительно. Для передвижения на лыжах у башкир северо-западной части их страны существует специальная путевая обувь *пышумну киндырак* и *пышумну себата*, с которыми мы уже познакомились в главе об одежде.

Для переноски тяжестей у башкир нам известно только одно приспособление, которым широко пользуются башкиры охотники в особенности на северо-западе, это уже упоминавшийся ранее *элып*. *Элып* состоит из дугообразно изогнутого

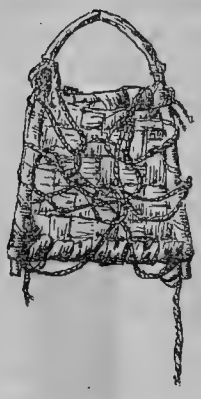


Рис. 197. *Элып*, гайнинцы, 1/12 н. в., 1002—77.

прута, стянутого переплетом из лыка и подшитого берестой. К пруту по бокам приделан ряд веревочных петель, стягивающихся одной веревкой. *Элып* носится за плечами при помощи особых лямок, а системой петель, стянутых веревкой, удерживается на нем кладь. Местами, преимущественно в лесной полосе, к западу от Урала для переноски тяжестей башкиры пользуются плетеными из лыка кошелями *(биштяр)*, носимыми за плечами, при помощи лямок, сплетенных из того же материала.

Для передвижения по воде у башкир, живущих внутри страны, лишенной крупных водных артерий и бассейнов, нет самобытных сколько-нибудь развитых приспособлений. Примитивный, выдолбленный из бревна челн-колода *(кема)*, по-видимому, единственное более или менее широко распространенное и характерное для башкир средство передвижения по воде. Досчатые и с нашивными бортами лодки, которые у них изредка встречаются, заимствованы ими от соседей и самими ими не изготовляются.

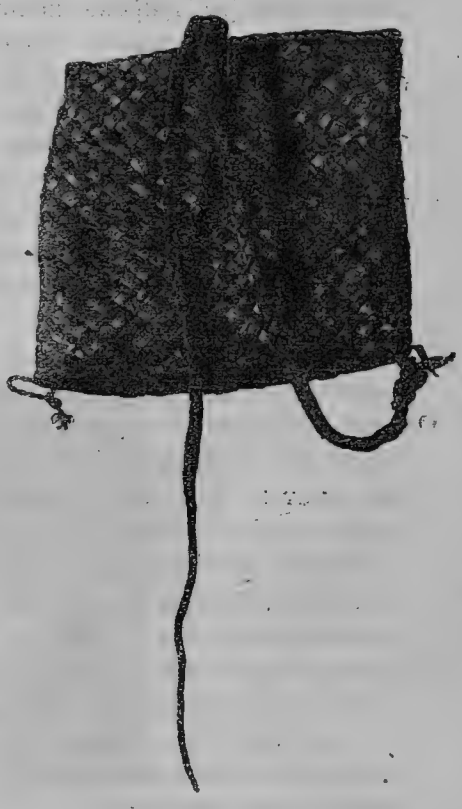


Рис. 198. *Биштяр*, табынцы, 1/10 н. в., 2881—645.

Несравненно интереснее способы передвижения башкир при помощи лошади, так как никакими другими животными в своих передвижениях башкиры не пользуются.

Чтобы ознакомиться с последними средствами и способами передвижения приуральских башкир, посмотрим как они совершают перекочевку.

Уложив все свое имущество, все без различия пола и возраста садятся верхом на лошадей. Женщины, у которых есть грудные дети, кладут их за пазуху своего халата, к груди, и подпоясываются кушаком. Кроме того, позади себя, они нередко на особой подушечке (*яхтык*) сажают еще на крупе лошади одного или двух детей в возрасте от одного до трех лет. Так как последние еще не в состоянии самостоятельно сидеть на лошади, их привязывают кушаком, который пропускается под руки матери, а задний вдобавок держится руками за переднего, а тот в свою очередь за кушак матери. Если малых детей в семье много, то в их перевозке кроме матери участвует отец или взрослые дети. По словам Черемшанского (**11**, 145) иногда матери усаживали детей и впереди себя, где делался для них род сиделки, которая подвешивалась на луку седла; к седлу прицеплялись особые жердочки или привязывались веревки, за которые дети и придерживались во время дороги. Посуду и другой скарб они подвешивают к седлу, а особенно громоздкие вещи перевозят на особых волокушах *(саласы* и *hиротка)*.

Устройство волокуши *(саласы)* весьма просто: это две жерди метра четыре длиною, привязанные к седлу у стремян; посредине они связаны лыком или волосяной веревкой, ниже которой прикрепляется большой кусок луба. На лубе увязываются вещи.

Там, где лесные тропы достаточно торные, для перевозки имущества башкиры употребляют тележные передки. Вещи кладутся или просто на передок, и на задние концы оглобель, опутанные веревкой, или на особые жерди, привязанные к передку (так называемые *hиротка*). На жердях этих, как и на простой волокуше, кладется луб, на котором складываются вещи. На передках вещи перевозятся преимущественно там, где приходится переезжать глубокие броды.

Башкирские седла (*иер*) бывают двух различных форм, мужские и женские, резко отличающиеся одна от другой. Мужское седло с широкой передней лукой и небольшой, довольно крутой, задней спинкой (лукой); женское вообще значительно уже, особенно узко оно в передней части, задняя спинка, напротив, очень большая и пологая. Остов башкирского седла весь деревянный, при чем ленчик (*акта*) женского

седла вырезан из цельного куска дерева, тогда как ленчик мужского состоит из двух отдельных половин (досок), соединенных между собой луками. Посредине мужского седла,

Рис. 199. Волскуши, *пиротка*, усергане.

между двумя половинами ленчика, натянута широкая ременная полоса. У передней луки, по бокам ленчика, сделаны продольные прорезы для подпруги (*тарткы*) и стременных

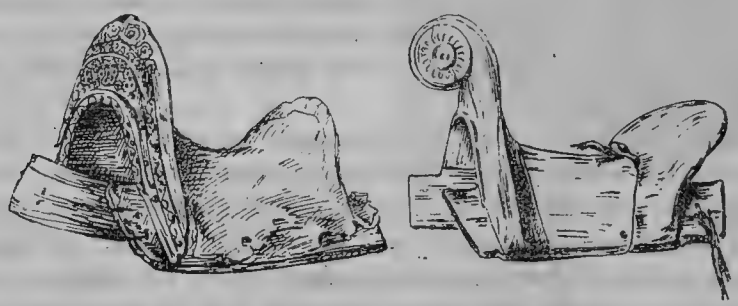


Рис. 200. *Иер*, седло мужское (слева), кара-табынцы, 2881—663 и женское (справа), инзер-катайцы, 2881—662, 1/12 н. в.

ремней *(каши узянгы)*. За задней лукой (спинкой) прикреплены ремешки, торока (*каньзяга*). Передняя лука женского седла часто покрывается резьбою, а обе луки мужского нередко оббиваются железными пластинами, покрытыми серебряной узорчатой чеканкой. Сверху на седло всегда накладывается подушка, а под ней толстый войлочный потник, часто обшитый снаружи кожей. Потник *(сергытыш)* под

женское седло отличается своими большими размерами, а также тем, что бывает зашит снаружи разноцветным шелком, красным, желтым, зеленым сукном и вышитыми по нему различными узорами; по углам к нему пришиваются кисточки из цветной шерсти. У каждого башкирского седла бывает подхвостник (*куйушкан*), а иногда и нагрудник (*кумульдрык*). Чаще всего последние бывают из веревки, витой из конских волос, а иногда и кожаные, покрытые металлическими, чеканными серебром бляхами (*куйушкан* и *кумульдрык каш*).

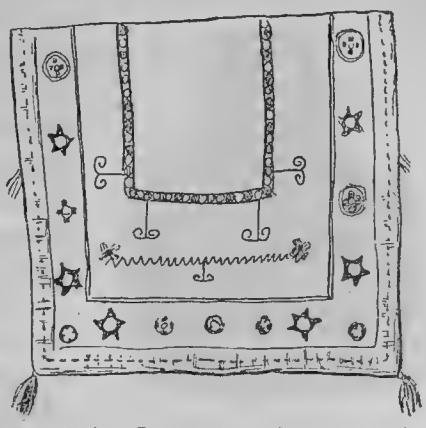


Рис. 201. *Сергытыш*, бурзяне, 1/12 н. в., 1234—61.

Стремена (*узянгы*) или простые деревянные (рис. 202) совершенно такие же, как и у западных казак-киргизов, или железные, а у зауральских юго-восточных башкир тяжелые железные, посеребренные, а иногда и покрытые чеканным узором.

Башкирская уздечка (*зюһэн*) ничем особенным не отличается; чаще всего она ременная, с ременным же или витым из волоса поводом. К удилам с левой стороны привязывается длинный, витой из волоса, чумбур (*сылбыр*) метров пять длиною.

Как особенность упряжи башкир следует еще отметить, что у центральных и северо-западных башкир для изготовления упряжи широко пользуются лыком и мочалой (*юка*). Плетут из лыка седелки (*ангырсак*), мочальные шлеи, узды, недоуздки и проч.

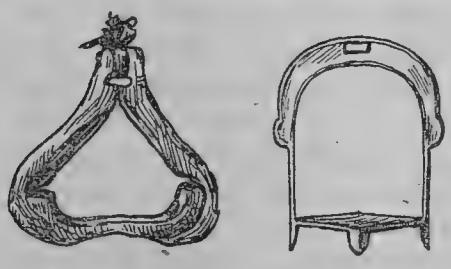


Рис. 202. *Агас узянгы* (слева), тангаурцы, 1234—67, *узянгы* (справа), бурзяне, 1234—63, 1/8 н. в.

Вьюки, в которых башкиры, преимущественно горные, перевозят различные вещи, бывают разнообразны в зависимости от

их назначения. Самые простые мешки шьются из телячьего меха *(башмак сарма)* шерстью наружу. В ушки, пришитые к верхнему краю мешка, продевается витая из конского волоса веревка, при помощи которой *сарма* и прикрепляется к седлу. В них возят чаще всего провизию. Размеры *сарма* от 30 до 50 см. длины и от 20 до 40 см. ширины. У горных и зауральских башкир часто встречаются переметные сумы, а у юго-восточных башкир ковровые, среднеазиатской работы. Кожаный *артмак* состоит из двух сум, соединенных между собой широкой кожаной полосой; обе сумы прикрыты кожаными же крышками. При переезде *артмак* перекидывается через седло или привязывается за спинкой седла. Ковровый *артмак* имеет приблизительно такую же форму, как и кожаный и употребляется, как и последний, для перевозки провизии и проч.

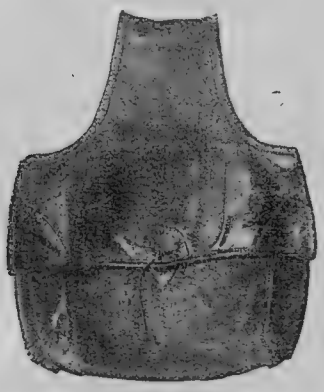


Рис. 203. *Артмак*, катайцы, 1/8 н. в., 1234—70.

На западном и северо-западном склоне южного Урала, а также у инзер-катайцев, вместо *артмак* для перевозки провизии употребляются лычные переметные сумы. Они состоят из двух кошелей-корзин, сплетенных из вязового лыка, закрытых крышками и соединенных между собой плетеными лычными веревками.

Беглого взгляда, брошенного нами на способы и средства передвижения башкир, уже достаточно, чтобы отметить у них ряд элементов различного происхождения и иного географического распространения. Лыжи у башкир повсюду одних и тех же типов, охотничья же обувь, отмеченная нами у северо-западных башкир, связывает их с соседними финнами. Заплечные приспособления для переноски тяжестей, встречающиеся у северных и северо-западных башкир, широко распространены у охотничьих племен севера России и Сибири. Напротив, седла и весь конский прибор, равно как и переметные сумы, кожаные и из шерстяной ткани, столь широко распространенные у горных, восточных и юго-восточ-

ных башкир, типичны и характерны для соседней кочевнической Азии. Правда, в отделке седла, расшивке потника и конском наборе встречаются черты специфические для башкир, но в основе своей мы имеем дело с предметами типичными для азиатской кочевнической культуры. Сани и колесные экипажи, распространенные у башкир, как мы уже отмечали, для них не типичны и даже волокуши в их разновидностях не представляют ничего оригинального.

X.

Семья и род.

Сватовство, калым, экзогамия, свадьба. Номенклатура родства. Левират. Положение женщины в семье. Права наследования, тамги. Развод. Родины. Погребальные обряды.

Среди богатых зауральских башкир до последнего времени кое-где сохранился обычай сговаривать своих детей еще в колыбели. В знак заключения брачного договора родители жениха и невесты пьют „*бата*“ [1], разведенный мед или кумыс, пьют из одной чашки. С этого момента девочка становится невестой, и отец уже не имеет права выдать ее за другого, хотя бы жених и оказался потом неподходящей партией, вследствие ли своих качеств или по расстроившемуся состоянию. Если же отец впоследствии не пожелает отдать за нареченного свою дочь, он обязан откупить ее, т.-е. отдать жениху или его родителям скот, деньги и прочее, в размере обусловленного раньше калыма. Впрочем сговор в младенчестве теперь бывает очень редко; обычно по достижении сыном 15—16 лет отец, желая женить его, советуется с женою, спрашивая согласия на брак и сына; однако выбор невесты всегда принадлежит отцу. Заручившись согласием сына и жены, отец отправляет к будущему тестю сватов (*куда*) или сам отправляется к нему для переговоров. При согласии отца невесты начинаются переговоры о калыме. Величину последнего определить трудно, так как здесь все зависит от благосостояния родителей обоих брачущихся.

---

[1] Собственно *бата* (или *фатиха*) означает первую главу корана, у башкир же вообще благословение и всякую молитву.

У богатых зауральских башкир калым состоит обычно из лошадей, рогатого и мелкого скота, голов по 5—20 каждого рода, трех рубах, занавеси (*шаршау*), пары сапог, платка, женского кораллового головного убора (*кашмау*), халата (*жилян*) из черной китайки, обшитого красным сукном и галуном, или просто суконного или кармазинового. Все это идет в пользу невесты, кроме лошадей, из которых одну получает отец девушки, а другая закалывается на свадьбе. Матери невесты жених дарит лисью шубу (*ина - тун*). У северо-восточных башкир средней зажиточности калым состоит из 50—150 рублей денег, одной лошади с кобылой и жеребенком, двух коров с теленком, двух-трех овечек и разных материй рублей на 15—20. При сильно варьирующей величине калыма, размер его не падает ниже известной нормы, обусловливающейся обязательными со стороны жениха подарками: лошадь (*баш аты*) тестю, лисью шубу (*бисэ тун*, *ина тун*) теще, 10 — 15 рублей на расходы (*тарту ахча*); лошадь, реже корову или барана на зарез в день свадьбы (*туйлык*), материал на платье невесте и деньги на обеспечение (*магар*) ее. Подарок теще (*ина тун*) не всегда бывает лисья шуба, иногда это может быть овечья шуба или даже простой халат. Местами этот подарок носит особое название *сют хакы*, т.-е. за молоко. За исключением обязательных подарков, весь калым отдается отцу, который взамен его дает в приданое скот, деньги и прочее нередко в большем размере, чем сам получил калыма. Кроме этого приданого, собственницей которого считается молодая, она получает от жениха так называемый „малый калым“ шаль, платок, халат, рубаху, сапоги и сундук.

Еще не так давно башкиры не могли брать себе жен из своего рода или волости, жен нередко брали за сто и более верст. Обычай этот и поныне уцелел еще кое-где у приуральских и особенно у зауральских башкир. Еще и теперь башкиры, за исключением западной и северо-западной части Башкирии, хотя и берут жен в пределах своего рода, но из других деревень, а если и из своей деревни, то непременно из другого *аймака* (*ара*, *руу*). Что у башкир еще не так давно существовала строгая экзогамия, в этом сходятся все исследователи этого племени. Строгая экзога-

мия, судя по собранным нами сведениям, еще не так давно бытовала среди башкир повсеместно, а местами сохранилась и до настоящего времени. Нам известно только одно указание в статье Бергхольца (**19**, 83), как бы противоречащее общераспространенности этого обычая. Он пишет, что башкиры рода катай пренебрежительно относятся к другим башкирским родам, считают их ниже себя, почему и не берут от них невест и не отдают им своих девушек. В действительности вряд ли замечание Бергхольца справедливо. Каждый башкирский род вообще считает себя выше других, настоящим, коренным башкирским родом, и это нисколько не мешает ему родниться с другими родами. То обстоятельство, что катайцы (имеются в виду инзер-катайцы) действительно менее других смешиваются с соседними башкирами, может зависеть от того, что они живут замкнуто в долинах горной реки Инзера. С другой стороны, сам Бергхольц упоминает о трех известных ему случаях, когда катайцы брали себе жен из других родов, нам же довольно часто приходилось встречать башкирок катаек с р. Инзера у урман-кудейцев, гирей-кипчаков и у тамьян-тангаурцев, а женщин из перечисленных и других башкирских родов, среди катайцев.

При экзогамии башкир в отношении рода, существовала ли у них племенная эндогамия, т.-е. обязательно ли башкир должен был жениться на башкирке? Разумеется, башкиры брали в жены главным образом башкирок, но эндогамии, как правила, в данном случае, повидимому, никогда не было. Известны факты, что башкиры неоднократно во время былых набегов на киргиз уводили к себе их жен (38_2, 216). С падением Казанского царства и усилением миграции татар в страну башкир, последние охотно роднились с ними. Насколько значительно было смешение башкир с татарами, можно видеть хотя бы по тому, что из опасения влияния татар на башкир, последним было запрещено указом от 11 февраля 1736 г. сватовство с казанскими татарами без челобития и без разрешения Казанского губернатора (39_2, 165). За разрешение такого брака взыскивалось в казну по драгунской лошади с каждой свадьбы, с женившегося без разрешения брались три лошади, а за повторную вину нарушитель указа ссылался в ссылку. В настоящее время башкиры

сильно смешиваются, особенно на окраинах, со своими соседями, исповедующими ислам: татарами, мещеряками и тептярями.

Заключение условия о размерах калыма, о котором говорилось выше, празднуется скромным угощением. Через несколько дней жених вместе со своими родителями отправляется в дом невесты и везет подарки. У юго-восточных башкир подарки для невесты собирает у родственников жениха по его поручению один из мальчиков: мальчик объезжает их верхом на лошади, собирает деньги, нитки, платки, все это навязывает на палку и передает жениху. Мать жениха, в свою очередь, созывает родственниц и знакомых женщин на чай; последние приносят ей *хараус* (см. стр. 285), нитки, лоскуты материи и проч. Дня за два до назначенного срока малой свадьбы (*исяп кабул*), первого посещения женихом невесты, когда мулла формально заключает брачный договор, отец невесты приглашает к себе человек десять, двадцать родственников, односельчан, объявляет им о приезде гостей и просит приготовиться к приему их. Заручившись согласием, он зовет жениха, его отца, мать и родственников к себе в гости. Посланный возвращается с заранее выговоренной лошадью (*туйлык*). Местами (катайцы) отец жениха сам привозит *туйлык* (лошадь или барана) при первом посещении совместно с сыном дома невесты. Со стороны жениха, кроме его родной матери или близкой родственницы (заменяющей умершую мать), никто из женщин на свадьбу не едет; поэтому родители едут обычно в телеге, а все остальные верхами. У юго-восточных башкир (18) навстречу поезду из деревни выезжают юноши и после обычных приветствий стараются сорвать с приглашенных шапки и, если им это удается, скачут с шапками по направлению к деревне. Все прибывшие останавливаются в доме невесты. Подается угощение *бишбармак* и начинается раздача привезенных женихом и его родителями подарков: халатов, рубах, полотенец, лоскутов материи и проч. На ночь гости расходятся по заранее назначенным домам сватов, родственников со стороны невесты. На другой день режут лошадь и, ободрав ее, несколько женщин приглашают желающих посмотреть, жирна ли она. Гости хорошо знают, что их ждет, но все же

собираются, сбрасывают с себя хорошие одежды, одеваются во что попало и идут, а свахи, вооруженные грязными кишками лошади, поджидают их. Как только гости приблизятся, свахи с криком набрасываются на них, бьют кишками, и завязывается при крике и шуме всеобщая потасовка. Погостив два-три дня, гости возвращаются домой, а через некоторое время приезжают в гости будущие тесть с тещей, причем в доме жениха для их приема отводятся особые помещения на мужской и женской половинах. К их приезду обе комнаты наполняются гостями. Мать невесты привозит с собой сундучок, в котором сверху лежит платок, затем несколько *хараус*, под ними лоскутки ситца, нитки, а на дне рубахи. После угощения мужчины проходят в женское отделение. Тогда мать невесты предлагает какой-нибудь из женщин открыть сундучок, за что та и получает в награду платок. *Хараус* теща собственноручно дарит женщинам, а лоскутки мужчинам, которые отдаривают деньгами, кто сколько может. Нитки дарятся старухам, которые принимают их с молитвой, но взамен не дают ничего. Наконец, рубаха дарится отцу жениха, за которую он дает корову, кобылу или овцу. Этой раздачей подарков визит и заканчивается (22, 187).

Обряд бракосочетания, как и похороны, у мусульман не считается религиозным таинством, а является скорее гражданским обычаем. Совершается он не в мечети, а на дому. В дом тестя собираются старики, присутствовавшие раньше при сватовстве. Приходит мулла с метрическими книгами. Последний спрашивает отца жениха, берет ли он в жены своему сыну такую-то, дочь такого-то. Затем спрашивает отца невесты, отдает ли он свою дочь за такого-то. При удовлетворительных ответах мулла читает изречение из корана и записывает брачный договор в книгу. Мулле за сделку обычно платят один процент стоимости калыма.

После *исяп кабул* (первой половины свадьбы) жених уже имеет право посещать молодую на правах мужа в доме ее отца. Это посещение начинается или после уплаты половины калыма и вручения теще *ина тун*, или после обмена подарками родителей брачущихся. Весьма интересными обрядами сопровождается первый приезд жениха. Он приезжает

к своей невесте, или вернее уже жене, в сумерках, верхом на лошади. Подруги прячут ее где-нибудь на стороне и муж должен во что бы то ни стало отыскать ее. Это бывает нелегко, а так как долго не находить жену считается для него большим позором, то он делает обыкновенно подарки женщинам ее деревни, которые и помогают ему. Найденная молодая убегает от мужа насколько может быстро по улице, он же должен догнать ее, схватить и некоторое расстояние пронести. Если же он этого сам проделать не может, то должен поручить это одной из женщин. Пойманная молодая уже не сопротивляется более, покорно идет с молодым в свой родительский дом, где у дверей встречает их группа женщин; две из них держат перед дверью полоску ситца метра в полтора; молодые, входя в избу, должны разом вступить ногами на этот лоскут и разорвать его (для чего предварительно делаются надрезы). Для молодых отводится особое помещение, летом амбар, а зимою дом кого нибудь из соседей, или пустая изба [1]. В собственном доме тесть не принимает молодого, так как последний втечение года, а то и более, до окончательной выплаты калыма, не должен показываться ни тестю, ни теще. Оставшись наедине с молодой, муж приказывает ей снять с него сапоги, что и исполняется беспрекословно; затем он пытается обнять ее, но она отстраняет его руки; тогда муж дает ей серебряную монету, и молодая уже сама обнимает его.

Многие авторы утверждают, будто бы до полной выплаты калыма и переселения молодой в дом мужа, она ни коим образом не должна показывать ему своего лица, что считается для нее позорным, и за ней будто бы зорко следит мать или какая-нибудь пожилая родственница. Как правило такой обычай существует еще и сейчас, но практически он не соблюдается, и молодой после первого же посещения знакомится со своей женой, если он и не видел ее лица раньше. Посещения молодой в доме ее отца продолжаются нередко довольно долго, до выплаты всего калыма; в этот период нередко у нее родится уже ребенок, что нисколько не скрывается и ребе-

[1] Особая юрта для пазушного дела. Лепехин 6₂, 151.

нок до переезда ее в дом мужа находится на попечении бабушки.

По выплате всего калыма молодой со всей своей родней отправляется за женой к тестю. К его приезду тесть устраивает празднество *туй*. *Туй* продолжается два, три дня, празднуется с утра до позднего вечера: пьют кумыс, чай, едят *бишбармак*, пляшут и прочее. При богатой свадьбе устраиваются скачки (*байгы*) и борьба (*куряш*). В день скачек и борьбы собирается много приглашенных и неприглашенных гостей, все они принимают участие в торжестве и в общей трапезе, предложенной хозяином. В этот же день свахи собирают *сабу* [1]: т.-е. ходят по деревне и собирают чай, сахар, мясо, кумыс и проч. Собрав все это, они идут в одну из свободных изб и там угощают собравшихся гостей. Время проходит весело под музыку *курайсы*, при плясках и пении.

Наконец, наступает время отъезда молодых. Подруги молодой и другие женщины родственницы, не желая расставаться с ней, устраивают всевозможные препятствия отъезду. Постель молодой они выносят в лес, заматывают и завязывают ее похитрее веревкой, концы которой прячут под корни дерева. Молодую садят на постель, и из-за нее начинается борьба между ее подругами, родственницами и приглашенными со стороны жениха женщинами. По словам Георги (9, 106) спор из-за молодой происходил между женщинами и девушками, причем первые всегда одерживали верх. Борьба за молодую бывает иногда так азартна, что причиняет обоим сторонам немалые убытки в виде разорванных одежд, за которые вознаграждает потерпевших молодой. Когда, наконец, женщинам удастся распутать и развязать веревку, молодая считается принадлежащей уже женщинам, а веревку у них покупает молодой. Перед самым отъездом молодая прощается со своими сородичами. Ходит она окруженная своими подругами: четыре девушки держат над молодой платок за четыре угла, остальные окружающие ее родственницы поднимают душу раздирающий вой. Молодая

---

[1] Встарину они собирали повидимому только кумыс, которым и угощали своих гостей, почему и сбор обозначался именем большого сосуда для кумыса *саба* или *наба*.

обходит всех родственниц и каждой из них дарит полотенце, скатерть, лоскутки, нитки и проч., которые несет одна из ее подруг или старшая сестра. Родственницы отдаривают молодую скотом, деньгами (рубли и полтинники идут на нагрудные украшения), бедные—лоскутками материй. Лоскутки эти прикалываются к головному убору молодой и рубахе, ими она бывает увешена с ног до головы. После этого подруги одевают молодую в лучшие одежды и ведут к телеге, на которой она должна ехать, причем молодая оказывает всяческое сопротивление, не выходит из родного дома, пока отец или братья не подарят ей что-нибудь. Подруги с плачем и воплем провожают ее далеко от деревни. Муж едет впереди верхом на лошади.

Встарину по словам Лепехина (**6**$_2$, 152—153), молодую снаряжали и отвозили верхом к жениху. Подруги, проводив недалеко от кочевки, возвращались домой. При молодой оставалась близкая родственница и сваха, которая при приближении к дому жениха вела лошадь молодой под узцы и, приблизившись, кричала, с каким товаром она приехала и чего он стоит. Отец молодого или родственник, поторговавшись, выкупали молодую. Высланным от свекра женщинам она в поле передавала повод лошади. При вступлении в дом мужа молодая трижды становится на колени перед свекром и свекровью и трижды ее поднимают. Затем она раздает мужниной родне подарки (нагрудные повязки, нитки, кольца и проч.), последняя отдаривает ее. На следующий день молодую ведут на реку за водой с коромыслом (*куянта*) и ведрами (*силяк*); при этом она несет с собой маленькую серебряную монету, привязанную к нитке, и бросает ее в воду, как бы в жертву водяному духу. Следящие за ней дети с дракой и шумом стараются добыть эту монетку из воды.

После этой церемонии жена не стесняясь открывает лицо мужу.

Свадебные обряды и обычаи башкир дают нам весьма ценный материал для уяснения истории башкирского брака. Не может быть никакого сомнения в том, что при строгой когда-то экзогамии у башкир брак совершался похищением невесты. По мере разростания родов, похищение, надо по-

лагать, становилось все более трудным и даже, наконец, невозможным. Похищение заменила купля, и в современной башкирской свадьбе акт сватовства имеет все черты торгового договора. Мы видели, что у зауральских башкир, при первом посещении женихом со своими родственниками дома своего будущего тестя, родственники невесты, перед деревней верхом на лошадях встречая гостей, стараются сорвать с них шапки. Повидимому, этот обычай ничто иное, как пережиток гораздо менее гостеприимного приема чужеродцев, приезжавших для добычи невесты. А весь обряд первого посещения женихом своей невесты, не есть ли это буквальное повторение всех тех актов, которыми некогда сопровождалось похищение ее. Приезжает жених в сумерках, отыскивает спрятанную невесту, затем преследует ее убегающую; догнав, он должен схватить и унести на себе. После этого он ею овладевает, и брак считается уже совершившимся фактом. Когда похищение было реальным, действительностью, негодование родных было вполне реальным; когда же похищение стало не более как символом, родительский гнев обратился в пустую формальность. Между тем, как переживание, сохранился обычай, по которому башкир с момента первого посещения своей невесты впродолжение года и даже двух, до выплаты полного калыма не показывает ни теще, ни тестю своего лица.

Браки уволоком (похищением) имеют место еще и теперь. В некоторых, правда очень редких случаях, они совершаются (на северо-западе) даже против воли девушки. Молодой человек с двумя, тремя товарищами подкарауливает любимую девушку, увозит ее на лошадях в заранее приготовленное место и насилует ее, после чего она делается его женой. Гораздо чаще похищение невесты происходит по уговору. Она собирает все свое имущество и убегает с женихом. Через некоторое время молодой является к своему тестю, знакомит его с совершившимся фактом и предлагает помириться. После необходимых подарков дело улаживается. Бывают даже случаи, когда невеста похищается с ведома родителей, чтобы избежать всех расходов, связанных с приемом гостей, раздачей подарков и устройством празднества.

Мы уже имели случай достаточно подробно ознакомиться

с древним делением башкир на рода. Мы видели также, что с увеличением народонаселения, более мелкие единицы, составляющие части древнего рода, подроды (*тюба*) к середине прошлого столетия превратились в самостоятельные дачи, связанные между собой узами родства, территориально обособленные группы, которые могут считаться равноценными роду. Следующей, более мелкой единицей, на которые распадаются подроды, следует считать группу семей (*ара, руу, аймак*), родственных между собой, и, наконец, последней родовой единицей является семья (*ямагат*).

Разделение на группы семей (*ара*) сохранилось еще среди башкир повсеместно, за исключением северо-запада, к западу от р. Уфы и севернее параллели г. Уфы. Хотя строгий некогда обычай экзогамии теперь в значительной степени утратил уже свое значение, женитьба на женщине, принадлежащей к той же *ара*, что и мужчина, недопустима и поныне. *Ара* помогает своему сородичу выплачивать при свадьбе калым (в сев.-вост. Башкирии), вся *ара* участвует в расходах по устройству свадебного *туй*, в крайнем случае при приеме гостей. Равным образом при выходе девушки замуж, ее *ара* принимает жениховых родичей гостей, участвует в проводах ее и проч. Каждая *ара* кочевых башкир кочевала (в горах Кыркты и по Уральскому хребту кочует еще и теперь) или селилась на кочевках отдельно от других *ара* своей деревни или рода. Еще и поныне, кое-где на северо-востоке, деревни делятся на несколько отдельных участков по числу *ара*, которые живут отдельно одна от другой, (сравни план дер. Байрамгуловой на стр. 231).

Ара, состоящая теперь из нескольких индивидуальных семей, прежде была несомненно одною большою семьей, объединенной властью ее главы, родоначальника.

Весьма ценный материал к выяснению отношений, некогда существовавших и существующих между отдельными членами семьи, дает нам номенклатура родства.

Нижеприведенная номенклатура родства записана нами в четырех различных пунктах (у зауральских катайцев и кара-барын-табынцев, у гайнинцев и у бушман-кипчаков) почему она может считаться общей для всех башкир.

Отец	*атэй (атай)*
Дед	*ул-атай*
Прадед	*зур-атай*
Предок	*карт-атай*
Дядя, старший брат отца или матери.	*бабай, апа, ул-атай*
Дядя, младш. брат отца или матери;	
Старший брат (род. и двоюр.)	*агай (абызей)*
Младш. брат (родной и двоюрод.);	
Племянник (сын старш. брата) .	*энем (кустым, мардым)*
Сын, племянник (сын мл. брата), внук, мальчик .	*ул (улым), малай*
Муж, мужчина . .	*ирь*
Тесть, свекор . .	*кайным, каин-атэй*
Старш. брат мужа (жены).	*каин-ага, абзей*
Млад. брат мужа (жены)	*кайныш (каин-энем)*
Муж старш. сестры (тетки) .	*езней (изнай)*
Муж младшей сестры	*кияу*
Сват	*куда*
Свояк	*бажа (бажай)*

Мать	*асэй (асей), иней*
Бабушка	*ул-асей, лесей*
Прабабка . . .	*зур-иней*
„	*карт асей*
Тетка, старшая сестра отца или матери	*абей, иней*
Тетка, мл. сестра отца или матери;	
Старшая сестра (род. и двоюр.)	*апай (тутай)*
Младшая сестра (род. и двоюр.);	
Племянница (дочь старш. брата).	*харындаш, сынгыль, сынглим (сылыу)*
Дочь, племянница (дочь мл. брата) внучка, девушка.	*кыз, кызым, кыдым*
Жена, женщина .	*бисэ (каляш)*
Теща, свекровь .	*кайна, каин-иней, биим*
Старш. сестра мужа (жены) . . .	*каин-бика, бикам*
Мл. сестра мужа (жены)	*каин-сынгыль*
Жена стар. брата (дяди)	*еньга (зиньга)*
Жена младшего брата	*килин*
Сваха (женщ.) . .	*кудагый*
„ (девуш.) . .	*кудага*

При обзоре башкирских названий родства прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что отдельные члены семьи различаются между собой не столько по

В некоторых названиях номенклатуры родства *м* в конце слова означает *мой*, например, *ул*—сын, *улым* мой сын.

степени кровной близости к данному лицу, сколько в возрастном отношении. За исключением отца и матери, все родственники разделяются по отношению к данному лицу на старших и младших. Дед и бабка у башкир называются старшим отцом и старшей матерью *(ул-атай, ул-асэй)*, прадед и прабабка—большим отцом и большой матерью (*зур-атай, зур-иней*), предки—старым отцом и старой матерью. Особые названия имеются у них для дяди, старшего брата отца или матери, а также для тетки, старшей сестры отца или матери. Различные названия для старшего дяди употребляются иногда даже в пределах одного рода. Так горные зауральские бурзяне дядю называют *бабай*, а степные—*апа*. Слово *агай* (*абызей* на северо-западе) означает старшего брата, родного и двоюродного, дядю, младшего брата отца или матери, родного или двоюродного, и племянника, сына старшего дяди, если он по возрасту старше данного лица. Подобным же образом слово *апай* (*тутай*—на северо-западе) означает старшую сестру, родную и двоюродную, младшую сестру отца или матери, а также племянницу, дочь старшего брата или сестры, если она по возрасту старше данного лица. Слово *энем* означает младшего брата родного или двоюродного и племянника (сына старшего брата родного или двоюродного); *харындаш*—младшая сестра родная или двоюродная, и племянница (дочь старшего брата или сестры, родной или двоюродной). Слово *ул* означает сына, племянника (сына младшего брата или сестры родной или двоюродной), а также внука; равным образом и слово *кыз* означает дочь, племянницу (дочь младшего брата или сестры, родных или двоюродных) и внучку.

Номенклатура свойства в своей основе совершенно подобна названиям родства. Так, жена родственника, который именуется *агай*, называется *еньга*; муж родственницы, называемой *апай—езней*; жена - *энем—килин*, а муж родственницы называемой *харындаш—кияу*. Те же названия, что и в номенклатуре родства, сохраняются и в свойстве, с приставкой *каин*, в названиях тестя, свекра, тещи, свекрови, старших и младших братьев и сестер мужа и жены.

Эта номенклатура в основе своей сходная с номенклатурой азиатских кочевников, несомненно весьма древнего происхождения и сложилась, повидимому, еще в до-патриархаль-

ном строе. Желая определить свое отношение к сородичам, каждый член семьи, всех старших себя по возрасту мужчин называл старшими братьями, а старших женщин—старшими сестрами, меньших по возрасту—меньшими братьями и меньшими сестрами. При экзогамии, когда родство по женской линии не препятствует заключению брачного союза, естественно необходимы некоторые предупредительные меры, укрепляющие индивидуальную семью в особенности от вмешательства главы большой семьи. К числу последних относится обычай, по которому сноха никогда не должна показывать своего лица тестю и избегать старших братьев мужа.

Как следствие родового строя, того значения, какое *ара* имела в расходах при заключении брака одним из своих сочленов, у башкир сохранился обычай, по которому вдова должна выйти замуж за меньшего брата или за племянника своего покойного мужа. Левирата (ужичества) то-есть сожительства нескольких братьев с одною женой у башкир могло и не существовать, да, повидимому, и не было. Левират у башкир возник, повидимому, исключительно на экономической почве. Родовая группа, уплачивая другому роду или группе калым и приобретая этим путем в свою среду работницу, отпуская на свободу вдову, в случае смерти ее мужа, несет двойной ущерб: во-первых теряет работницу, а во-вторых часть имущества, так как вдова уносит с собой свое приданое. Выход замуж по смерти мужа за одного из его ближайших родственников раньше был несомненно обязателен, теперь же он практикуется у зауральских башкир при обоюдном согласии брачущихся. По словам Зеленина (29, 4), у башкир катайцев за Уралом вдова может отказаться от выхода замуж за родственника ее умершего мужа, но последний имеет право взыскать с ее родственников полный калым за нее заплаченный, если она выйдет замуж за чужого. Первым кандидатом на вдову является младший брат покойного мужа; вторым — племянник, сын брата покойного мужа. В случае спора дяди с племянником, вопрос о браке решается самой вдовой. Третьим кандидатом является двоюродный брат покойного или другой дальний родственник. По собранным нами сведениям, хотя браки между меньшим братом умершего и его вдовой происходят в Зауралье довольно часто, всегда требуется на то согласие

самой вдовы. При желании она остается жить в семье, воспитывает своих детей и не выходит замуж. Бывают даже случаи, что меньшой брат покойного, при вступлении в брак со вдовою, уплачивает ей калым, хотя и не полный. Поскольку в данном вопросе играют роль затраты на приобретение женщины, видно еще из того, что в случае смерти жениха, старший и младший его братья могут иметь право на руку невесты. Если они оба захотят взять ее за себя, то предпочтение отдается не тому, кто старше, а тому, кого выберет сама невеста, но отец требует обычно прибавки калыма. Если же умрет невеста, то жених имеет право взять ее сестру (**22**, 188). Ясно, что и в этом случае право семьи или родовой группы на женщину, за которую уплачен калым, в случае ли смерти жениха, или на ближайшую ее родственницу, в случае ее собственной смерти, обусловливается теми затратами, которые понесли семья или родовая группа на приобретение работницы. Для существующих родовых отношений у башкир весьма характерна также безусловная недопустимость брака дяди на своей племяннице.

Каково же положение башкирской женщины в семье; смотрят ли на нее, как на купленную за деньги рабу, как думают одни исследователи (**19**, 80), или положение ее довольно сносно и даже лучше, чем положение русской женщины, как это думают другие (**22**, 190, **23**, 98, **34**). Прежде всего надо иметь в виду, что жена всегда вносит в хозяйство довольно значительное имущество (тем более значительное, чем значительнее калым), которое нельзя назвать приданым в полном смысле этого слова, так как собственником этого имущества остается жена. Ей принадлежит, кроме всевозможной одежды и дорогих украшений, также скот, который она с собой привела в семью мужа, со всем приплодом. Не только доходы от ее имущества идут в ее пользу, но муж без ее согласия не имеет права ни продать, ни зарезать ни одно из принадлежащих ей животных. Возможность развода, в случае побоев со стороны мужа или даже при грубом с ней обращении, после которого она может уйти из семьи со всем своим имуществом, делает ее положение достаточно независимым, а пожилые женщины нередко пользуются в башкирских семьях даже большим влиянием. С другой стороны, теоретически женщина признается суще-

ством, стоящим гораздо ниже мужчины, который считается ее господином. Среди свадебных обрядов мы видели обычай, по которому молодая жена при первой встрече со своим мужем должна в знак покорности снять с него сапоги. Если в кругу своей семьи женщина ест вместе со всеми чадами и домочадцами, то при постороннем мужчине, если только он человек не близкий, она отходит на задний план, подает на стол, но сама не имеет места. Вся домашняя работа лежит на башкирской женщине: она приготовляет пищу и ухаживает за детьми, доит коров и кобылиц, заготовляет на зиму запасы провизии, шьет одежду и обувь, ткет холст и сукно, валяет войлок и проч. В страдную пору она жнет хлеб, а местами и косит, мелет муку на ручных жерновах, ходит за огородом и проч., и проч. Только во время менструаций (*курым*, *карам*), она устраняется от приготовления пищи, для чего приглашается мужем какая нибудь родственница. На обязанности мужчины лежит наблюдение за табунами, их пригон на кочевку, лесной промысел, охота и пчеловодство. Там, где занимаются хлебопашеством, башкир сам пашет и боронит, жнет же хлеб и молотит вместе с женою. К этому нужно прибавить еще, что башкиры вообще не так уж прилежны к работе и у них тем больше барства, чем они богаче. Бедный же башкир проявляет свое барство у себя дома, и служит ему его жена. Как бы то ни было, семейная жизнь башкир протекает весьма мирно, жена почти никогда не возражает мужу, последний же относится к ней с большим вниманием; детей почти никогда не наказывают и относятся к ним с большой любовью.

Вообще башкирские женщины пользуются относительно большей свободой, чем у многих других мусульманских народов. Восточная зауральская башкирка, за исключением тестя, почти ни от кого не закрывает своего лица. То же можно сказать и про горных башкир, тогда как западные мало в этом отношении отличаются от соседних татар. Пожилые женщины и девочки лет до одиннадцати, двенадцати совсем не закрываются. Еще не так давно башкирские женщины принимали участие наравне с мужчинами в некоторых народных празднествах, а местами (на северо-западе) еще и теперь сохранились общие игры и гулянья парней с девушками.

В связи с брачными отношениями и положением женщины в семье следует сказать несколько слов о правах наследования. Все дети в семье равны, но наследником всего имущества отца является обыкновенно меньшой сын, так как старшие выделяются отцом раньше. Дочери наследуют имущество матери, а о приданом девушки при выходе замуж заботится брат или дядя, у которого она живет и который получает за нее калым. Бывают случаи, что башкиры берут в семью зятя, если нет сыновей. Такой зять, если у него будут дети, становится обыкновенно и наследником всего имущества. В случае смерти жены он берет себе в дом тестя другую жену. Если же его жена умирает бездетная, зять, женившись, должен оставить дом тестя.

В связи с вопросом о правах наследования стоит отчасти вопрос о тамгах. *Тамга* вообще знак собственности, который башкир ставит на принадлежащие ему вещи, чтобы отметить тем самым право исключительного своего владения данным предметом. Так, башкир, отыскав в общинном или родовом лесу дерево с пчелами (борть) или выбрав для борти особое дерево, ставит на нем свою тамгу, после чего он делается его собственником. Башкиры таврят также животных, заклеймив их своею тамгою, ставят тамги на орудиях охоты, рыболовства и пчеловодства, на предметах домашней утвари и проч. Со временем тамга начала применяться вместо подписи на различных официальных договорах и документах. По определению Соколова (28, 17), которому мы обязаны тщательным исследованием о башкирских тамгах, башкирская тамга есть знак семейной собственности или собственности домохозяина. И действительно, в южной и центральной Башкирии, каждый глава семьи, домохозяин имеет свою особую тамгу, которую он кладет на принадлежащие ему и, следовательно, семье предметы. Такое определение тамги не применимо, впрочем, ко всем башкирам. С другой стороны, Соколов несколько переоценивает значение тамг при изучении башкир. Он считает, что разбор тамги и сличение ее с тамгами других башкир той же деревни или волости, единственный способ проверить происхождение башкира, т.-е. определить к какому племени (роду) он принадлежит. Дело в том, что не везде у башкир тамга имеет то значение, какое отмечено Соколовым у южных башкир,

а в северо-западной Башкирии ими совсем не пользуются. В северо-восточной, зауральской Башкирии индивидуальных тамг нет, но нет тамг и семейных. У всех, например, балакатайцев имеется одна общая тамга в виде буквы Н, которую все они и ставят на приговорах. Кроме этой есть еще и другие, но их всего несколько, по одной на две-три деревни. Хотя у них и существуют тавра, но они мало употребительны и не видоизменяются. У тамьян-тангаурцев и у кубеляк-телевцев имеются тамги в каждой родовой группе, которые мы называли *ара (руу)*, и каждый из членов данной *ара* имеет одну и ту же тамгу. Наконец, у центральных и южных башкир имеются семейные тамги. В этой области тамги беспрерывно изменяются, вследствие выделов отдельных членов из семьи. Выделившийся из семьи какой-либо член ее получает часть имущества, на котором стоят семейные тамги (на лошадях и проч.). Чтобы отличить свое имущество от отцовского, сын видоизменяет его тамгу. Эти изменения, по наблюдениям Соколова, сводятся к следующим способам:

1. Прибавление к наследственной тамге добавочных черточек.

2. Опрокинутие тамги.

3. Искажение тамги (способ наименее употребительный).

4. Удвоение тамги: а) слияние отдельных частей, линий складываемых тамг; б) слияние в одной или двух точках, причем оси симметрии совпадают, или ставятся параллельно или симметрично располагаются около новой оси; в) прибавляемая тамга помещается на оси симметрии первоначальной в уменьшенном размере.

5. Смешение, посредством слияния, тамг разных типов.

Только единственный сын или невыделившийся из семьи сын (чаще всего меньшой) наследует тамгу отца без изменений. Разумеется, изменяясь при переходе из поколения в поколение, тамги могут принять весьма сложную и трудно определимую форму. Основные же тамги, или тамги отдельных *ара* всегда довольно просты и, хотя не все, имеют названия, как например: вилы (*һаняк*), ребра (*кабыргалар*), посох (*тайак*), молоток (*сукыш*), лук (*йа*), коромысло (*койанта*), подкова (*тага*), месяц (*ай*) и проч. Иногда одна и та же по форме тамга в разных родах или

частях его имеет различное название. Отличительная особенность основных башкирских тамг та, что они по внешней форме—геометрические рисунки, симметричные относительно одной или нескольких линий. Эти тамги совпадают с основными тамгами других турецких и монгольских народов. Весьма вероятно, что эволюция тамг обусловливалась главным образом развитием собственности. Там, где скот, например, является общим достоянием всей родовой группы, родовой значек, тамга, является общим тавром. С дроблением рода и развитием частной собственности тамга превращается исключительно в знак собственности, тавро, которое и видоизменяется уже, как было отмечено выше.

Развод у башкир, как мусульман, совершается довольно легко, вследствие чего и бывает он довольно часто. Поводом к разводу *(талак)* у них нередко служат причины с нашей точки зрения недостаточно уважительные: непослушание жены мужу, неспособность к хозяйству, нарушение супружеской верности и т. д. Жена бросает мужа в том случае, если он обходится с ней грубо, бьет или открыто изменяет ей. Желая удалить жену, муж заявляет ей в присутствии муллы и стариков „*талак*"; старики и мулла стараются помирить супругов, если же им это не удается, жена должна уйти от мужа. Через некоторое время, помирившись, они снова могут сойтись, причем жена не имеет права выходить замуж за другого. Если же муж в присутствии муллы и свидетелей три раза повторит—*талак*, *талак*, *талак*,—то это уже полный разрыв, о разводе мулла записывает в книги, и муж выдает жене разводную бумагу (*хлюг*). С этой бумагой она свободно может выйти замуж за кого пожелает, но ее бывший муж уже не может снова сойтись с ней, если бы супруги и примирились. Только в том случае разведенная жена может сойтись со своим прежним мужем, если она вышла замуж за другого, и тот умер, или она разошлась со вторым мужем.

В тех случаях, когда жена заявляет, что она не желает или не может жить с мужем, и муж согласен отпустить ее, родители или ближайшие родственники жены обязаны возвратить мужу калым в свое время уплаченный им за жену. Если муж не соглашается отпустить жену и старики в доводах жены к разводу не находят причин достаточно ува-

жительных, развод все же может совершиться, но родственники жены обязаны вернуть ее мужу калым в двойном размере. В том случае, когда муж не желает принять и двойного калыма, разведенная жена свободна, но ни за кого уже не имеет права выйти замуж.

Дети при разводах всегда остаются при отце и только с его согласия разведенная жена может взять себе кого-либо из детей.

Родины происходят у башкир обыкновенно в кухне *(аш ый)*, если же в семье всего одна изба, то на это время все удаляются оттуда и роженица остается только с бабкой, приглашенной помогать ей. Если роды затягиваются, то потому, что злой дух *(шайтан)* держит в утробе младенца. Чтобы отпугнуть шайтана, над самым ухом роженицы стреляют из ружья. Этот обычай весьма распространен среди башкир, особенно уральских и зауральских (**40**, XLV). Более редкий обычай, продевание роженицы сквозь волчью губу для облегчения родов, нам пришлось встретить у бурзян (**40**, *X*XVIII). Для этой цели у волка срезывается кожица окаймляющая рот, сильно вытягивается и просушивается; сквозь полученное кольцо и продевают роженицу. По словам Никольского (**23**, 122) при затягивающихся родах, роженицу заставляют ходить, или бабка начинает мять ей живот; туго обвязывают живот и поворачивают роженицу с боку на бок. Есть указания, что бабки прибегают и к ручному способу оказания помощи роженице. Послед уносится бабкой куда-нибудь на задворки и закапывается, непременно пуповиной вверх, поглубже в землю, чтобы собаки не отыскали его и не тронули. Если послед задерживается, бабка усиленно мнет живот и роженице дается слабительное. Родильница дней пять лежит в постели, после чего ее ведут в баню, моют и одевают в чистые одежды. К исполнению супружеских обязанностей она приступает только через сорок дней после родов, так как все это время, равно как и во время менструаций она считается нечистой. Во время менструаций женщина одевает специально на этот случай имеющиеся штаны и рубаху. В этот период она не готовит пищи и не молится богу, так как ее молитвы не доходят до него. По окончании этого периода она моется и одевает чистые одежды.

Как только младенец появится на свет, бабка обмывает его и правит ему головку (местами голова на сутки повязывается тряпкой) и, если родился мальчик, бабка тотчас сообщает отцу эту радостную новость. Пока роженица лежит в постели, родственницы и соседки приходят к ней с поздравлениями и каждая из них несет с собой что-нибудь съедобное для нее: масло, хлеб, чай, сахар и проч. Кроме того, если родился мальчик, они дарят ей кисеты *(янсык)* или куски материи, если же девочка, то матерчатые нагрудные повязки *(тушильдрык)*.

На третий день отец созывает к себе гостей, муллу и муэззина. Если родился сын, отец обращается к старикам и мулле, прося их благословения сыну, дабы новорожденный был счастлив, богат и уважаем. Присутствующие говорят *аминь*—после чего выносят ребенка, которому мулла дает имя, выбранное родителями. Мулла совершает *азан* и *камат*, шепчет трижды на ухо ребенку—пусть имя твое будет так-то. По совершении этого обряда пьют кумыс и чай (18, 22). У богатых зауральских башкир есть обычай одаривать гостей после чая холщевыми рубашками, платками и т. п. вещами. Гости, в свою очередь, соответственно подаркам отдаривают в пользу новорожденного, жеребятами, телятами и деньгами.

Дополнением к обряду наречения имени служит обряд обрезания, который совершается в различных возрастах до трех лет. По словам Баишева (18, 22) есть люди, обрезание для которых является специальным занятием; этим занимаются, большею частью, мещеряки. Они ходят из одной деревни в другую и в продолжении года обходят определенный район. Подобные специалисты, которых называют попросту старик *(бабай, баба, сунатчи)*, встречаются, повидимому, повсеместно, нам, по крайней мере, приходилось слышать о них в различных местах. В литературе есть указание (23, 110) на то, что эта профессия и звание передаются по наследству, и операторы получали особое удостоверение от Мусульманского Духовного Собрания на право обрезания. При совершении этого обряда, после краткой молитвы, у мальчика оттягивается немного preputium, заключается в деревянный зажим из двух палочек, связанных на одном конце, и часть, выступающая из зажима, быстро срезывается.

Рану обычно присыпают золой и никакой перевязки не делают.

Новорожденный ребенок, до тех пор пока не начнет свободно ходить, содержится в колыбели, тип которой у башкир довольно разнообразен. Наиболее интересный из них с приложением рисунка описан Лепехиным (**6**, 154). Сделана колыбель из березовой коры—„которую улаживают на подобие челна или лотки укрепляя оную по краям таловым прутьем. Снаружи и внутри в головашках, где младенцевой груди быть надлежит, с обеих сторон продеваются внутри по две петли. В ногах подобные же две петли продевают. Сими петлями прикрепляют грудь и ноги младенца, чтобы из люльки не мог выпасть. За таловину прикрепленную к боку утверждают ремень или покромь, которую надевают через плечо. Таким образом башкирка едучи верхом спокойно может вести и кормить грудью своего младенца; да и младенец будучи привязан из люльки вывалиться не может, хотя бы лошадь споткнулася, или другой бы какой случился толчок". Подобный тип колыбели встречается еще и поныне не только за Уралом, где его видел Лепехин, но и по западному склону южного Урала у башкир гирей-кипчаков и друг. Делается берестяная колыбель *(бишик)* из толстой и гладкой бересты. Она состоит из двух половин, одна из них с загнутыми краями составляет основание, дно, другая пришивается к основанию под прямым углом волосяными шнурками и представляет собой спинку колыбели. Посредине к бортам прикреплен дугообразный пруток, на который кладется платок или тряпочка вместо полога. На дно колыбели кладутся растертые гнилушки, впитывающие выделения ребенка.

Более других распространен тип колыбели в виде лубковой корзины с приделанным к ней (от головы к ногам) обручем в виде дуги, при помощи которого колыбель одевается через плечо при переноске или подвешивается к дереву, когда мать работает в поле.

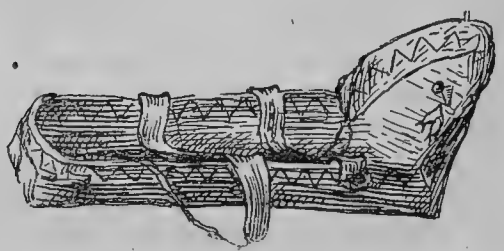


Рис. 204. *Бишик,* катайцы, 1/8 н. в., 1002—134.

Нередко встречается и иной вид колыбели *(салей* или *сангыльдяк)*, особенно у западных башкир, из рамки заплетенной лыком или зашитой холстом; чаще рама бывает прямоугольная, но встречается и из обруча эллипсоидной формы. Такая колыбель подвешивается на четырех веревках, прикрепленных к ее углам.

Рис. 205. *Салей*, гайнинцы, 1/12 н. в., 1002—133.

Каждый отдельный член ребенка пеленается отдельно и пеленание происходит довольно долго, иногда до полуторых лет. До этого же времени кормят детей грудью. В период кормления башкирка никогда не расстается с ребенком, берет его с собой в поле, в гости и на работу. Только с девяти, десяти месяцев начинают подкармливать его коровьим молоком и то, если молока не хватает у матери. Лет около двух ребенок начинает ходить, иногда с особым приспособлением *аяк арбасы*. Лет с четырех, пяти мальчик находится больше уже около отца, с шести, семи уже хорошо ездит верхом, а с восьми начинает помогать отцу в различных работах. С этого же возраста девочка начинает помогать матери по хозяйству.

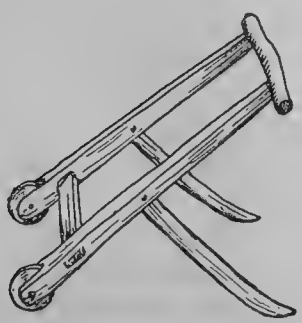


Рис. 206. *Аяк арбасы*, урман-кудейцы, 1/10 н. в., 2881—659.

Погребальные обряды башкир в настоящее время мало отличаются от обще-мусульманских. Как только начинается агония умирающего, один из родственников или муэззин читает стихи из корана, а мулла шепчет умирающему молитвы и поминутно льет ему в рот воду для утоления жажды (по понятиям мусульман умирающий испытывает такую жажду, что за чашку воды

может продать дьяволу свою веру в бога и его пророка Мухаммеда). Скончавшемуся мулла закрывает глаза и рот, поправляет руки и ноги и кладет тело так, чтобы правая сторона была обращена к Мекке. Затем мулла уходит домой, а муэззин с другими мужчинами моют обнаженное тело теплой водой и завертывают его в саван. Обмывающий получает за свой труд какое - нибудь вознаграждение, чаще всего одежду, в которой умер покойный. Горные и зауральские башкиры предпочитают завертывать покойника в крапивную материю, а если ее нет, то в холст или миткаль, но зашивают все же крапивными нитками. Мужчину обертывают в три ряда, а женщину в пять рядов материи. Так как по шариату от смерти до погребения самое мучительное время, то покойника торопятся похоронить. Если он умер утром, то его хоронят не позже полудня, а умершего на закате солнца, уже на следующий день; на ночь покойник остается в том помещении, где он умер. Тело выносят из дома и кладут на особые носилки *(тинг агасы)* покрытые лубом и несут на кладбище. Носилки состоят из двух длинных жердей с четырьмя, пятью поперечными перекладинами; носилки по погребении оставляются на кладбище

Интересное описание похоронной процессии башкир-кочевников дает Лепехин (6_2, 35—36). „Напереди ехали трое башкирцев с топорами и лопатами, повидимому для копания могилы. Расстоянием сажен ста на два ехал верхом мулла, а за ним везли покойника. Он лежал на лубке и обшит был холстом. Лубок висел на двух веревочных петлях, соединенных поперечною веревкою, сквозь которую продет был шест, и концы оного лежали на передних седельных луках двух верхом рядом едущих башкирцев, между коими покойник как в зыбке качался. За покойником ехали сопровождающие сродники и ближние, все верхами. Таким образом отправляются у башкирцев похороны, когда они от своих деревень откочевывают". Женщины провожают умершего только до ворот, и принимать участие в погребальной процессии они не могут, так как присутствие их на кладбище по понятиям мусульман было бы нарушением святости могил. Мужчины провожающие умершего не плачут, молча и сосредоточенно идут за носилками.

Могила *(кабыр)* роется в длину в рост человека, в направлении с востока на запад; сбоку у южной стенки могилы вырывается особая ниша, не более аршина вышиной и такой же ширины; в эту нишу вдвигают труп и кладут его на спину, лицом на юг, т.-е. к Мекке. Нишу прикрывают наискось поставленными досками, лубом, драницей или камышом *(ляхит такта)*, чтобы насыпная земля не касалась трупа. Роется могила специальными орудиями: деревянной грубо сделанной лопатой *(агас крёк)*, пешнею (*мандраю*), а выбрасывается земля старым ковшом. Все эти орудия оставляются на кладбище. Во время погребения мулла читает молитву и первый бросает в могилу горсть земли; то же делают все присутствующие. После того как могила засыпана, все садятся вокруг могильной насыпи и мулла читает какую-нибудь главу из корана, а один из родных умершего раздает всем присутствующим монеты, после чего все расходятся по домам (18).

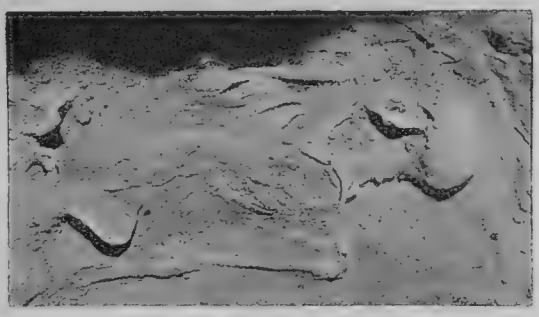


Рис. 207. Положение скелета в могиле.

По словам Баишева (18, 27), согласно понятиям мусульман, умерший оживает тотчас по уходе людей, и в этот момент к нему являются грозные судьи в лице двух ангелов: Мункир и Накир, на вопросы которых он и должен отвечать. Если покойный праведник и ответит на все вопросы, то могила расширяется, и для него начинается беспечная жизнь до дня страшного суда, грешник же не в силах бывает ответить на эти вопросы, и с этой минуты для него начинается полная страданий могильная жизнь. Поэтому мулла остается на кладбище и, стоя несколько поодаль, подсказывает покойнику или же сам дает за него ответы грозным невидимым судьям.

Могильный холм обкладывается сверху камнем, а в изголовьи ставится нередко большая каменная плита. Иногда на плите этой бывает высечено имя умершего, дата рожде-

ния и смерти, изречения из корана и проч. Камнями могилы обкладываются преимущественно в степи, в местностях же богатых лесом, над могилами чаще делаются бревенчатые срубчики из семи, восьми бревен. Кладбища (*зиерат*) бывают обыкновенно вблизи деревень и почти всегда покрыты лесом, тщательно оберегаемым от порубки и содержащимся в чистоте. Насколько башкиры чтут свои кладбища, видно хотя бы из того, что женщины туда, как и в мечеть, не допускаются. Сами башкиры вступают на них не иначе, как сняв галоши. Особенно почитают башкиры старые могилы, где по преданиям были погребены святые (*авлия*). Нередко такими могилами являются древние курганы, поросшие лесом. Башкиры рассказывают, что когда азанчей начнет призывать молящихся на молитву, они слышат, как такой же призыв несется и с древней могилы (**40**). Проходя мимо этих могил, башкиры ведут себя всегда скромно и читают про себя молитву. Деревья, растущие у таких могил, неприкосновенны и можно слышать нередко какие кары обрушились на отважившихся рубить там деревья или проявивших свое неуважение к могиле: одного разбил паралич, другой потерял рассудок, у третьего вымер весь род и т. п. Таким же почитанием, особенно в северо-западной Башкирии, пользуются могилы, в которых по преданию погребены великаны, сорока и шестидесяти аршинные люди (**40**).

В доме, откуда вынесли покойника, впродолжение двух суток не варят, не готовят пищи. На третий день делают поминки по покойнику, угощают собравшихся *бишбармак* и раздают обильную милостыню. Часть из имущества покойного дают мулле за то, что он обязуется молиться втечение довольно продолжительного времени за умершего. По словам Назарова (**22**, 192), у башкир существует два специально поминальных кушанья: *жайма* — тонкие лепешки из пшеничной муки на сале—и *бутка*—пшеничная каша на молоке. Кроме третьего, поминки справляются также на седьмой и сороковой дни.

Нам не удалось, к сожалению, проследить в деталях географическое распространение среди башкир описанных выше явлений, характерных для их семейного быта. Последнее, впрочем, не столь уже существенно, так как общие

черты семейно-родового строя башкир для нас достаточно ясны, и наиболее существенные территориальные особенности нами отмечены.

В основе семейной их жизни лежит родовой строй в формах, ярко выраженных у соседних башкирам азиатских турков. Подразделения внутри родовых групп и внутренние взаимоотношения членов семьи, номенклатура родства, вытекающие из этих взаимоотношений обычаи при заключении брака до левирата включительно — все эти явления нам хорошо известны у различных племен турецкого мира, начиная от Урала до Саянского нагория и далее на северо-восток до крайних пределов, населенных сибирскими турками. Те же явления, но не в таких отчетливых формах, имеем мы и у европейских турков, у живущих по соседству чувашей, тептярей, мещеряков и даже вотяков. Особенно много общих черт в семейно-родовом строе башкир с казак-киргизами, причем восточные, зауральские башкиры хранят древний уклад семейной жизни много лучше, чем западные, особенно северо-западные башкиры. Последние, живущие в сложном конгломерате чуждых им племен, и в семейном быту, подобно тому, как это было отмечено для материальной их культуры, более других утратили многие самобытные черты.

XI.

Общественная жизнь и искусства.

Детские игры. Народные празднества: *карга-туй*, *сабан-туй*, *жиин*. Танцы. Содержание и мелодии песен. Музыка и музыкальные инструменты. Изобразительное искусство: шитый и резной орнаменты, тисненый на коже и чеканный.

Детских игр настолько много (*ашик*, *хари туп*, *усат*, *тюбетей кутуши*, *ули*, *бильги*, *казя сиюш*, *курильмяк*, *ось куныс*, *ось букэн* и проч.) и они так варьируют в зависимости от местности, что мы не имеем возможности дать здесь подробное их описание. Поэтому ограничимся знакомством с некоторыми из них, чтобы иметь представление о детских развлечениях.

Игра в кости или бабки (*ашик*) отчасти похожа на общераспространенную великорусскую игру в бабки, но существенно и отличается от нее. Бабками здесь служат не фаланги, а астрагалы. Та же кость служит и битком (*нага*). Бабки выставляются в ряд, и играющие мечут свои битки для установления порядка, кому бить раньше, а кому позже. Первым бьет тот, чей биток ляжет прямо (так. назыв. *туй*), вторым бьет тот, у которого биток ляжет на спину (*алчи*), третьим, у которого биток лежит на правом боку (*бюк*) и последним — с битком на левом боку (*сюк*). Если битки двоих из играющих лежат в одном и том же положении, то они или переметываются или раньше бьет тот, чья бабка лежит дальше от кона. В башкирской игре в бабки есть еще и та особенность, что все сбитые бабки берет только тот, чей биток ляжет после удара в положение *туй*, если же биток ляжет в положение, называемое *алчи*, *бюк* или *сюк*, то игрок берет только те из выбитых бабок, которые лежат в одном положении с его битком.

Употребляющийся в башкирских играх мячь (*туп*) скатывается из шерсти, как войлок. Его, как и в великорусских играх, закатывают в лунки (*шукыр*), гоняют клюками (*сякан*) и деревянными булавами (*шюкмар*). При всех групповых играх играющие конаются (*шыбага*), делятся на две партии. Все играющие разбиваются на пары приблизительно одинаково играющих игроков и по уговору называют себя чай и сахар, земля и вода, хлеб и соль и т. д. Подойдя к коноводам обоих партий, они спрашивают, кто из них желает чай, а кто сахар и т. д.

При игре в лапоть в землю вбивается кол, к которому привязана веревка аршина четыре длиною. Один из играющих берет в одну руку лапоть, а в другую конец веревки, привязанной к колу. Все остальные стараются притронуться к колу, игрок же с лаптем недопускает их и бьет лаптем; ударенный обязан отскочить. Лапоть переходит к тому, кто нетронутый возьмется за кол и успеет отскочить от него.

Существует у башкир также игра в чижик (*усат*), при которой из круга выбивают заостренную на обоих концах палочку.

Катают с горки большой тряпичатый шар, стараясь сбить расставленные в редкий ряд яйца и проч.

Из девичьих игр, помимо упоминаемых ниже при описании *карга-туй*, наиболее распространенными являются горелки (*ось куныс*), и в три пня (*ось букэн*), где три девушки становятся треугольником с четвертой посредине; они меняются местами, а четвертая должна успеть занять одно из их мест; кругом водят хоровод.

Мальчики кроме того развлекаются стрельбой из лука (*йа*). Состязание в стрельбе из лука раньше, по словам Лепехина (6_2, 114), было одним из любимых развлечений взрослых: „они метили стрелами, как в поставленную цель, так и в башкирцев, которые столько имели проворности, что в известном расстоянии могли увертываться от пущенной стрелы. Иные пускали стрелы стоя на земле, а удалые, расскакавшись во всю конскую прыть, метили стрелою в подставленный предмет".

Помимо свадебного празднества (*туй*) и празднеств религиозных как то: *маулюд-байрам*, *ураза-байрам*, *курбан-байрам*, *ашура-байрам* и *ражип-байрам*, у башкир имеются еще народные празднества: *карга-туй* и *сабан-туй*.

Карга-туй, весенний праздник (*карга*—грач, *туй*—праздник) празднуется в начале весны, как только стает снег, появится свежая травка и прилетят грачи. Обычное время для этого праздника с конца апреля до начала июня. Участие в нем принимают только женщины, девушки и мальчики, не старше лет тринадцати. Местом для него выбирается один из ближайших к деревне холмов, не далее двух километров. Несут туда самовары, чай, сахар, хлеб и крупу;

Рис. 208. Табор на празднестве *карга-туй*, барын-табынцы.

варят кашу и пьют чай. Пожилые женщины кашеварят, а молодые водят хороводы (*нунгаряк-унияк*), играют в мяч, прыгают через препятствия, а местами бегают взапуски, заправив рубахи в штаны. В беге принимают участие девушки и молодые женщины не рожавшие еще детей. Самая старшая из женщин, являющаяся распорядительницей на этом празднике (*юл барсыхи*), облачена в бутафорский старинный костюм (*баш-кыим*). Так празднуется *карга-туй* на восточном склоне Урала и в прилежащих степях.

В западной и юго-западной Башкирии этот праздник известен под именем *карга-бутка* и празднуется за день до следующего праздника *сабан-туй*. На юге, как и на востоке в этом празднике деятельное участие принимают девушки и женщины, у западных же башкир это исключительно детский праздник. Толпа мальчишек ходит там по

домам и собирает крупу, яйца и масло; ходят и кричат, *ярма, ярма, ярма* (крупа). Набрав всего вдоволь, они направляются к реке, где и варят кашу. На следующий день устраивается уже *сабан-туй*, для которого мальчики собирают яйца. Под тем или иным названием весенний праздник празднуется еще и теперь почти повсеместно среди башкир, за исключением Бирского и Осинского уездов. В центральной и вос-

Рис. 209. Игра в горелки на празднике *карга-туй*, барын-табынцы.

точной Башкирии он известен под названием *карга-туй* на юге и на западе как *карга-бутка*.

Другой башкирский народный праздник *сабан-туй* празднуется ежегодно перед началом пашни, сейчас же после *карга-туй* или (на востоке) в промежуток времени между пашней и покосами. Празднование *сабан-туй* и свадебного *туй*, о котором мы упоминали выше, в общих чертах одинаково, за исключением некоторых мало существенных деталей. Празднество это, которое нам неоднократно приходилось наблюдать в северо-восточной Башкирии, проходит следующим образом. Одна из деревень, устраивая *сабан-туй* приглашает к себе соседнюю, часто из другого рода, деревню. Приглашенные едут в гости с женами и детьми, а впоследствии устраивают ответное своим хозяевам празднество. Угощение производится за счет всей деревни, для чего заранее собирают яйца, деньги (копеек по сорок со двора). На собранные деньги покупают три, четыре лошади, в зависимости от размеров деревни, да к тому же и богатые нередко жертвуют для общественного угощения одну из своих лошадей. Для почтенных гостей покупается чай, сахар,

лимоны. Лепехин (6_2, 25) дает нам весьма интересное описание приготовлений к этому празднеству. „По вечеру собираются из всей деревни молодые ребята, на отборных верховых лошадях и, проехав всю деревню из конца в конец, из околицы возвращаются и перед каждым домом делают великой крик и стук до тех пор, пока хозяин дому такую отборную артель чем нибудь не наградит. По большей части наделяют их куриными яйцами. Собрав подворную пошлину, молодеж разъезжается по своим дворам". У западных башкир (б а й л я р ц ы) еще и теперь мальчики, а за ними и взрослые собирают по домам яйца. Затем один из уполномоченных собирает от молодых женщин полотенца, платки, от торговцев ситцы и несет все это на *майдан*, где должно происходить празднество. Гости, у которых в деревне имеются приятели или родственники, на *сабан-туй* приезжают с вечера, прочие же приезжают утром в день праздника, останавливаются у знакомых или просто на *майдане. Майдан* устраивается где-нибудь на возвышенности вблизи деревни, с южной стороны его располагаются полукругом холщевые палатки, открытые к центру или полукруг устраивается из небольших березок. Тут же стоит высокая жердь с привязанными к вершине полотенцами и платками, указывающими издали на место сборища. В тени берез или навеса сидит мулла и почетные лица, гости и хозяева; здесь они пьют чай, наблюдают за борьбой и другими состязаниями. Весь народ собирается на *майдан* после полудня, когда старики выйдут из мечети после молитвы. Собравшись на *майдан*, народ занимает места или в тени навесов, или, располагаясь полукругом, с противоположной стороны так, что *майдан* замыкается полным кругом. В центре круга начинается борьба (*куряш*). Она состоит в том, что борцы выступают на средину *майдана* и, сбросив с себя верхнее платье (остаются только в штанах и сорочке) и засучив рукава рубашки, сходятся и схватываются, перекинув друг другу через спину кушак (*бильбау*), концы которого каждый держит в руках, обмотав вокруг кисти. Расставив ноги и испытывая друг друга в ловкости и силе, они пытаются положить противника на лопатки. Медленно и тяжело переступая с места на место, поворачивая друг друга то в одну, то в другую сторону или припадая на одно колено, стара-

ются перекинуть противника через голову, или прижимают его к груди, стараясь сломить его сопротивление, наваливаясь на него всею тяжестью тела или подымают на воздух противника и, обернув раза три вокруг себя, бросают на землю. Постепенно увлекаясь, на арене, вместо двух-трех, собираются десятки пар борющихся. Только когда схватятся

Рис. 210. Участники состязания в беге, внизу получившие призы, катайцы.

два одинаково ловких и сильных противника, долго и упорно борющихся, на этой паре сосредоточивается все внимание зрителей. Как только одному из них удастся побороть противника, вся толпа одобрительным гулом приветствует победителя. Случается при этом, что раздаются шумные протесты родственников или друзей побежденного, усмотревших что нибудь незаконное в приемах борьбы победителя. Поборовший подходит к одному из стариков, раздающему награды, и получает от него пару яиц, платок или просто лоскуток материи. Полученный приз победитель сейчас же дарит кому-нибудь из лиц почетных, отцу, дяде или старику, которые обыкновенно отдаривают его деньгами (монетой в пятьдесят копеек или рублем). У зауральских башкир строго соблюдается правило, по которому раз побежденный уже больше не борется. Из борцов, победивших десятки противников, подбирается группа силачей (*бальван*), которые начинают состязаться между собой и в результате остается

один, два непобедимых богатыря(*батырь*). Местами эти состязания в борьбе славятся настолько, что *батыри* приезжают на *сабан-туй* за много верст померятся силами и ловкостью с другими *бальванами* и *батырями*.

Вторым по порядку состязанием на *сабан-туй* является бег взапуски (*югырмак*). В беге участие принимает человек до десяти, причем бегущие (*югрек*) бывают только в одних рубашках и штанах, засученных до колен. Бегут обыкно-

Рис. 211. *Сабан-туй*, беговые лошади, катайцы.

венно на небольшое расстояние, до двух километров. Впереди бегущих скачет всадник и указывает им тем самым путь, по которому следует бежать. Троим прибежавшим первыми, дарят куски мяса: первому самый лучший и жирный кусок мяса, второму ребро, третьему небольшой кусок. Местами вместо мяса бегущим раздают полотенца. И эти призы победители обычно дарят почетным гостям, которые отдаривают их деньгами.

За бегом взапуски следуют скачки на лошадях *(байгы)*. Седоками являются мальчики лет от шести до двенадцати. Если день не очень жаркий, то лошадей пускают часа в два по полудни, если же жарко, то часа в четыре вечера. Обычная дистанция скачек километров шесть, семь. Мчатся все время во весь карьер с криком, визгом и ударами нагаек. Как только издали покажутся скачущие, борьба прекращается и все с *майдана* спешат к дороге, становятся по обе стороны в две шеренги и с большим интересом и волне-

нием следят за приближающимися. Как только первая лошадь поровняется с толпой, раздается взрыв криков и возгласов приветствующей толпы. Лепехин (6₂, 25—26), описывая *сабан-туй*, говорит, что на дороге, на некотором расстоянии от зрителей или молодой парень, или девка держит на шесте привязанный белый платок, вышитый по углам разноцветным шелком, который и достается в награду тому, кто всех на своей лошади перегонит и первый платок сорвет с древка. Если же случится двоим прискакать вместе к назначенному месту и схватиться за плат „то должны они совершенное плата присвоение заслужить борьбой". „Хотя плат и не дорогой, однако не всяк охотно пожелает и дешевую вещь подарить другому: то у них узаконено, чтобы на сабанном рыцарстве награждение сделано было руками той женщины, которая в деревне моложе всех замужем". Черемшанский (11, 157) и Казанцев (12, 35—36) также пишут, что шест с платком держит в руке женщина или девушка, славящаяся красотой, щегольством и искусством в рукоделии. Оба они отмечают, что соперники вместе прискакавшие, вопрос о праве владения платком решают борьбой или состязанием в стрельбе из лука. Призы, которые теперь выдают на скачках, обычно довольно значительны. Первая лошадь получает жеребенка, чаще всего годовалого, вторая рублей пять денег и третья полотенце.

Среди других состязаний на *сабан-туй* наиболее распространено добывание ртом монет из котлов, наполненных водой с отрубями или кумысом, а также перетягивание друг друга веревкой. При последнем состязании два человека надевают себе на шею веревку и пропускают ее промеж ног; становятся друг к другу спиною и тянут вперед; между состязающимися проведена черта; кто перетянет за эту черту другого, тот и получает известный подарок.

Во время борьбы, на некотором расстоянии от *майдана*, приготовляется угощение. В довольно длинной, неглубоко вырытой канаве, раскладывается огонь, над которым поставлено в ряд несколько котлов с водой и мясом. Несколько человек с заостренными палочками следят за варкой. Тут же рядом другая группа занята приготовлением конских колбас, которые как и сварившееся мясо складываются в специально для этого приготовленное корыто (чаще челн). Сваренное

мясо режется на мелкие кусочки для *бишбармак*. В некотором отдалении для того же *бишбармак* несколько женщин приготовляют лапшу *(салма)*. Когда *бишбармак* готов, весь

Рис. 212. Варка мяса на *сабан-туй*, катайцы.

народ принимается за угощение, после которого уже под вечер расходятся и разъезжаются по домам.

Угощение в поле, борьба и скачки устраиваются также во время мусульманского праздника *курбан-байрам*, празднуемого башкирами, если последний бывает летом. Во время того праздника бывают весьма любопытные состязания.

По словам Баишева (18, 19) у юго-восточных башкир есть обычай, по которому юноши устраивают во время *курбан-байрам* угощение для молодых людей соседней деревни. Когда угощение (баранина, кумыс, чай) приготовлено, один из юношей посылается с приглашением. Как только посланный вернется с известием, что гости едут, все принимающие в приглашении участие выезжают верхами навстречу гостям, которые также все до одного едут верхами. После взаимных приветствий один из гостей, обыкновенно тот, у которого

Рис. 213. Приготовление колбасы, катайцы.

лучше лошадь, предлагает встретившим отнять находящийся в его руке большой кашемировый платок, а сам пускается вскачь по полю. Прибывшая группа защищает этот платок, а другая старается отнять его. Победившей считается та сторона, которой удастся отбить платок. Состязание это называется у башкир *кут-алу*. После этого отправляются в приготовленный для приема гостей дом и устраивают пиршество с пляской и пением. Это же состязание (драть козла, собственно „серый волк"—*кöх-бури*) описывает у южных башкир и Назаров (46_2, 35). Башкиры собираются верхами в известное место и один из них везет зарезанного козла. По данному знаку башкир с козлом на седле пускается вскачь, а остальные стараются догнать его и отнять козла. Если кому нибудь удастся схватить козла, скажем за ногу, то он, стараясь перетащить козла к себе на седло, отрывает ему ногу и продолжает скакать. Тогда башкиры разделяются на две партии: одна гоняется за козлом, другая за ногой и так продолжается до тех пор, пока козел не будет растерзан на клочки.

У башкир имеется еще народное празднество, известное под именем *зиин* или *жиин* („собрание"). Раньше *зиин* назывался, повидимому, съезд представителей целой волости или рода, а то и несколько родов, на котором решались наиболее важные политические вопросы. Теперь же в различных местах под этим именем разумеют различные собрания. У южных башкир *зиин* называют свадебные торжества, прием и угощение гостей перед отъездом молодой. В иных местах (кое-где на северо-востоке и везде на западе) он заменяет *сабан-туй*; никаких состязаний в поле там уже не бывает и все ограничивается пирушкой, катаньем на тройках и приемом гостей. Кое-где у северных башкир *зиин* превратился в ярмарку. В редких местах (между прочим в Бирском у.) *зиин* носит характер *сабан-туй* и сопровождается всеми присущими ему состязаниями.

Детские игры башкир представляют собой мало характерного: часть из них, если можно так выразиться, универсальные, часть является подражанием занятиям взрослых, и только некоторые, такие как игра в кости, своеобразны и сближают их с азиатскими турками. Несравненно интереснее общественные празднества. Прежде всего следует отме-

тить почти полную тождественность празднования *сабан-туй* и *туй* свадебного. Последний же совершенно в тех же основных чертах, как и у башкир, празднуется азиатскими турками-кочевниками. Правда, *сабан-туй* мы находим в настоящее время и у соседних башкирам финнов, в частности у черемисов, но у последних он несомненно позаимствован от турков. С другой стороны „сабанное" празднество, этимологически связанное с земледельческим орудием (*сабан*) и приуроченное к определенному моменту возделывания пашни, должно было возникнуть, сравнительно, недавно, с постепенным переходом башкир к земледелию.

Там, где обработкой земли башкиры начали заниматься недавно (на юге), там нет *сабан-туй*. При этом надо иметь в виду, что как весенний праздник, связанный с другим, описанным выше праздником *карга-туй*, *сабан-туй* (или просто *туй*) праздновался и ранее, но только, повидимому, с переходом башкир к земледелию ему было придано название, связанное с земледельческим орудием.

Танцы башкир отличаются некоторым своеобразием. В пляске своей, как выражается Лепехин (6_2, 114), „башкирцы много кобенятся и стараются также телодвижением выражать слова в песне содержащиеся". И действительно, пляска башкир, в которой участвуют и мужчины, и женщины, не отличается особой живостью и совершается всегда под звуки песни или свирели (*курай*) с частым ритмом. Присутствующие отбивают такт в ладоши и время от времени в одобрение пляшущих восклицают *ие*! Женщины во время пляски тихо передвигают ногами, машут руками, щелкают пальцами или кружатся на одном месте: мужчины, уперев руки в бока и слегка наклонив на бок голову, плавно покачиваются туловищем, ногами же быстро откалачивают такт, топая о пол или ударяя одной ногой о другую. Он, то приближается к женщине, то удаляется от нее; женщина в свою очередь манит к себе руками мужчину, но когда он приблизится к ней, она закрывает лицо платком, отворачивается в сторону и склоняет голову.

Башкирское пение и музыка были изучены Рыбаковым как по содержанию, так и со стороны музыкальной. Поэтому в дальнейшем изложении, помимо личных наблюдений, мы

будем руководствоваться главным образом работами упомянутого исследователя (**25, 26, 27**).

Башкирские песни непосредственно народного творчества *(джырлар)* обыкновенно кратки, в одну строфу (в 4 строчки), причем первая полустрофа большей частью не имеет внутренней связи с последующей второй, и соблюдается лишь внешняя связь—рифма во второй и четвертой строчках. В первой половине строфы очень часто заключается какой-нибудь поэтический образ или картина природы. Изредка, вопреки обыкновению, такая картина или образ имеет органическую связь с содержанием второй половины строфы, как аналогия, сравнение или параллель.

Вот образец песни, записанной нами в северо-восточной Башкирии (б а л а-к а т а й ц ы):

Как на оседланном коне поедешь,
Так вспотеет.
Если друг хороший будет,
Всю душу выложишь ему.

* * *

Заяц гуляет по кустам,
А скачет по горам.
А если друг с дружком сойдется,
Тогда нужда—бедность разойдется.

* * *

В степях ветер семя растрясет,
Что засохло.
Играли, баловали, не знали,
Как время провели.

Иногда попадаются песни, в которых три и больше строф связаны между собой и общим содержанием. Такие песни чаще всего бывают повествовательного характера и распеваются почти по всей Башкирии, за исключением ее западной и северной части. Как на образцы укажем: *Карагюрга*, *Ашкадар*, *Тавтиляу* и другие. В песне про черного иноходца (*кара-юрга*), например, воспевается иноходец, которого украл башкир данного рода где-то очень далеко, и на котором он проехал сотни верст не останавливаясь, так как за ним гнались два брата, хозяева иноходца, с несколькими родственниками. Иноходец был так хорош, что не знал устали, и так покоен, что на полном ходу не расплещет

воды из чашки, поставленной у него на спине. Добравшись до кочевки вора, преследователи не нашли ни его, ни иноходца, на котором тот уехал далеко в горы. Они перерезали его семью, а красавицу жену увезли с собой. Сильно сокрушался похититель иноходца, но не расстался с ним, последний и был ему утехой.

В зависимости от мелодии башкирские песни разделяются на два класса: на протяжные, проголосные мелодии *(куйлян, узун куй)* и скорые, короткие мелодии *(дженгыль куй)*; к последнему классу относятся и плясовые мелодии (*такмак*).

Текст и мелодия в башкирских песнях не связаны между собой настолько, чтобы неизменно сопровождать друг друга. В противоположность, например, русским песням, данный текст может распеваться на данную мелодию, но также и на всякие другие однородные мелодии, нельзя только протяжную мелодию заменить короткой и наоборот.

Среди башкир нередко встречаются певцы, соединяющие в себе дар поэта и композитора; они составляют новые песни на собственные мелодии. Насколько интенсивно башкирское поэтическое творчество, можно судить по тому, что у них постоянно сменяются целые циклы песен с каждым поколением: молодежь не поет песен, которые пели старики. Только небольшая часть песен, особенно легендарного и былинного содержания, передается от поколения поколению, лирические же песни сменяются почти всегда. Певец, которого слышал Лепехин (6_2, 113), „пел славные дела своих предков, которых они батырями называют, между коими Алдар, Кара-Сакал, Кильмят, Кучим и проч. были первенствующие. Певун наш припевал не только все их жизни достопамятное, но голосом и телодвижениями выражал все их действия, как они увещали своих товарищей, как выступали в бой, как поражали противников, как обремененные ранами ослабевали и последний испускали дух".

Прошло полтора столетия и башкиры почти везде позабыли уже бывших своих батырей, былых вдохновителей и руководителей их войн. Только последнего из них, Салавата, помнят еще хорошо и распевают посвященные ему эпопеи. Певец речитативом рассказывает о подвигах и похождениях Салавата, но когда нужно выразить лирические чувствования и переживания героя, рассказчик вслед за

словами „тут Салават запел", поет песню, приписываемую этому герою.

Среди певцов преобладают высокие голоса, особенно тенора, которые без затруднения берут чрезвычайно высокие ноты, но по тембру приближающиеся к детским голосам (альтам). Одной из особенностей исполнения всех песен является продолжительное протягивание последней ноты песни с вибрацией в голосе (особенно в исполнении *узун куй*).

Излюбленное время для пения — вечера, особенно на кочевках, хотя в поле и в пути башкиры охотно поют и днем. Поют также по вечерам на различных сборищах, гулянках и свадьбах; поют всегда по одиночке, редко второй голос подтягивает, хорового же пения нам никогда слышать не приходилось.

Сравнивая башкирские песни с песнями соседних им мусульман, татар и тептярей, Рыбаков (26, 366) приходит к заключению, что башкирские песни более мелодичны и эффектны, дышат какою-то особой широтой и размашистостью, которая зависит не единственно от употребления широких интервалов; иногда от них веет своеобразной прелестью, чувствуется стремление к чему-то неопределенному, мечтательному. Башкирским мелодиям менее чем татарским и тептярским свойственны украшения в восточном вкусе, их ритм отличается большей ровностью. От них остается впечатление большей новизны при многих оригинальных чертах.

На ряду с песнями у башкир развита и музыка инструментальная, причем она чуть ли не преобладает над вокальною. Почти к каждой песенной мелодии у башкир имеется инструментальная, как свободная ее вариация.

Среди встречающихся у башкир инструментов, наиболее распространены два из них: *кобыз* и *курай*. *Кобыз* в свою очередь бывает двух родов: это или деревянная пластинка с вырезанным на ней язычком (*агас кобыз*) или общеизвестный варган, железная дужка с вибрирующей в ней стальной или медной пластинкой (*тимир кобыз*). При игре на обоих этих инструментах играющий берет их в зубы и дергает за веревочку, прикрепленную к деревянному язычку, или ударяет пальцем, приводя в движение металлическую пластинку в железном *кобыз*. Деревянный *кобыз*, более прими-

тивный, встречается в Башкирии довольно редко; он отмечен у катайцев, гайнинцев и у танып цев.

Мужчины на *кобыз* играют редко, это инструмент детей, особенно девушек и женщин.

Другой характерный для башкир инструмент, *курай*, делается из стебля растения, называемого медвежьей дудкой (*Archangelica officinalis*). Для него выбирается гладкий, пустой и чистый внутри стебель растения, в котором вырезывают пять прямоугольных отверстий. На некотором расстоянии от нижнего конца дудки прорезывается четыре отверстия на расстоянии в два пальца одно от другого; пятое же отверстие проделывается с противоположной стороны на несколько сантиметров выше четвертого отверстия. Музыкант (*курайсы*) берет *курай* широким концом в рот между зубами, закрывая половину верхнего отверстия губою, другую половину отверстия он зажимает языком, перебирая пальцами обеих рук боковые отверстия. Натуральный строй курая, по Рыбакову (**27**, 13), представляет так называемую китайскую гамму (до, ре, ми, фа, соль, ла, до), но не каждый *курай* звучит в строе натуральной гаммы до—до, а как придется, один выше, другой ниже, смотря по длине (обычная длина от 50 до 60 см.), толщине и другим свойствам стебля, из которого сделан инструмент. Старый, сухой инструмент перед игрой смачивается теплой водой. Звуки курая тихие, меланхолические и задушевные, достаточно хорошо воспроизводят мечтательность башкирских мелодий. Башкирские мелодии с ясно обозначенным ритмом напомнили Sommier (**47**) пастушеские песни Швейцарии и Тироля. Этим мелодиям вообще свойственны размашистые интервалы (ноны, децимы, дуодецимы и проч.), а характерной их особенностью является то, что в начале мелодии выдерживается довольно долго определенная нота, как бы фермата, к кото-

Рис. 214. *Курайсы*, гирей-кипчаки.

рой игрок подыскивает голосом квинту и этим как бы устанавливает строй мелодии. Несмотря на тихие звуки *курай,* у хорошего игрока на этом инструменте мелодия приобретает относительную силу и величественность. Подобно многим восточным народам, инструментальную мелодию игрок башкир постоянно сопровождает неизменным горловым звуком, гнусящего характера, точно органным пунктом или педалью, как его сравнивает Рыбаков.

Почти к каждой мелодии башкиры приводят какое-нибудь сказание или легенду, поясняющую ее происхождение.

Играют на *курай* преимущественно мужчины, хотя встречаются и женщины, очень недурно владеющие этим инструментом.

Переходя теперь к изобразительному искусству башкир (шитому и резному орнаменту), мы обратимся прежде всего к вышивкам на так называемых *хараус.* Как мы видели, украшение вышивкой костюмов не в обычае у башкир, да оно и понятно, ибо в древности они носили преимущественно меховые или шерстяные одежды, от которых почти непосредственно перешли к ярким цветным фабричным материям. Впрочем в тот период, когда они носили белые домотканные материи (крапивный и конопляный холст), они несомненно украшали их до известной степени вышивкой, но последняя никогда не была у них так развита, как на костюмах соседних финнов (черемис, вотяков и мордвы) или чувашей, женские, например, сорочки которых еще и сейчас богато расшиваются шелками. Бедность башкирского шитого орнамента не столько качественная, сколько количественная и зависела она не от отсутствия эстетического чувства или вкуса, который у башкир развит настолько, что может удовлетворить самому изысканному вкусу европейца. Одна из причин бедности башкирского шитого орнамента заключалась, повидимому, в том, что башкирка даже зимой не имела столько досуга, сколько было его у искони земледельческих и оседлых финнок, тративших многие месяцы в году на сучение ниток, тканье и вышивание. Тем не менее башкирки, впрочем, почти исключительно девицы, занимались вышиванием, и образчики их работ сохранились в так называемых *хараус* или *сараус* — лоскутках холщевой материи (8—12 см. шир. и 25—30 см. длины) с вышитыми на них

узором в форме трапеции. Там, где *хараус* еще сохранились (вся зауральская Башкирия, юг и западные склоны южного Урала в пределах Стерлитамакского у. до р. Белой), они играют известную роль в свадебных обрядах. От имени новобрачной свахи дарят *хараус* родне и почетным гостям, последние же отдаривают их деньгами, которые идут в пользу молодой. Встарину они играли роль и при сватовстве, когда свахи показывали их родне жениха в доказательство искусства невесты. *Хараус* служил роженице для отдаривания своих приятельниц, когда последние с поздравлением приносили ей различные кушанья. Не допуская мысли, чтобы *хараус* не имели никакого практического применения и изготовлялись исключительно для свадебного ритуала, мы долго искали объяснения их непосредственного назначения. В обширной литературе о башкирах нам встретилось только одно указание (32, 83), что „*сараус*—повязка под кистью *кашбау* вышитая шелками". Наконец, в 1912 г. нам удалось приобрести у башкир гирей-кипчаков экземпляр *хараус* (см. рис. 137), к каждому углу которого были прикреплены нитяные шнурки. По словам башкир *хараус* этот повязывался на верхнюю часть лба широкой стороной узора вниз, под нависающей на лоб коралловой бахромой *кашмау*. Впоследствии, при расспросах, нам неоднократно приходилось слышать подтверждение только что указанного назначения *хараус*.

При сборе этнографических коллекций для Русского Музея мы всюду, где только было возможно, старались приобрести *хараус*, которых с каждым годом становится все меньше и меньше. В результате нам удалось составить коллекцию их в количестве около 200 экземпляров.

Все хараус вышиты одним и тем же швом; здесь нет ни глади, ни крестика, ни двухстороннего шитья, столь характерного для вышивок на башкирских *тастар-баш*, с которыми мы познакомимся ниже. Все они вышиты стежком и при том односторонне: с лицевой стороны нитка ложится диагонально, а с изнанки параллельно общей длине *хараус*. Нитки для вышивания этих повязок употреблялись исключительно шелковые, редко шерстяные, разнообразных и ярких цветов, хотя преобладают главным образом цвета красный для общего фона и черный для контуров.

При первом взгляде на узоры *хараус* кажется, что здесь бесконечное разнообразие мотивов, и что дублетов совсем не существует. При ближайшем же внимательном изучении оказывается, что возможно выделить основные элементы, довольно часто повторяющиеся, и их вариации, а также как бы переходные мотивы между принятыми нами за основные. Мы не можем вдаваться здесь в подробное изучение башкирского шитого орнамента, так как для этого прежде всего необходимо рассматривать его вместе с орнаментом соседних финнов, с которыми он имеет много общего, а быть может от него и происходит. Последнее возможно только при сравнительном изучении многочисленных собраний Этнографического Отдела Русского Музея, пока же ограничимся только некоторыми замечаниями на основании поверхностных наблюдений тех из чувашских и черемисских вышивок, которые встречаются на территории Башкирии или по соседству.

Наиболее распространенный (24% нашей коллекции) тип узора мы имеем на *хараус* рис. 215, *а*. Он состоит из трех одинаковых треугольников, разделенных между собой полосками. Рисунок достаточно примитивен, это так называемая ёлочка, столбик с отходящими от него коротенькими ответвлениями, параллельными друг другу; наверху ёлочки квадратик, посаженный на один из углов, по бокам треугольники с зубчиками, а внизу та же ёлочка, но половинчатая.

Второй тип (рис. 215, *б*), также довольно многочисленный (10%), произошел очевидно из первого путем раздвоения основной ёлочки; треугольники с зубчиками также несколько видоизменились. Этот тип, как и первый, состоит из комбинаций трех одинаковых рисунков. Варианты этого типа, несколько упрощенного, мы имеем на рис. 220. Здесь мы узнаем ту же раздвоенную ёлочку, но превращенную уже в столбик с зазубринами, а боковые треугольнички получили квадратные придатки на вершинах.

Третий тип уже резко отличается от предыдущих и не так многочислен (4%). Его (рис. 215, *г*) можно рассматривать, как комбинацию трех одинаковых треугольников, но здесь эти треугольники не разделены, а, напротив, заключены в одну общую рамку. Тут особого внимания заслужи-

вает боковая зубчатая кайма, столь характерная для черемисских и чувашских вышивок.

Тип четвертый в наиболее простом виде предста-

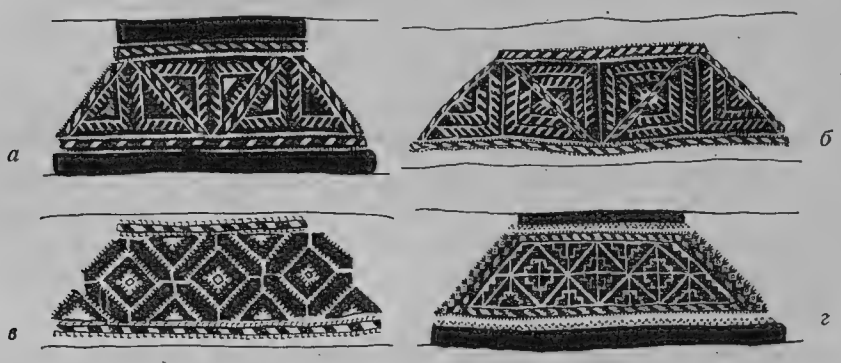


Рис. 215. *Хараус*: *а*—кара-табынцы; *б* — барын-табынцы; *в*—катайцы; *г*—карагай-кипчаки; 1/8 н. в.

вленный на рис. 215, *в*, также не особенно многочислен (7%), его следует рассматривать как, комбинацию двойного квадрата, хотя и он, как имеющий форму трапеции, разбивается на три одинаковых треугольника.

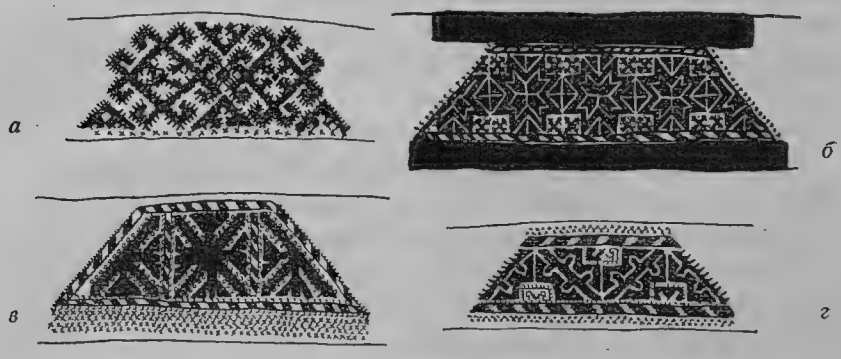


Рис. 216. *Хараус*; *а*—катайцы; *б*—айлинцы; *в*—гирей-кипчаки; *г*—айлинцы; 1/8 н. в.

В типе пятом (рис. 216, *а*), представленном всего несколькими экземплярами (3%), можно видеть варианты или, быть может, развитие типа четвертого. Стороны основных квадратов в этом типе перекрещены и загнуты друг к другу концами; внутри квадрата четырьмя столбиками, отходящими

от средины каждой из его сторон, образованы на фоне белые кресты.

Тип шестой представлен рядом звездочек (рис. 216, *б*) с крестиками по углам и треугольниками у краев; он уже не разбивается на три одинаковых элемента.

Часто встречается (14%) орнамент типа седьмого (рис. 216, *в*), состоящий из прямого и диагонального крестов сложенных вместе; прямой крест имеет кроме того придаточные ответвления на концах. Боковые части рисунка этого *харауса* состоят из половин центрального.

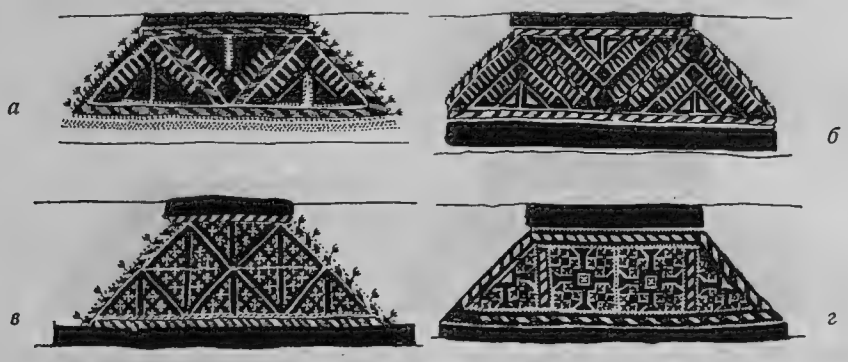


Рис. 217. *Хараус*: *а* и *б* — гирей-кипчаки; *в* и *г* — карагай-кипчаки; 1/6 н. в.

Тип восьмой (рис. 217, *а*), также довольно многочисленный, в основе своей совершенно тождествен типу девятому, который получился несомненно усложнением типа восьмого. Это две полоски, сходящиеся под прямым углом с квадратиком, насаженным на вершине и треугольниками на концах; меж треугольниками и квадратиком ряд зубцов; внутри угла два треугольника с белой полоской между ними.

Тип девятый (рис. 217, *б*) происходит из восьмого удвоением зубчатых угольников. Узор этот естественно разлагается на три равные части, в чем подобен типам первому и второму, с которыми он имеет много общего.

Тип десятый (рис. 217, *в*) немногочислен (4%), как и тип одиннадцатый (4%), и состоит он из прямых и косых крестов и крестиков.

Тип одиннадцатый (рис. 217, *г*) представлен сложными крестами и полукрестами, подобными тем, которые встре-

чаются на наших парчевых тканях для риз (этот крест почти точная копия креста—*риза терри*—встречающегося на вышивках женских сорочек у уфимских чувашей).

Тип двенадцатый (рис. 218, *а*) из вытянутых шестиугольников с зубчатыми колонками внутри, также довольно распространен (7%). По общему характеру, а в особенности по фигуркам, расположенным между шестиугольниками, сильно напоминает чувашские и черемисские узоры.

Тип тринадцатый с одной стороны приближается к ти-

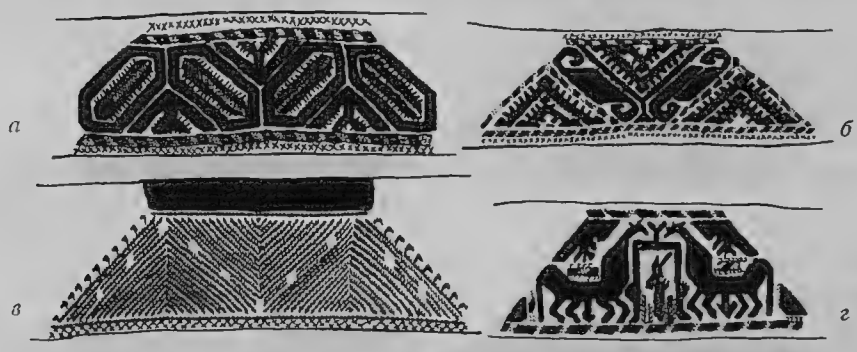


Рис. 218. *Хараус*: *а* и *в*—карагай-кипчаки; *б*—айлинцы, *г*—катайцы; 1/6 н. в.

пам восьмому или вернее девятому, от которого он вероятно и произошел путем развития полосок, разделяющих три одинаковых части *харауса* этого типа, в самостоятельный элемент, который мы и видим на рисунке (рис. 218, *б*). Этот тип немногочислен (3%), также как и тип представленный на рис. 218, *в*. Последний состоит из сплошного ряда линий сходящихся под углом, линий исполненных нитками одного цвета.

Все только что рассмотренные типы узоров на *хараус* имеют характер геометрический и в них вряд ли можно видеть какие либо даже грубо стилизованные животные или растительные мотивы. Таково огромное большинство башкирских *хараус*.

Тем не менее есть небольшая группа *хараус* с узорами явно зооморфного характера, изображения которых мы здесь и приводим.

Изображение человека с двумя птицами по сторонам встречается чаще других. Слишком схематическое изображе-

ние человека на рис. 219, *а* на следующем рис. 219, *б* уже значительно лучше, а изображение на рис. 219, *в* не оставляет никакого сомнения в том, что мы имеем здесь дело с изображением птицы. Центральная фигура между птицами на последнем рисунке 219, *г* не вполне определенна, по аналогии с великорусскими и финскими подобными рисунками можно думать, что это изображение дерева.

Очень интересно, единственное в своем роде, изображение на *хараус*, рис. 218, *г* каких то четвероногих животных,

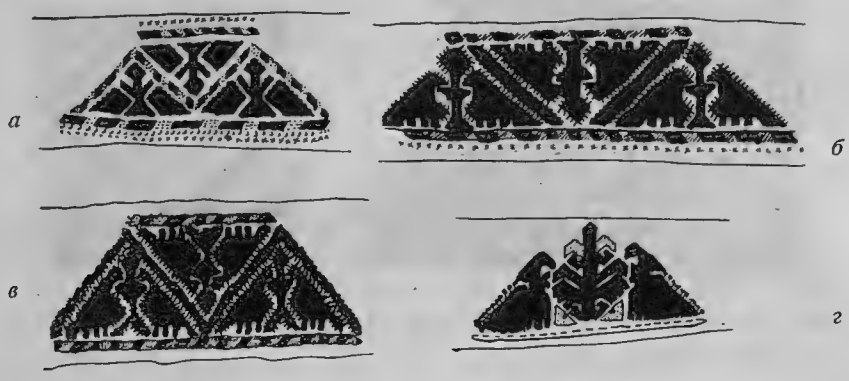


Рис. 219. *Хараус*: *а* и *в*—катайцы, *б* и *г*—айлинцы.

повидимому, лошадей. К сожалению, центральная фигура этого узора сохранилась плохо и мы не можем сказать в точности, что она изображала.

Намереваясь установить, какие типы являются характерными для известных родов и отдельных районов, и желая тем самым получить некоторые наводящие данные для суждения о вероятном месте происхождения и центре распространения того или иного орнаментального мотива, мы нанесли на карту все выше перечисленные типы и оказалось, что все они распределяются довольно равномерно.

Выяснилось, что один и тот же многочисленный тип можно встретить во всех тех родах, где имеются *хараус*, а типы, насчитывающиеся всего в числе семи, восьми экземпляров, были встречены в четырех, шести башкирских дачах, нередко отстоящих одна от другой на весьма значительное расстояние. Самое естественное объяснение подобного явления заключается в том, что *хараус*, как мы знаем, служат

свадебным подарком, а жен башкиры брали в былые времена исключительно из других родов; понятно, что *хараус* кочевали с ними из одного рода в другой, где копировались и варьировали.

Способ исполнения и типы узоров, которые мы только что видели на *хараус*, присущи только им одним, и на других предметах мы их никогда не встречаем. Единственное известное нам исключение—это вышивка на подушке (*яхтык*), которую нам удалось приобрести у карагай-кипчаков.

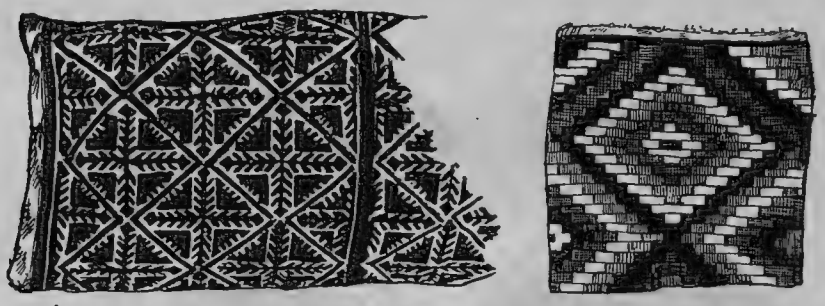


Рис. 220. *Яхтык* (слева), карагай-кипчаки, 2881 — 565; *палас* (справа) минцы, 2881—561; 1/10 н. в.

Подушка эта весьма древняя и назначение ее несколько специальное. Она подвязывалась в тороках за женским седлом для ребенка, который сидел на ней при перекочевках, держась за свою мать. Верхняя поверхность этой подушки сплошь зашита узором отмеченным на рис. 215, *а*, на *хараус*, как первый тип.

Помимо *хараус* башкиры вышивают также ряд других предметов: концы рушников и полотенец *(сылгу* и *тастамал-баш)*, платки, которыми покрываются сосуды с кумысом *(наба* и *силяк ябу)*, скатертки *(аш яулык)* и проч.

Особенно интересны вышивки на концах полотенец, которыми башкирки встарину повязывали себе головы *(тастар-баш)*. Все эти вышивки резко отличаются от *хараус*, как по узору, так и по способу исполнения. Все они исполнены ярким шелковым двусторонним шитьем, реже гладью. Всякий узор на вышивках этого рода исполняется разумеется без всякой канвы, по расчету ниток ткани. Самый узор всегда намечается черной шелковой или шерстяной ниткой и потом уже зашивается внутри разноцветными шел-

ками, преимущественно красным. Характер узоров этого рода вышивок весьма своеобразен. Первое, на что следует обратить внимание, это полнейшее тождество этих с узоров вышивками чувашей на груди сорочек замужних женщин *(кыскы)*. Аналогия здесь полная: две совершенно одинаковых вышивки на некотором расстоянии одна от другой, те же размеры, тот же способ исполнения, тот же, что и у чувашей узор.

Следующая группа вышивок, встречающаяся на полотенцах, несколько своеобразнее и имеет сходство, как с чувашскими, так и с черемисскими. Здесь мы встречаем чаще всего свастику и полусвастику, завитки изломанных линий большей или меньшей сложности, кресты, шести и восьмилучевые звезды и проч. Наконец, следует еще упомянуть о весьма богатой у башкир прошивке *(сильтяр)*.

Нередко концы полотенца состоят из весьма широких прошивок с бахромою внизу.

По характеру и способу исполнения башкирские прошивки стоят весьма близко к прошивкам чувашей и отчасти великорусов. Одна из характерных их черт заключается в том, что они зашиваются разноцветными шелковыми нитками.

Только что описанная группа вышивок встречается исключительно на предметах старинных и имеет весьма ограниченную область распространения. Такие вышивки встречаются только на северо-востоке, а именно, у зауральских катайцев, у кара-барын-табынцев, и у урман-кудейцев с инзер-катайцами. Вышивки эти теперь уже настолько редки, что можно сказать с уверенностью, пройдет десяток лет, и у башкир нельзя будет найти уже ни одной из них.

Есть у башкир и еще один вид вышивок, несомненно принесенный татарской культурой на смену более древним узорам. Это различные растительные узоры, вышитые разноцветными бумажными нитками и гарусом; шитье исключительно тамбурное (машинное или ручное) и узелками. Вышивки эти встречаются главным образом на женских нагрудных повязках *(кукрякча* или *тушильдрык)*, на молитвенных ковриках (*намазлык*), подстилаемых при совершении намаза (традиционный подарок невестки свекру у западных

башкир), на рушниках и проч. Вышивки эти, особенно распространенные у западных башкир, проникли последнее время повсюду, даже в самые глухие уголки горной и зауральской Башкирии.

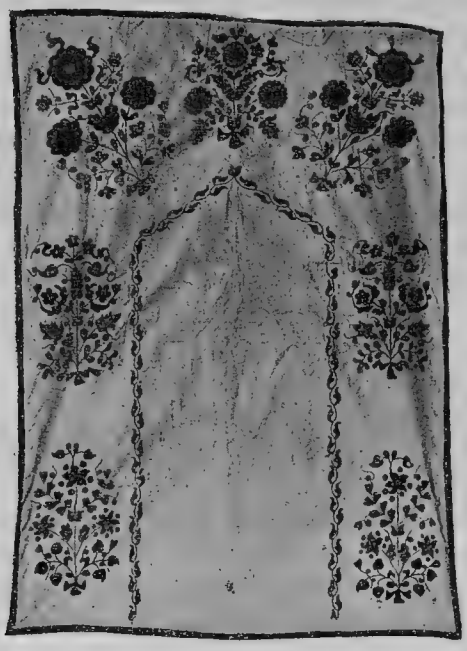


Рис. 221. *Намазлык*, юрматынцы, 1/16 н. в., 2881—382.

Переходим теперь к несколько иному способу орнаментации, а именно украшению различных предметов костюма узорчатыми нашивками из сукна. Суконные узоры аппликации, нашиваются исключительно на белое домотканное (валеное) сукно, редко на войлок, причем сукно всегда употребляется красное, весьма редко желтое или зеленое. Узором этим украшают чаще всего заднюю часть суконного голенища обуви *(сарык)*, преимущественно женской, верхнюю часть мужских суконных чулок (*тула уюк*), суконные женские кафтаны (*ак сякмян*), а иногда и чепраки (*сергытыш*) под женские седла. Что касается самого узора, то достаточно только посмотреть на рис. 142, чтобы убедиться в его восточном происхождении и поразительном сходстве с подобными киргизскими и средне-азиатскими узорами. Спиральные завитки, различные сердцевидные фигуры и зубчатость, в связи с известной примитивностью исполнения, вот наиболее характерные особенности этого рода орнаментации. Область распространения такой орнаментации—восточное Зауралье и отчасти горы; по западную сторону Уральского хребта, по крайней мере в настоящее время, он безусловно не встречается.

Характер рисунка ковров (*палас*) определяется способом их изготовления. Тканные на станках они по рисунку представляют собою или чередующиеся разноцветные полосы, или

сочетание различных геометрических фигур: квадратов, прямоугольников, ромбов (см. рис. 220).

Весьма близко, как по происхождению, так и по характеру рисунка стоят встречающиеся у башкир узоры, тисненые на коже. Эти узоры встречаются исключительно на кожаных сумках *(каптырга, калта)*, носимых на ременном поясе, наряде пояса, а иногда и на самом поясе, кожаных налучниках *(йа hадак)* и изредка чепраке к седлу с подпругой. Самые характерные и наиболее распространенные мотивы тисненных орнаментов — растительные, более или менее стилизованные. Тиснением кожи теперь башкиры не занимаются и мы не знаем, занимались ли они этим когда либо. Полная же тождественность встречающихся у башкир предметов, покрытых тисненным орнаментом, с подобными западно-сибирских кочевников, распространение их в южной и зауральской, еще не так давно кочевой Башкирии, факты приобретения подобных предметов от казак-киргизов, все это говорит за азиатское происхождение, как тисненного орнамента, так и покрытых им предметов.

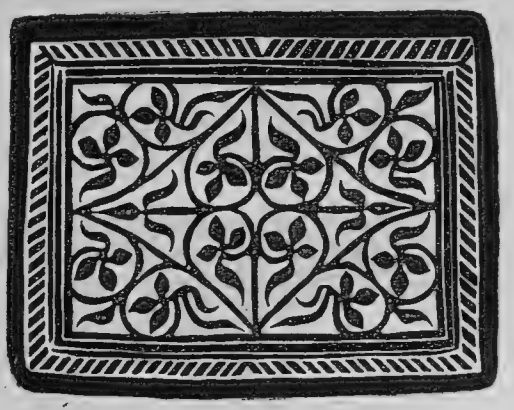


Рис. 222. *Каптырга*, лицевая сторона, бурзяне, 1/4 н. в., 1234—71.

Нам остается теперь сказать несколько слов о чеканных на металле орнаментах. В главе о технике мы уже упоминали о чеканке серебром железных предметов, там же были приведены и некоторые из узоров. Что касается самого чеканного орнамента, то он довольно разнообразен, часто бывает растительный и может быть, повидимому, сопоставлен с азиатским чеканным орнаментом.

Орнаментация дерева, резной орнамент, у башкир не пользуется успехом. Ни причудливо резных ручек ковшей, столь характерных для восточных и западных финнов, ни резной утвари, дуг, саней и проч., столь распространенных повсеместно в России, особенно северной, у башкир нет. Как

на единственный образчик резного орнамента можно указать на большие деревянные сосуды для кумыса и кислушки (*коряга*, рис. 86), да еще, пожалуй, на подставки под кожаные сосуды для кумыса (*наба аяк*) и под сундуки (*кандук аяк*), которые мы встречаем у кочевых зауральских башкир. Подставки эти к тому же бывают иногда выкрашены масляной краской.

Только что сделанный беглый обзор искусства башкир как выраженного во времени, так и в пространстве,

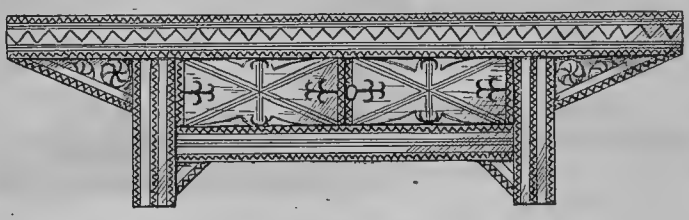


Рис. 223. Резьба подставки под сундук, бурзяне.

свидетельствует о принадлежности башкир к турецкому культурному миру. Танцы башкир, которые являются типичными танцами поз, мелодии песен и способ их выполнения, музыкальные инструменты у башкир в основе совершенно те же, что у казак-киргизов и других азиатских кочевников-турков. Танцы, вокальное искусство и музыка соседних финнов имеют мало общего с башкирскими. Только в графическом искусстве мы можем отметить два элемента: восточный—турецкий и западный, быть может финский. Орнаментация тиснения на коже, серебряная по железу чеканка на принадлежностях конской седельной сбруи, шитье на нагрудных повязках и молитвенных ковриках, повсюду реалистичные или стилизованные растительные мотивы, чрезвычайно характерны для графического и орнаментального искусства турков вообще и ближайших соседей башкир на востоке и юго-востоке в частности. Резные украшения деревянных сосудов в той форме, в какой мы их встречаем у башкир, мы наблюдаем также у различных турецких племен и вместе с тем у некоторых финнов.

Напротив, старинное шитье, то, которое мы встречаем на *хараус* и на концах головных старинных полотенец (*тастар*), у

турков нам неизвестно. Особого интереса заслуживает изучение района распространения этого шитья и орнаментации. Он повидимому довольно значителен. В него входят чуваши, прикамские финны, башкиры, южные остяки, повидимому сибирские татары и даже некоторые из алтайских турков (тубалары и кумандинцы). Этот орнамент следует рассматривать, как характерный для финнов, и башкиры восприняли его вероятно задолго до татарских (после падения казанского царства) и славянских (с русской колонизацией) культурных влияний.

XII.

Верования и начатки знаний.

Одухотворение природы. Светила, гром и молния, смерч. Духи гор, пещер и лесов, водяные, домовые, хозяева ветров. Сожительства людей с духами. *Албасты.* Сон и смерть. *Убыр.* Колдуны, чернокнижники, волшебники, ворожеи. Бесогонители и лекари. Лечение болезней. Начатки знаний.

Учение Мухаммеда проникло к башкирам по всей вероятности в XI—XII веках, когда арабские проповедники, часто посещавшие Великую Булгарию, заходили в страну башкир. В XIII—XIV веках ислам уже прочно утвердился среди башкир, и в настоящее время все они достаточно ревностные мусульмане. Развитию и укреплению среди башкир религиозных мусульманских идей особенно способствовал ход их исторической жизни и то положение, какое заняли они после падения Казанского царства, когда Башкирия втечение нескольких столетий являлась пристанищем беглецов, мечтавших о восстановлении независимого от Москвы мусульманского царства. Идея эта, господствовавшая среди башкир втечение всей эпохи их бунтов против русской власти, как нельзя более способствовала усилению влияния духовенства. Еще и теперь муллы пользуются у башкир большим почетом; имеются они в каждой сколько-нибудь значительной деревне и до революции являлись не только священнослужителями, но и учителями; на мулле лежала обязанность обучения грамоте и религиозное воспитание молодежи своей деревни.

Останавливаться на учении Мухаммеда, предписываемых этим учением правилах и проч., не входит в наши задачи. Отметим только, что мусульманство почти совершенно изгладило следы прежних верований башкир и вме-

сте с арабской, а потом татарской грамотностью принесло им ряд новых и чуждых ранее воззрений. В обширной литературе, посвященной башкирам, мы находим только крупицы, жалкие осколки былого их мировоззрения.

Нам лично, во время наших поездок к башкирам удалось собрать кое-какой материал по этому вопросу (40), который мы и попытаемся вкратце изложить здесь вместе с литературными данными.

Один из арабских путешественников X века (Ибн-Фадлан) пишет, что в его время башкиры были идолопоклонниками. Одни из них, будто бы, поклонялись змеям, рыбам, журавлям и разным животным, другие признавали двенадцать божеств, которые управляли зимой, летом, дождем, ветром, деревьями, водой, ночью, днем, смертью и жизнью; иные верили в высших божеств, обитавших в небесах. Тот же автор утверждает, что у башкир существовал фаллический культ—изображение penis, сделанное из дерева, они всегда носили на шее; они обращались к нему, как к идолу, со всеми своими просьбами, говоря, что это единственный творец их, и что другого они не знают. К сожалению, этими замечаниями и исчерпывается все, что мы находим о верованиях башкир у древних авторов.

Нам недостаточно известны космогонические представления башкир. Мы знаем только, что небесные светила, солнце и луна, считаются башкирами существами антропоморфными, и в их сказках солнце (*куяш*) фигурирует под видом „красной водяной девки", у которой, когда она выходит из моря, белые волосы, длиною в несколько саженей, плавают над водой; руками она достает звезды и убирает ими свои белые волосы. Сильные и могучие богатыри (*ба́тырь*), видя выплывающую из моря водяную деву, дивятся ее красоте и, когда она хочет опуститься в море, схватывают ее за длинные волосы и опускаются с нею в водяное царство, где отец водяной девы выдает ее замуж за богатыря без выкупа (41, 39—40), а когда зять соскучится по земле, то отпускает их обоих и наделяет водяным скотом. Луна (*ай*) в башкирских сказках, в противоположность солнцу, является существом мужского рода. Лоссиевский (42) приводит поэтическое башкирское сказание о луне, в котором башкирка, идущая за водой, залюбовалась месяцем славным

и добрым, так весело смотрящим с неба, будто бы улыбающимся. Вглядываясь в месяц, она произнесла: если бы у меня был такой красивый муж, как месяц, я непременно родила бы ему большого богатыря. И месяц взял девушку к себе в жены, и теперь она стоит там с коромыслом и ведрами.

Гром и молния происходят по мнению башкир по воле Аллаха. Последний посылает ангела наказать шайтана; ангел направляет и гоняет тучи, гремящие при столкновении. Вместе с тем ангел преследует и наказывает шайтана кнутом (*сыбыртка*) за то, что он соблазняет людей и вредит им. На конце его кнута привязаны огненные камешки, которые, срываясь и поражая шайтана, производят молнию. Шайтаны сильно боятся молнии и часто прячутся от нее в жилище человека. Тогда молния, отыскивая шайтана, может ударить в избу. Поэтому во время грозы башкиры тщательно запирают окна, двери и трубу жилища, чтобы шайтан не забрался в избу. Иногда, во время грозы, шайтан принимает вид плачущих детей, просящих приютить их от непогоды. Загоревшийся от молнии, пущенной ангелом, дом западные башкиры, подобно великорусам и другим своим западным соседям, считают грехом заливать водой, а тушат его кислым молоком (**40**, XXVII, XXVIII).

Несравненно интереснее и оригинальнее представление башкир о смерчах и других воздушных явлениях, как о страшных чудовищах, подобных змеям. Змею (*йэлан*) вообще башкиры считают существом зловредным, опасным и вместе с тем необыкновенным. Еще Лепехин (**6**$_2$, 172) писал, что башкир „куда бы и как скоро он ни ехал, завидев змею он непреминет остановиться и убить ее, а палочкою увязить змеиную голову в землю". Последнее они делают с целью, чтобы она не ожила, так как по их убеждению к убитой змее приходят ее товарищи и приносят корешок неизвестной травы, который накладывают на раны, чтобы ожила.

Башкиры уверены, что ничем нельзя так скоро убить змею, как нагайкой (*камсы*), пропитанной лошадиным потом, считая последний для змеи смертельным. Лепехин (**6**$_2$, 57—58) приводит между прочим легенду о том, как один башкир смог убить великого змея, живущего на змеиной горе (Жилань или Елан-тау, на Урале) только потому, что напоил свою саблю лошадиным потом.

Обыкновенная змея, прожив до ста лет, превращается в *аждаа*. *Аждаа*—огромная змея (дракон) в несколько десятков саженей длиною, живет в озерах, а иногда и в колодцах. *Аждаа* пожирает подходящую к озеру на водопой мелкую скотину, особенно ягнят. Дожив до 500 или 1000 лет, *аждаа* превращается в *юха*. *Юха* пожирает людей, особенно девушек, может принимать образ человека, животного и проч. Благодаря милости Аллаха *аждаа* обыкноненно не доживает до возраста *юха*, так как облака уносят ее на гору *Каф*, лежащую за Ледовитым океаном и наполненную всевозможными гадами и драконами. Каким образом уносится *аждаа*, среди башкир не мало очевидцев, и об этом можно слышать много рассказов. Некоторые из подобных рассказов сообщены Юлуевым в одной из его заметок (43, 246). При совершенно ясной погоде показывается небольшая тучка с громом и молнией, надвигающаяся на озеро. Едва туча коснется воды, как последняя начинает бушевать, кружиться и бить фонтаном, и из нее показывается голова страшнейшего чудовища с огромными выкатившимися из орбит глазами похожими на деревянные чашки для кумыса. Туча, схватившая в свои объятия голову чудовища, начинает подниматься кверху, таща за собой и туловище; с виду оно пятнистое с глянцевым оттенком; наконец, показывается и хвост, раздвоившийся на подобие вил. Чудовище, поднятое на значительное от воды расстояние, начинает вытягиваться и изгибаться, вилять во все стороны хвостом, который волочится по земле и оставляет след в виде борозды. Несомое облаком чудовище то издает стон, то свистит или шипит, то загибает кольцом хвост, то сердито ударяет по своим могучим бокам, не щадя себя и желая освободиться; но какая-то сверхъестественная сила держит крепче всяких тисков голову чудовища, не давая ему возможности даже пошевелить ею. Не имея возможности вырваться, чудовище мало по малу удаляется, и туловище его под солнечными лучами принимает все более красноватый, ярко-золотистый цвет.

По некоторым рассказам, слышанным нами в северо-восточной, зауральской Башкирии и *аждаа* принимает иногда человеческий вид. Один хан женился на случайно повстречавшейся ему на берегу озера красивой девушке, оказавшейся впоследствии *аждаа*. Хан потерял всякую удачу на

охоте и во всех своих делах. Чтобы испытать свою жену, он по совету приближенных, накормил ее соленым и не давал ей пить. Ночью она оставляет хвост на груди хана, а головой протягивается к озеру, расположенному метрах в ста пятидесяти от дома хана, из которого и пьет воду. Узнав таким образом, что его жена *аждаа*, хан сжигает ее в железном доме, а оставшаяся от нее зола и поныне употребляется, как целебное средство от глазных болезней.

По другим рассказам (35) *юха*, обернувшись прекрасной девушкой, выходит замуж за хана и сожигается после того, как удается открыть, что она *юха*.

Помимо светил и физических явлений природы башкиры одухотворяют и все земное. Они полагают, что каждое урочище, каждое сколько-нибудь приметное место имеет своего хозяина (*эя*); отсюда хозяин горы (*тау эясы*), хозяин пещеры (*таш кууш эясы*), домовой (*юрт эясы*) и т. под. Вера в этих хозяев, владык, заставляет башкир почитать различные горы и пещеры, как места священные. Пример такого почитания приводит Лепехин (6_2, 32) при описании горы Тура-Тау. Никто из них (башкир), пишет он, „на сию гору с нами итти не хотел, отговариваясь разными обетами, которыми они горе должны, и которые еще не исполнены: ибо без исполнения обетов влазить на гору никто не может". На некоторых горах южного Урала, в частности на Масим-тау, нам приходилось видеть на вершинах жертвы, принесенные хозяину, духу горы лицами на нее поднявшимися; жертвами чаще всего были или медные монеты, оловянные или серебряные украшения женских нагрудников или, наконец, лоскутки материй (*нюба*, *сук*), навешанные на деревья или привязанные к палке, воткнутой в расщелину между камнями на самой вершине скалы. На горных вершинах, в хребте Кыркты, по Уральскому хребту, вблизи кочевок мы встречали деревца, сплошь завешанные лоскутками материи (*сюпрак*). При приезде в гости на кочевку одной из женщин, вышедшей замуж в другой род или аул, или при проводах новобрачной, женщины и девушки устраивают игры и пляски на ближайшей к кочевке горной поляне. Перед уходом с горы все они привязывают к деревцу (березке) лоскутки материи. По их словам, девушки вешают тряпочки как гадание,—если лоскуток провисит до следующего лета, то она

в предстоящем году выйдет замуж; женщины же вешают просто на память о посещении родной горы. Возможно, что привязывание этих лоскутков является скорее остатком культа горы и имеет несомненную связь с выше упоминавшимися *нюба*. Почитание духа горы, ее хозяина обязательно, неисполнение обета или проявление неуважения влечет за собой месть духа. Башкиры рассказывали Лепехину (6_2, 32), какие последствия влечет за собой неуважение к горе Туратау. Один татарин „презирая сие священное место, на горе напакостил; но сия попытка даром ему не прошла: ибо весь его род в короткое время вымер. Мор начался с его сына, который умирая видел разных хищных зверей сходящих с горы и готовящихся терзать его тело и всего семейства. Другой гоняясь за лисицею без всякого обету, и в посмеяние забравшися на гору, растерзан был пегим медведем".

Кроме духов гор и пещер, верят башкиры еще в духов, живущих в лесах, в воде, в хозяев дома и других. Лесные духи, лешие, — горными и зауральскими башкирами называются *шурали*, а северо-западными—*ярымтык*. Существует несколько рассказов о встречах башкир с лешими, обыкновенно на охоте или при случайных кочевках в лесу. Является людям леший обыкновенно в человеческом виде, но только с одним глазом во лбу и на одной ноге; впрочем, иногда он принимает и иной вид, например бревна. Так же, как и люди, леший занимается охотой, имеет жен и детей, его жена и дочери отличаются обыкновенно замечательной красотой; живет он в лесах, в расщелинах скал и в пещерах. Леший часто кричит, передразнивает (эхо) и пугает людей, вреда же он, говоря вообще, им не делает, только не следует его пугаться. По рассказам башкир лешие смертны и человек может убить лешего. Как и человек, леший имеет душу, но только во сне душа его выходит изо рта в виде пламени. Что делается с душой лешего после смерти нам не удалось узнать. По представлению северо-западных (гайнинцы) башкир, леший любит пошалить; он ездит на лошадях, пасущихся в поле. Излюбленных лошадей леший заезживает до того, что домой они возвращаются в пене. В одной из сказок пойманный леший предсказывает будущее, и предсказанное исполняется.

Водяные (*суу-эясы*) живут в воде, в озерах, очень богато; на дне, под каким-нибудь камнем имеется вход в их чертоги. Вреда людям не делают и они. Не только дети водяных чертей (шайтанов), но и сами водяные выходят из воды и бегают по окрестностям. Сообразительностью они не отличаются и в состязаниях с башкирами, благодаря хитрости последних, они обыкновенно проигрывают кучи золота. В одной сказке водяной чорт принес башкиру много золота, опасаясь, чтобы тот не повесил на веревке озеро и не погубил тем самым водяного.

Игнатович (16, 23) приводит одну легенду, в которой водяной владыка за пойманную башкиром свою собачонку отдал башкиру табун прекрасных кобылиц и жеребцов.

В каждом доме, по мнению башкир, имеется свой хозяин (*юрт эясы*), который живет в разных местах, чаще всего на печке. Зла людям он не делает, если его не сердить, но шалить любит: кидается с печки камешками, ездит на лошадях в конюшнях, заплетает им гривы и проч. По мнению северо-западных башкир домовой любит по ночам после всех париться в бане. В это время ходить в баню опасно, так как он не любит, чтобы ему мешали. Башкиры вообще не решаются поздно оставаться в бане, и у них существует рассказ про чорта (шайтана), запарившего до смерти старика, оставшегося в бане. В этих рассказах о домовом башкиры приписывают последнему то функции конюшенного, то банника. Существуют ли последние духи самостоятельно и как они называются по-башкирски, узнать нам не удалось.

Особенно много у башкир рассказов о *пери (парей, барей)*, духах-хозяевах ветров и о *диу пери*, царе ветров, всесокрушающем вихре. *Пери* живет или в расщелинах скал, где он держит на привязи ветры, или на площадках, на вершинах гор, совершенно так же, как и сами башкиры. Живут они в прекрасных войлочных кибитках, возле которых привязаны жеребята, а кругом ходят табуны лошадей и стада всякого скота. Кругом их кибиток всегда растет прекрасная, сочная, никогда не уменьшающаяся трава. *Пери* имеют, конечно, жен, торжественно празднуют свадьбу, на которую нередко приглашают башкир музыкантов. Зимою, во время свадьбы *пери* всегда бывает буран. Иногда люди входят в соглашение с *пери*, которые всегда помогают им жить богато, работа

у таких людей всегда спорится и во всем им бывает удача. Бывают случаи, когда *пери* похищает молодых женщин и девушек ему понравившихся или спознавшихся с ним. В образе обыкновенных башкир *пери* появляются среди людей даже на ярмарках. Узнать их можно только намазав глаза чудодейственным снадобьем, но нужно, чтобы *пери* не знал об этом, а то он вырвет у такого смельчака глаза.

Между другими сверхъестественными существами у башкир есть еще рассказы про бесенят (*бисюра*). Это маленькие желтые человечки в красных рубашках, живущие на полянках в глухих лесах. *Бисюра* мужского пола завлекают в лесу женщин и входят с ними в сожитие, а *бисюра* женского пола—с мужчинами. Тем лицам, с которыми *бисюра* вступают в сношения, они носят деньги, и последние всегда бывают очень богаты.

Таким образом мы видим, что духи, по представлению башкир, живут обществами, и жизнь их всех подобна людской. Их женщины отличаются необыкновенной красотой, и если бы у людей была способность их видеть, то многие погибли бы от безнадежной любви. Нередко люди вступают с различными духами в сожительство, о чем имеется не мало рассказов. Рассказывают, как однажды *пери* вихрем унес молодую башкирку, случайно посетившую его, и как ее насильно увели с вершины неприступной скалы, где она жила с *пери* (**40**, XIII). Происхождение названия шайтан-кудейского рода башкиры поясняют рассказом о том, как одному башкиру, вследствие его хитрости и находчивости удалось получить себе в жены молодую жену шайтана (чорта, точнее, *шурали*, лешего), от сожительства с которой у него появились дети, родоначальники шайтан-кудейского рода. Подобный рассказ существует в сев.-зап. Башкирии про башкир живущих по р. Таныпу; по этой версии башкир взял себе в жены красавицу дочь лешего *(ярымтык)* и прижил с ней несколько детей, образовавших впоследствии целую деревню. Нередки рассказы о том, как духи вступают в половые сношения с женщинами во время сна. От одной башкирки бурзянского рода мы слышали рассказ, как ночью она одевается в роскошные одежды, как за ней приезжает кто-то на хороших лошадях, как гуляет она с ним и в заключение отдается ему. Такие путешествия совершает

она через каждые три-четыре ночи. Сначала она рассказывала о своих похождениях мужу, но потом перестала, так как после этих рассказов она чувствовала себя очень плохо. Последние шесть лет она недопускает к себе мужа и находится в сожительстве с шайтаном. Баишев приводит рассказ (18, 29), в котором одна девушка сделалась даже матерью нескольких детей, отца которых могла видеть только она сама. Когда давали ей хлеб, она разбрасывала его своим невидимым детям со словами „на тебе, на тебе". По уверениям очевидцев кусочки эти действительно куда-то исчезали. Если случалось иногда домашним запереть на ночь двери и трубу, сотворив при этом молитву, на утро они находили весь двор в беспорядке. Это с досады дух разбрасывал и ломал все, что только было на дворе, за то, что его не пустили в избу. Тот же автор приводит другой рассказ башкир о том, как духи подменили девочку на какого-то урода, и как впоследствии она вернулась уже взрослой девушкой и рассказывала о своем похищении духами, о том, как она была женой одного из них в продолжение нескольких лет.

Рассказы о подмене детей, о том, что духи (шайтаны) кладут на их место своих, уродов, встречаются среди башкир повсеместно. В виду того, что дети особенно часто подвергаются напасти злых духов и подмене, для охранения их принимаются особые меры предосторожности. К колыбели (*бишик*), в изголовье башкиры пришивают закатанные в шерсть зародышевые волосы младенца, зашитые в тряпочку или кожу изречения и молитвы из корана *(бэтэу)* и проч.

Среди сверхъестественных существ башкиры рассказывают еще про *албасты*, которую они представляют в образе женщины с такими длинными грудями, что она может перекидывать их через плечо. По ночам *албасты* наваливаются на спящих, кладут им в рот свою грудь и давят их. Спящий сильно мучается, стонет и мечется, но не может освободиться от нее и проснуться. Никольский (23, 117) пишет, что башкиры верят еще в судьбу, олицетворяющуюся в образе женщины с одним глазом на темени. Она потеряла своих детей (это было очень давно) и с тех пор ходит по ночам по земле и ищет их среди людей.

Понятие о двойственности человеческой природы, о самостоятельном существовании души *(ян, жан)* и тела вы-

ражается чрезвычайно определенно в некоторых рассказах башкир. По их убеждению, как только человек засыпает, душа оставляет тело и свободно странствует; все, что она видела и делала, башкир, проснувшись, хотя и называет сном, но глубоко верит в несомненность и реальность его (40, XI). Иногда даже можно видеть душу, вылетающую изо рта засыпающего человека, то в виде неопределенной формы белого комочка, то в виде мухи; при пробуждении она тем же путем возвращается в человека. Спящих башкиры никогда не будят быстро, сразу; сначала окликают по имени спящего, потом громче произносят его имя и затем уже начинают энергично будить его. Сразу нельзя будить спящего, ибо душа его в настоящий момент может быть далеко, не успеет вернуться в тело пробужденного, и последний неминуемо и немедленно умрет.

Случаи летаргии, когда человек обмирает на два-три дня и лежит, как мертвый или глубоко спящий, башкиры объясняют путешествием на тот свет (40, XXXV). Проснувшись, такие люди пользуются большим уважением, рассказывают о том, что видели в загробном мире, и поучают народ.

При смерти неестественной, когда, например, человек утопает, душа, выйдя из тела, находится первое время возле него. Поэтому то, если человека скоро вынуть из воды и откачать, чтобы вода вылилась (ибо из-за воды то душа и покидает тело), то человек может ожить, так как душа снова вселяется в него. Чтобы душа нашла дорогу обратно в тело, утопленника кладут у воды и изо рта его до воды протягивают шелковую нитку. Для этой цели башкиры сплавщики барок и плотов (по р. Белой, Юрезани, Инзеру и друг.) всегда возят с собой „на случай" шелковые нитки (40, XII). Нередки рассказы о том, как видели душу утопленника под видом утки или гагары, плавающей по близости трупа утопленника. Если утонувший не оживает, то потому, что душа, потеряв надежду найти тело, улетает к Аллаху. По мусульманским представлениям башкир, как только уходят люди с кладбища, тотчас к телу возвращается душа и для умершего наступает новая могильная жизнь.

Однако, душа умершего нередко остается жить на земле среди людей, принимая своеобразный вид и называется она

тогда *убыр* или *мясекай*. Превращение души в *убыр* происходит еще при жизни человека. У всех *сихырсы* (колдун, гадатель, ворожей) вместо души, которую они продали шайтану за свои познания, бывает *убыр*, что можно узнать еще при жизни *сихырсы*, так как они едят иногда и сырое мясо. По рассказам, *убыр* имеет только перед, сзади у него нет ничего (**40**, XXIII). По словам горных башкир, днем он принимает вид старика, а вечером летучей мыши. По ночам *убыр* в виде огня летает по земле и причиняет очень много хлопот: насылает болезни на людей, пьет кровь, замучивая иногда до смерти свою жертву. Когда *сихырсы* умирают, чтобы их *убыр* не странствовал по земле, в ступню покойника вкалывается игла (**40**, XI). Если только после смерти убеждаются, что умер *сихырсы*, что его *убыр* причиняет вред и мучает людей, вбивают в могилу или, разрыв последнюю, в грудь покойника вбивают илимовый кол.

По одной версии, человека, у которого вместо души *убыр*, можно одолеть только запустив руку под мышку, где у него дыра, и вынув сердце (**40**; I). По другой версии дыра под мышкой у леших (*шурали*) и у шайтанов. Живет преспокойно башкир с молодой бабой (шайтаном). Только приходит он однажды домой невзначай, смотрит, а она сняла с головы волосы, сидит и рассматривает их. Вспомнил тут башкир, что баба просила не трогать и не щекотать ее под мышкой. Когда заснули, посмотрел башкир под мышку, видит дыра, просунул руку, выхватил сердце, и умерла баба.

По словам Георги (**9**, 107), у башкир имеются колдуны (*кашмет*), которые рассказывают про себя, будто бы они знают прошедшее и будущее. По Алекторову (**21**, № 47), среди башкир верят еще в существование чернокнижников (*кара китабчи*), которые также знают и настоящее и будущее; они имеют черные книги (*кара китаб*), написанные в самом аду, и живут с шайтанами в короткой дружбе. Во всякое время чернокнижник может приказывать шайтану делать чудеса: вить из песка веревки, из лучей солнца канаты, затенять месяц и звезды, останавливать бурю и вихри. При посредстве черных книг *кара катабчи* управляет шайтаном, как ему угодно; все прихоти и малейшие желания этого человека исполняются моментально. Имеет ли чернокнижник нужду в деньгах—говорит шайтану, и последний ворует для

него серебро или золото, наполняет ими кошельки и сундуки своего повелителя. Желая пользоваться наслаждениями любви, он говорит шайтану, и тот приносит ему первую красавицу, хотя бы дело шло и о дочери великого Могола или о первом украшении гарема турецкого султана. Чувствуя приближение смерти, чернокнижник отдает свои книги кому пожелает и власть над шайтаном переходит из рук в руки.

Волшебники и волшебницы (*сихырсы*, *сихырчи*) не имеют непосредственного сношения с духами, но они могут причинять вред людям и приносить пользу при посредстве наговоров, корней растений, напусков по ветру. Башкиры боятся этих волшебников, но в случае опасных болезней обращаются к ним за помощью и получают от них корни и растения. Кроме того *сихырсы* обладают силой посылать на людей всевозможные болезни, от которых человек может умереть даже в несколько дней (**40**, XI).

Башкирские ворожеи и ворожейки (*багучи*) гадают различно: смотрят в чашу с чистой водой, бросают стружки в ручьи и реки, причем замечают прямо ли они плывут или кружатся, развивают клубки ниток, бросают в огонь бересту и шепчут над сгоревшей ее золой; кидают 41 камешек или желудь *(нукот булыу)* и смотрят, как они упадут и в каком порядке расположатся. Все это делается для открытия воров и для решения вопроса, найдутся ли, и где именно, пропавшие деньги, скот, вещи. Алекторов (**21**, № 49) пишет, что, если у кого-нибудь случится довольно значительная покража, то хозяин созывает иногда в свой дом всех, на кого он имеет подозрение, заряжает ружье, кладет его на стол и заставляет каждого из присутствующих подходить к столу и прикладываться ртом к дулу ружья, уверяя, что виновного в покраже выстрел из ружья убьет наповал. Случалось, что укравшие, боясь ожидаемой смерти, не прикасаясь к дулу, тут же сознавались.

Раньше мы видели, что люди, по мнению башкир, входят в сношение с духами, роднятся с ними, но иногда бывают и такие случаи, когда духи вселяются в человека. Георги (**9**, 107—108) пишет, что „жестокие припадки от маточной болезни и тоски, некоторые припадки беременных женщин почитают они беснованием и потому муллы изгоняют бесов при помощи заклинаний из корана и притом больных, до-

бираясь до сатаны, толкают, бьют, ругают и оплевывают. Выздоровевшему вешают на шею зашитые в кожу изречения, чтобы злой дух в него не вселился вторично. Помимо мулл они имеют еще „бесогонителей", *шайтан курьесця* (по Георги), которые рассказывают, будто бы они шатающихся ночью бесов видят и притом по ним стреляют, саблями машут, палками бьют, преследуют их, ранят, а по сказкам иногда и убивают". Лепехин (6₂, 73—75) рассказывает, как *шайтан куряза* был выписан за сотни верст и приехал изгонять шайтана, причинившего беременной женщине, не задолго до родов, боли. Искусство свое *куряза* получил по наследству от деда. *Куряза* имел обнаженную саблю и заряженное двумя пулями ружье. Выбрал он себе трех товарищей и двоим из них наказал держать себя за полы, ибо иногда шайтан бывает очень силен. Чтобы шайтан не вошел в дом одержимой, набралось в избу много народу, который плясал там с криками и шумом. В полночь *куряза* заметил во дворе шайтана, выстрелил в него из окна, затем с криками, саблей и товарищами гнал ряженого шайтана, пока тот не спасся в реке Ик. Нам самим пришлось записать рассказ одного башкира—из рода бурзян (**40**, XXIX), как он приглашал *куряза* изгонять злого духа из своей больной жены. И в данном случае, *куряза* взял себе на подмогу трех человек, изгонял духа, ударяя по воздуху плеткой (*камсы*) и связкой из шести прутьев с колючками. В заключение, он с помощниками прогнал шайтана далеко в лес и вернулся домой по другой дороге.

Рис. 224. *Бэтэу*, катайцы, 1/8 н. в., 1234—87.

Болезни, по представлению башкир, существа живые, даже иногда антропоморфные. По рассказам северо-западных башкир (**40**, XVII), лихорадку (*тампа*), например, приходилось видеть в человеческом образе и в рысьей шапке. Болезни могут принимать вид животных, чаще всего сороки.

Иногда болезнь сама вселяется в человека, иногда же ее насылают *сиҳырсы*.

Представления башкир о болезнях яснее всего видны при рассмотрении способов лечения. *Бусыр*, небольшой беленький, с палец, а иногда с кулак, комочек, производящий боли желудка и гуляющий по кишкам, старухи лекарки *(усюкчи)* вырывают из тела, распарив и растерев предварительно больное место. Знахарками вырываются из тела также болезни спины и груди. Некоторые болезни, зависящие от вселения в человека злых духов, изгоняются, как мы это уже видели, особыми *куряза*. Для предохранения, а также для избавления от болезни уральские башкиры вместе с изречениями из корана (*бэтэу*) вешают на шею больных (особенно детей) амулеты, медвежьи когти (*аюу трна*) и клыки (*аюу тыши*), так как болезнь боясь их, как самого медведя, оставляет больного. Не мало у башкир лечений, основанных на умилостивлении духа, пославшего болезнь или умилостивлении самой антропоморфной болезни. Башкиры гайнинцы рассказывают (40, XI), что приглашенная к больной знахарка расспрашивает, где больная ходила в то время, когда к ней могла привязаться хворь. Узнав это место, лекарка несет туда горшок с крупой, мясом или еще чем-либо, дабы дух пославший болезнь смилостивился и взял ее обратно. Горшок этот никто уже не трогает, боясь прогневать духа и навлечь на себя болезнь. Случается, что ребенок четырехпяти лет (40, XII) прибегает домой с поля или из леса весь в слезах, а потом и заболевает. Тогда мать снимает с ребенка рубашку, обносит ее несколько раз вокруг него со словами: „оставь его, не играй с ним". Затем несет эту рубаху на перекресток дорог и бросает ее там. Такую рубаху не только нельзя брать, но нельзя и прикоснуться к ней, чтобы не навлечь на себя болезни. У зауральских башкир (40, XXXIX) знахарка вместе с больной отправляется на место, где привязалась болезнь, а последняя живет чаще всего в дурных местах, где сваливаются всякие нечистоты, заклинает болезнь оставить больную, бросает ей яйца, иголку или еще какой-нибудь предмет, даже одежду. Больная должна возвратиться домой другой, не той дорогой, по которой пришла, и не должна ни с кем разговаривать в пути. Представление о болезни, как о существе реальном, особенно хо-

рошо проявляется при довольно распространенном способе лечения от лихорадки. Натощак или совсем ничего не евши в предыдущий день, больной берет горшок с кашей или с чем-нибудь другим съедобным, уходит в поле или за реку, ставит на землю горшок и раскрывает рот. Голодная лихорадка *(тампа)* набрасывается на кашу, а больной тем временем бежит домой и по дороге переходит в брод речку или ручей, чтобы наевшаяся и погнавшаяся по его следам лихорадка, потеряв след, не настигла его. Если больной не переходит ручей, то он бежит куда-нибудь и дня три не возвращается к себе домой, чтобы вернувшись в деревню, лихорадка не нашла его и не вселилась в него снова (**40**, XVIII). Местами для того, чтобы отпугнуть болезнь (лихорадку), больного окуривают дымом дерева, в которое ударила молния. Весьма интересно практикующееся во многих местах Башкирии и сопровождающееся жертвоприношениями переселение болезни в человеческие изображения. При одном из таких врачеваний, с которым нам пришлось встретиться у башкир кара-кипчаков, лекарь сделал из тряпок двух кукол *(усюк)*[1], мужчину и женщину, и положил их в ведро. Туда же было положено немного хлеба и каши. Взяв затем живого петуха, лекарь поднес его к больному, обвел несколько раз вокруг него дуя и с усилием изгоняя болезнь. Во время этой операции лекарю помогал юноша-помощник, так как одному ему трудно было справиться с болезнью. Петух тут же был зарезан и положен в ведро с куклами. Сев на заранее приготовленную лошадь, лекарь уехал версты за три, где и бросил ведро со всем содержимым—петухом, куклами и болезнью. Домой он вернулся уже по другой дороге. Местами при подобном же обряде режется гусь.

Умилостивление болезни особенно наглядно выражается в одном из рассказов башкир (**40**, IX) о том, как они встречали хворь, причиняющую падеж скота. Увидев на бане болезнь в образе сороки (*саискан*), башкирка кланяется ей и приглашает ее помыться в бане, приготовляет ей воду, веник и проч. Болезнь моется в бане, все коровы во дворе этой башкирки остаются живы и здоровы. Когда через несколько лет появляется та же болезнь—все жители топят

[1] Кукла, которыми играют дети, у башкир называется *курсак*.

бани и просят гостью пожаловать; она моется и весь скот в деревне остается здоровым. Характерно также замечание башкир, что готовить баню и зазывать гостью нужно без молитвы, а то болезнь испугается и не придет мыться, рассердится и погубит скот.

Многие болезни—умопомрачение, боли сердечные, головы и живота, параличи и некоторые другие—являются результатом порчи (*бузум*), напускаемой *сихырсы* при содействии особых духов *джин*. Для излечения порчи производится снятие ее с больного человека на землю (*ергя салу*) следующим образом. Глубокой ночью, когда человеческий след остынет, все живое на земле спит сладким сном, и не слышно ни звука, ни блеяния козы, ни лая собак, *сихырсы* берет сырое куриное яйцо, прокалывает в нем небольшое отверстие, вкладывает туда красную нить, извлеченную из рубахи больного, полушку денег, маленький железный гвоздь и коготь ласки. Яйцом этим обводят вокруг тела больного, при чем *сихырсы* нашептывает: „*аф син, уф син, кит син, турма син, кемь ебяргян шунга кит, аур чирпи-чурпи алыб кит*!" „аф ты, уф ты (обращение к джину) уходи, выходи, кто напустил, иди туда, на того и унеси всю тяготу вон!" Завернув это яйцо в какое-нибудь платье больного, выбрасывают его в овраг, озеро, на зады дворов или текучую воду (48).

Для предохранения скота, да и жителей от болезни (например, от сибирской язвы, чумы) башкиры добывают огонь при помощи трения (*сыһыр-уты*) и подкуривают им скот. При добывании огня трением тушат все огни, затем устраивают приспособление, описанное в главе о технике. Добытый огонь принимают на трут и подкуривают им скот, зажигают огни в очагах и печах этим, добытым трением огнем.

Помимо знахарей лечением болезней, как упоминалось, занимаются также и муллы. Приемы лечения последних в общих чертах мало отличаются от приемов знахарей. Они лечат больных нашептыванием, чтением корана; дуют и плюют больному в лицо; поят водою из чашки, на которой написаны выдержки из корана и т. п. В некоторых случаях, когда в семье есть тяжело больной, в жертву (*курбан*) приносится какое-либо животное, чаще овца. Шкуру ее получает мулла,

совершающий жертвоприношение, а мясо съедается присутствующими, только больной его не ест. Впрочем жертвоприношения совершаются башкирами не только по случаю болезни. По предписанию шариата башкиры приносят в жертву богу много скота во время мусульманского их праздника *курбан байрам*. Кроме того, они совершают не мало жертвоприношений, имеющих чисто языческую основу. Выше мы имели случай рассмотреть некоторые жертвоприношения, совершающиеся специально для избавления от болезней. Георги (**9**, 107) рассказывает, что башкиры, „во время какого ни есть празднества, убьют животное, то ставят на приборе каштак уваренное мясо против солнца, творя при том много поклонений и проч., во всем подобно шаманским язычникам". О пермских башкирах Попов (**10**$_3$, 26) писал, что „замечают между их обрядами нечто языческое и сходное с шаманскими". Нам лично известен случай, когда башкиры Шайтан-Кудейской б. д. приносили в поле в жертву телку для того, чтобы бог дал дождь. Жертвоприношение это совершалось в присутствии и при участии муллы. Подобные жертвоприношения (*тыляк*) совершаются и в других местах Башкирии (у табынцев, юрматынцев и друг.).

Нам остается сказать еще несколько слов о сглазе. Сглазу особенно подвержены дети, почему им на одежду, мальчикам на тибитейки, нашивают белый гусиный пух, перламутровые пуговки, а чаще всего ракушку *Cypraea moneta* (*куртбаш*). Дурной взгляд падает на белую раковину и сразу теряет свою силу (**40**, XXVII, XXXIII). Сглазить можно не только людей, но и животных, и даже деревья; лошадь, например, издыхает от сглаза, дерево сохнет. От сглаза животным в хвост (лошадям в гриву) вплетаются яркоцветные лоскутки материй. Лоскутки же вешаются на борти, которые кроме того красятся иногда внизу яркой краской.

Возвращаясь к лечению болезней, следует отметить, что помимо магических приемов лечения и умилостивительных жертв башкиры прибегают к своей, хотя и небогатой, народной медицине.

Выше мы упоминали о поверьи башкир относительно целебных свойств золы от сгоревшей *аждаа*. Лепехин

(62, 174) пишет, что черная змея, по мнению башкир, служит лечебным средством от кожных болезней, „змее отрубают голову и, пока она еще жива, ее прикладывают к больному месту". Зауральские башкиры прикладывают к больным глазам куски змеи, от глазной же болезни употребляется зола от сожженной змеи. Башкиры Стерлитамакского у., по словам Арнольдова (**17**, 243), при поранениях прикладывают сало со змеиной шкурой.

Ниже приводится ряд рецептов башкирской медицины, отчасти собранных нами, а отчасти сообщенных Никольским (**23**, 118—120) и Арнольдовым (**17**). При лихорадке башкиры пьют настой осиновой коры или отвар полыни. При чахотке они пьют с кумысом настой „дорогой травы" (сарсапариль). При поранениях к ранам прикладывают подорожник. Если появится нарыв, то сначала больное место накрывают свежим овечьим калом и укутывают тряпочкой; когда нарыв прорвется и из него пойдет гной, язву закрывают мышиной шкуркой; если заживание идет медленно, то прикладывают сухой творог. При заболеваниях сибирской язвой башкиры прикладывают к больному месту легкое, вынутое из зарезанного козленка (**44**, 274). Если появляется рана, язва на руке или на ноге, то ее лечат следующим образом. Кладут в котел семена белены *(тильма урдык)* и кипятят их; затем туда же кладут равное количество конопляного семени, а также кусочек лиственничной коры, снятой непременно с северной стороны дерева. Вскипятив все это вместе, держат больной член над паром с полчаса, прикрыв сверху одеждой, чтобы не выходили пары и жидкость не быстро стыла. Мокрец и раны, в которых завелись черви, у лошадей и коров лечат корнем чемерицы *(аксыргак)*; корень этот распаривают и горячим трут больное место. К опухолям делают припарки из заваренного осинового листа. При ревматизме суставов обертывают их бараньей шкурой. При невралгиях седалищного нерва обмазывают больную конечность теплой травой (*аюу купшей*). После родов кровотечение останавливают кусочком чистого белого войлока, обильно смазанного жиром; этот войлок с жиром нагревают над огнем и сажают на него родильницу так, чтобы наружные половые части подвергались влиянию жара. Иногда при этом дают внутрь растопленный бараний жир.

При некоторых женских болезнях (хроническое воспаление матки, например) пьют настой ромашки. При заболеваниях грудных желез (при грудница) прикладывают к опухолям желтую глину, размоченную в холодной воде и завернутую в тряпку. При цинге едят редьку и обкладывают ноги вареным картофелем. Местами цинготные втечение нескольких дней ходят на озимое поле и едят зеленую озимь. Туда и обратно больной должен ползти на четвереньках, а озимь должен рвать зубами и губами. Все это делается утром до восхода солнца и в отсутствии свидетелей (45, 8). Настой на лиственничной губе употребляется как слабительное (6, 95). Как слабительное употребляется также медвежья желчь. При вывихе и поломах костей приглашаются костоправы, которые обмывают, массируют и бинтуют поврежденные части. Как потогонным средством при многих болезнях пользуются душицей, матрушкой (чебрец) и т. д.

Уже в применении различных способов лечения болезней мы имеем дело с начатками знаний, основанных на наблюдении и опыте. Вне народной медицины знания, которые могут рассматриваться, как зачатки науки, у башкир крайне скудны. Их космогонические представления весьма смутны. Помимо солнца и луны они различают многие звезды и планеты, которые по представлениям башкир висят в воздухе и прикреплены к небу толстыми железными цепями. Для отдельных звезд и созвездий у них имеются свои названия: *джитыган*—большая медведица, *сулпан*—венера, *улькар*—плеяды, *аркысак, тимир казык*—полярная звезда, *ынгыргы юлдыз, зюһра юлдыз, куюнта юлдыз, сары-ат, боз-ат* (звезды в созвездии малой медведицы), *тан чулпан*—утренняя зарница, *шафак юлдыз*—вечерняя зарница, млечный путь они называют птичьей дорогой *(куш йул)* потому, что им руководятся птицы в своих сезонных перелетах.

Башкиры хорошо ориентируются в звездные ночи по звездам, а живущие в лесах в пасмурную погоду по характеру коры на деревьях. Счисление времени, в настоящее время принятое у башкир, пришло к ним с арабской письменностью. Мер веса и емкости, помимо *батман*, о котором мы уже имели случай упоминать, у них, повидимому, нет. Не знаем мы оригинальных для башкир мер и способов измерения на плоскости.

Нами сделан по необходимости краткий обзор имевшихся в нашем распоряжении материалов, характеризующих мировоззрение башкир. Мы не задавались целью анализировать мировоззрение башкир в сопоставлении с соответствующими представлениями финских и турецких племен. Если в семейном и общественном быту трудно было наметить районные отличия и вариации, то тем более трудно сделать это для мировоззрения башкир. С одной стороны верования представляют область, в которой массовые наблюдения особенно затруднительны, а с другой стороны в космогонических и религиозных воззрениях башкир мы имеем ряд наслоений, которые не всегда и не везде могут быть с достаточной отчетливостью выявлены. В антропоморфических представлениях о явлениях природы и их культе, в представлениях анимистических, в магии и колдовстве мы имеем осколки тех религиозных представлений, с которыми жили башкиры до распространения у них мусульманского учения. До этого времени или быть может вместе с арабской письменностью в их мировоззрение проникли представления о *пери* и *албасты*, о чернокнижниках, представления широко распространенные в иранском культурном мире. С другой стороны у них же мы находим осколки шаманского культа в лице *шайтан куряза*, который является нам в данном случае в роли врачевателя, изгоняющего болезни. В роли тех же врачевателей выступают и представители учения Мухаммеда, которые после пятивековой проповеди среди башкир в корне изменили их мировоззрение, приобщив последних к одной из мировых религий.

Сопоставляя доисламские верования башкир с тем, что мы знаем о верованиях окружающих их народностей, мы еще раз приходим к заключению о принадлежности башкир к восточно-турецкому культурному миру, оставляя, разумеется, в стороне общераспространенные элементарные идеи и воззрения, пришедшие в Приуралье с арабской культурой и исламом.

Обзор материального и духовного быта башкир нами закончен. Вполне естественно теперь поставить ряд вопросов, неизменно возникающих, как только мы подходим к изучению той или иной народности. Каково происхождение ее самой и ее культуры, какое место занимает культура данной

народности среди других и прежде всего соседящих с нею народностей? Ответить на первый из поставленных вопросов посильная попытка была сделана в первой части настоящей работы. Второй вопрос, о происхождении культуры башкир, как и каждого из племен, населяющих Россию, в настоящее время трудно разрешим по нижеследующим причинам. Изучение древних культур и быта современных народностей до настоящего времени производилось у нас не планомерно и без той совершенно необходимой согласованности, которая так нужна в исследований единого исторического процесса. Если мы более или менее знаем быт современного населения Евразии, то культурное его прошлое нам совсем мало известно. Наши археологи, да и не только наши, в большинстве случаев интересовались материальными свидетельствами былых культур не более, как иллюстрациями к письменным источникам, историческим свидетельствам нередко легендарного характера. Раскопки памятников старины производились преимущественно в поисках более или менее редких древностей, а не для разрешения этнологических проблем. Поэтому в настоящее время мы имеем весьма смутное представление о генезисе племен на нашей территории, о последовательной смене культур, их происхождении и взаимоотношениях в особенности в те времена, когда слагались культурные группировки, изучаемые ныне этнографами, занимающимися современным бытом. Если мы все же кое-что знаем о древних культурах юга и центральной России, то по палеоэтнологии Приуралья, населенного ныне башкирами, нам почти ничего неизвестно. Между тем, те сложные этнические взаимоотношения, которые мы теперь наблюдаем в Башкирии, возникли втечение последних столетий, в конце же первого тысячелетия нашей эры, к какому времени, надо полагать, башкиры самоопределились, как самостоятельная этническая группа, культурные группировки на рубеже Европы и Азии и далее до Алтая были совсем не те, что ныне. К сожалению, о быте башкир того времени мы пока не можем сказать ничего определенного. Недостаточно ясны также и изменения, в результате которых быт башкир втечение последующих семи-восьми столетий под влиянием сложных племенных взаимоотношений облекся в те многогранные формы, в которых он предста-

вляется нам в настоящее время. Не зная первоисточников и, следовательно, лишенные исторической перспективы, основываясь на эволюции башкирского быта происшедшей втечение последних полуторых-двух столетий, и на сопоставлениях с бытом соседящих народностей, мы попытаемся все же хоть сколько-нибудь приблизиться к разрешению проблемы о происхождении культуры башкир и современных районных ее вариаций.

Чтобы подойти к этому вопросу, в предшествующих главах мы делали ряд сопоставлений, не углубляясь, впрочем, до анализа каждого бытового элемента и выяснения его генезиса на основании тщательного изучения соответствующих элементов у соседних народностей. Последнее завело бы нас слишком далеко за пределы намеченной монографии. К этому вопросу можно будет вернуться впоследствии в ряде исследований на специальные темы, для которых накопилось уже достаточно материала. Здесь мы намерены ограничиться общими положениями и поставить ряд вопросов, которые в деталях будут разрешены последующими исследованиями.

Прежде всего следует ответить на вопрос — культура башкир, в совокупности всех слагающих ее бытовых элементов, в основе финская или турецкая? Мы полагаем, что башкирская культура имеет турецкую основу и с этой точки зрения нет решительно никаких оснований считать башкир отуреченными финнами. Вопрос о стойких и быстро исчезающих при культурных взаимоотношениях бытовых явлениях очень труден и недостаточно еще разработан. Тем не менее надо полагать, что элементы быта, зависящие от окружающей географической обстановки, такие, как способы добывания пищи, жилища и т. п. менее стойки, чем, скажем, покрой одежды, общественный строй или верования. Подходя с этой точки зрения к быту башкир, мы увидим, что значительное большинство наиболее стойких элементов, является вместе с тем общераспространенным и при том принадлежит турецкому культурному миру. Напротив, те элементы, которые характерны для финнов, встречаются на сравнительно ограниченной территории и касаются преимущественно хозяйственного быта.

Во всяком случае быт современных башкир сложился под влиянием различных факторов. Заселив Приуралье,

страну с разнообразными физико-географическими условиями, они, естественно, местами, в привычной для них обстановке, могли хранить свой былой уклад жизни, местами же должны были приспособляться к новым окружающим условиям. Помимо фактора географического, большое значение имел фактор и чисто экономический. С увеличением населения и ограничением территории землевладения хищническое хозяйство постепенно исчезает и на смену ему являются новые формы, самостоятельно возникающие или позаимствованные извне. С другой стороны, при все более развивающихся международных сношениях, проявляются культурные влияния, первоначально финское на северо-западе, затем татарское с запада и, наконец, славянское, в частности великорусское. В результате естественного развития исконной башкирской (восточно-турецкой) культуры и воздействий на нее выше перечисленных факторов и получилась та сложная картина современного башкирского быта, которая ярко выявляется в территориальных его особенностях.

В наиболее чистом виде, в смысле переживания древних форм, мы находим быт башкир в восточной области, занимающей сравнительно узкую, к югу несколько расширяющуюся, полосу степи, к востоку от Уральских гор, с прилегающими предгорьями. Оседлое, как и везде, население этой области, за исключением крайнего юга, в связи с процветающим здесь табунным скотоводством, в значительной своей части летом выезжает на кочёвки. Для скотоводческого хозяйства этой области характерно пребывание скота, в частности лошадей, в течение всего года на подножном корму. Здесь сохранилась соколиная охота и широко распространено преследование зверя верхом на лошади. Пчеловодством здесь совсем не занимаются. Земледелие проникло сюда сравнительно недавно в форме переложной системы хозяйства, которая местами сохранилась и до сих пор. При молотьбе хлеб топчут лошадьми. Огородничеством до последнего времени не занимались. В связи с развитым здесь скотоводческим хозяйством, повсеместно изготовляется *кумыс* и *курут*; запас последнего заготовляется на зиму. Вместе с молочным хозяйством, в формах типичных для азиатских кочевников, распространена и кожаная посуда. В деревнях жилищем служат небольшие бревенчатые избы, без

крыш или покрытые всевозможным материалом, с полом над самой землею. Повсеместно встречаются плетневые избы, преимущественно из двойного плетня, а также избы пластовые и саманные. Среди летних жилищ особенно характерны войлочные решетчатые кибитки, причем здесь, в восточной области они встречаются в двух разновидностях: монгольской на севере и турецкой на юге. Постоянные жилища отапливаются при помощи чувалов, а там, где их нет, они совсем недавно заменены печками. Топливом служит кизяк. Одежда, помимо фабричных тканей, изготовляется из домотканного сукна и мехов, выделанных с помощью молочных продуктов, причем, как мужчины, так и женщины носят наголь ные тулупы. До последнего времени повсеместно носили *якы тун* и *клоксын*. Мужская рубаха широкая и длинная с отложным воротом; *сарык* является мужскою и женскою обувью; лаптей и вообще изделий из лыка и мочала здесь нет. У пояса мужчины до последнего времени носили кожаную сумку *(каптырга)*. Повсюду имеются женские коралловые нагрудные украшения, *яга* на севере, *сильтяр* на юге. Коралловый женский головной убор *(кашмау)* носят повсюду, за исключением крайнего севера. В пределах восточной области в семейном быту черты родового строя проявляются значительно резче, чем в других областях, причем свадебные обычаи, в частности свадебный *туй*, сохранились здесь лучше и полнее.

Некоторые отличительные особенности севера восточной области, района расселения кара-барын-табынцев, айлинцев и катайцев, монгольский тип кибитки, широкое распространение пластовых и саманных изб, отсутствие *кашмау* и *хаситэ*, наличие среди женских украшений *амайдык* и *инналик*, вместе с рядом других второстепенных особенностей этого района, может служить основанием к выделению его в особую северную подъобласть восточной области.

Горная область, занимающая центральную часть южного Урала, преимущественно территорию, заселенную инзер-катайцами, гирей-кипчаками, карагай-кипчаками и тамьян-тангаурцами, имея много общих черт с восточной, должна быть все же выделена по ряду бытовых особенностей своего населения. Башкиры горной

области живут оседло в деревнях, но повсеместно летом выезжают на кочевки. Земледелием они не занимаются, нет у них ни соколиной охоты, ни преследования на лошадях зверя, охот, столь характерных для башкир восточной области. Занимаются они главным образом скотоводством, но скот у них не тебенюет, вследствие обильных зимних атмосферных осадков. Пчеловодство, как пасечное, так и бортевое здесь весьма распространено. Лесной промысел является существенным подсобным занятием населения. Среди питательных продуктов *курут* в значительном количестве заготовляют в прок; среди напитков здесь распространены и *кумыс*, и *асе-бал*. Кожаная посуда, которая еще не так давно в большом количестве употреблялась в горах, теперь почти уже исчезла и заменилась деревянной. Зимним жилищем в горной области служат бревенчатые избы с полом над землею, крышами, покрытыми драницей, и камином (*сувал*) для отопления. Топливом здесь служит исключительно дерево. Плетневых изб в горах нет. Самым типичным летним жилищем являются срубы—*бурама*, причем на западных предгорьях к ним присоединяются лубковые *аласык*, а на восточных—конусообразные шалаши, *кууш*. Сорочки с отложным воротником и нагольный тулуп—типичные одежды. *Клоксын*, *якы тун* и *каптырга* здесь встречались раньше, но теперь их нет. Лаптей горные башкиры никогда не носили. *Сарык* самая характерная для них обувь, причем женщины носят еще кожаную обувь (*ката*) с подметкой и на высоких каблуках, с белыми суконными голенищами, украшенными узорами. Из коралловых украшений повсеместно носят *кашмау* и *сакал*, на севере области кроме того *яга*, а на юге *сильтяр*. В замкнутых горных долинах, вдали от иноплеменных соседей, башкиры этой области, подобно восточным, до сих пор еще хранят былые традиции семейно-родового строя и остатки своего исконного мировоззрения.

Юго-западная область расположена к западу от р. Сакмары и горной области, простираясь к северу не далее г. Уфы. Здесь живут главным образом минцы и юрматынцы, частью кипчаки и бурзяне. За исключением крайнего востока, бассейна р. Сакмары, башкиры данной области на кочевки в настоящее время не выезжают и жи-

вут оседло. Соколиная охота у них также вывелась и только преследование верхом на лошадях зверей до сих пор широко практикуется в этом преимущественно лесо-степном крае. Здесь развито пасечное пчеловодство и табунное скотоводство, причем местами скот находится на подножном корму до половины зимы. Земледелием в этой области занимаются повсеместно, причем при молотьбе хлеб или топчут лошадьми, или обмолачивают цепами. Огородничеством занимаются мало, редки посевы овощей, чаще встречается картофель. В связи с табунным скотоводством летом приготовляют *кумыс*, запасы *курут* на зиму, повсеместно приготовляют также и медовую брагу. Кожаная посуда, которая в юго-западной области раньше встречалась повсеместно, теперь весьма редкое явление. Преобладает посуда деревянная, нередки изделия из лыка и мочала. Деревни в юго-западной области состоят главным образом из бревенчатых изб, с полом, расположенным не высоко от земли, покрытых преимущественно соломой. Вместе с тем довольно много встречается также и плетневых изб, чаще всего из ординарного плетня. Чувалов в жилищах здесь уже совсем нет. В прежнее время, когда башкиры этой области выезжали на кочевки, они пользовались, как летним жилищем, войлочными кибитками турецкого типа или лубковыми балаганами (на западных склонах Уральских гор). Помимо нагольных тулупов, которые и в настоящее время носят повсеместно, еще не так давно на юго-западе носили *якы-тун*, а *клоксын* изредка встречается еще поныне. Ворот сорочек чаще отложной. *Сарык* теперь уже не носят, их заменили *ката*; при полевых работах обычно носят лапти. Из женских украшений повсеместно носят коралловый головной убор *кашмау*, нагрудное украшение *сакал* на севере и *сильтяр* на юге. Вместе с тем, за последнее время широкое распространение получил в этой области женский татарский колпак и нагрудное украшение *ыырга*.

В юго-западной области можно выделить южную подобласть, расположенную к югу от г. Стерлитамака. В отличие от северной половины этой области, только на юге встречаются летние кочевки; при уборке хлеба его обмолачивают гарманом или телегой, совсем не пользуясь цепом; вместе с плетневыми избами встречаются саманные, и для отопле-

ния жилища пользуются чувалами. Татарский колпак сюда еще не проник, нет *ныргa*, но вместо него носят *дауэт*.

Северная область занимает значительное пространство к северу от широты г. Уфы и к западу от Уральского хребта. Она заселена главным образом кудейцами, танып-цами, айлинцами, кайлино-каршинцами, ельдят-цами, гарейцами, енейцами, байлярцами, илан-цами, булярцами, тазларцами, ирехтинцами и гайнинцами. В северной области все башкиры оседлы, и никто не выезжает на кочевки. Здесь нет ни соколиной охоты, ни преследования зверя на лошадях. Табунным скотоводством не занимаются, и скот не тебенюет. Пасечное пчеловодство распространено широко, причем нередко отдельные ульи привязываются в лесу на деревьях. Вместе с трехпольной встречается огневая система хозяйства; при уборке хлеб молотят исключительно цепами. Население занимается огородничеством, главным образом посадкой картофеля. Повсеместно приготовляют медовую брагу, но среди молочных продуктов *курут* и *кумыс* встречаются крайне редко. Кожаной посуды совсем нет, преобладает деревянная посуда, многочислены изделия из мочала и лыка. В то время, как в остальной Башкирии широко распространены тканые шерстяные ковры *(палас)*, в северной области изготовляются почти исключительно тряпичатые половики. Для одежды и других надобностей меха выделываются без употребления молочных продуктов. Все башкиры северной области живут в бревенчатых избах с полом, расположенным высоко от земли, причем в восточной половине области крыши кроются исключительно тесом, а в юго-западной преимущественно соломой. Плетневых, а тем более саманных, изб здесь нет; нет и чувалов. Отапливаются избы исключительно дровами. Нагольных тулупов северные башкиры не носят, их шубы покрыты материей. Нет ни *якы тун*, ни *клоксын*. Мужчины и женщины носят зато холщевые *сыба*. В отличие от других районов рубахи на севере шьются со стоячим воротом. *Сарык* здесь совсем нет, но лапти носят повсеместно. Из женских коралловых украшений только на востоке области встречаются *яга*, да и то крайне редко. *Кашмау* нигде не носят, но татарский колпак встречается повсеместно. Из нагрудных женских украшений наиболее распространены *хаситэ*

и *дауэт*, а на западе кроме того и *ныpга*. Живущие небольшими группами, вкрапленными в массе разноплеменного населения, башкиры северной области пошли гораздо далее других по пути разложения родового строя. Только сознание принадлежности к единой родовой группе, подкрепляемое правами владения землею, свидетельствует о былом укладе общественной жизни башкир. В семейном быту, в свадебных и других обычаях следы некогда крепкого родового строя почти изгладились. В мировоззрении и верованиях северных башкир, более чем у башкир других районов, мы имеем значительное количество элементов общих с соседними финнами.

В северной области по целому ряду признаков мы можем выделить северо-восточную подъобласть, расположенную к востоку от р. Уфы. В этой подъобласти крыши кроют исключительно тесом и драницей, изредка встречаются *кумыс* и *курут*. В пчеловодческом хозяйстве значительное место занимают борти. Здесь совершенно нет столь характерного для северо-западной подъобласти кафтана *(сыба)*, изредка встречается *клоксын*. Лапти носят только во время полевых работ. Из коралловых украшений встречается *яга* и нет *ныpга*.

Таковы в кратких чертах районные особенности быта башкир, поскольку мы можем судить о них по географическому распространению отдельных бытовых элементов. В какой же мере бытовые особенности коррелируют с особенностями физического типа башкир? Если сопоставим выводы, к которым мы пришли при изучении районных вариаций физического типа башкир с вариациями бытовыми, то не трудно будет заметить, что существует несомненная между ними связь. Правда, границы областей, выделенные по физическому типу не вполне совпадают с культурно-историческими, тем не менее и физическое смешение, и культурное взаимодействие башкир с соседними народностями шло, повидимому, рука об руку. Восточная область, выделенная нами на основании особенностей физического типа башкир, в общих чертах совпадает с восточной областью, намечающейся по культурно-бытовым признакам. Башкиры этой области во всех отношениях обнаруживают максимум общих

черт со своими, хотя бы отдаленными сородичами казак-киргизами. Соображения, касающиеся и физического типа, и культурного порядка, побуждают выделить из восточной области северо-восточный район или подъобласть.

Физико-географические причины, обусловливающие своеобразный хозяйственный быт башкир, побудили нас к выделению, на основании бытовых признаков, особой горной области. По физическому быту башкир, населяющих этот район, его трудно рассматривать, как особую область. Правда, на основании физических черт мы выделили особый западный горный район (C_2) в восточной области, куда вошли гирей-кипчаки, тамьян-тангаурцы, карагай-кипчаки и бурзяне, живущие по правобережью р. Белой, но инзер-катайцы, которые входят по бытовым особенностям в нашу горную область, по физическим признакам тяготеют к другой, северо-западной области.

Юго-западная область, определяющаяся физическим типом населяющих ее башкир, почти совпадает с нашей культурной юго-западной областью, причем, как на основании физических черт населения, так и по бытовым особенностям выделяется южный район или подъобласть.

Наконец, северо-западная область, характеризующаяся особым физическим типом башкир, за исключением нескольких мало существенных деталей, вполне совпадает с северо-западной бытовой областью. Как по физическому типу мы должны были выделить восточный район этой области, расположенной к востоку от р. Уфы, так и по бытовым особенностям населения мы выделяем восточный район этой области, существенно отличающийся от западного, более других связанного физическим и культурным родством с племенами Прикамья.

Совершенно очевидно, что в природе не существует тех резких граней между областями и районами, которые мы обозначаем на наших картах. Расовые и бытовые особенности в такой компактной, взаимно скрещивающейся и живущей единой культурной жизнью, среде, какой являются башкиры, от одного до другого центра переходят в известной последовательности и постепенности. Тем не менее наше грубое разделение на области и районы, полагаем, вполне реально и основано на точно установленных фактах.

Остается еще вопрос, в какой мере в связи с установленными нами областными подразделениями, варьируют диалектологические особенности языка башкир? Этот вопрос должны разрешить специалисты, но насколько позволяют судить наши диллетантские наблюдения, мы уверены, что примерно те же области, которые намечены нами на основании изучения особенностей физического типа и быта башкир, будут установлены и диалектологическими изысканиями.

Список работ, на которые сделаны ссылки в тексте.

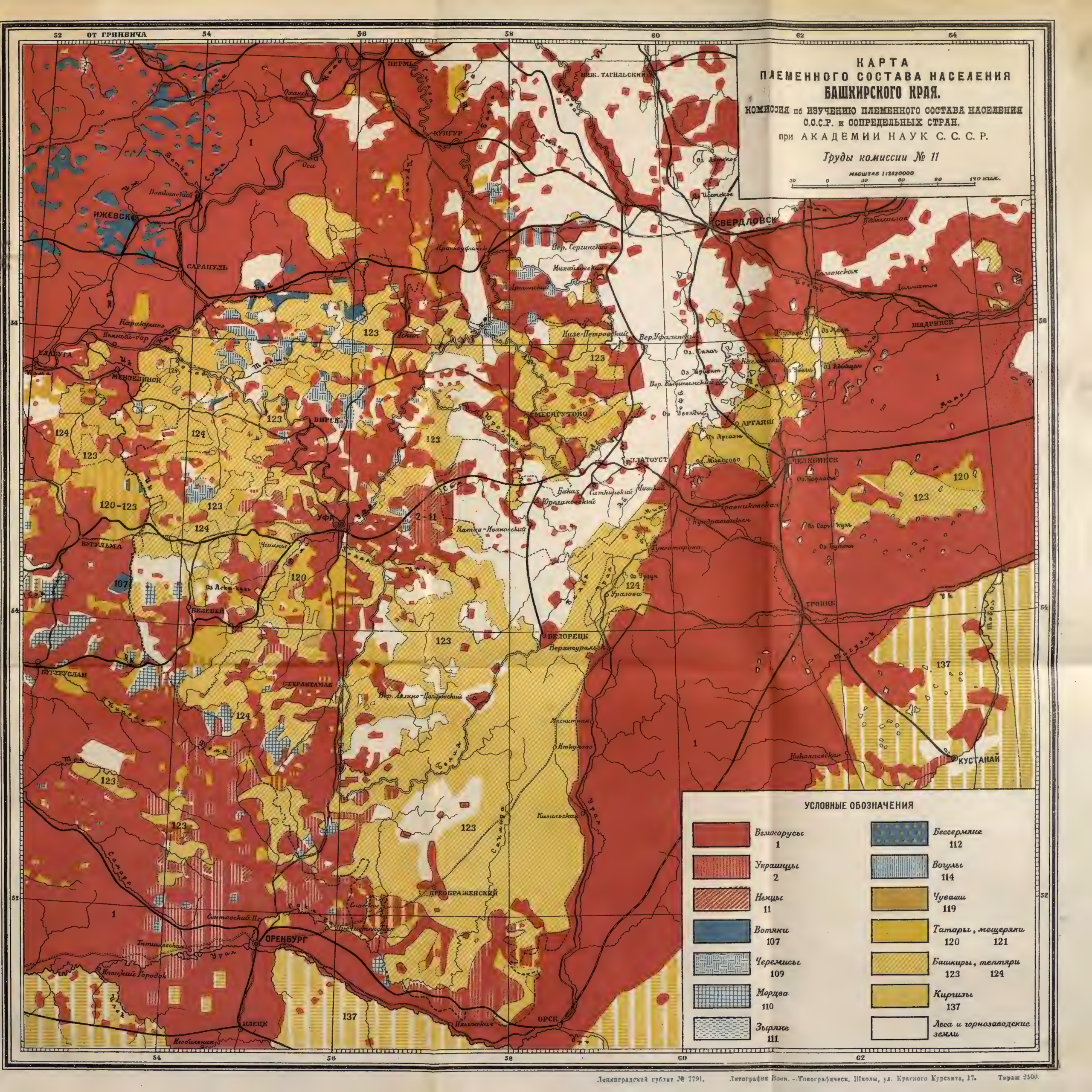
1. Ibn Fadlans und anderer Araber Bericht under die Russen. *Зап. Ак. Наук.* 8.
2. Плано-Карпини, И. де. История монгалов. Перевод Малеина. Спб. 1911.
3. Рубрук, В. де. Путешествие в восточные страны. Перевод Малеина Спб. 1911.
4. Книга большому чертежу или древняя карта Российского государства. Спб. 1838. Изд. Языкова.
5. Рычков, П. Топография Оренбургская, т.-е. обстоятельное описание Оренбургской губернии. Спб., 1762, ч. 1—2, изд. Ак. Наук.
6. Лепехин, И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1770 г. Спб., 1802, ч. 1—3, изд. Ак. Наук.
7. Паллас, П. С. Путешествие по разным провинциям Российского государства. Спб. 1773—1788, ч. 1—3, изд. Ак. Наук.
8. Falk. Beyträge zur topographischen Kenntniss des Russischen Reichs. S.-Petersburg, 1786, Band 3.
9. Георги, Г. Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Спб., 1799, ч. 2, изд. Ак. Наук.
10. Попов, Н. С. Хозяйственное описание Пермской губернии. 1813, ч. 1—3.
11. Черемшанский, В. М. Описание Оренбургской губернии в хозяйственном, статистическом и промышленном отношениях. Уфа, 1859.
12. Казанцев, И. Описание башкирцев. Спб., 1867.
13. Литуновский. Медико-топографическое описание Оренбургской губернии. 1878.
14. Уфимская губерния. Список населенных мест по сведениям 1870 г. 1877, 45. Изд. Центр. Стат. Ком. М. Вн. Дел.
15. Оренбургская губерния. Список населенных мест по сведениям 1866 г. 1871, 28. Изд. Центр. Стат. Ком. М. Вн. Дел.
16. Игнатович, А. Башкирская Бурзянская волость. *Орбг. Губ. Вед.*, 1862, 6—9, 12.
17. Арнольдов, В. А. Санитарно-бытовой очерк жизни башкир юго-восточной части Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. *Дневн. Общ. Врачей при Казанск. Унив.* 1894, 4.

18. Баишев, М. Деревня Зианчурина Орского уезда Оренбургской губернии. *Изв. Орбг. Отд. Р. Геогр. Общ.*, 1895, 7.
19. Бергхольц. Горные башкиры катайцы. *Этн. Обозр.*, 1893, 3.
20. Флоринский, В. М. Башкирия и башкиры. Путевые заметки. *Вест. Евр.*, Спб., 1874, 12.
21. Алекторов. Башкиры. Этнографический очерк. *Орбг. Листок*, 1885, 46—52, 1886, 1—2.
22. Назаров, П. С. К этнографии башкир. *Этн. Обозр.*, 1890, 1.
23. Никольский, Д. П. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. *Дис. Военн.-Мед. Акад.* Спб., 1899, № 68.
24. Юлуев, Б. Г. К этнографии башкир. *Этн. Обозр.*, 1892, 2—3.
25. Рыбаков, С. Этнографическая характеристика татар, башкир и тептярей. Песни уральских инородцев (башкир). *Отч. Геогр. Общ.* 1894.
26. Рыбаков, С. О народных песнях татар, башкир и тептярей. *Жив. Стар.*, 1894, 3—4.
27. Рыбаков, С. Курай — башкирский музыкальный инструмент. *Русск. Муз. Газета*, 1896, январь.
28. Соколов, Д. Н. О башкирских тамгах. *Трд. Орбг. Уч. Арх. Ком.*, 1904, 13.
29. Зеленин, Д. К. О левирате и некоторых других обычаях башкир Екатеринбургского уезда. *Этн. Обозр.*, 1908, 3.
30. Ратцель, Ф. Народоведение. Спб., 1900.
31. Рычков, П. И. О способах к умножению земледельства в Оренбургской губ. *Пам. Кн. Уфим. губ.*, 1873, 2.
32. Справочная книжка Оренбургской губернии. 1884.
33. Казанцев, И. Описание башкирцев. *Орбг. Губ. Вед.*, 1850, 10, 15, 20.
34. Небольсин. Заметки о башкирцах. *Отеч. Зап.*, 1850, 73.
35. Филоненко. Башкиры. *Вестн. Орбг. Учеб. Окр.*, Уфа, 1914.
36. Отчет экспедиции Оренбургского Отдела Географического общества для производства барометрической нивеллировки южной части Уральского хребта в 1898 г. *Изв. Орбг. Отд. Геогр. Общ.*, 1899.
37. Миллер, В. Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского Этнографического Музея. Москва, 1887, 1—4.
38. Левшин, А. Описание киргиз-казацких или киргиз-кайсацких орд и степей. Спб., 1832, 1—3.
39. Игнатьев, Р. Историко-административные сведения о башкирском народе, составленные по циркулярам графа Панина в 1775 году. *Пам. Кн. Уфим. губ.*, 1873, ч. 2.
40. Roudenko, S. Traditions et contes Bachkirs. *Revue des Trad. Popul.* Paris, 1908, 23. 1909, 24.
41. Потанин, Г. Дочь моря в степном эпосе. *Этн. Обозр.* 1892, 1.
42. Лоссиевский, М. В. Башкирская легенда о месяце. *Орбг. Листок*, 1876, 24 (Башкирское предание о луне. *Изв. Общ. Люб. Ест.* и *Антроп.*, 1876, 28).
43. Юлуев, Б. Г. Аждаха—змей. *Этн. Обозр.*, 1892.
44. Арнольдов, В. Случай сибирской язвы. Из практики среди башкир. *Зем. Врач*, 1890, 17.
45. Соколов, А. Условия происхождения и течения цинготной эпидемии в Мензелинском уезде в 1886—87 г.

46. Назаров, П. С. Предварительный отчет о поездке в Башкирию. *Дневн. Антроп. Отдела*, 1890, 1—2.
47. Sommier, St. Fra i Basckiri. *Arch. p. l'Antr. e Etn.*, Firenze, 1881, 11 (fas. 3).
48. Алимгулов, А. Башкирские мифологические рассказы. *Вестн. Орбг. Учеб. Окр.*, Уфа, 1915, 5.
49. Youferow, W. Etude ethnographique sur les Bachkirs. *Mém. Soc. Ethn.* Paris, 1880, 1.
50. Vambéry, H. Das Türkenvolk in seinen Ethnologischen und Ethnographischen Beziehungen. Leipzig, 1885.
51. Sommier, St. Note di Viaggio. *Arch. p. l'Antr. e Etn.*, Firenze, 1889, 19.
52. Ujfalvy de Mozö-Kövesd. Expédition scientifique française en Russie, en Sibérie et dans le Turkestan. Résultats anthropologiques d'un voyage en Asie Centrale. Paris, 1880.
53. Харузин, Н. История развития жилища у кочевых и полукочевых тюркских и монгольских народностей России. *Этн. Обозр.*, 1896, 1, 2—3.
54. Берг, М. И. Восемь татарских и башкирских песен. Казань, 1923.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.

БИБЛИОТЕКА КРАСНОЙ КАВАЛЕРИИ Инв. №



Ленинградский гублит № 7791. Литография Воен.-Топографическ. Школы, ул. Красного Курсанта, 17. Тираж 2500.

БИБЛИОТЕКА
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЗООЛОГИЧЕСКОГО МУЗЕЯ
Инв. №

КАРТА
РАСПРОСТРАНЕНИЯ БЫТОВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ У БАШКИР.

К работе С. И. Руденко — „БАШКИРЫ".

ЗАПИСКИ Р. ГЕОГРАФИЧЕСКОГО О-ВА, ПО ОТДЕЛЕНИЮ ЭТНОГРАФИИ, Т. XLI, вп. 2.

МАСШТАБ 1:2520000

30 0 30 60 90 120 КИЛ.

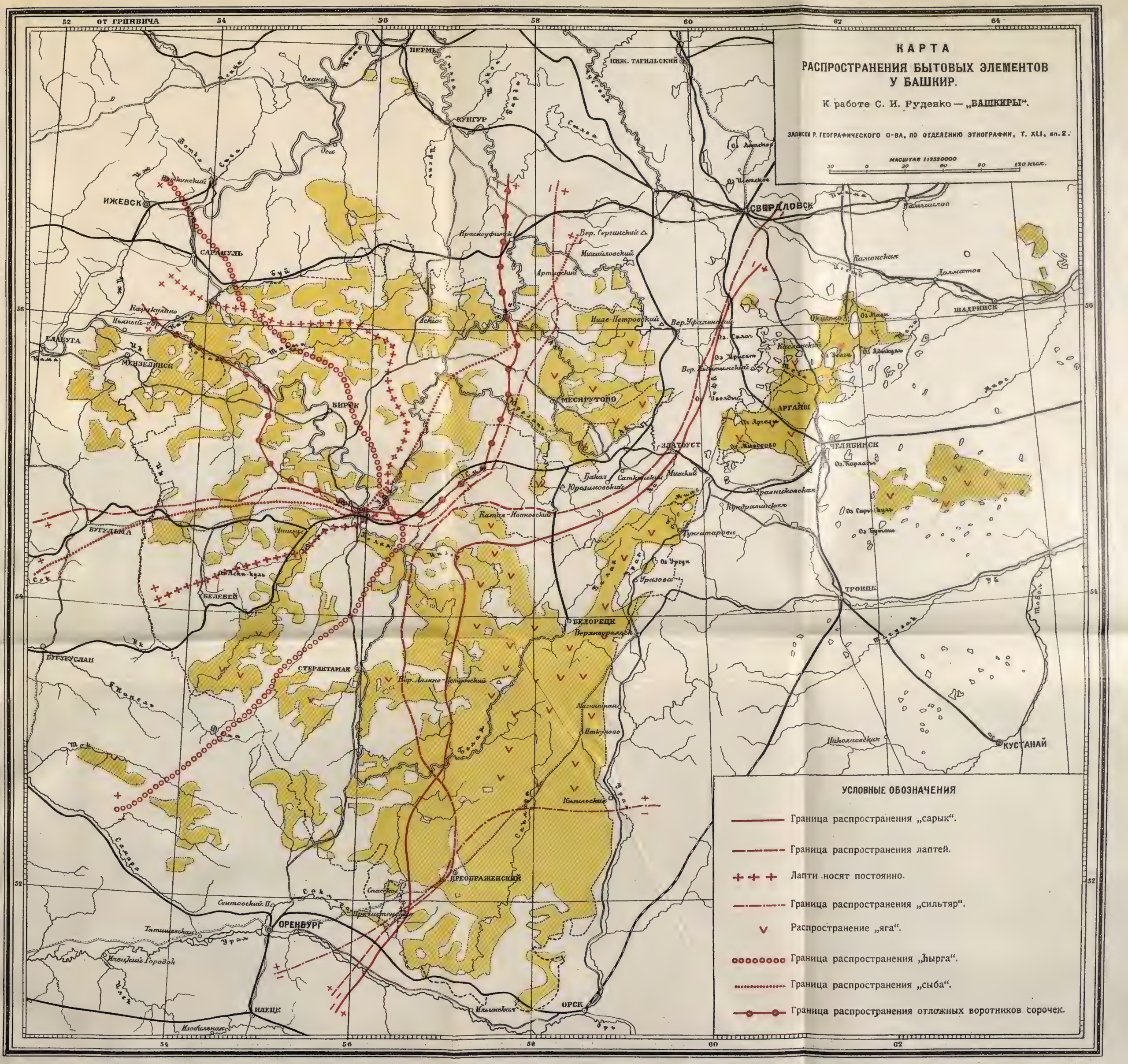
52 ОТ ГРИНВИЧА 54 56 58 60 62 64

ПЕРМЬ · НИЖ. ТАГИЛЬСКИЙ · КУНГУР · ИЖЕВСК · СВЕРДЛОВСК · САРАПУЛЬ · ЕЛАБУГА · МЕНЗЕЛИНСК · БИРСК · МЕСЯГУТОВО · АРГАЯШ · ЧЕЛЯБИНСК · УФА · БУГУЛЬМА · БЕЛЕБЕЙ · БЕЛОРЕЦК · БУГУРУСЛАН · СТЕРЛИТАМАК · ТРОИЦК · КУСТАНАЙ · ОРЕНБУРГ · ИЛЕЦК · ОРСК · ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ · ШАДРИНСК · ЗЛАТОУСТ · МАГНИТНАЯ · ИТКУЛОВО

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Граница распространения изб с полом высоко от земли.
- Граница распространения „ситан ый".
- Граница распространения „тэрма".
- V Граница распространения „тэрма" монгольского типа.
- × Распространение „бурама".
- Граница распространения „сувал".
- Граница распространения „курут", „кумыс" и кожаной посуды.
- Граница кочевьев.
- Граница распространения соколиной охоты.
- Граница тебеневок (Т) и пчеловодства (П).
- ○ Распространение бортей.

Ленинградский гублит № 7793. Литография Воен.-Топографическ. Школы, ул. Красного Курсанта 17. Тираж 1500.



Ленинградский гублит № 7792. Литография Воен.-Топографическ. Школы, ул. Красного Курсанта 17. Тираж 1500.

КАРТА
РАЗДЕЛЕНИЯ БАШКИР НА ОБЛАСТИ ПО БЫТОВЫМ ЭЛЕМЕНТАМ.

К работе С. И. Руденко — „БАШКИРЫ".

ЗАПИСКИ Р. ГЕОГРАФИЧЕСКОГО О-ВА, ПО ОТДЕЛЕНИЮ ЭТНОГРАФИИ, Т. XLI, вп. 2.

МАСШТАБ 1:2520000

30 0 30 60 90 120 КИЛ.

52 ОТ ГРИНВИЧА 54 56 58 60 62 64

ПЕРМЬ
НИЖ. ТАГИЛЬСКИЙ
КУНГУР
ИЖЕВСК
СВЕРДЛОВСК
САРАПУЛЬ
Вер. Гергинский
Михайловский
Красноуфимск
Артинский
Шадринск
Каменская
Далматов
Каракулино
Ильинский-сбор
ЕЛАБУГА
МЕНЗЕЛИНСК
Аскан
Вер. Уфимский
Шаг-Петровский
Оз. Силач
Оз. Ирсат
Вер. Кыштымский
Оз. Увелды
МЕСЯГУТОВО
АРГАЯШ
БИРСК
ЗЛАТОУСТ
ЧЕЛЯБИНСК
Оз. Карлаш
Оз. Сары-куль
Оз. Тургаш
УФА
Баках
Сяткинский
Миасский
Юрезиновский
Красногорская
Кундравинская
Катав-Ивановский
Чишмы
БУГУЛЬМА
Оз. Аскы-куль
БЕЛЕБЕЙ
Тукмаровка
Оз. Ургун
Уразова
БЕЛОРЕЦК
Верхнеуральск
ТРОИЦК
БУГУРУСЛАН
СТЕРЛИТАМАК
Вер. Лазнно-Петровский
Магнитная
Кутлугово
Николаевская
КУСТАНАЙ
Платовская
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ
Спасское
Сергиевский П.
ОРЕНБУРГ
Татищевская
Илецкий Городок
ИЛЕЦК
Илецкая
ОРСК

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Северная подъобласть
- Южная подъобласть
  } Восточная область.
- Горная область.
- Западная подъобласть
- Восточная подъобласть
  } Северо-западная область.
- Северная подъобласть
- Южная подъобласть
  } Юго-западная область.

Ленинградский гублит № 7794. Литография Воен.-Топографическ. Школы, ул. Красного Курсанта, 17. Тираж 1500.

10990